

УДК 94(47)"1941/44"

ББК 63.3(2)622

С24

*Публикация подготовлена в рамках программы Центра фундаментальных исследований Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»*

Publication of this volume has been made possible, in part, through support from the Fund for Study of the Holocaust in the USSR, Center for Advanced Holocaust Studies, United States Holocaust Memorial Museum

*Фотография на обложке: В оккупированном русском селе. 1941 год.
Фото немецкого военнослужащего. Российский государственный архив кинофотодокументов (РГАКФД), г. Красноярск*

С24 «Свершилось. Пришли немцы!» Идеиный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны / сост. и отв. ред. О.В. Будницкий; авторы вступ. статьи и примеч. О.В. Будницкий, Г.С. Зеленина. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. — 325 с. — (История коллаборационизма).

ISBN 978-5-8243-1704-6

В книгу включены «Дневник коллаборантки» Л.Т. Осиповой и воспоминания В.Д. Самарина, идейных коллаборационистов, для которых сотрудничество с оккупантами в период Великой Отечественной войны было сознательным выбором. Публикуемые тексты являются ценным источником по истории и психологии коллаборационизма, истории нацистской оккупационной политики и повседневной жизни в оккупации. Это также источник по истории советского общества: в экстремальных условиях войны особенности этого общества, ценностные ориентиры и поведенческие стереотипы людей, сформировавшихся при советской власти или вынужденных на протяжении почти четверти века приспосабливаться к советскому образу жизни, проявились особенно ярко. Публикация предваряется вступительной статьей, в которой анализируется феномен идейного коллаборационизма в СССР в период Великой Отечественной войны.

УДК 94(47)"1941/44"

ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-8243-1704-6

- © Будницкий О.В., составление, вступительная статья, примечания, 2012
- © Зеленина Г.С., вступительная статья, примечания, 2012
- © Российская политическая энциклопедия, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

<i>О.В. Будницкий, Г.С. Зеленина. Идеиный коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны</i>	4
<i>Л. Осипова. Дневник коллаборантки</i>	63
I. Царское село (Пушкин)	65
II. Павловск (Слуцк)	132
III. Тосно, Гатчина, Рига	160
<i>Примечания</i>	176
<i>Вл. Самарин. Советская школа в 1936–1942 гг.</i>	189
1. Школа и ее учащиеся до 1936 г.	192
2. Школа и ее учащиеся после 1935 г.	197
3. Подготовка учителей школы	206
4. Учитель в школе	212
5. Школа во время Второй мировой войны	221
<i>Примечания</i>	223
<i>Вл. Самарин. Гражданская жизнь под немецкой оккупацией, 1942–1944</i>	227
Вместо введения	229
Накануне войны	229
Война началась	232
Немцы идут!	237
В советском плену	243
Немцы пришли	252
«Освобожденная земля»	261
Местные самоуправления	275
Пропаганда, печать	283
Добровольцы и РОА	290
Б.В. Каминский	297
НТС	300
На Запад	303
<i>Примечания</i>	304
Указатель имен	320

О.В. Будницкий, Г.С. Зеленина

Идейный коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны

Безобидное французское слово «collaboration» — сотрудничество — с нелегкой руки маршала Филиппа Петена в годы Второй мировой войны приобрело негативные коннотации, ибо стало означать сотрудничество с врагом. Со временем в обиход вошел специальный термин, производный от collaboration — коллаборационизм, означавший исключительно сотрудничество жителей оккупированных территорий с оккупантами. В научной литературе выделяются различные формы коллаборационизма: от военно-политического до бытового. Коллаборационизм был общеевропейским явлением: с нацистами по разным мотивам и в разной степени сотрудничали миллионы людей, в том числе миллионы граждан Советского Союза. Это было не удивительно: на оккупированной территории оказалось около 70 миллионов человек. Разумеется, сотрудничество происходило в разной степени и в разных формах: служба в полиции, в административных органах, созданных оккупантами, в вооруженных формированиях Германии, работа на предприятиях, производивших продукцию для нацистов и т.д.

Коллаборационизму посвящена обширная литература¹; немало написано (преимущественно за последние 20 лет) и о коллабора-

---

¹ См., напр.: *Lloyd C. Collaboration and Resistance in Occupied France: Representing Treason and Sacrifice*. New York, 2003; *Conway M. Collaboration in Belgium: Leon Degrelle and the Rexist Movement, 1940–1944*. New Haven, 1993; *Hirschfeld G., Marsh P.*, eds. *Collaboration in France: Politics and Culture during the Nazi Occupation, 1940–1944*. Oxford; N.Y., 1989; *Bennett R. Under the Shadow of the Swastika: The Moral Dilemmas of Resistance and Collaboration in Hitler's Europe*. New York, 1999; *Hirschfeld G. Nazi Rule and Dutch Collaboration: The Netherlands under German Occupation, 1940–45*. Oxford, 1988; *Gross J.T. Polish Society under German Occupation: Generalgouvernement, 1939–44*. Princeton, 1979; *The Politics of Retribution in Europe: World*

ционизме в СССР. Не вдаваясь в детальный историографический анализ, заметим, что отечественная литература о коллаборационизме изрядно политизирована, исследователи (что вполне объяснимо) далеки от того, чтобы писать «без гнева и пристрастия». В литературе можно встретить и апологию «освободительного движения», как квалифицируют некоторые авторы власовское движение, и некритический пересказ документов НКВД, сотрудники которого преследовали иные, нежели исторический анализ, цели².

War II and Its Aftermath / ed. by I. Deák, J. T. Gross, T. Judt. Princeton, 2000; и др. Впечатляющую попытку создать историю коллаборационизма в Европе, включая Советский Союз, предпринял российский историк М.И. Семиряга. См.: *Семиряга М.И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000.

² См.: *Крицько Е.Ф.* Коллаборационизм в СССР в годы Великой Отечественной войны и его изучение в российской историографии // Вопросы истории. 2004. № 11. С. 153–164. Не ставя своей целью в рамках настоящей статьи подробный анализ историографии, заметим, что значительная часть работ по истории коллаборационизма в СССР, написанная зарубежными авторами, посвящена генералу А.А. Власову и возглавляемому им «Русскому освободительному движению». Среди этих работ выделяется, на наш взгляд, широтой привлеченных источников и относительной сбалансированностью исследование: *Andreyev C.* Vlasov and the Russian Liberation Movement: Soviet Reality and Emigré Theories (Cambridge, Eng., 1987). Образец крайней политизированности — апологетическая книга Йоахима Хоффмана о власовском движении: *Hoffmann J.* Die Geschichte der Wlassow-Armee (Freiburg im Breisgau, 1984; рус. пер.: История власовской армии. [Paris, 1990]). Тонкий анализ различных видов коллаборационизма на Украине в период оккупации содержится в монографиях Хироаки Куромиа (*Kuromiya H.* Freedom and Terror in the Donbas: A Ukrainian-Russian Borderland, 1870s–1990s. New York, 1998), Амира Вайнера (*Weiner A.* Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution. Princeton, 2001) и Капела Беркхоффа (*Berkhoff K.* Harvest of Despair: Life and Death in Ukraine under Nazi Rule. Cambridge, Mass.; London, 2004). Все большее внимание исследователей привлекают такие сюжеты, как соучастие коллаборационистов в нацистских преступлениях во время Холокоста: *Dean M.* Collaboration in the Holocaust: Crimes of the Local Police in Belorussia and Ukraine, 1941–44. New York, 2000; *Himka J.-P.* Obstacles to the Integration of the Holocaust into Post-Communist East European Historical Narrative // Canadian Slavonic Papers. Vol. 50. No. 3–4 (Sept.–Dec. 2008). P. 359–372. О «повседневном» коллаборационизме, судебном и внесудебном преследованиях коллаборационистов в военные и послевоенные годы см.: *Jones J.W.* “Every Family Has Its Freak”: Perceptions of Collaboration in Occupied Soviet Russia, 1943–1948 // Slavic Review. Vol. 64. No. 4 (Winter 2005). P. 747–770; *Penter T.* Collaboration on Trial: New Source Material on Soviet Postwar Trials against Collaborators // Slavic Review. 2005. Vol. 64. No. 4 (Winter). P. 782–790; и др.

Нетрудно заметить, что на сотрудничество с оккупантами и в странах Европы, и в СССР люди шли в основном в силу сложившихся обстоятельств. Так, трудно вообразить, что герой Вердена маршал Петен ждал прихода гитлеровцев для реализации своих амбиций: так уж случилось, что он возглавил правительство Франции после разгрома ее армии, а его попытки спасти страну вылились в предательство ее интересов. Благополучный советский генерал Власов вполне мог закончить войну столь же славно, как он ее начал, не попади он в плен. Ничто не указывает на то, что он собирался «освободить» Россию до пленения и выбора: остаться одним из узников немецкого лагеря для военнопленных или начать политическую карьеру — карьеру коллаборациониста.

Миллионы людей, оказавшихся на оккупированной территории, должны были как-то добывать средства к существованию. На практике это означало, что они работали на предприятиях, продукция которых полностью или частично шла на нужды Германии и ее союзников, не говоря уже о крестьянах, плоды трудов которых в значительной степени доставались оккупантам. Это были коллаборационисты — еще раз — в силу сложившихся обстоятельств; собственно, мы используем этот термин в данном случае за отсутствием какого-либо другого, адекватно определяющего положение людей наемного труда в зоне оккупации³. Среди продолжавших трудиться на своих рабочих местах были не только рядовые служащие, но и администраторы, не сумевшие или не захотевшие эвакуироваться. Оккупанты далеко не всегда стремились сменить управленческий аппарат, да и где было взять опытных администраторов? Так, в Ростове-на-Дону остались на своих местах директора табачной фабрики и зоопарка⁴; любопытно, что они не сделали впоследствии попытки уйти вместе с отступающими немецкими войсками, видимо, полагая, что они не совершили ничего преступного.

---

³ Карел Беркхофф отказался от использования термина «коллаборационизм» в своей монографии об Украине в период нацистской оккупации, поскольку само его употребление предполагает обвинение в предательстве. Это препятствует достижению главной цели историка — полному пониманию. Морализаторство не должно служить препятствием пониманию, полагает Беркхофф, подчеркивая в то же время, что у историка, конечно, есть собственные нравственные принципы. Важнейшим этическим принципом историка, его «первой заповедью» является использование в его работе всей достоверной информации, относящейся к предмету исследования (*Berkhoff K. Harvest of Despair. P. 4–5*). Эти принципы, не слишком оригинальные и бесспорные для любого профессионального историка, в случае с изучением коллаборационизма соблюсти нелегко.

⁴ *Jones J. W. "Every Family Has Its Freak"... P. 753.*

В Советском Союзе накануне войны было немало людей, мечтавших о гибели советской власти; некоторые из них ради этого были готовы пойти на сотрудничество с любой внешней силой, способной эту власть уничтожить. В литературе уже высказывалась мысль о том, что корни коллаборационизма, наряду с обстоятельствами военного времени, следует искать в истории советского общества 1920–1930-х гг., в политике советской власти⁵. Модернизация по-сталински привела к созданию тяжелой промышленности и колхозного строя, и к гибели миллионов людей; потери населения в результате голода начала 1930-х гг. были сопоставимы с общим числом погибших в годы Первой мировой войны во всех странах-участницах вместе взятых. Объективные — демографические — результаты этой политики к началу 1940-х гг. выглядели следующим образом: в конце 1930-х гг. половина всех умерших относилась к самодеятельному населению в возрасте от 16 до 49 лет, причем доля умерших в возрасте от 16 до 29 лет составляла 20 % от умерших всех возрастов. В 1940 г. ожидаемая продолжительность жизни в СССР составляла у мужчин 38,6 года, у женщин — 43,9. В РСФСР картина была еще более удручающей: ожидаемая продолжительность жизни мужчин составляла 35,7 года, женщин — 41,9⁶.

К тому же в конце 1930-х гг. власть развернула мощную антирелигиозную кампанию, точнее, приступила к массовой ликвидации религиозных объединений и репрессиям священнослужителей. Это была реакция на результаты переписи 1937 г., согласно которым большая часть населения страны, несмотря на интенсивную атеистическую пропаганду, оказалась верующей и не скрывала этого, откровенно отвечая на вопросы переписчиков. Если в 1936 г. в СССР еще действовало 20 тыс. церквей и мечетей, то в начале 1941 г. их оставалось менее тысячи. В 1936 г. в СССР насчитывалось свыше 24 тыс. «служителей культа»; в начале 1941 г. их число составило 5665, причем более половины из них было зарегистрировано на территории присоединенных к СССР в 1939–1940 гг. Западной Украины и Западной Белоруссии, прибалтийских государств, Бессарабии и Северной Буковины⁷.

По-видимому, антисоветские настроения, вплоть до надежд на внешнее вмешательство, которое покончит с безбожной властью

---

⁵ Семиряга М.И. Указ. соч. С. 87–102; Сахаров А.Н., Жиромская В.Б. Облик народа к началу Великой Отечественной войны // Народ и война: Очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2010. С. 26–47.

⁶ Сахаров А.Н., Жиромская В.Б. Указ. соч. С. 32–33.

⁷ Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии: пер. с франц. / С. Куртуа и др. М., 1999. — Цит. по: URL: http://www.goldentime.ru/nbk_10.htm

(один из характерных слухов в связи с коллективизацией гласил, что дети колхозников будут отмечены печатью Сатаны), наиболее широко были распространены среди крестьян. Самым упорным «на протяжении всех 30-х гг. ... был слух о том, что скоро будет война, иностранные армии вторгнутся в Россию, и колхозы будут отменены»⁸.

Внутренняя эмиграция

Несмотря на массовые репрессии, чистки, жесткий идеологический контроль, советской власти не удалось выявить всех своих противников. Это было невозможно, отчасти потому, что большинство врагов власти никак себя не проявляли, понимая безнадежность борьбы с ней, мимикрировали, пытались приспособиться к существовавшим в сталинском СССР «правилам игры»; другой причиной было то, что сама власть своей политикой способствовала появлению новых противников в среде молодого поколения. В СССР существовал слой людей, не принимавших советского режима, его идеологии, обычаев, мечтавших о его крахе. Это была внутренняя эмиграция. Термин «внутренняя эмиграция» вошел в обиход в 1922 г., после публикации в литературном приложении к берлинской сменовеховской газете «Накануне» частного письма К.И. Чуковского к А.Н. Толстому. Не кто иной, как автор «Мойдодыра», обвинил своих товарищей-литераторов, обитателей петроградского Дома искусств, во «внутренней эмигрантщине». Термин прижился, был подхвачен «Правдой»⁹.

Это явление, конечно, выходило за пределы узкого круга петроградских литераторов. Апология позиции «внутренних эмигрантов», равно как развернутое определение и подробное описание явления внутренней эмиграции, была дана в статье «внутреннего эмигранта», ставшего после окончания войны эмигрантом настоящим, Н.И. Осипова. Статья так и называлась: «Внутренняя эмиграция в СССР»¹⁰. В ней, в частности, говорилось:

---

⁸ *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001. С. 13. Заметим, что в русском издании монографии почему-то дан другой подзаголовок. В оригинале — «Спротивление и выживание в российской деревне после коллективизации» (Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization). О крестьянском сопротивлении см. также: *Виола Л.* Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М., 2010.

⁹ См. подробнее: *Кукушкина Т.* О публикации письма К. Чуковского А. Толстому в газете «Накануне» // Memento vivere. СПб., 2009. С. 393–414.

¹⁰ *Осипов Н.* Внутренняя эмиграция в СССР // Грани. 1949. № 5. Термин нередко употреблялся на страницах эмигрантской печати; так, в редакционной вводке к публикации части «Дневника коллаборантки» в тех же «Гра-

Внутренняя эмиграция — это самое решительное неприятие советской власти, самое решительное отрицание ее теоретических основ, обычно ничем не обнаруживаемое. Это понятно: малейшее проявление протеста повело бы к немедленной ликвидации протестанта; внутренняя эмиграция существует постольку, поскольку она себя не обнаруживает. Обычно внутренний эмигрант считает всякую борьбу с советской властью безнадежной и бесполезной. Единственной формой обнаружения своих настроений является самоубийство¹¹.

Осипов отвергал возможные обвинения «внутренних эмигрантов» в трусости и аполитичности: «Это люди мужественные, нередко с ярко выраженным политическим темпераментом и всегда с непреклонными политическими и нравственными убеждениями»¹². Они «непримиримо отрицают и глубоко презирают» советский режим, прекрасно разбираются в его особенностях, делают «блестящие прогнозы» о шагах советского руководства. «Такое глубокое понимание сущности советской власти в России находит место только среди внутренних эмигрантов»¹³. Внутренние эмигранты составляют подпольную русскую культурную элиту: «Внутренняя эмиграция — замечательное явление русской культуры. Оно подспудно, как и многое другое в Советской России. <...> Внутренняя эмиграция — это культурные катакомбы»¹⁴.

Осипов подчеркивал, что речь идет вовсе не о «подпольной анти-советской организации», а о многочисленной группе лиц из разных слоев общества (от генералитета Красной армии до пролетариев и крестьян-сектантов), существующей совершенно разрозненно — семьями или маленькими кружками. Портрет «среднего» внутреннего эмигранта, который рисует Осипов, психологически понятен, целостен и последователен, вероятно, во многом автобиографичен:

Первая задача внутреннего эмигранта — это охранение своего внутреннего мира от искажающего воздействия большевистской стихии. Задача эта решается по-разному. Одни отгораживаются от этой стихии начисто. Нигде не служат, перебиваются кустарничеством <...> Не берут в руки газет. Не ходят в театры, чтобы не соприкоснуться с советской драматургией; разве на Чехова раз в год. Стараются не встречаться с людьми. Живут робинзонами в огромном городе. Другие вынуждены служить. Они

нях» говорится, что наиболее ценное содержание «Дневника» — «непосредственные переживания непримиримых к режиму подсоветских людей из так называемой внутренней эмиграции» (Грани. 1954. № 21. С. 92).

¹¹ Осипов Н. Указ. соч. С. 80.

¹² Там же. С. 81.

¹³ Там же. С. 84.

¹⁴ Там же. С. 81.

стараясь выбрать службу, как можно более далекую от «актуальных задач» советской власти: пристраиваются куда-нибудь в музей или архив. <...> Или берут такую работу, которая не требует никакого энтузиазма, а только выполнения принятых на себя обязательств. Например, в 20-х годах существовала такая должность вычитчика; на эту работу устремились многие внутренние эмигранты. <...> Когда в университетах понадобилась латынь, пошли в преподаватели латинского языка.

Но, разумеется, только меньшинство внутренней эмиграции находило себе относительно аполитичную работу... Большинству приходилось брать обычную советскую работу... Для большинства внутренней эмиграции основным правилом было самым резким образом выраженное раздвоение жизни, жизнь в двух различных мирах, не имеющих никаких точек соприкосновения, это — служба и жизнь за пределами службы. На службе надлежало быть исполнительным и по возможности незаметным работником... Носить маску серого, незначительного, не вызывающего интереса человека. <...>¹⁵

Учитывая, что, согласно самому Осипову, внутренняя эмиграция — вещь в себе, никак себя не манифестирует и никакой активной коммуникации не предполагает, ее характеристики кажутся неверифицируемыми и опираются как будто только на личный опыт автора. Однако же эго-документы, увидевшие свет отчасти в эмиграции, отчасти ставшие доступными историкам в постсоветскую эпоху, в период архивной революции и «революции памяти», ознаменовавшейся среди прочего публикацией некоторых весьма информативных дневников, показывают, что «реконструкция», произведенная Осиповым, отражала настроения и модели поведения, свойственные некоторым людям 1920-х и особенно 1930-х гг.

Подтверждение тезиса, что «раздвоение жизни» было достаточно распространенным явлением, находим в дневнике М.М. Пришвина. Уже после начала войны он записывает:

Речь Сталина (3 июля 1941 г. — *О.Б.*) вызвала большой подъем патриотизма, но сказать, действительный ли это патриотизм или тончайшая подделка его, по совести не могу, хочу, но не могу. Причина этому — утрата общественной искренности в советское время, вследствие чего полный разлад личного и общественного сознания.

Бывало, скажут: «копни человека...», но теперь его ничем не прокопнешь: загадочный двойной человек. Но, может быть, так это и надо?¹⁶

«Двойную жизнь» вела, к примеру, Любовь Шапорина, художница и режиссер театра марионеток, испытывавшая отвращение к

---

¹⁵ *Осипов Н.* Указ. соч. С. 81–83, 87.

¹⁶ *Пришвин М.М.* Дневники, 1940–1941. М., 2012. С. 503.

советской действительности и поверявшая свои мысли дневнику и немногим друзьям.

11 марта 1938 г. она записывает под впечатлением от очередного показательного процесса и происходивших каждую ночь арестов, в том числе ее коллег и знакомых: «Морлоки... Уж никаких статей теперь не говорят, чего стесняться в своем испоганенном отечестве. ... жить среди этого непереносимо. Словно ходишь около бойни и воздух насыщен запахом крови и падали»¹⁷.

19 февраля 1939 г. Шапорина пишет:

Кругом умирают, бесконечно болеют, у меня впечатление, что вся страна устала до изнеможения, до смерти и не может бороться с болезнями. Лучше умереть, чем жить в постоянном страхе, в бесконечном убожестве, впроголодь... Очереди, очереди за всем. Тупые лица, входят в магазин, выходят ни с чем, ссорятся в очередях¹⁸.

Подписание пакта Молотова–Риббентропа было воспринято ею как капитуляция перед Германией, перед Гитлером, как «второе издание» Брестского мира: «Русский народ лежит на обеих лопатках, и “лежит на нем камень тяжелый, чтоб встать он из гроба не мог”. Лежит, кто пьяный, кто трезвый, но запуганный до потери человеческого облика»¹⁹. Запуганный не внешним противником — собственной властью.

Рабство, германское иго — так я предпочитаю, чтобы оно было открытым, — пишет в раздражении Шапорина. — Пусть на каждом углу стоит немецкий шлицман с резиновой дубинкой в руках и бьет направо и налево русских хамов, пьяниц и подхалимов. Может, тогда они поймут, где раки зимуют²⁰.

Антисоветские настроения Шапориной можно было бы объяснить тем, что она из «бывших»: дворянка, выпускница Екатеринбургского института, пожившая во Франции и в Италии, помнившая прошлую жизнь. В 1917-м ей исполнилось 38 лет.

Однако не меньший накал антисоветских настроений можно обнаружить и у людей другого поколения, выросших при советской власти и испытывавших к ней что угодно, кроме благодарности.

Аркадию Манькову в 1917-м исполнилось четыре года. Он вырос при советской власти, поначалу записи, которые он вел, будучи учеником 5-го и 6-го классов, по собственным словам Манькова, были пол-

---

¹⁷ Шапорина Л.В. Дневник. М., 2011. Т. 1. С. 221.

¹⁸ Там же. С. 231.

¹⁹ Там же. С. 237. Запись от 24 августа 1939 г.

²⁰ Там же. С. 239. Запись от 24 августа 1939 г.

ны «наивного восторга жизни, восхваления Октябрьской революции, В.И. Ленина и Майских праздников»²¹. Однако в начале 1930-х гг. его настроения меняются на прямо противоположные. В 1931–1934 гг. он работал статистиком на заводе «Красный треугольник» в Ленинграде, зарабатывал «рабочий стаж», необходимый для поступления в высшее учебное заведение, в 1932–1935 гг. одновременно учился на вечерних курсах библиографов при Публичной библиотеке; после недолгой службы библиографом поступил на исторический факультет Ленинградского университета.

Дневник Манькова — это хроника выживания некогда благополучной семьи адвоката²², хроника жизни в нищете, безденежья, постоянного недоедания: «Изо дня в день шпарим щи, гнилую свежую (как ни странно сочетание!) капусту, огурцы». Если же «хочешь, субчик, мяса, — иронизирует над самим собой Маньков, — пососи собственный палец. Он тоже из мяса!»²³

В сущности, трудно даже передать простыми словами меру нашего нищенства. Сундук пуст. Все в закладе. У матери на руках с десяток ломбардных квитанций на сумму в 125 руб. В ломбарде лежит: мамино пальто — старинное, на меху лисы, три куса разной материи, в том числе сукно, енотовый воротник, отцовский жилет и прочее, тому подобное²⁴.

По отношению к советской власти Маньков настроен резко критически и никаких иллюзий в ее отношении не строит. Если бы его записи попали в руки НКВД, то в данном случае заключение о враждебности к советской власти было бы совершенно справедливым. Любопытно, что 20-летний статистик пытается осмыслить происходящее на теоретическом уровне, оперируя наиболее ему известными (скорее всего, единственными известными ему) марксистскими категориями:

---

²¹ Маньков А.Г. Дневники 30-х годов. СПб., 2001. С. 9.

²² Родители Манькова вовсе не настраивали своих детей негативно по отношению к советской власти, придерживались «нейтралитета» по отношению к ее мероприятиям и никак от нее напрямую не пострадали. Его отец был практикующим адвокатом (защитником, по тогдашней советской терминологии). В период сплошной коллективизации к Манькову-старшему неоднократно обращались раскулаченные крестьяне. По воспоминаниям А.Г. Манькова, «неизменно проигрывая эти дела, отец видел беззаконие и произвол, лежащие в их основе, и не выдержал. Помню, как однажды он сказал нам, детям: “Все, что сейчас происходит, выше моего понимания. Я более не в состоянии работать”» (Маньков А.Г. Указ. соч. С. 10). Бывший адвокат стал работать счетоводом.

²³ Там же. С. 158. Запись от 12 августа 1934 г.

²⁴ Там же. С. 176. Запись от 10 ноября 1934 г.

Если взглянуть на историю возникновения капитализма, то так называемое первоначальное накопление капитала отдает потом и кровью десятков миллионов людей. А у нас разве не одно и то же? Буквально физическое уничтожение целых слоев населения, насильственная экспроприация мелких собственников, насильственное объединение их в коллективы. Нищета. Голод²⁵.

16 октября 1934 г. Маньков записывает по поводу опубликованного «на днях» в газетах сообщения о разоблачении контрреволюционной организации, состоявшей из инженеров и служащих, которые вели агитацию и распространяли листовки: «Значит, совесть еще не у всех куплена. Трое расстреляны. ... помянем их добрым словом. Увечием в сердцах наших их память»²⁶.

Он отчетливо сознает, что является врагом власти, хотя и совершенно пассивным. Четыре года спустя Маньков, уже студент исторического факультета Ленинградского университета, записывает в связи с арестом нескольких студентов, в том числе его однокурсника, «активиста до мозга костей»:

У всех тяжелое состояние растерянности и недоумения. Впрочем, начинаешь привыкать к этому и уже как-то перестаешь связывать подобно рода эксцессы с возможностью своего провала.

Впрочем, что у меня за душой? Пока только дневники²⁷.

Обратим внимание, во-первых, на характерное «пока», Маньков как будто не исключает более активной вовлеченности в противодействие властям, во-вторых, на то, что он отчетливо сознает антисоветскую сущность своих дневников, но продолжает их вести, несмотря на аресты вокруг; для него это акт сопротивления, хотя и пассивного.

Получив мобилизационное предписание, пока что на военные сборы, Маньков записывает: «Воевать мне не хочется. Да и не знаю, во имя чего»²⁸.

Два года спустя накал его антисоветских настроений, скорее, вырос, нежели снизился. В связи с сообщением о введении платного образования в старших классах средней школы и в вузах Маньков записывает:

Самое мерзкое, самое подлое то, что устроили из этого сюрприз. Молодые люди держали экзамены, связывали с этим определенные надежды, наконец, проучились месяц, и вдруг... Это показывает, как наши правители мало считаются с народом, как плюют ему в лицо, бьют его по затылку, пинают под задницу²⁹.

---

²⁵ Маньков А.Г. Указ. соч. С. 16–17. Запись от 30 марта 1933 г.

²⁶ Там же. С. 171.

²⁷ Там же. С. 197. Запись от 10 октября 1938 г.

²⁸ Там же. С. 191. Запись от 28 сентября 1938 г.

²⁹ Там же. С. 279. Запись от 4 октября 1940 г.

Маньков не строит иллюзий относительно внешней политики СССР. По поводу «добровольного присоединения» Эстонии к Советскому Союзу он замечает: «Народ живет в достатке, покойно и тихо. Спрашивается, почему вмешались мы со своим освобождением? Не для того ли, чтобы освободить их от житья в достатке, покое и тишине и принести свое убожество, нищету и озлобленность?»³⁰

24 октября 1940 г. очередная запись об окружающей нищете:

Народ обнищал. Даже очереди в скупочные магазины. Как трудно встретить чистое, искреннее и живое движение души в этих сумерках, где кроме разговора о нужде, деньгах, работе, болезнях, масле и сахаре нет ничего. Все спрятались. Замкнулись. Боятся. Отупели. Обескуражены³¹.

26 октября 1940 г. Маньков делает выписки из «Записок» С.М. Соловьева, в том числе: «...мы были убеждены, что только бедствие и именно несчастная война могла произвести спасительный переворот, остановить дальнейшее гниение»³².

В данном случае выписки Маньковым, ставшим уже аспирантом, делались вовсе не в научных целях, они вплетены в политический контекст и свидетельствуют о пораженческих настроениях молодого историка. Или, во всяком случае, размышлениях о благодетельных последствиях поражения в будущей войне для страны, подобно тому, как это случилось после неудачной Крымской войны. В том, что война не за горами, мало кто сомневался.

В.Д. Соколов-Самарин вспоминал о том, что двое преподавателей техникума, в котором он тогда работал (дело было в Воронежской области), «понимающими улыбками» встретили вырвавшееся у него восклицание в отношении секретаря райкома партии, грубо разговаривавшего со стариком-преподавателем: «Лет через пять мы с ними посчитаемся!» По контексту разговора все понимали, что речь шла о будущей войне. Один из коллег Самарина добавил: «Раньше!» Война началась через год³³.

Антисоветские настроения были свойственны, подчеркнем еще раз, людям разного возраста (хотя молодым в меньшей степени), разного социального положения, разной «успешности». Корни этих настроений были различными и далеко не всегда «объективными» (как, скажем, в случае людей, пострадавших от репрессий), не всегда поддавались логическому объяснению. Псковитянка Вера Пирожкова родилась при советской власти, в 1921 г.; положение ее семьи

---

³⁰ Маньков А.Г. Указ. соч. С. 280. Запись от 5 октября 1940 г.

³¹ Там же. С. 282–283. Запись от 24 октября 1940 г.

³² Там же. С. 283. Запись от 26 октября 1940 г.

³³ Самарин В.Д. Советская школа в 1936–1942 гг. С. 220 наст. изд.

было сравнительно благополучным: отец — доцент местного пединститута, и.о. заведующего кафедрой математики, в 1939 г. защитил в Ленинградском университете кандидатскую диссертацию. Сама Вера Пирожкова поступила в 1938 г. на механико-математический факультет Ленинградского университета и в отличие от многих соучеников благодаря помощи из дома особых материальных проблем не испытывала. Однако ее семья была настроена по отношению к власти резко критически, болезненно восприняла бедствия, обрушившиеся на крестьянство вследствие коллективизации; особое раздражение вызывала необходимость лицемерить, приспосабливаться к обстоятельствам. Впрочем, Пирожкова не была пионеркой, умудрилась не вступить в комсомол и, если верить ее позднейшим воспоминаниям, благодаря самовоспитанию выработала в себе иммунитет к коммунистической пропаганде³⁴.

Киевлянину Федору Богатырчуку в 1917 г. исполнилось 25 лет. В этом году он окончил медицинский факультет Киевского университета и, получив диплом врача, добровольцем отправился на фронт, успев, таким образом, поучаствовать в Первой мировой войне. Добавим, что к этому времени он был уже довольно известным шахматистом. Карьера Богатырчука при советской власти была вполне успешной, даже блестящей. Он был призером чемпионатов СССР по шахматам (однажды разделил первое место), председателем Шахматной федерации Украины, одним из редких шахматистов, имевших положительный баланс с восходящей звездой советских шахмат — Михаилом Ботвинником. Состоялся он и на медицинском поприще: известный рентгенолог, в 1940 г. он защитил докторскую диссертацию, стал профессором. Однако этому благополучному человеку не хватало одного — свободы.

«Если бы не опостылевший политический режим, то я мог бы брать от жизни все то, к чему я всегда стремился, и в первую очередь право свободно мыслить и поступать так, как подсказывала мне моя совесть», — писал он впоследствии³⁵.

Богатырчук ждал прихода немцев и, опасаясь принудительной эвакуации, придумал историю о том, что его покусала бешеная собака, и проходил курс прививок у местного бактериолога. Курс лечения был фиктивным, ибо бактериолог разделял взгляды и надежды Богатырчука³⁶. Впоследствии Богатырчук стал членом власовского Комитета освобождения народов России.

---

³⁴ Пирожкова В. Потерянное поколение. СПб., 1998. С. 29, 32–33, 46–49.

³⁵ Богатырчук Ф.П. Мой жизненный путь к Власову и Пражскому манифесту. Сан-Франциско, 1978. С. 124.

³⁶ Там же. С. 127.

Вера Пирожкова находилась летом 1941 г. в Пскове у родителей. Город был оккупирован немецкими войсками уже 9 июля 1941 г. Вскоре она начала сотрудничать с оккупантами: сначала в качестве переводчицы, затем сотрудницы нацистской газеты на русском языке «За Родину».

Антисоветские настроения и даже рассуждения о благодетельности неудачной войны, иными словами, пораженчество, совсем не обязательно означали сотрудничество с врагом, когда война на самом деле началась. Коллаборационистами нередко оказывались благополучные советские граждане и даже члены партии³⁷, в то же время люди, ненавидевшие большевиков, оказывались вполне лояльными гражданами и патриотами. Многие, если не все, зависело от обстоятельств. Так, Любовь Шапорина, отмечая в дневнике довольно широко распространенные пораженческие настроения, сама, при всей ненависти к режиму, была и осталась русской патриоткой. Аркадий Маньков был призван в армию, служил на командных должностях в батальонах аэродромного обслуживания на Ленинградском и Волховском фронтах, после войны стал известным советским историком, доктором исторических наук.

Однако же тысячи советских, точнее, «подсоветских» людей, по терминологии коллаборационистской печати, встретили начало войны с надеждой. Надеждой на поражение своей страны. Среди них была чета Николая Николаевича и Олимпиады Георгиевны Поляковых и преподаватель русской литературы в техникуме Владимир Дмитриевич Соколов. Дневник Поляковой, частично опубликованный под псевдонимом Лидия Осипова, и два мемуарных текста Соколова, подписанных его литературным псевдонимом Вл. Самарин, публикуются нами в настоящем издании.

Чем интересны эти тексты? Во-первых, это первоклассный источник по истории коллаборационизма, в особенности по психологии людей, для которых сотрудничество с оккупантами было сознательным выбором, а не результатом стечения обстоятельств; во-вторых, это источник по истории оккупационной политики, включая свидетельства из первых рук о нацистских преступлениях; в-третьих, это источник по истории советского общества; в экстремальных условиях войны

---

³⁷ Так, в каждом районном центре Калининской, Курской, Орловской и Смоленской областей в период оккупации добровольно регистрировались в немецких комендатурах от 80 до 150 коммунистов, в большинстве своем занимавших ранее ответственные должности. Около 70 % из них сотрудничали с оккупантами, нередко занимая ответственные посты в местной администрации (*Ермолов И.* Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками, 1941–1944. М., 2010. С. 31).

особенности этого общества, ценностные ориентиры и поведенческие стереотипы людей, сформировавшихся при советской власти или вынужденных на протяжении почти четверти века приспособляться к советскому образу жизни, проявились особенно ярко; в-четвертых, это источник по истории повседневной жизни в оккупации, наконец, это источник по истории «второй волны» русской эмиграции, все еще остающейся наименее изученной по сравнению с другими эмиграционными потоками XX столетия.

I

Чета Поляковых

О довоенной жизни автора «Дневника коллаборантки» известно немного. Родилась она как будто в 1902 г., училась в гимназии в Новочеркасске, возможно, имела какое-то отношение к автору крошечного сборника стихов, вышедшего в Новочеркасске в 1916 г.³⁸ На эту мысль наводит то, что имя автора сборника — О. Кравич. Псевдонимом О. Кравич подписывала впоследствии Олимпиада Полякова свои статьи в коллаборационистских газетах. «Согрешила» она однажды и поэтическим творением: в таллинской газете «Северное слово» было напечатано ее стихотворение «Порыв». По степени безвкусыя («Я снять замок с души своей хочу / Хочу любви. Сейчас. Сию минуту» и т.д.) стихотворение вполне могло конкурировать с названием поэтического сборника О. Кравич, «Голубые хризантемы». Публицистика Осиповой и в особенности ее дневник стилистически разительно отличаются от ее стихов в лучшую сторону.

В 1919 г. юная Липа вышла замуж за Николая Николаевича Полякова. Н.Н. Поляков родился в 1889 г. в Риге, в 1912 г. окончил Петербургский университет. И до революции, и в первые послереволюционные годы, по его собственным словам, принимал «активное участие в кооперативном движении, — работал в московском Союзе потребительских обществ (позднее Центросоюз), в харьковском Союзе кредитных кооперативов, на Кубани в Союзе производственных кооперативов и в Союзе потребительских обществ. Затем перешел на преподавательскую работу»³⁹. Преподавательскую работу Поляков чередовал со службой вахтером, ночным сторожем, бухгалтером. Преподавал гуманитарные дисциплины, как правило, в «незаметных техникумах». Поляковы постоянно кочевали, пере-

---

³⁸ *Кравич О.* Голубые хризантемы. Новочеркасск: Тип. Управления артиллерии войска Донского, 1916. 39 с.

³⁹ Старые — молодым. Мюнхен, 1960. С. 80.

бираясь с места на место. Очевидно, это был способ избежать ареста, учитывая взгляды Полякова и его неумение эти взгляды долго маскировать. Как писал, видимо, хорошо знавший Полякова автор некролога в «Новом русском слове», «его безудержный полемический талант выдавал его с головой»⁴⁰.

В конце 1920-х гг. Поляковы жили в станице Приморско-Ахтарской на Кубани, где Н.Н. Поляков преподавал историю, потом перебрались в Москву, где он работал бухгалтером, впоследствии — под Ленинград, войну встретили в Пушкине⁴¹. Здесь они дождались немцев. Как следует из «Дневника коллаборантки», о котором ниже, ждали с нетерпением. Первую военную зиму Поляковы провели в Пушкине; в мае 1942 г. перебрались в Павловск, через год — в Тосно, в октябре 1943-го — в Гатчину, еще через месяц — в Ригу.

Поляковы в той или иной форме сотрудничали с нацистами на протяжении всего периода оккупации, несмотря на то что очень скоро, если верить «Дневнику коллаборантки», разуверились в освободительной миссии германской армии. Бичуя оккупантов за глаза и частенько сравнения их по тем или иным поводам с большевиками, причем в пользу последних, Поляковы тем не менее продолжали сотрудничать с нацистами, считая их злом преходящим, а большевизм — злом «своим» и потому более опасным.

В Риге начинается наиболее активный или, во всяком случае, наиболее заметный период их сотрудничества с оккупантами. Оба печатаются в газете «За Родину»⁴², эпизодически в некоторых других

---

⁴⁰ Поплюйко А. Ученый и полемист: Памяти Н.И. Осипова // Новое русское слово. 1963. 18 мая. С. 4.

⁴¹ См. комментарий Я.А. Трушновича к воспоминаниям его отца, видного эмигрантского деятеля, члена НТС и постоянного автора «Посева» А.Р. Трушновича: «Мы жили с Николаем Николаевичем и Олимпиадой Георгиевной Поляковыми в их маленькой комнате в коммунальной квартире на Большой Серпуховской улице. Подружились с ними в 1927 году в станице Приморско-Ахтарской, где Поляков, крупный специалист по русской истории, преподавал в одном из станичных учебных заведений. В Москве он работал бухгалтером в Оленеводтресте» (Трушнович А.Р. Воспоминания корниловца, 1914–1934 / сост. Я.А. Трушнович. М.; Франкфурт, 2004. Примеч. к с. 321).

⁴² По-видимому, Н.Н. Поляков публиковался под псевдонимом Т. Лютов. В пользу этого говорит как проблематика статей, входящая в круг интересов Полякова, так и хронология публикаций: статьи, подписанные псевдонимом Т. Лютов, начинают регулярно появляться на страницах «За Родину» со второй половины ноября 1943 г. Вряд ли случайным является упоминание именно этого автора в дневнике Осиповой-Поляковой: «Так, например, в статьях Лютова нет ни малейшего намека на антисемитизм или на прекло-

оккупационных изданиях. Выходом из морального тупика для них кажется появление Русской освободительной армии (РОА), возглавляемой генералом А.А. Власовым. Совсем не юный Поляков вступает в РОА, получает чин лейтенанта. Правда, служил он не в строю, а по части пропаганды, в том числе читал лекции на курсах пропагандистов РОА в Риге. Специализацией Полякова была критика марксизма. Похоже, уже тогда он использовал псевдоним Осипов⁴³.

Олимпиада Полякова печаталась в газете «За Родину» не слишком часто. Ее статьи посвящены в основном критике реалий советской жизни, советского быта. В одной из статей рассказывается о том, как комсомолка Катя не давала житья соседям по коммунальной квартире⁴⁴, в другой — об отношениях полов, в которых, по мнению автора, как нигде сказывалось «уродство и серость советской жизни»⁴⁵. В последней статье говорилось о браках по расчету с целью получения жилплощади, о домогательствах сановного коммуниста к сослуживице и сходных «гримасах советского быта». Советской действительности противопоставлялась жизнь до революции, например, в ностальгическом тексте о праздновании Масленицы⁴⁶.

А затем в редакции появилась новая сотрудница, очень, по мнению Поляковой, пронацистски настроенная. Новая сотрудница стала правой рукой главного редактора, чем-то вроде политического редактора газеты. Это была не кто иная, как Вера Пирожкова, о которой шла речь выше. Пирожкова вскоре дала понять Поляковой, что в ее услугах в газете больше не нуждаются. По мнению Поляковой, причина была в том, что она не скрывала своих власовских симпатий и демократизма.

В результате Полякова была вынуждена опубликовать статью, которую, судя по ее дневнику, считала лучшей в своей публицистике «коллаборантского периода» в ревельском «Северном слове». Статья называлась «Дух из кувшина: Вопросы подсоветских людей»⁴⁷ и была посвящена критике новой линии советской власти, отказавшей-

---

нение перед немцами и Германией» (*Осипова Л.* Дневник коллаборантки. Запись от 1 декабря 1943 г. См. наст. изд. С. 169).

⁴³ *Окороков А.* Особый фронт: Немецкая пропаганда на Восточном фронте в годы Второй мировой войны. М., 2007. С. 161.

⁴⁴ *Кравич О.* Так жили // За Родину. 1943. 1 дек. С. 4.

⁴⁵ *Кравич О.* Скорбный путь. Гримасы советского быта // За Родину. 1943. 8 дек. С. 4.

⁴⁶ *Кравич О.* Так было... Из воспоминаний гимназистки // За Родину. 1944. 21 февр. С. 3.

⁴⁷ *Кравич О.* Дух из кувшина: вопросы подсоветских людей // Северное слово. 1944. 1 июня. С. 4.

ся, по крайней мере внешне, от интернационализма и обратившейся с целью мобилизации и сплочения народа к традиционным ценностям патриотизма, национальной культуры, даже религии.

Родина. Религия. Семья. Любовь. Героизм. Жертвенность. Подвижничество. Вот что требуется теперь от голодного, задавленного, превращенного в раба русского человека, — писала Полякова. — Большевики, абсолютные циники, полагают, что принципы и лозунги можно так же легко менять, как секретарей партячек. Им, конечно, не понять, что героем и подвижником может быть только сильный и свободный. Рабу и трусу понятие о чести недоступно⁴⁸.

Далее следовала критика большевистской идеологии и практики, направленной за предшествующие четверть века на разрушение и дискредитацию традиционных ценностей и понятий, таких, как родина, семья, на пропаганду пролетарского интернационализма и классовой бдительности. По мнению Поляковой, советские (точнее, «подсоветские») люди неизбежно должны были задаться вопросами:

«Во имя чего мы, идя “спасать” соседей в Прибалтике от эксплуатации, позволяли мостить костями наших родных и близких тайгу и тундру? Во имя чего мы, спасая испанских детей, позволяли умирать от голода в лагерях и деревнях миллионам русских детей?..»

А задав эти вопросы, «подсоветский» человек «неизбежно подумает о мировой солидарности, но в несколько ином смысле, чем тот, о котором твердят большевики. Подумает и сделает выводы — такие, какие уже очень многие сделали». «Нельзя не понять сейчас, если ты честный человек, где, на какой стороне правда, честь и осмысленная любовь к родине»⁴⁹.

Критика большевистской идеологии была вполне справедливой. Однако она была запоздалой и била мимо цели. Во-первых, большевистское руководство и в самом деле вовремя поменяло лозунги, и эта смена риторики оказалась достаточно эффективной. Во-вторых, если в июне 1941 г. кто-то еще мог сомневаться в том, «на какой стороне правда», то в июне 1944-го, после трехлетнего опыта немецкой оккупации, таковых осталось мало. Сама Полякова, судя по дневнику, давно не испытывала иллюзий в отношении нацистов. Вряд ли можно сомневаться, что, говоря о той стороне, на которой находится «осмысленная любовь к родине», она подразумевала власовское движение. Однако же «русское освободительное движение» было чересчур тесно связано с оккупантами, и даже больше — было оккупантами создано. Рассчитывать на осознание «подсоветскими» людь-

---

⁴⁸ *Кравич О.* Дух из кувшина: вопросы подсоветских людей // Северное слово. 1944. 1 июня. С. 4.

⁴⁹ Там же.

ми «правды» идущих с немцами русских людей (какие бы теории эти люди ни строили и какими бы благими намерениями они ни руководствовались), не приходилось. Для подавляющего большинства советских людей они были изменниками — не более того.

Наконец, какими бы справедливыми сами по себе ни были соображения Поляковой (как и некоторых других публицистов, стремившихся избегать каких-либо реверансов в сторону нацистов и рассчитывавших использовать их для достижения собственных целей), они в значительной степени девальвировались тем, где они были опубликованы. Невозможно всерьез воспринимать рассуждения о любви к родине, соседствующие с ликующими сообщениями о потерях Красной армии, то есть об убийствах иноземцами тех самых русских людей, к патриотическим чувствам которых апеллирует автор, печатающийся на страницах газеты, существующей с позволения оккупантов и обслуживающей прежде всего их интересы.

Здесь будет уместно сказать о газете, в которой в основном сотрудничали Поляковы. Газета «За Родину» выходила с сентября 1942 г. по сентябрь 1944 г., формально выходила в Пскове, хотя печаталась в Риге, затем в связи с наступлением Красной армии формальное и неформальное место издания совместились. В газете печатались среди прочих известные коллаборационисты — востоковед и инженер Б.А. Филистинский (впоследствии в эмиграции — литератор и историк литературы, публиковавшийся под псевдонимом Б. Филиппов) и археолог В.С. Пономарев. Газета информировала читателей о военных и политических новостях, печатала речи и обращения нацистских лидеров, прежде всего Гитлера и Геббельса; наряду с этим в газете публиковались статьи по истории культуры, перепечатывались произведения русских писателей: сказка М.П. Арцыбашева «Золотое копытце», рассказы П.С. Романова, Тэффи, А.П. Чехова, стихи К.Д. Бальмонта, «Ночь перед Рождеством» Н.В. Гоголя, «Мальчик у Христа на елке» Ф.М. Достоевского и др.

Наряду с политическими текстами или же статьями по истории культуры, в газете публиковались различные полезные советы, ответы на практические вопросы читателей. Так, регулярно печатались статьи агрономов Б. Маклакова и Б. Никифорова; если на первой полосе неизменно шли сводки боевых действий или обзоры международных событий, то на последующих можно было обнаружить статьи вроде «Выбор племенных свиней»⁵⁰ или «Компостное удобрение»⁵¹.

В то время, когда Поляковы сотрудничали в газете, ее тираж достигал 80 тыс. экземпляров, что позволяло ей быть не только самооку-

---

⁵⁰ За Родину. 1944. 15–16 янв. С. 3.

⁵¹ Там же.

паемым, но и прибыльным изданием. Прибыль забирали настоящие хозяева — немцы. «Этим оплачивается наша независимость», — констатировала Полякова в дневнике. На самом деле независимость была весьма относительной:

Немецкая ферула чувствуется слабо. Но не все можно писать, что хочется. Нельзя, например, ничего писать о Власовской армии, которая все больше и больше начинает обозначаться на нашем мрачном горизонте. Нельзя писать о национальной России. Но можно не писать того, чего писать не хочешь. Немцы не заставляют кривить душой, если не считать кривизной умалчивание. Немцы виноваты в наших умолчаниях, но не в наших высказываниях... И если кто-либо из сотрудников позволяет себе антисемитские выпады (что случается очень редко), то не немцы в этом виноваты; если кто-либо низко кланяется перед немцами (тоже нечасто), это дело его совести. Конечно, немцам нужно говорить со страницы газеты свое. Это тебе не большевики. Газета является боевым антибольшевистским органом. Немало места также посвящает вопросам русской культуры. В общем, газета настоящая, и редактор настоящий, и работа настоящая⁵².

Вера Пирожкова, недолюбливавшая Поляковых-Осиповых и весьма недоброжелательно упоминавшая их в своих воспоминаниях (что неудивительно: она, несомненно, читала «Дневник коллаборантки» и узнала себя в очень молодой «явно пронацистски» настроенной сотруднице), сходилась с ней в оценке редакционной политики газеты:

Нам присылали время от времени статьи из Берлина. Кто их писал, мы не знали, но нам они не подходили. Мы писали и печатали антикоммунистические статьи, но ничего национал-социалистского, кроме официальных известий, которые мы были обязаны опубликовать в той форме, в какой они к нам поступали, мы не печатали. Антисемитских статей я тоже не брала. Из местных авторов, непостоянных сотрудников нашей редакции, мне лишь два раза приносили антисемитские статьи⁵³.

Возможно, Пирожкова и не брала чьи-то антисемитские статьи. Однако статьи такого рода на страницах «За Родину» регулярно появлялись (также как появлялись антисемитские пассажи в текстах, как будто не имевших к «еврейскому вопросу» прямого отношения⁵⁴). Да и сама Пирожкова их писала. Одна из ее статей была посвящена «Протоколам сионских мудрецов» и озаглавлена соответственно:

---

⁵² *Осипова Л.* Дневник коллаборантки. Записи от 16 ноября и 1 декабря 1943 г. См. наст. изд. С. 170.

⁵³ *Пирожкова В.* Потерянное поколение. С. 192.

⁵⁴ См., напр.: *Филистинский Б.* НЭП. Об одном из большевицких обманов // За Родину. 1943. 15 окт. С. 3.

«Дьявольские планы». Пирожкова (как правило, в отличие от многих других авторов «За Родину», подписывавшаяся собственным именем) писала:

Не имеющие своего государства, рассеянные по всему земному шару, евреи сохранили большую сплоченность, величайшее презрение и ненависть ко всему нееврейскому, гоевскому и неутолимую жажду власти. Не дав за всю свою историю ничего великого и прекрасного, не имея своей собственной культуры, они сумели создать сплоченную, изумительно искусно действующую организацию, с помощью которой стремились подорвать все основы государственности и культуры других народов. ... Мы являемся сейчас свидетелями беспощадной борьбы, какой еще не видывал свет. Мы знаем, что еще много крови прольется в этой борьбе, но твердо верим в то, что евреи будут побеждены. Мы являемся свидетелями того, как в Европе одна страна за другой сбрасывает с себя власть золота, власть капитала и возводит в высшую ценность национальный труд. Мы видим, как один за другим прозревают народы, как открываются глаза на еврейско-большевицкую опасность. Мы верим в будущее человечества. Верим в то, что злобная сила еврейства, питавшаяся в течение веков лишь ненавистью и действовавшая путем интриг, обманов и террора, не устоит под натиском здоровых, творческих сил народов, а вместе с нею уйдет в вечность и мрачная эпоха большевизма и отвратительный век культа золота и капитала с его прогнившим демократизмом⁵⁵.

Вывезенным немцами из Пскова в Ригу Пирожковым была выделена квартира в бывшем еврейском гетто, часть обитателей которого была уже убита нацистами, часть отправлена в лагерь уничтожения.

Квартира была скудно, но все же меблирована, — вспоминала Пирожкова полвека спустя. — Откуда были эти пустые квартиры? Может быть, значение их было страшное? Признаюсь честно, мы тогда как-то не спрашивали, — просто не думали об этом. У каждого человека способность сопереживания ограничена. У одних больше, у других — меньше, но ограничена она у всех. Внимание наше было настолько занято тем, что мы сами переживали как в личном, так и в общем плане, что за горизонтом внимания нередко оставалось то, что при нормальных обстоятельствах заинтересовало бы или заставило задуматься⁵⁶.

Такие вот особенности памяти и простота, которую трудно назвать святой. Наша задача заключается, впрочем, не в том, чтобы указать на явные передержки и умолчания, содержащиеся в воспоминаниях Пирожковой. Полякова-Осипова-Кравич, в отличие от «политического редактора» «За Родину», в самом деле не писала антисемитских статей и не восхваляла нацистов (во всяком случае, нам не удалось

---

⁵⁵ Пирожкова В. Дьявольские планы // За Родину. 1943. 31 авг. С. 3.

⁵⁶ Пирожкова В. Потерянное поколение. С. 188.

обнаружить такие тексты, принадлежащие ее перу). Ее статьи носили «строго» антибольшевистский характер. Однако же подчеркнем еще раз, невозможно печататься в нацистской газете и при этом сохранить «чистоту риз». Газета существовала постольку, поскольку была полезна оккупантам. И статьи Поляковой, хотела она этого или нет, служили их интересам.

* * *

В июле 1944 г. Поляковы были эвакуированы из Риги в Германию; к тому времени они сблизилась с представителями Национально-трудового союза (впоследствии сменившего название на Народно-трудовой союз, сокращенно — НТС); в том же году они вступили в эту организацию. В 1944–1945 гг. Поляков читал лекции «по истории и идеологии освободительного движения» в лагере Санкт-Йоганн-им-Вальде. После капитуляции Германии они оказались в лагере перемещенных лиц (ди-пи) Менхегоф близ Касселя в американской зоне оккупации. Опасаясь преследований со стороны советских властей, Поляковы сменили имена: Олимпиада Георгиевна стала Лидией Тимофеевной Осиповой, Николай Николаевич — Николаем Ивановичем Осиповым. По словам видного деятеля НТС Б.В. Прянишникова, в лагере «нашлось немало лекторов, читавших на разные интересные темы. Особенно запомнился Николай Иванович Осипов, которого в лагере прозвали дедом-всеведом. На какую бы тему он ни читал, все выходило отлично, на большой академической высоте. Его лекции пользовались исключительной популярностью, будь то о реформах Александра Второго или на тему “Десять заповедей синайских сегодня”»⁵⁷.

Осипов стал членом Совета НТС (солидаристов), сотрудничал в газете «Эхо», издававшейся Прянишниковым. По словам Прянишникова, Осипов остался «пламенным власовцем»⁵⁸. В 1947–1949 гг. Осипов преподавал русский язык в школе для американских военнослужащих в Обераммергау в Баварии. В 1954 г. он вышел из НТС в силу идейных и организационных расхождений с тогдашним руководством⁵⁹. Осипов много печатался в эмигрантской периодике,

---

⁵⁷ *Прянишников Б.В.* Новопоколенцы. Цит. по: URL: <http://www.ntsrs.ru/liter/pr/3-14.htm#16>

⁵⁸ Там же. URL: <http://www.ntsrs.ru/liter/pr/3-21.htm>. Видимо, он вообще со страстью отдавался политическим увлечениям. По воспоминаниям Пирожковой, встречавшейся с Осиповыми в Германии, когда они уже жили под Мюнхеном, «Поляков-Осипов стал ярким солидаристом, восторженным не по возрасту. Даже его более молодые товарищи по партии посмеивались над ним» (*Пирожкова В.* Потерянное поколение. С. 199).

⁵⁹ См. заявление Осипова о выходе из НТС в приложении к цитировавшейся выше книге Прянишникова. URL: <http://www.ntsrs.ru/liter/pril.htm#3>

а также выпустил в соавторстве с Р.Н. Редлихом «Очерки большевизмоведения» (Франкфурт-на-Майне: Посев, 1956) (в работе над «Очерками» принимали участие и некоторые другие солидаристы). Его перу принадлежит также небольшая книжка «Клевета друзей» (Мюнхен: ЦОПЭ, 1958), посвященная критическому разбору «Русской идеи» Н.А. Бердяева. Умер Осипов в 1963 г. в Обераммергау.

Лидия Осипова-Полякова также была членом НТС, печатала время от времени статьи в эмигрантской периодике, преимущественно о советской литературе. Она ушла из жизни на пять лет раньше мужа, в 1958 г. Н.И. Осипов, два года спустя после смерти жены, выпустил отдельной книгой сборник ее работ о советской литературе под названием «Явное рабство и тайная свобода»⁶⁰. Осипов включил в него, наряду с законченными текстами, несколько недописанных заметок, написал вступительную статью. Из этой статьи следует, что Осипова не считала себя литератором и писала «по необходимости»: «Никто другой не напишет того, что нужно. Ничего не поделаешь; надо писать»⁶¹. Книга состоит из нескольких глав, где автор намечает основные характеристики и тренды советской литературы, и рецензий на творчество отдельных авторов (М.А. Шолохова, Ф.В. Гладкова, М.Е. Кольцова, В.П. Катаева, С.В. Михалкова, Б. Полевого и др.). Книга мало похожа на литературоведческое исследование, это прежде всего публицистика, полемическая и, конечно, антисоветская. Подобный подход находит оправдание в самом предмете изучения:

Два явления всеобъемлющего значения определяют жизнь в Советском Союзе: 1) явное рабство; 2) тайная свобода. Ни того, ни другого советская литература изображать не смеет. Ее задача в ином: она пытается рабство выдать за свободу. И в этом ее основная фальшь. Социальный заказ и соцреализм — основа основ советской литературы. <...> По замыслу партии, советская литература никакого самостоятельного значения не имеет, она всегда лишь инструмент советской пропаганды <...> то есть она, строго говоря, не литература вовсе. Поэтому и нельзя изучать советскую литературу с литературоведческой точки зрения, как всякую другую. <...> Ее можно рассматривать только с практических точек зрения⁶².

Центральная исследовательская, а скорее, полемическая, задача Осиповой — обнаружение и обличение этой фальши. Она скрупулезно выискивает в советской литературе, особенно в очерках, случайные свидетельства удручающей советской жизни⁶³, выявляет

---

⁶⁰ *Осипова Л.Т.* Явное рабство и тайная свобода. Заметки о советской литературе. Мюнхен: ЦОПЭ, 1960.

⁶¹ Там же. С. 5.

⁶² Там же. С. 11–12.

⁶³ Там же. С. 33–43.

фальсификацию настроений народа, его материального положения и прочих аспектов советской действительности, особенно возмущаясь искажением событий военного времени: «Фальсификация войны проводится столь бесцеремонно и назойливо, что невольно возникает мысль, что население не слишком скрывает свое мнение о гениальном вожде и мудром руководстве партии, почему приходится противопоставлять ему усиленные дозы пропаганды»⁶⁴. Советской репрезентации войны Осипова противопоставляет свое видение, утверждая, что народ поначалу ждал врага как освободителя и лишь потом, вследствие политики нацистов, встал на защиту родины и собственного существования:

Трагедию войны с Гитлером, героические усилия народа победить врага, которого он сначала ждал, как освободителя, преподносят, как преданность социалистической родине и Сталину. Если рассказывается о партизанском движении во время войны с немцами, то оказывается, что оно было запланировано Сталиным с первого дня войны. Если говорится о победе советских войск, то она была запланирована тем же гением, и пол-России отдали врагу не зря, а по гениальному плану. На сдачу в плен (сдавались миллионы!) вы встретите случайные намеки, и то — сдавались будто бы единицы и были эти единицы «предателями и изменниками», а вся армия билась насмерть. О помощи союзников умалчивается, как будто ее и вовсе не было⁶⁵.

Как и «Дневник коллаборантки», эта книга написана жестко, сурово, местами с хлестким сарказмом:

Советские авторы как никак — живые люди, а иногда к тому же и талантливые.

Главный герой или героиня <...> работает 24 часа в сутки и огорчен, что их не 48. Иметь собственные мысли не способен абсолютно. Говорит цитатами из «Правды» общепартийной и комсомольской. <...> В природе по причине своей макетности не встречается.

Советский читатель, как и западный, требует от своей литературы хэппи-энда. Западный по привычке и воле к комфорту, советский — потому что в его жизни хэппи-эндов нет и быть не может. Об этом усердно заботится советская власть⁶⁶.

Все подлинно позитивное, что находится в советской литературе и, соответственно, в советской жизни Осипова связывает с антибольшевизмом, утверждает, что все положительные герои — то есть все хорошие порядочные люди в СССР — на самом деле противники

---

⁶⁴ *Осипова Л.Т.* Явное рабство и тайная свобода. Мюнхен: ЦОПЭ, 1960. С. 17.

⁶⁵ Там же. С. 32.

⁶⁶ Там же. С. 13, 17, 21.

власти, просто авторы это скрывают: «Все эти прекрасные юноши и девушки, старики и старухи, как это ни удивительно, существуют в рабской империи Сталина, и ими, слава Богу, еще богата Россия. Но они не могут жить и действовать в обстановке романа. Они ведь, если приглядеться к ним хорошенько, все антисталинцы»⁶⁷.

Политизированная критика, предлагаемая Осиповой, имеет определенную функцию: своими рецензиями Осипова надеется повлиять на гражданское сознание советского читателя: «...показать ему, что он, читатель, тоже не может, как и герои романов, которые он читает, жить и чувствовать нормально в ненормальной обстановке. <...> Отзывы нашей критики о советской литературе, сильные своим анализом, свободные от ошибок и предвзятостей, — это арена, где может осуществиться наша встреча с советским читателем. Это — возможность переклички с ним»⁶⁸.

Тексты Осиповой остались строкой (в лучшем случае абзацем) в истории литературы второй волны русской эмиграции, кроме одного — с вызывающим названием «Дневник коллаборантки».

«Дневник коллаборантки»: текстологические и психологические заметки

Первая запись в «Дневнике коллаборантки» датируется 22 июня 1941 г., последняя — 5 июля 1944-го, днем отъезда Осиповых из Риги в Германию. Записи производились не каждый день, иногда лакуны составляют несколько дней, иногда — недель. Первый же вопрос, который встает перед публикатором, — насколько «Дневник коллаборантки» на самом деле *дневник*? В редакционной вводке к публикации части дневника в «Гранях» подчеркивалось: «Публикуемые выдержки из “Дневника” Л. Осиповой представляют собой подлинные, современные дням минувшей войны записи, отражающие непосредственные переживания непримиримых к режиму подсоветских людей из так называемой внутренней эмиграции. В непосредственности многих передаваемых этими записями настроений, иллюзий, разочарований, верных и неверных оценок и прогнозов и заключается, с точки зрения редакции, их интерес»⁶⁹.

Автограф текста Осиповой не сохранился, как, впрочем, не сохранились архивы ни ее, ни ее мужа. Или, скажем осторожнее, их архивы отсутствуют в архивохранилищах, где с наибольшей вероят-

---

⁶⁷ Осипова Л.Т. Явное рабство и тайная свобода. Мюнхен: ЦОПЭ, 1960. С. 48.

⁶⁸ Там же. С. 50–51.

⁶⁹ Грани. 1954. № 21. С. 92.

ностью они могли бы оказаться. То, что обозначено как фонд Лидии Осиповой в архиве Гуверовского института, состоит из одной папки (единицы хранения, по принятой в России терминологии) — это не что иное, как машинописный экземпляр «Дневника коллаборантки», явно подготовленный для сдачи в печать. Этот текст и лежит в основе настоящей публикации.

На наш взгляд, содержание рукописи довольно убедительно свидетельствует о том, что в ее основу легли записи Осиповой, сделанные непосредственно в дни описываемых событий или по их горячим следам. Многие детали (описание приготовления конины «под морковным соусом», к примеру) совпадают с теми, которые приводит в своих воспоминаниях будущая знаменитая советская писательница Вера Федоровна Панова, жившая некоторое время с Поляковыми на одной квартире⁷⁰. Столь же несомненно, на наш взгляд, что дневник подвергся редактированию. Первый его слой очевиден и вполне объясним — подлинные имена заменены инициалами или именами вымышленными. Так, автор дневника стала в соответствии с эмигрантским псевдонимом Лидией (думаю, она выбрала это имя по созвучию уменьшительных имен от Лидии и Олимпиады: Лида-Липа), ее муж из Николая Николаевича стал Николаем Ивановичем, Панова обозначена как Н.Ф. (в некоторых случаях, позабыв о конспирации, Осипова называет ее в рукописи В.Ф.) и т.д.

Другой слой редактур, на наш взгляд, — некоторое приукрашивание собственной роли, собственных ума, воли и чувства собственного достоинства. Дело обычное для воспоминаний и дневников. Сомнения в «чистоте жанра» текста Осиповой вызывает невероятная смелость записей, сделанных как при советской власти, так и в период оккупации. Уже 22 июня 1941 г. Осипова пишет о своей уверенности в победе Германии, о том, что желает поражения своей стране и ждет, как и все ее обитатели, освобождения. И это притом, что Поляковы-Осиповы, будучи внутренними эмигрантами, привыкли вести себя чрезвычайно осторожно, поскольку вполне ожидаемой реакцией советских властей на начало войны были превентивные аресты (о чем пишет сама Осипова через несколько дней после своей первой же крамольной записи) притом, что в стране в целом, и в Пушкине в частности, воцарилась шпиономания. Подобные записи в такой обстановке — это не просто неосторожность, это безрассудство. Добавим, что Осипова была уверена, что за ней поручено следить ее знакомой полуграмотной девице Катьке Мамонтовой, и однажды та напрямую поинтересовалась характером ее записей. Сама Осипова по поводу этого эпизода записала, что «пережила момент страшнее бомбежки».

---

⁷⁰ *Панова В.Ф.* Мое и только мое. О моей жизни, книгах и читателях. СПб., 2005. С. 29.

Не слишком достоверными выглядят взаимоотношения автора с оккупантами: она на них покрикивает, ставит их на место, стыдит, режет правду-матку в глаза. И все это ей сходит с рук, немцы ее слушают и даже благодарны, если она им открывает глаза на те или иные неблагоприятные вещи, скажем, плохое отношение русских сотрудников бани к советским военнопленным. Осипова суммирует: «Немцев не надо бояться, а надо на них налетать» (запись от 6 декабря 1941 г.). Как мы знаем, попытки «налетать» на немцев для жителей оккупированных территорий, как правило, заканчивались плачевно. В данном случае мы можем указать лишь на психологическую недостоверность описываемого Осиповой; возможно, она была исключением и именно к ней оккупанты относились с почтением.

Кроме того, «правильность», а временами отточенность стиля «Дневника» наводят на мысль о позднейшей литературной обработке. Некоторые фрагменты заставляют задуматься или о пророческом даре автора, или же о том, что они сделаны (или переработаны) задним числом. Например, та же запись от 22 июня или рассуждения в записи от 18 августа 1941 г., что не всех же евреев Гитлер «поголовно» уничтожает или о том, что антисемитские настроения черни инспирируются сверху, самим «дорогим и любимым», т.е. Сталиным.

Приведенные выше соображения носят логический характер. Подкрепим их более доказательными аргументами. На наш взгляд, доказательством того, что дневник конструировался задним числом (хотим при этом подчеркнуть, что мы ни в коей мере не оспариваем наличие дневниковых записей, которые легли в основу текста Осиповой) служит встречающаяся в тексте путаница в датах и по крайней мере один, но весьма характерный сознательный перенос событий на другие числа.

Так, в записи от 23 декабря 1941 г. сообщается, что умер от голода писатель-фантаст Александр Беляев. На самом деле Беляев умер 6 января 1942 г. Возможно, Осипова вела записи (по крайней мере в некоторых случаях) задним числом, отсюда путаница в датах и «похороны» Беляева за две недели до его смерти. Более показательна история с ковром, едва не приведшая, согласно «Дневнику», к конфликту в семье Поляковых. В начале декабря Поляковы случайно обнаружили огромный турецкий ковер, украденный кем-то, по их мнению, из квартиры А.Н. Толстого. Приведем фрагмент «Дневника» (запись от 5 декабря 1941 г.), в котором изложена эта история:

Я затребовала, чтобы мы померли, а ковер втащили в комнату. Втащили, проклятый. <...> Немцы охотятся за коврами также, если не сильнее, чем за мехами и золотом и, может быть, ковер сыграет роль повара (имеется в виду немецкий повар, с которым был произведен удачный обмен. — О.Б.). С Колей по поводу ковра произошла принципиальная баталия. Ви-

дите ли, «это пахнет мародерством». Толстой-то украл ковер из дворцов! А кто-то украл у Толстого. А подсунули его в наш сарай, чтобы сбавить ответственность на нас, если бы пришли не немцы, а красные. А я буду беречь этот ковер! Для кого? Или, как дура, пойду в управу с заявкой! А полиция его пропьют! Рассвирепела я на это чистюльство страшно и заявила, что как только мы избавимся от фронтowego сидения — разведусь с Николаем. Посмеялись и помирились. Да нет, правда, помирять с голода — и такие глупости⁷¹.

Лапидарное описание этого эпизода находим в воспоминаниях Веры Пановой:

...вдруг супруги Поляковы приносят свернутый в трубку огромный ковер (и как только они его притащили на своих щуплых плечах?), и выражают желание продать его, и даже назначают цену⁷².

Согласно дневнику Осиповой в конце февраля 1942 г. ковер был продан (точнее, обменен на продукты) некоему Громану, немцу, сыну генерала царской армии Громана. О продаже ковра немецкому солдату вспоминает и Панова.

Дело, однако, в том, что Панова, опасаясь за жизнь своей дочери-полукровки (ее отец был евреем), уехала из Пушкина согласно дневнику Осиповой 17 октября 1941 г. (это вполне согласуется с биографией и воспоминаниями Пановой) и, следовательно, вообще не могла ничего знать об истории с ковром! Если бы она в самом деле случилась в декабре 1941 г. Добавим, что Панова понятия не имела о последующей судьбе Поляковых так же, как о том, что они стали Осиповыми. В чем же дело? На наш взгляд, дело в хронологии и психологии. В сентябре или октябре 1941 г. голод еще не был смертельным, и кража ковра выглядела бы не слишком благородно. Немецкие войска вошли в Пушкин 19 сентября 1941 г., таким образом, получается, что «грехопадение» Поляковых (кража ковра) произошло достаточно быстро. В декабре — другое дело! Кража была уже как бы оправдана. К тому же сочиняется история о том, что ковер принадлежал А.Н. Толстому. Возможно, и так, но ведь он-то переехал из Пушкина в Москву в 1938 г., а в его прежнем доме обосновался Дом творчества писателей! Трудно предположить, что Толстой не забрал с собой при переезде принадлежавшие лично ему вещи, так же, как не слишком ясно, каким образом он, вернувшийся из эмиграции в 1923 г. и получивший особняк в Детском Селе в 1928 г., мог украсть ковер из дворца.

---

⁷¹ *Осипова Л.* Дневник коллаборантки. См. наст. изд. с. 101–102.

⁷² *Панова В.Ф.* Указ. соч. С. 221–222.

Таким образом, налицо или аберрация памяти, или сознательное «конструирование» прошлого. Похоже, в данном случае «имеет место» второе. Не желая опустить важную для себя (в том числе с психологической точки зрения) историю с ковром, Осипова переносит ее в более позднее время.

По нашему мнению, дневник подвергся позднейшей литературной и «идеологической» обработке. Это относится прежде всего к оценке автором описываемых событий. В то же время фактические сведения, приводимые в дневнике, при всех скидках на субъективное восприятие довольно точны. Они верифицируются воспоминаниями других современников и участников событий — В.Ф. Пановой и В.А. Пирожковой, воспоминаниями и дневниками других современников, лично с Поляковой-Осиповой не встречавшихся, показаниями коллаборационистов, арестованных советскими следственными органами⁷³, материалами коллаборационистской печати. Иногда точность приводимых Осиповой сведений могла бы привести внимательного читателя к раскрытию ее псевдонима. Так, она сообщает, что 7 августа 1941 г., в день ее именин, к ней в гости, несмотря на непростое время, приезжали из Ленинграда друзья детства. Однако же 7 августа день именин Олимпиады, а никак не Лидии.

На наш взгляд, «сверхзадача» «Дневника коллаборантки» — апология коллаборационизма. Точнее, обоснование того, что коллаборационизм был формой использования внешнего фактора, в данном случае нацистов, для борьбы за освобождение России. Эта мысль сформулирована в первой же записи (повторим еще раз, по нашему мнению, являющейся вариантом «мыслей на лестнице» и сочиненной задним числом) в день начала войны:

Неужели же приближается наше освобождение? Каковы бы ни были немцы — хуже нашего не будет. Да и что нам до немцев? Жить-то будем без них. У всех такое самочувствие, что вот, наконец, пришло то, чего мы все так долго ждали и на что не смели даже надеяться, но в глубине сознания все же крепко надеялись. Да и не будь этой надежды, жить было бы невозможно и нечем. А что победят немцы — сомнения нет. Прости меня, Господи! Я не враг своему народу, своей родине. Не выродок. Но нужно смотреть прямо правде в глаза: мы все, вся Россия страстно желаем победы врагу, какой бы он там ни был. Этот проклятый строй украл у нас все, в том числе и чувство патриотизма⁷⁴.

---

⁷³ Документальные материалы о г. Пушкине в период оккупации собраны в кн.: *Цытин В.М.* Город Пушкин в годы войны. СПб., 2010; см. также: *Жизнь в оккупации: Пушкин. Гатчина. Эстония. Дневник Люси Хордикайнен.* [СПб.], 1999.

⁷⁴ *Осипова Л.* Дневник коллаборантки. См. наст. изд. с. 65.

«Идеологическое» содержание дневника укладывается в классическую гегелевскую триаду — тезис—антитезис—синтез — ненависть к советскому режиму, надежды на освобождение немцами — разочарование в оккупантах, ненависть к нацистам — выход из этого неразрешимого противоречия в виде «третьей силы» — русского освободительного (власовского) движения, к которому автор дневника и ее муж и примкнули с энтузиазмом.

Мы не собираемся пересказывать дневник; заметим лишь, что, начав с абсолютного отрицания большевизма, Осипова по мере обретения опыта жизни с немцами (точнее, под немцами) постепенно приходит к выводу, что большевики лучше. Точнее, что нацисты хуже. Если 18 ноября 1941 г. после рассуждений о безобразиях, творимых немцами, она записывает: «И все же мы рады бесконечно, что с нами немцы, а не наше дорогое и любимое правительство», то месяц спустя, после дошедших до нее слухов, что нацисты уничтожают престарелых и больных, заключает: «Большевики все-таки не истребляют народ таким автоматическим образом. Не могу сейчас найти правильной формулы, но чувствую, что у большевиков это не так» (запись от 27 декабря 1941 г.).

Или в другом месте в связи с тем, что когда ее муж занялся сбором книг из домашних библиотек с тем, чтобы спасти их от гибели и передать в библиотеки общественные, то комендант-немец сбор книг разрешил, но сначала заподозрил, что это предлог для грабежа пустующих квартир, а затем счел Осипова сумасшедшим:

Немцы, каких мы здесь видим, производят впечатление совершенно неинтеллигентных людей и во многих случаях — диких. Наши военкомы, конечно, никогда не зачислили бы чудаковатого профессора в сумасшедшие только потому, что он не грабит квартир, а собирает книги для общего пользования. И обязательно помогали бы ему в этом деле, чем только могли бы⁷⁵.

Здесь характерен кроме смысла оборот «наши военкомы». Но все же два года спустя после всех ужасов и унижений, которые пришлось наблюдать и через которые пришлось отчасти пройти, Осипова пишет: «Что бы немцы ни делали с народами, как бы они ни были подлы, им далеко до большевиков. Никогда они не сумеют так зажать все духовные истоки народов, как эти. И мы будем с немцами до конца»⁷⁶.

---

⁷⁵ Осипова Л. Указ. соч. Запись от 4 февраля 1942 г. См. наст. изд. с. 121.

⁷⁶ Там же. Запись от 26 марта 1944 г. См. наст. изд. с. 171.

Компромиссы, на которые пришлось пойти Осиповой в ее сотрудничестве с немцами (точнее, службе, а временами услужении им), далеко превосходили историю с ковром. Чего стоит одна служба в бане, одновременно выполнявшей функции борделя для немецких солдат при посредничестве русских служащих. Нравственным оселком для идейных коллаборационистов было отношение к уничтожению нацистами евреев. Характерную запись делает Осипова в Риге, где эвакуированных сотрудников поселили в недавно «очищенном» от евреев, отправленных на смерть, гетто:

Живем в том самом гетто, из которого только недавно вывезли евреев. И это несколько омрачает наше существование. Квартира, несомненно, еврейская. На притолках имеются списки Торы. Мебель мы бы должны были также получить еврейскую, но Коля, который сам ходил на склад, вышел из положения тем, что взял всю мебель из госпиталя. Кровати, столы, шкафы. Так что наша квартира носит несколько странный характер. Но зато чистая и вся белая. Квартира из трех комнат и кухни. Кухонька маленькая и очень уютная. Вот только очень плохо с одеждой. Ходим такими оборванцами, что даже в нашем форштадте привлекаем к себе внимание. Но нам предлагают одежду после евреев, и мы никак не можем себя преодолеть и пойти за ней. Ждем все ордеров на новое. Едва ли дождемся. Все окружающие ругают нас за наше «чистоплюйство». Но невозможно себе представить носить то, на чем есть еще, может быть, следы крови⁷⁷.

Носить одежду убитых нельзя, а жить в квартирах убитых можно. Это лишь «несколько» омрачает существование. Еще более выразительная запись сделана 25 июня 1944 г. В эту ночь у Осиповой ночевала девушка, член НТС:

Мы с нею очень много говорили на всякие самые волнующие темы. И, конечно, больше всего о большевиках и о борьбе с ними. С немцами, конечно, все уже кончено. А говорили мы под аккомпанемент выстрелов на еврейском кладбище. Мы решили, что это немцы пристреливают оставшихся еще в живых евреев. Совершенно невозможно передать наше состояние от такого предположения. Я старалась всеми силами не упустить нервов, чтобы и моя собеседница их не упустила. И, вероятно, я никогда не буду уже в состоянии так говорить о демократии, о гуманизме, о неперменном торжестве добра, как говорила тогда. И я видела, что она уехала на работу с глазами, не такими безнадежными, какие у нее были, когда началось дьявольское действо на кладбище⁷⁸.

---

⁷⁷ Там же. Запись от 27 апреля 1944 г. См. наст. изд. с. 172.

⁷⁸ Там же. Запись от 25 июня 1944 г. См. наст. изд. с. 175–176.

Разговоры о демократии с тем, чтобы заглушить расстрельные залпы. Причем убийцы — это именно те, на кого Осипова возлагала надежды как на освободителей, те, с кем они с мужем, несмотря ни на что, собирались идти до конца. Вместо апологии «коллаборантства» у Осиповой получился редкий по силе разоблачительный текст. Ибо нельзя «немножко» сотрудничать с нацистами и при этом не замараться. От серного запаха уже не избавиться.

* * *

«Дневник коллаборантки» был подготовлен Осиповой к печати не позднее апреля 1950 г. В архиве Б.В. Прянишникова сохранился машинописный экземпляр «Дневника» с дарственной надписью Осиповой председателю Совета НТС В.М. Байдалакову от 2 апреля 1950 г. Вполне возможно, что побудительным мотивом для подготовки «Дневника» к печати была дискуссия об отношении к коллаборационистам в целом и к власовцам в особенности, развернувшаяся среди деятелей «первой волны» русской эмиграции во второй половине 1940-х гг. В этой дискуссии приняли участие и представители самого объекта спора — второй, послевоенной волны эмиграции.

Толчком к началу полемики послужила обширная статья известного историка и видного эмигрантского политика Б.И. Николаевского «Пораженчество 1941–1945 годов и ген. А.А. Власов», опубликованная в нью-йоркском «Новом журнале» в 1948 г.⁷⁹ На кону стоял вопрос о том, можно ли считать власовцев демократами и кооперироваться с ними в антикоммунистической борьбе. Это имело практическое значение для эмиграции. Эмигранты «первой волны» были уже весьма немолоды, и их ряды заметно поредели за три десятилетия, прошедшие со времен русской революции. «Вторая волна» эмиграции, насчитывавшая сотни тысяч человек, могла стать «кадровым резервуаром» для эмигрантских политических организаций. Правда, лишь незначительная часть эмигрантов жаждала заниматься политикой, однако в абсолютных цифрах даже несколько тысяч человек были, по эмигрантским понятиям, серьезным ресурсом. Николаевский в целом оправдывал тех, кто пошел на временное сотрудничество с нацистами.

Позиция Николаевского и других сторонников того, чтобы «понять и простить» заблудших «демократов», недавно снявших гитлеровские мундиры, вызвала резкую критику со стороны его же соратников по РСДРП⁸⁰. Б.Л. Двинов, в частности, писал: «Возмож-

---

⁷⁹ Николаевский Б.И. Пораженчество 1941–1945 годов и ген. А.А. Власов // Новый журнал. 1948. Кн. 18. С. 209–234; Кн. 19. С. 211–247.

⁸⁰ См., напр.: Аронсон Г. По поводу статей Б.И. Николаевского; Николаевский Б. Ответ Г.Я. Аронсону // Новый журнал. 1949. Кн. 21. С. 272–291.

но, что во “власовском движении” участвовали и люди, настроенные субъективно вполне демократически, но настолько ослепленные ненавистью к Сталину и его режиму, что им и Гитлер мог показаться только врагом № 2». Людей, которые оправдывали свое участие в войне на стороне Гитлера, считая ее освободительной, в то время как эта война «освободительной» была в том только смысле, что “освобождала” Россию от ее населения и готовила “лебенсraum” для немцев», Двинов назвал «власовскими недоносками»⁸¹. Не вдаваясь в подробности этой весьма интересной полемики, заметим, что Осипова, при ее вовлеченности в эмигрантскую политику, не могла не следить за развернувшейся дискуссией. Тем паче, что она напрямую касалась и ее, и ее мужа — бывшего офицера РОА.

Однако «Дневник коллаборантки» был напечатан еще не скоро и не полностью. В 1954 г. в журнале «Грани»⁸² (Франкфурт-на-Майне) была опубликована большая часть «Дневника» с названием, несколько отличным от первоначального авторского⁸³. Рукопись была озаглавлена «Своими глазами. Дневник коллаборантки. 1941–42–43–44 гг.» с посвящением «моему мужу». Или автор, или редакция сделали подзаголовок названием, что с точки зрения привлечения внимания читателей было, бесспорно, правильным решением. Но главное было не в этом: была выпущена значительная часть дневника («Павловск»), а в тексте то ли редакцией, то ли автором были сделаны неоговоренные купюры⁸⁴. Некоторые из них особой смысловой нагрузки не несут, другие достаточно принципиальны. Так, выброшена уж очень режущая глаз фраза: «Спасибо нашим друзьям из СД» (запись от 1 декабря 1943 г.). Удален абзац: «А старшее поколение ждет избавления от немцев. И никакими силами нельзя заставить их поверить, что они живут сейчас как в раю по сравнению с тем, что им принесут большевики. Что бы немцы ни делали с народами, как бы они ни были подлы, им далеко до большевиков. Никогда они не сумеют так зажать все духовные истоки народов, как эти. И мы будем с немцами до конца» (запись от 26 марта 1944 г.). Выпущены почти все записи, касающиеся евреев и антисемитизма, в том числе обширный

---

⁸¹ Двинов Б.Л. Власовское движение в свете документов. Нью-Йорк, 1950. С. 7, 9–10.

⁸² Журнал был основан в 1946 г. одним из лидеров НТС Е.Р. Романовым. Хотя журнал формально органом НТС не был, но связь журнала с этой организацией сомнений не вызывает.

⁸³ Осипова Л. Дневник коллаборантки // Грани. 1954. № 21. С. 92–131.

⁸⁴ Купюры были выявлены историком-любителем, блогером И. Петровым, слившим публикацию «Граней» и фрагменты «Дневника», опубликованные Н.А. Ломагиным (об этой публикации см. ниже). См.: URL: <http://labas.livejournal.com/tag/осипова>

фрагмент записи от 18 августа 1941 г.; в записи от 27 апреля 1944 г., сделанной после переезда в Ригу, выпущен следующий фрагмент: «И немедленно же зажили другой и полной жизнью. Масса знакомых. Живем в том самом гетто, из которого только недавно вывезли евреев. И это несколько омрачает наше существование».

В 2002 г. в сборнике «Неизвестная блокада» Н.А. Ломагиным были опубликованы фрагменты «Дневника коллаборантки» по рукописи, хранящейся в архиве Гуверовского института⁸⁵. Публикатор, очевидно, не знал о том, что значительная часть дневника ранее появилась в «Гранях», так же, как не идентифицировал личность автора. Купюры, сделанные публикатором в тексте, не везде обозначены. В эту публикацию вошли некоторые фрагменты «Дневника», не включенные в публикацию «Граней».

В настоящем издании «Дневник коллаборантки» впервые публикуется полностью и без каких-либо купюр. Текст публикуется по рукописи (машинописная копия), хранящейся в Архиве Гуверовского института при Стэнфордском университете (Калифорния, США).

II

Об авторе двух других текстов, включенных в настоящий сборник, Владимире Дмитриевиче Соколове мы знаем гораздо больше, чем о Лидии Осиповой. Хотя некоторые страницы его биографии не вполне ясны. Соколов принадлежал к младшему поколению внутренних эмигрантов. Как и сотни тысяч советских людей, он стал если не отверженным, то не вполне полноценным членом общества по рождению. Его дед, по воспоминаниям Соколова, был ректором Духовной семинарии и редактором большой газеты. Соколов родился в 1913 г. в семье юриста. Окончил школу-девятилетку в Орле, пытался поступить в Московский и Ленинградский университеты, но не был принят из-за «социальной чуждости». Чтобы обойти это ограничение, он проработал два года рабочим на заводе, а в 1932 г., указав в графе социальное происхождение «рабочий», поступил в Орловский педагогический институт, стал школьным учителем литературы. Согласно его собственному рассказу, в 1937 г. «бежал из-под ареста», ушел в подполье, жил под фальшивыми именами, часто менял место жительства, потом устроился преподавателем в техникум в Воронежской области. Несколько странным выглядит то, что он, как будто скрывавшийся от ареста, стал завучем. По сведениям лидера НТС

---

⁸⁵ Неизвестная блокада: в 2 т. / сост. Н.А. Ломагин. СПб., 2002. Т. 2. С. 441–474.

В.М. Байдалакова, Соколов до войны был «газетным работником»⁸⁶. Сотрудничал ли на самом деле Соколов в советской печати, и какого характера было это сотрудничество, неясно, как неизвестен и источник сведений Байдалакова. Однако в целом можно согласиться с мнением не слишком доброжелательно относившегося к Соколову Б.В. Прянишникова о его «неясном советском прошлом»⁸⁷.

Перед войной и первые 14 месяцев войны Соколов жил и работал под Воронежем. В августе 1942 г. вернулся в оккупированный Орел.

Солдат Геббельса

Орел был захвачен 3 октября 1941 г. 4-й дивизией 2-й танковой армии Гудериана. В течение двух лет немцы контролировали Орловскую область с миллионным русским населением. В целях сохранения лояльности населения в условиях активизации партизанского движения, а также в целях рекрутирования коллаборантов чрезвычайно важной считалась пропагандистская деятельность, которую в Орле осуществляла 693-я рота пропаганды, подчинявшаяся Отделу военной пропаганды вермахта и Министерству просвещения и пропаганды и использовавшая их методы и материалы. Простая, но эффективная, по мысли Геббельса, нацистская пропаганда строилась вокруг центрального концепта врага-еврея: под видом коммунистов евреи правили и правят Советским Союзом («жидобольшевизм»), из-за евреев затягивается война и откладывается победа Германии и восстановление нормальной жизни в «освобожденной России», еврейская плутократия контролирует политику Америки и Великобритании и т.п.⁸⁸

Основными каналами пропаганды были курсы лекций (для учителей, городских чиновников, деревенских старост) и пресса. Главным оружием в арсенале 693-й роты пропаганды стала газета «Речь». В начале 1942 г. «Речь» была малотиражным информационным листком, печатавшим почти исключительно переводы немецких армейских

---

⁸⁶ В.М. Байдалаков — И.С. Микулинскому, 22 марта 1956 г. Цит. по: *Прянишников Б.В.* Новопоколенцы.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Однако, как показывают отчеты пропагандистов, русская публика не особенно заинтересовалась нацистской трактовкой еврейского вопроса, и привить ей антисемитизм в желательной степени не удавалось. См.: *Herzstein R.E.* Anti-Jewish Propaganda in the Orel Region of Great Russia, 1942–1943: The German Army and Its Russian Collaborators // Simon Wiesenthal Center Annual. Vol. 6. URL: <http://motlc.wiesenthal.com/site/pp.asp?c=gvKVLcMVIuG&b=395147>

коммунике; и тем не менее она пользовалась спросом у людей, изголодавшихся по чтению и по новостям. С весны 1942 г. газету стали совершенствовать: были наняты русские корреспонденты, налажена сеть распространения в Орловской области. К концу лета в одном Орле уже было 6 тыс. подписчиков, а из деревень доходили слухи, что крестьяне обменивают на газеты хлеб и картофель; к концу года тираж достигал 100 тыс. экземпляров.

Чтобы эффективнее воздействовать на читателя, нацистским пропагандистам нужны были русские авторы, выразители местной юдофобии и антикоммунизма, способные совместить лозунги Министерства пропаганды с риторикой черносотенных листовок и памятью о еврейских погромах начала века. Русские сотрудники газеты получали определенные привилегии: они освобождались от трудовой повинности и могли не опасаться депортации в рейх; им полагался улучшенный продовольственный паек, при необходимости — квартира и даже садовый участок. Владимир Соколов, очевидно, сам предложил свои услуги как антикоммуниста, интеллектуала и литератора и стал — под псевдонимом Владимир Самарин⁸⁹ — автором, а затем и заместителем главного редактора «Речи». Главным («ответственным») редактором был Михаил Октан (Ильинич), инженер родом из Одессы, высоко ценимый нацистами за свою активную антисемитскую позицию и к лету 1943 г. награжденный уже девятью немецкими орденами⁹⁰.

Самарин регулярно публиковал в газете статьи, в том числе передовицы, подписываясь как псевдонимом (Вл. Самарин), так и инициалами «В.С.». Его тексты содержательно и интонационно похожи как капли воды и разрабатывают несколько тем: недостатки (точнее, зверства) большевистского режима, его ответственность за войну и грядущее поражение в ней, дефекты режима капиталистического, еврейская закулиса и скорая ее гибель, возрождение русского народа, государства и православия. Например:

Двадцать пять лет иудо-большевики терзали многомиллионный русский народ, истекавший кровью. <...> Сотни тысяч русских людей погибли в застенках НКВД, миллионы нашли преждевременную могилу в снегах Севера и тундрах Сибири. Но неравна была борьба, и русские люди знали, что только в войне падет большевизм. Война была неизбежна. Это

---

⁸⁹ Возможно, этот псевдоним был выбран в честь известного славянофила, философа и публициста Ю.Ф. Самарина (1819–1876). См.: *Herzstein R.E.* Op. cit.

⁹⁰ См. о нем: *Werth A.* Russia at War, 1941–1945. New York, 1965. Ch. 9; *Ковалев Б.Н.* Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород, 2009. С. 173, 203, 227, 278, 329.

видели все. И только тот, кто не хотел, не видел сумасшедшей подготовки большевизма к нападению на Европу. <...> Русский народ не хотел воевать. Но чуждое народу «правительство» средствами мощного аппарата пропаганды в течение долгих лет внушало народу мысль, что в будущей войне он будет защищать свою родину. Лицемерный прием обманул многих наивных русских людей, вообразивших, что СССР, государство иудеев и преступников, их родина. Эти люди повторяли заученные лозунги и даже сражались. Но таких было немного. <...> На освобожденной русской земле создается новая жизнь, не похожая на то, что видел народ в годы владычества иудеев-большевиков. <...> В освобожденных областях крестьянство получило землю, о которой мечтало много лет; в освобожденных областях восстанавливаются русские обычаи, возрождается русская церковь, оскверненная и поруганная иудеями⁹¹.

Евреи захватили власть не только в СССР, но и в других странах, и лишь национал-социалистическая Германия сумела сбросить еврейское иго. Этому была посвящена статья Самарина «Англия и еврейство», в которой воспроизводились стандартные тезисы нацистской пропаганды о завоевании мира евреями, разрушении ими нравственных устоев народов и т.д.

Попытки бороться с еврейским засильем в разных странах не привели к желательным результатам, и только в Германии, где национал-социализм открыл народу глаза, указав ему на страшную опасность, грозящую самому существованию народа, власть еврейства рухнула. Ответом на это была война, спровоцированная мировым еврейством. Против Германии выступили Англия и СССР, а потом США, страны, в которых власть безраздельно принадлежит еврейству.

Еврейский марксизм и еврейский капитализм оказались братьями по крови и плоти.

Перед глазами изумленного мира Черчилль — олицетворение капитализма, и Сталин — олицетворение марксизма, протянули друг другу руку⁹².

«Отдал дань» Самарин и юдофобской классике — «Протоколам сионских мудрецов», посвятив этому тексту специальную статью. Наряду с традиционными сетованиями о завоевании мира евреями, в статье содержался не менее традиционный тезис нацистской пропаганды о том, что «Джугашвили-Сталин, с точки зрения еврейства, — вполне подходящий человек» для того, чтобы сидеть на российском престоле. «И он на престоле, на жидовском престоле, воздвигнутом жидами и их слугами на костях миллионов русских людей»⁹³.

---

⁹¹ Речь. 1943. 3 янв. № 2 (185). С. 1.

⁹² Речь. 1943. 10 янв. № 4 (187). С. 1.

⁹³ Речь. 1943. 20 июня. № 70 (253). С. 2.

Антисемитизм был «нормой» оккупационных газет, однако даже на этом фоне статьи Самарина выделяются своей неистовостью. О чем бы он ни писал, тезис о вездесущей «руке жидов» появляется почти всегда. Например, рассуждая о порче русского языка при большевиках («Наш язык»), Самарин именуется советские сокращения (СССР и др.) «каббалистическими знаками жидовской терминологии»⁹⁴.

Самарину хорошо удавалась русификация геббельсовской антисемитской, антисоветской и антиамериканской пропаганды⁹⁵, и, судя по отчетам 693-й роты пропаганды, его высоко ценили: весной 1943 г. он был награжден двумя орденами. В 1942 г. Самарина отправили в пропагандистский тур в Германию, по возвращении из которого он должен был восхвалять условия жизни в Третьем рейхе, гуманизм и справедливость законов, социальный порядок и волю к победе. Самарин отчитался, в частности, такой одой:

Как живет германский народ

Объехав почти всю Германию, я могу сделать общие выводы о жизни германского народа. Нужно говорить именно о жизни всего народа, потому что в Германии нет классов, на которые искусственно разбивают народ большевики. <...> В Германии нет такой пропасти между жизнью людей, стоящих в управлении страной, и людей мелких профессий, какая есть, например, в Америке или Англии, где одни купаются в роскоши, а другие валяются под мостами и спят на скамейках парков. <...> По улицам [германских городов] движутся потоки людей, среди которых, сколько бы вы ни смотрели, вы не найдете ни одного человека, на котором была бы рваная одежда, или обувь, или одежда в заплатках. Я понимаю, что читателю, привыкшему к нищенскому виду советской толпы, трудно этому поверить, но это именно так, и я нисколько не преувеличиваю. <...> В одежде немцев, кроме ее добротности, можно отметить вкус и известную скромность. Об обеспеченности и общем материальном уровне населения свидетельствуют еще жилища. <...> В Германии нет вообще квартиры из одной комнаты. Самая маленькая квартира состоит из двух комнат. <...> Чистота абсолютная <...> во всех германских жилищах, красивая обстановка. <...> Война, понятно, наложила свой отпечаток на жизнь, но мы, не видевшие Германии довоенной, не видели там почти никаких признаков войны. Взять хотя бы жалование. Оно не уменьшилось с введением налогов, как это произошло в Советском Союзе, где люди получают фактически половину заработанных денег. <...> Во всяком случае, во всем видно неуклонное стремление правительства приблизить условия жизни к нормальным, довоенным, стремление облегчить народу жизнь в условиях войны. Это стремление

⁹⁴ Речь. 1943. 28 февр. № 25 (208). С. 2.

⁹⁵ Подробнее о влиянии Геббельса на публикации в «Речи», вплоть до текстуальных совпадений, см.: *Herzstein R.E.* Op. cit.

вполне естественно и понятно, ибо оно вытекает из общего принципа национал-социализма: «Человек — это самое главное». <...> И в этом залог победы Германии⁹⁶.

Относительно победы Германии Самарин, как мы знаем, несколько поторопился. В день выхода его статьи до капитуляции германской группировки, окруженной Красной армией под Сталинградом, оставался ровно месяц.

В июле 1943 г. началось контрнаступление Красной армии на орловском участке фронта, и в начале августа советские войска вошли в город. Редакция «Речи» переместилась в Брянск, а затем в Бобруйск. Осенью 1944-го г. вместе с отступающей немецкой армией Самарин отправился в Германию и до конца войны продолжал свою пронацистскую журналистскую деятельность, печатаясь в берлинских пропагандистских русскоязычных газетах «Воля народа» и «Заря».

В эмигрантских кругах

После окончания войны и оккупации Германии войсками союзников Самарину удалось избежать насильственной репатриации в СССР. Он обосновался в Гамбурге, где принял самое деятельное участие в работе основанного здесь осенью 1945 г. отделения НТС. По словам Прянишникова, «в Гамбурге же он принял деятельное участие в разгоревшейся склоке, разделившей отделение на т.н. “деловиков” и “духовиков”. Первые настаивали на массовом наборе членов, вторые же отстаивали идейный и духовный моменты при приеме новых членов». В 1947 г. Самарин стал председателем отделения. В следующем году разногласия в отделении достигли своего пика, в результате некоторые видные его члены из «подсоветской интеллигенции» вышли из НТС; Самарин остался, причем быстро продвинулся в иерархии НТС⁹⁷.

В 1946–1948 гг. Самарин редактировал выходивший в Гамбурге еженедельный бюллетень «Путь», издававшийся Комитетом по делам беженцев православного вероисповедания. В 1949–1951 гг. он был заместителем главного редактора издававшегося НТС еженедельника «Посев». Начиная со второй половины 1940-х гг., Самарин часто публиковался в эмигрантской печати не только в издававшихся НТС или связанных с ним «Посеве» и «Гранях», но и в нью-йоркском «Новом русском слове», парижских «Возрождении» и «Русской мысли».

---

⁹⁶ Речь. 1943. 3 янв. № 2 (185). С. 2–3.

⁹⁷ Прянишников Б.В. Указ соч.

В мае 1951 г. в Венторфе Самарин подал ходатайство на получение американской иммиграционной визы (согласно Закону о перемещенных лицах 1948 г., разрешившему внеочередной въезд в страну ди-пи и беженцев, кроме сотрудничавших с нацистами). Визу он получил в тот же день (что говорит о не слишком тщательной проверке) и был допущен в США в июне, подписав affidavit, где в том числе говорилось, что он «никогда не участвовал ни в каком движении, враждебном Соединенным Штатам Америки» и «никогда не поддерживал <...> преследование по расовому, религиозному или национальному признаку»⁹⁸.

По версии Б.В. Прянишникова, в то время председателя нью-йоркского отделения НТС, Самарина прислало в США Исполнительное бюро НТС. Дело в том, что Прянишников, основавший в Нью-Йорке отделение НТС, попросился в отставку в связи с болезнью, переутомлением и желанием заняться изучением СССР. Его-то и сменил Самарин, которому Прянишников передал дела 20 сентября 1951 г., как с протокольной точностью отмечает он в своих воспоминаниях. По утверждению Прянишникова, Самарин «оказался типичным советским партаппаратчиком» и завел в отделении «“отдел кадров” по образу и подобию ВКП(б), с доносчиками и соглядатаями... Все новопоколенческое подверглось притеснениям, под его руководством начались интриги и подсиживания, в конечном счете приведшие к острому кризису и развалу отделения»⁹⁹.

Оценки Прянишникова далеки от объективных. Ввиду разногласий с руководством НТС он в составе группы из 23 членов нью-йоркского отделения 10 августа 1954 г. заявил о выходе из организации и об учреждении Инициативной группы по созданию организации свободных солидаристов. Любопытно, что к Инициативной группе присоединились в Германии Н.И. и Л.Т. Осиповы. Инициатива осталась лишь инициативой, серьезной организации Прянишникову и его сторонникам создать не удалось, и в 1968 г. группа прекратила свое существование¹⁰⁰. Обвинения в «советизме», большевистских методах и т.п. стандартны для эмигрантских склок, и насколько они соответствовали действительности, судить трудно.

---

⁹⁸ United States of America, Appellee, v. Vladimir Sokolov, a/k/a Vladimir Dmetrivich Sokolov, Vladimir Sokolov-Samarin, Vladimir Samarin, Appellant. No. 524, Docket 86-6157. United States Court of Appeals, Second Circuit. Argued Dec. 12, 1986. Decided March 24, 1987 // The Federal Reporter. 2nd ed. Decisions of the Federal Courts of Appeals. Vol. 814: March–April 1987. F.2d864. URL: <http://cases.justia.com/us-court-of-appeals/F2/814/864/336085/>

⁹⁹ Прянишников Б.В. Указ соч.

¹⁰⁰ Там же.

Полагаем, что не слишком правдоподобна «конспирологическая» теория Прянишникова о том, что Самарина прислало в Нью-Йорк Исполнительное бюро НТС. Вряд ли оно располагало возможностями (включая материальные), чтобы отправить Самарина в США. Скорее всего, раз уж Самарин получил разрешение на иммиграцию, Исполнительное бюро просто использовало эту возможность, чтобы поставить во главе нью-йоркского отделения своего человека. Стремление же уехать за океан было широко распространено среди перемещенных лиц (ди-пи) в Германии: во-первых, подальше от советских спецслужб, во-вторых, привлекали более высокий уровень жизни так же, как большие возможности найти работу.

Работу Самарин действительно нашел, и весьма неплохую. В 1952–1956 гг. он служил литературным редактором в издательстве им. Чехова, спонсировавшимся Фондом Форда. Издательство публиковало литературные, исторические, мемуарные и научные произведения, которые не могли быть изданы в СССР. За сравнительно недолгий период своего существования издательство выпустило 178 книг 129 авторов. Львиную долю составляли произведения эмигрантов. Работа в издательстве способствовала расширению литературных и общественных связей Самарина. Среди его корреспондентов, наряду с эмигрантскими политическими деятелями (А.Ф. Керенским, Б.И. Николаевским, Д.Ю. Далиным и др.) — литературные мэтры «первой волны» русской эмиграции: Г.В. Адамович, М.А. Алданов, Б.К. Зайцев, Г.В. Иванов, писатели «второй волны»: С.С. Максимов и Н.В. Нароков и многие другие. Среди бумаг Самарина в Библиотеке Бейнеке в Йельском университете сохранилась корректура книг И.А. Бунина, вышедших в издательстве им. Чехова — сборников, в один из которых вошли «Митина любовь» и «Солнечный удар», в другой — рассказы под общим названием «Весной, в Иудее»¹⁰¹.

Корреспонденты Самарина не подозревали, какого рода тексты писал их младший коллега в орловской нацистской газете.

В 1959 г. Самарин был принят на работу преподавателем русского языка и литературы в Йельский университет, один из лучших в США. Это была мечта любого иммигранта.

Одним из наиболее близких интеллектуально и политически русских в США был для Самарина Николай Владимирович Нароков (Марченко) (1887–1969), по-видимому, наиболее крупный писатель второй волны эмиграции. В 1962 г. Нарокову исполнилось 75 лет, в связи с чем возникла проблема: что писать (и писать ли?) о его дея-

---

¹⁰¹ Yale University, Beinecke Rare Book and Manuscript Library, Vladimir Samarin correspondence and other papers.

тельности во время войны, когда Нароков сотрудничал в оккупационных газетах?

Самарин собирался опубликовать о Нарокове юбилейную статью в «Гранях». В связи с этим он писал автору «Мнимых величин» 10 декабря 1962 г., реагируя на замечание Нарокова о том, что дразнить гусей не нужно:

Теперь по поводу времен войны. Напишу так, как Вы скажете, что скажете. То есть, очевидно, Вы захотите, чтобы я ничего не писал. Я не напишу, но останусь при своем твердом мнении: писать уже нужно!

«Гусей»... не дразнить нужно, а, как у нас в Стрелецкой слободе под Орлом говорили: «Уступком бы им между глаз!»

«Уступком» — не стоит, а плюнуть на них с высокого балкона вот как стоит! И я лично давно уже на них плюнул, то есть просто не думаю о них...

«Мы пред нашей Россией и в трудное время чисты!»

И это главное! А все остальное — к шуту!¹⁰²

Поразительно в этом контексте — и в контексте деятельности Самарина и Нарокова во время войны — цитирование бывшим сотрудником нацистской газеты стихотворения советского поэта-фронтовика Семена Гудзенко «Мое поколение» (1945). Напомним некоторые строки этого знаменитого стихотворения Гудзенко, умершего 30-летним, как он и предрекал, не от старости, а от старых ран:

Нас не нужно жалеть, ведь и мы никого б не жалели.
Мы пред нашим комбатом, как пред господом богом, чисты.
На живых порыжели от крови и глины шинели,
на могилах у мертвых расцвели голубые цветы.

...

Нас не нужно жалеть, ведь и мы никого б не жалели.
Кто в атаку ходил, кто делился последним куском,
Тот поймет эту правду, — она к нам в окопы и щели
приходила поспорить ворчливым, охрипшим баском.

...

...Нас не нужно жалеть, ведь и мы никого б не жалели,
Мы пред нашей Россией и в трудное время чисты.

Россия, однако, вовсе не считала, что Самарин перед нею чист. Сомнительной — что было для Самарина гораздо важнее с практиче-

---

¹⁰² В.Д. Самарин — Н.В. Нарокову 10 декабря 1962 // Yale University, Beinecke Rare Book and Manuscript Library, Vladimir Samarín correspondence and other papers, GEN MSS 295, Box 1, Folder 51.

ской точки зрения — его «чистота» оказалась и для Америки. Но об этом немного позднее.

Самарин, по его собственным словам, не был подвержен ностальгии: «Ностальгия начинается, наверно, тогда, когда ослабевают другие чувства, когда ослабевает, тухнет то, что называется в эмиграции непримиримостью». Его взбесил восторженный прием, оказанный в США Евгению Евтушенко, делавшему, по его мнению, реверансы в сторону эмиграции с целью склонить ее к примирению с советским режимом: «Я был глубоко возмущен той свистопляской, — писал он Нарокову, — какую подняли вокруг приезда этого типа. Я говорю не об американцах. О них говорить нечего: когда Бог захочет наказать, он отнимает разум. Я говорю об эмиграции. На его эстрадные выступления бежали сломя голову, вылупив глаза, высунув языки. Тьфу!»¹⁰³

Работа для Программы по изучению СССР

В первой половине 1950-х гг. Самариным были написаны два текста для Программы по изучению СССР Колумбийского университета в Нью-Йорке. Эти тексты включены в настоящий сборник. Программа по изучению СССР спонсировалась Восточноевропейским фондом (подразделением Фонда Форда) и была рассчитана на пять лет (1950–1955). Руководителем программы был Филипп Мозли, профессор Колумбийского университета и директор созданного при университете в 1951 г. Архива русской и восточноевропейской истории и культуры. Архив ныне более известен как Бахметевский. Это имя было присвоено архиву в 1975 г. в честь одного из его основателей Б.А. Бахметева, бывшего российского посла в США, видного деятеля эмиграции и профессора Колумбийского университета, завещавшего ему свое состояние. Заместителями Мозли были историки Александр Даллин и Роберт Шлюссер.

Особо отметим участие в этой программе Александра Даллина, сына видного меньшевика и эмигрантского публициста Давида Далина. Александр Даллин (слегка модифицировавший фамилию своего отца) работал в это время над диссертацией по истории нацистского оккупационного режима в СССР. Впоследствии на основе своей диссертации он опубликовал фундаментальный труд «German Rule in Russia» (1957)¹⁰⁴.

Работа программы заключалась преимущественно в заказе бывшим советским гражданам — эмигрантам второй волны и перебежчи-

---

¹⁰³ В.Д. Самарин — Н.В. Нарокову 5 января 1967 // Vladimir Samarin correspondence, GEN MSS 295, Box 1, Folder 51.

¹⁰⁴ *Dallin A. German Rule in Russia, 1941–1945: A Study of Occupation Policies.* London, 1957.

кам на Запад (а таковые насчитывались десятками, если не сотнями) текстов в сфере их компетенции. Нетрудно заметить, что программа Колумбийского университета реализовывалась практически параллельно со знаменитым Гарвардским проектом (1949–1953). Однако если сотрудники Гарвардского проекта ставили своей целью изучение советской социальной системы и отношение к ней населения, они интервьюировали сотни эмигрантов, и уровень профессиональной компетентности респондентов не имел для них решающего значения, то сотрудники Программы по изучению СССР хотели получить квалифицированную информацию о механизме функционирования советских институций, об экономике, науке, культуре.

Среди текстов, написанных для Программы, значительная часть посвящена военному времени и послевоенному периоду. Другие работы сгруппированы по следующим темам: 1) преследование религии и антирелигиозная пропаганда; 2) история Коммунистической партии и комсомола; 3) промышленное развитие; 4) сельское хозяйство, лесоводство, естественные ресурсы; 5) наука и техника; 6) литература и история национальных меньшинств; 7) театр, музыка, кино; 8) русская литература; 9) геология, зоология, горное дело, биология, химия, генетика; 10) городское строительство, жилищный вопрос. Наиболее интересные тексты были размножены программой на mimeографе. Некоторые переведены на английский и изданы в виде статей или «нормальных» книг. По завершении работы программы материалы были переданы в Архив русской и восточноевропейской истории и культуры. Они занимают 58 коробок.

Самарин написал по заказу Программы два текста — «Гражданская жизнь под германской оккупацией (1942–1944)» и «Советская школа в 1936–1942 гг.». «Гражданская жизнь...» была размножена на mimeографе и вышла в серии публикаций Программы в 1954 г. под номером 58 на русском языке, но с английским названием «Civilian life under German occupation, 1942–1944». В настоящем издании воспроизводится по экземпляру, хранящемуся в Бахметевском архиве, фонд Программы по изучению СССР, коробка 55. Статья «Советская школа...» была переведена на английский язык и вошла в сборник «Советское образование», вышедший в издательстве Колумбийского университета¹⁰⁵. В нашем издании печатается по оригиналу (машинопись, 46 страниц) на русском языке, находящемуся в указанном выше фонде, коробка 38. Оба текста предоставлены Бахметевским архивом и печатаются с его разрешения.

Тексты Самарина представляют собой гибрид трактата и воспоминаний. Рассуждения Самарина довольно любопытны (прежде

---

¹⁰⁵ Soviet education / ed. by G.L. Kline. New York: Columbia University Press, 1957.

всего своей типичностью), но наибольший интерес представляют воспоминания, инкорпорированные в его записки. Правда, здесь ему приходилось лавировать: с одной стороны, он дает понять, чем занимался в период оккупации, с другой — ни разу напрямую не говорит, кем служил. Так, говоря о редакции «Речи», Самарин сообщает, что в ней «работало 6–7 человек: редактор, его заместитель, три сотрудника, в том числе корректор, машинистка и переводчик»¹⁰⁶. Род своей деятельности он не упоминает: ведь согласно им же заполненным документам, Самарин числился корректором, а не заместителем редактора, регулярно публиковавшимся на страницах газеты.

Эволюция отношения к оккупантам, нарисованная Самариным в «Гражданской жизни...», практически идентична той, которую мы видим в дневнике Осиповой: надежды на освобождение, разочарование, обретение выхода в присоединении к власовскому Русскому освободительному движению. Так же, как и Осипова, он отстаивает мысль, что сотрудничество с нацистами было оправдано и что большевики все равно большее зло. Эту мысль он вкладывает в уста своего друга: «Не помогать нам пришли немцы большевизм сбросить... И все-таки, если бы мы даже заранее знали, зачем они к нам идут — мы бы пошли по тому же самому пути: сначала сбросить большевиков...»¹⁰⁷

Самарин, описывающий в своем «мемуарном трактате» не только зверства оккупантов, но их презрительное отношение к русским, постоянные унижения, которым подвергались жители оккупированных территорий, не исключая тех, кто шел на сотрудничество с нацистами, констатирует:

Антинемецкие настроения разлились широкой волной по всей оккупированной России. Немцев стали ненавидеть. Все. И в том числе, убежденные антибольшевики, принимавшие самое активное участие в борьбе с большевизмом, стоявшие рядом с немцами.

И все же:

Стиснув зубы, стояли на своем посту антибольшевики. Перед их глазами же стояло два призрака: немецкий гитлеризм и большевизм. Что же страшнее?

Одни не выдерживали, уходили в лес, к партизанам, начинали беспощадно бить немцев. Другие по-прежнему непоколебимо стояли на своем — сначала разбить большевизм! И верили, что поработить Россию немец не сможет, как никто и никогда не сможет ее поработить!¹⁰⁸

Логические противоречия в рассуждениях Самарина очевидны. Согласно Самарину, он и его единомышленники «верили» в то, что

---

¹⁰⁶ Самарин В.Д. Гражданская жизнь. См. наст. изд. С. 288.

¹⁰⁷ Там же. См. наст. изд. С. 262–263.

¹⁰⁸ Там же. См. наст. изд. С. 272.

немцам не удастся поработить Россию. Но в то же время служили им, содействовали порабощению. «Диалектическая» формула Самарина, гласившая, что русские, боровшиеся с большевиками, стояли «рядом» с немцами, легко опровергается его же собственными текстами военного времени. Они были не рядом, а вместе с ними. Лакмусовой бумажкой здесь служит «еврейский вопрос».

По словам Самарина, «немецкая пропаганда, тесно связанная с немецкой политикой, имела две основные, весьма примитивные линии: 1) Германская армия освободила русский народ. 2) Во всех страданиях русского народа виноваты евреи... Немцы требовали, чтобы антисемитизм пронизывал всю пропаганду. Русские антибольшевики противились этому»¹⁰⁹.

После появления открытого письма генерала А.А. Власова, опубликованного в начале марта 1943 г., в котором тот «открыто и честно» заявлял, что становится на путь союза с Германией, но, в самом деле, ни разу не употреблял слово «еврей», согласно Самарину «нотки антисемитизма стали звучать значительно слабее. Ряд газет и журналистов вообще не касались этой темы»¹¹⁰.

Самарин, однако, к числу этого «ряда» журналистов не относился. Как мы видим из цитированных выше текстов Самарина, накал его антисемитской риторики ничуть не снизился, а статья, посвященная «классике» антисемитизма — «Протоколам сионских мудрецов», была опубликована в «Речи» 20 июня 1943 г., за полтора месяца до освобождения Орла Красной армией.

Так что Самарин, что бы он ни думал про себя о нацистах, остался верен «линии Геббельса» до конца.

Опыты в изящной словесности

В 1960–1970-е гг. в Вашингтоне и Нью-Йорке вышло пять сборников малой прозы В.Д. Самарина: «Песчаная отмель»¹¹¹ (1964), «Тени на стене» (1967), «Цвет времени» (1969), «Далекая звезда» (1972), «Теплый мрамор» (1976).

¹⁰⁹ Самарин В.Д. Гражданская жизнь. См. наст. изд. С. 283, 284.

¹¹⁰ Там же. См. наст. изд. С. 285.

¹¹¹ «Песчаная отмель» получила неплохие отзывы, а Б.К. Зайцев написал о ней издателю книги Б.А. Филиппову: «...Большое спасибо за Самарина. Я не знаю его лично, но кое-какие литературные отношения были. На расстоянии у меня к нему некая симпатия появилась. Книжечка очень укрепляет это расположение. Молодец. Хорошо пишет, просто, сжато, плодоносно. Лишний раз показано, что и без фокусов и “словечек” можно дать как раз то, что нужно. Дай ему Бог здоровья». Филиппов переслал этот отзыв Самарину, а тот в свою очередь процитировал в письме к Нарокову (В.Д. Самарин — Н.В. Нарокову 15 января 1965 // Vladimir Samarin correspondence, GEN MSS 295, Box 1, Folder 51).

За исключением сборника «Далекая звезда», состоящего из довольно пространных путевых очерков, остальные книги содержат по большей части короткие — на полторы–три страницы — рассказы, которые избытуют однотипными элементами и легко классифицируются на несколько групп по сюжету и хронотопу.

Один из излюбленных автором сюжетов, помещаемый в различные пространственно-временные рамки, но преимущественно — в довоенный Советский Союз, следующий: безмятежная экспозиция — яркое или, по крайней мере, приятное, эротическое переживание — неожиданная катастрофа. Подобная контрастная концовка — внезапная смерть героя или иное событие, резко обрывающее его благополучное существование, — характерна для многих рассказов Самарина, в том числе и не содержащих любовного приключения или его прелюдии. Эта катастрофа может быть как функцией конкретной политической обстановки, так и вполне вневременной трагедией:

В этот день началась война.

На рассвете он умер от инфаркта.

Она погибла случайно: в перестрелке полицейских с бандитами¹¹².

Но завтра не было. Меня ждала повестка из военкомата.

Больше я его не видел. Из газетной заметки узнал, что на другой день после нашей встречи его машина на большой скорости столкнулась с грузовиком¹¹³.

Проводив после ужина Евгению Петровну, Пронин медленно пошел к больнице. Небо бархатом темнело, звездами искрилось, и звезды словно переговаривались между собою, посылали непонятные человеку сигналы. Этой же ночью его арестовали¹¹⁴.

В этих «обрывах» можно видеть как художественный прием, проистекающий из неспособности или нежелания автора развить сюжет, как способ эффектно закончить короткий текст, так и естественное отражение — или намеренное конструирование — восприятия жизни советским человеком 1940-х гг.: в любой момент ожидают нападения врага, ареста или иного бедствия, сидят на чемоданах, спят на узлах, живут в режиме «завтра была война».

Хронотопы самаринских рассказов в основном автобиографичны: довоенная жизнь в Советском Союзе, оккупация, лиминальное пребывание в Германии, эмиграция в Америку, иммигрантская

---

¹¹² Самарин В.Д. Песчаная отмель. Вашингтон, 1964. С. 6, 8, 9.

¹¹³ Он же. Тени на стене. Нью-Йорк, 1967. С. 8, 53.

¹¹⁴ Он же. Цвет времени. Нью-Йорк, 1969. С. 18.

жизнь, путешествия в Европу. В повествовании о военных и послевоенных годах присутствует апологетика коллаборантства и осуждение партизанской деятельности. «Хорошие» коллаборационисты — старосты, старшины, начальники полиции — заботятся о вверенных им людях, восстанавливают разоренные большевистским режимом деревни, хозяйство, разрушенные в войну заводы, стремятся «свалить усатого», а потом и немцев прогнать, то есть выступают настоящими российскими патриотами, а отнюдь не продажными изменниками.

Партизаны, напротив, занимаются исключительно истреблением — случайным или намеренным — невинных людей: семей коллаборационистов или просто мирного населения оккупированных территорий¹¹⁵. Партизаны были предметом пристального интереса Самарина: к теме партизанского движения он не раз обращался в своей публицистике 1950-х гг. Анализируя советские книги о партизанах и большевистском подполье, в том числе мемуары, он уличает их во лжи, регулярных фальсификациях и полном отрыве от реальности («криминальный роман», «низкопробная фантастика») и рисует «объективную» картину партизанского движения: руководили партизанскими отрядами НКВДисты, обычные люди попадали туда недобровольно, партизаны грабили крестьян и расстреливали без суда и следствия «полицаев», не ценили человеческую жизнь, использовали «уголовные методы». Подполье было из рук вон плохо организовано, не пользовалось поддержкой населения и долго бездействовало, а каких-то успехов стало добиваться только к 1943 г., и главная причина тому — жестко антироссийская политика немцев, оттолкнувших от себя русский народ. Победоносное подполье было подпольем русским, а не советским, в своих листовках оно взывало к российскому, а не советскому патриотизму («за родину» и «за Россию», а не «за партию и Сталина»).

По-видимому, интерес Самарина к этой теме был вызван позитивным образом партизанства как патриотического движения советского народа, сыгравшего ключевую роль в победе над фашизмом и в этом качестве противопоставляемого коллаборационизму не в пользу последнего, и, соответственно, потребностью дискредитировать партизан или описать их в иных категориях, дистанцировав от коммунистов и чуть ли не сблизив с коллаборантами, что Самарин — не без изящества — и делает: «...партизанское движение превратилось в один из тех факторов, которые привели большевиков к победе. Но значит ли это, что именно большевистская партия создала такое мощное подполье? Нет»¹¹⁶. «...Подвигами российских

---

¹¹⁵ См., напр.: Тени на стене. С. 45–50; Цвет времени. С. 34–37, 38–40; Теплый мрамор. Нью-Йорк, 1976. С. 11–12.

¹¹⁶ Фронт в тылу // Грани. 1953. № 17. С. 115.

людей — на обеих сторонах фронта — и тех, кто боролся в партизанских отрядах, и тех, кто боролся против них, — руководила одна идея: Россия. За нее гибли ковпаковцы, за нее гибли добровольцы антибольшевистских отрядов»¹¹⁷.

В ряду нескольких однотипных инвектив против партизан и апологий коллаборационистов в прозе Самарина самая, пожалуй, выразительная — рассказ «Топор в руке»:

Волостной старшина Андрей Галкин рубил новую избу. <...> Волостным старшиной Андрей Галкин стал, как говорят, самотеком. Немцы еще не пришли, а власти сбежали, и новой властью в селе стал колхозный счетовод Галкин, уговоривший мужиков колхоза не растаскивать, чтобы урожай вместе собрать и поделить. Так и сделали. В волости и действительно порядок был. Немцы в стороне держались и свои не бесчинствовали. Вернулись две семьи раскулаченных, им всем селом дома срубили. К Рождеству церковь отремонтировали и открыли. Галкин на клиросе пел, и когда в церковь входил, народ чинно расступался, дорогу давал волостному старшине. Приближалась зима, и с ней пришла беда. Ночью в селе разбросали листовки со смертным приговором Андрею Галкину, пособнику немецких оккупантов. Полиция прозевала, но собаки всю ночь выли: чужих чуяли. Узнал Галкин: сброшен в районе отряд парашютистов, чтобы привести в исполнение приказ из Москвы, из партизанского штаба. Приказал и он полиции быть готовой, а жену с детьми к отцу отправил, от лесов подальше. <...> Дом отца горел, а в нем все побитые. <...> Уходили парашютисты, отстреливались, а полиция одного и перехватили. <...> Страшно закричал парашютист. Не помнил Галкин, как топор в руке очутился. <...> Гакнул, как по сырому бревну, и вывернуло его тут же наизнанку. <...> И не мог больше жить он: то дети звали по ночам, то кричал парашютист перед страшной своей смертью. <...> Подошли на заре к волости партизаны. <...> Партизаны залегли, окопались. А он приказал своим с места не трогаться, один во весь рост через поле пошел. Там растерялись сначала, а потом — из автоматов. Так погиб мой друг Андрей Галкин¹¹⁸.

Если здесь автор солидаризуется с героем, называя его другом, то в другом рассказе апология сотрудничества с немцами более автобиографична, причем форма сотрудничества смягчена — фактическое руководство нацистской газетой трансформировалось в sporadическую публикацию поэтических опусов:

— Только, знаешь, Таня, я теперь не Николай...

И увидев испуг в ее глазах, поспешно добавил:

— Нет, нет, не думай ничего плохого. Понимаешь, я в оккупации был...

---

¹¹⁷ За спиной героев // Грани. 1954. № 21. С. 91.

¹¹⁸ Тени на стене. С. 28–30.

<...> Казалось, она несколько не удивляется, что ему удалось столько лет прожить под чужой фамилией, по чужим документам. Чтобы не корчевать тайгу двадцать лет... Почему двадцать? Редактора газеты, где помещал он свои стихи, осудили на двадцать пять лет, ну, а ему дали бы двадцать, не меньше¹¹⁹.

Обычным порядочным людям и патриотам-антибольшевикам противопоставлены отрицательные персонажи — коммунисты, чекисты, НКВДшники. Целый ряд сходных рассказов посвящен арестам, зверствам на допросах, побоям, пыткам, расстрелам: конвой поджег поезд с заключенными прямо перед бомбежкой, а сам бежал¹²⁰; невинному человеку на допросе в НКВД сломали руку¹²¹ и т.п. Жертвы режима если не погибают, то в годы войны торжествуют над своими врагами, по крайней мере, временно: один персонаж становится командиром отряда власовцев и берет в плен следователя, который некогда мучил его в застенках НКВД¹²²; другой — из концлагеря возвращается в родные края и становится начальником управы при немцах¹²³.

В отличие от газетных публикаций Самарина военного времени, в его прозе тема «жидобольшевизма» никак не фигурирует, и ненависть к коммунистическому режиму остается чиста от антисемитских коннотаций, за исключением одного крохотного эпизода, где символом большевизма представлен Л.Д. Троцкий, в крайне одиозном облике которого подчеркнуты еврейские черты. Персонаж вспоминает события, последовавшие за октябрём 1917 г.: «...ледяной прокуренный зал, и щуплый человек на трибуне со старомодным пенсне на хищном носу, выкрикивающий, выплевывающий ненависть ко всему живому и живущему...»¹²⁴

Душевная низость и прочие прискорбные черты внутреннего мира самаринского героя-коммуниста проявляются в его внешности, каковая может не быть еврейской, но и от типично русской — по желанию автора — отличается:

Плыл на обратном пути с нами советский дипломат невысокого ранга и такого же невысокого интеллекта. Мрачная личность. Глаза водянистые, желваки на скулах ходят, будто собственные зубы перегрызает и перегрызть не может. Смотрит волком. И на русского не похож. Нелюдь какая-то¹²⁵.

---

¹¹⁹ Песчаная отмель. С. 11–12.

¹²⁰ Человеческий крик // Тени на стене. С. 24–25.

¹²¹ Волчья падь // Цвет времени. С. 31–32.

¹²² Там же.

¹²³ Кепка с пуговкой // Цвет времени. С. 38–40.

¹²⁴ Песчаная отмель. С. 36.

¹²⁵ Далекая звезда. Нью-Йорк, 1972. С. 70.

Отрицательным русским-коммунистам противопоставляется положительный, точнее, полностью идеализируемый «русский человек», «русская душа», «русский народ»; временному большевистскому Союзу как абсолютному злу — вечная Россия как абсолютное добро. Настоящее русское всегда вне большевизма — хронологически (до революции) или географически (в эмиграции), либо в оппозиции ему; вообще концлагеря и эмиграция — единственная альтернатива для порядочного русского человека: «И только случайно, совершенно случайно сидишь ты в экспрессе Рим — Милан, а не лежишь в братской могиле зеков»¹²⁶. Русский дух также выражается в одноименной природе («русский лес», «русский луг»), которая нередко не то что бы описывается, но намечается несколькими штрихами с неизменным ностальгическим придыханием.

Отдельного упоминания заслуживает цикл «Необычные рассказы»¹²⁷, в котором Самарин демонстрирует несвойственные ему в других текстах фантазию и юмор. «Необычные рассказы» — это сатира на советскую (и вообще тоталитарную) систему, акцентуирующая ее бюрократизированность, невежество и глупость правящей элиты, ее параноидальный страх потерять власть и т.п. Например, такой сюжет: «Главбюро Центрального комитета Партии-водительницы» в панике обсуждает полученную анонимку о том, что Земля вот-вот врежется в планету Пятак, потом вызывает ученых, которые выявляют тут мистификацию, скомбинированную из фрагментов детской фантастики. Другой рассказ высмеивает большевистскую аграрную политику вкупе с геронтократией: в стране проводится «коллективизация мышей» — ради изъятия у них подхвостного жира, который якобы дает Эликсир Жизни, столь необходимый Главбюро. Ведь «все они старели, дряхлели и никакими решениями нельзя было остановить этого естественного, не научного, не марксистско-ленинского процесса. Сам генсек молодцевато выпячивал грудь, хорохорился, но вздрагивал при каждом перебое сердца, не давал покоя персональному врачу, известному академику, специалисту по сердечным и кишечным болезням: кишечник генсека тоже работал с перебоями. Главного уполномоченного по идеологии, в просторечии главидола, мучила сварливая жена и печонка. У главного уполномоченного по безопасности, главбеса, было неизлечимое воспаление периферийной нервной системы...»¹²⁸

---

¹²⁶ Далекая звезда. 1972. С. 61.

¹²⁷ Теплый мрамор. С. 34–70.

¹²⁸ Там же. С. 39.

Венчает цикл следующий футурологический сюжет: прилетают инопланетяне и спасают человечество от дурных правителей, которых отдают их народам на справедливую расправу. Это отнюдь не мессианская утопия, а, скорее, антисоветская, но остающаяся в рамках советской эстетики готическая фантазмагория.

Разоблачение

Самаринский лирический герой в свой эмигрантский период спокоен, доволен собой и жизнью. Доволен собой и жизнью и автор новелл. Если его что-то и волнует, то разве что качество собственной прозы.

В университете мы с женой вместе. Дело — наше родное, близкое и любимое, — сообщает он Нарокову. — Пишу литературные заметки в «Новое русское слово», работаю над новыми рассказами. Работаю, переделываю и все не то, что хотелось бы¹²⁹.

Похоже, правда, что «полагающаяся» писателю неудовлетворенность собственным творчеством немного напускная. Тут же следует сообщение о хвалебных отзывах, полученных им на «Песчаную отмель»; в особенности ценными для него были отзывы патриарха эмигрантской литературы Бориса Зайцева и первого критика эмиграции Георгия Адамовича. Причем об отзыве Зайцева Самарин сообщал Нарокову повторно¹³⁰.

Его внутренняя безмятежность, равно как и внешнее благополучие и безнаказанность могут показаться удивительными. Безнаказанность автора объясняется несколькими причинами. Во-первых, проникновением и благополучным проживанием в США нацистские преступники и коллаборационисты обязаны халатности и некомпетентности миграционных служб. В соответствии с законами о перемещенных лицах и о защите беженцев в США въехало около 550 тыс. человек, из которых, по разным подсчетам, от одной до десяти тысяч прежде сотрудничали с нацистами¹³¹. Исследователи объясняют этот факт неэффективностью проверки заявителей на въезд в США, которую проводила Международная организация по делам беженцев, а затем специальная комиссия при Конгрессе США и контрразведка; неэффективность была вызвана несколькими причинами: многие клерки МОДБ сами были бывшими коллаборационистами, у американских оккупационных властей от-

---

¹²⁹ В.Д. Самарин — Н.В. Нарокову 6 июня 1965 г. // Vladimir Samarin correspondence, GEN MSS 295, Box 1, Folder 51.

¹³⁰ Там же. Ср.: В.Д. Самарин — Н.В. Нарокову. 15 января 1965.

¹³¹ *Lippman M.* The Pursuit of Nazi War Criminals in the United States and in other Anglo-American Legal Systems // California Western International Law Journal. 1998. Vol. 29. No. 1. P. 50.

существовали необходимые для проверок документы, в контрразведке заявления ди-пи рассматривали совершенно неквалифицированные люди — молодые призывники американской армии¹³². Уже в самой Америке обнаружением и депортацией нацистских преступников занималась Служба иммиграции и натурализации (СИН). Доктрина Трумэна, поменявшая акценты во внешней политике США, — борьба с нацизмом уступила место борьбе с коммунизмом — повлияла и на успешную абсорбцию в Америке бывших коллаборационистов, вызывавших доверие своим антикоммунизмом, и на приоритеты СИН, которая выявлением нацистских преступников занималась теперь лишь в последнюю очередь¹³³.

Во-вторых, как показывает изучение дела Самарина в архиве ФБР¹³⁴, он получил определенную протекцию за определенные услуги: «ФБР использовало Самарина для слежки за потенциальными коммунистами и советскими агентами в Соединенных Штатах»¹³⁵, а точнее, для проверки лояльности русских эмигрантских организаций (прежде всего, НТС) и выявления возможного советского влияния на эмигрантские организации. О Самарине и его прошлом было собрано несколько отзывов (в том числе, его коллег по Издательству им. Чехова и «Новому русскому слову», а также профессора Александра Даллина), и на их основании (или вопреки им) Джон Эдгар Гувер, глава ФБР, постановил: «Ввиду отсутствия фактической компрометирующей информации (т.е. поскольку *добровольное* пособничество Самарина нацистам не доказано. — Г.З.) мы будем просить его содействия в информировании нас о деятельности НТС в Соединенных Штатах и о какой-либо советской инфильтрации в русские антикоммунистические организации в Соединенных Штатах»¹³⁶.

Из дела Самарина не ясно, насколько эффективным агентом он оказался. Так или иначе, разоблачительный скандал, положивший конец его карьере, разразился лишь в 1976 г., спустя без малого двадцать лет после натурализации Самарина в США.

В апрельском номере единственного в Советском Союзе еврейского журнала «Советиш геймланд» («Советская родина»)¹³⁷ была опубликована статья Аркадия Сахнина, прозаика и журналиста, пи-

---

¹³² См.: *Задубровский О.В.* Проблемы выявления нацистских коллаборационистов в США в 1940–1960-х гг. // Вестник Новгородского государственного университета. 2007. № 41. С. 4–5.

¹³³ Там же. С. 6.

¹³⁴ The National Archives, Record Group 65, 100–100–409764, Box 039–040.

¹³⁵ *Goda N.J.* *Nazi Collaborators in the United States: What the FBI Knew* // R. Breitman et al. *US Intelligence and the Nazis*. Cambridge, Eng., 2005. P. 245.

¹³⁶ Цит. по: *Ibid.* P. 248.

¹³⁷ Советиш Геймланд. 1976. № 4. С. 143–149.

савшего для центральных газет, под интригующим названием «Кто он?». Сахнин рассказал историю о том, как он якобы совершенно случайно вышел на своего героя:

Орел — родина великого русского писателя Ивана Сергеевича Тургенева. Музей Тургенева находится на улице, названной его именем. Конечно же, я не мог пройти мимо. Я познакомился с директором музея Ниной Максимовной Кирилловской, и, среди прочего, она рассказала мне, что многие почитатели тургеневского таланта переписываются с музеем, в том числе и иностранцы. Просматривая эту переписку, я наткнулся на несколько писем от одного из таких почитателей, В.Д. Самарина, уроженца Орла, ныне живущего в Соединенных Штатах. Он писал, что очень любит нашу литературу и готов помочь музею, прислать материалы, представляющие для музея интерес. «<...> Самарин, подумал я, — знакомое имя. Но не придавал этому значения. Кто может сказать, сколько Самариных в России? Покинув музей, я отправился к новому зданию драматического театра, где встретил одного из актеров. Перед оккупацией ему не удалось покинуть город <...> он устроился в редакцию отвратительной газеты «Речь», которую гитлеровцы издавали на русском языке. Он рассказал мне о происходившем в Орле во время оккупации и о работе в редакции «Речи». «Работники типографии и сотрудники редакции все время ходили голодные. Конечно, редактор Октан и его представитель Самарин, оба верно служившие Гитлеру, получали самое лучшее» <...>»

Самарин? Не тот ли, что слал письма в музей, прикидываясь антифашистом?

На следующий день я уже был в архиве — просматривал номера газеты «Речь», о которой знал и раньше.

Да, Самарин Владимир Дмитриевич, это он предлагал свои услуги музею. А в 1943 году он был представителем редактора фашистской газеты «Речь» и там совершенно не выглядел патриотом своей родины.

Я люблю распутывать сложные дела, и мне удалось прояснить дело Самарина.

Далее Сахнин рассказывает о самаринской деятельности в оккупации, подробно останавливаясь на полученных им фашистских наградах, обильно цитируя «Речь» и даже прилагая фотокопии фрагментов нескольких передовиц.

Статья была переведена на английский язык журналистом из Нью-Хейвена Сидом Резником и опубликована в *Morgen Freiheit* в мае 1976 г. В мае же эта информация была доведена до сведения заведующего кафедрой славянских языков и литературы Йельского университета Роберта Джексона. Джексон отреагировал, заявив, что Самарин писал «в духе Геббельса»¹³⁸, но никаких официаль-

---

¹³⁸ См.: *Harris J. Nazi Ties Revealed; Samarin Quits Faculty // Yale Daily News. 1976. 20 Sept.*

ных мер не принял. Однако четверо из шести профессоров кафедры написали Самарину письмо, в котором сообщили, что «ни при каких обстоятельствах он не может рассчитывать на поддержку нижеподписавшихся»¹³⁹. Один из профессоров заявил, что письмо было призвано оказать давление на Самарина с тем, чтобы тот подал в отставку. Так и произошло летом 1976 г., и это вызвало бурные дискуссии в Йеле, которые нашли отражение в ряде статей и открытых писем, опубликованных в университетской газете. Некоторые студенты и экс-студенты выражали свою поддержку Самарину, иные полагали, что Самарина нужно было оставить как хорошего преподавателя русского языка и литературы, а политике и идеологии в университетских стенах не место.

Скандал в Йеле не прошел незамеченным мировой еврейской общественностью. В американской и в европейской еврейской прессе появились обличительные статьи¹⁴⁰ и просто короткие комментарии. Например, Ассоциация еврейских беженцев в Великобритании в ноябре 1976 г. сообщила:

Йельский лектор писал для нацистов

Г-н Владимир Соколов-Самарин, 63-летний профессор русской литературы в Йельском университете, уволился под давлением своих коллег, когда обнаружилось, что в 1943 году он писал антисемитские передовицы в нацистскую газету, выходившую в оккупированном немцами советском городе Орле. Он объяснял, что был противником большевизма, а вставлять в статьи антиеврейские пассажи его заставлял нацистский цензор. Он тогда не знал, что евреев убивали. О том, что он писал такие статьи, недавно сообщил советский идишский журнал «Советиш геймланд», и Самарин говорит, это сделал КГБ, чтобы дискредитировать его. Четверо его коллег впоследствии подтвердили, что он был нацистом и активным антисемитом во время немецкой оккупации¹⁴¹.

Защита Бакли, шах и мат

В начале 1982 г., через шесть лет после громкого увольнения из Йеля, начался процесс по лишению Самарина американского гражданства в связи с тем, что американскую визу и гражданство (в 1951 и 1957 гг.) он получил на ложных основаниях, скрыв информацию о своей нацистской деятельности и фальсифицировав свое прошлое

---

¹³⁹ См.: *Harris J. Nazi Ties Revealed; Samarin Quits Faculty // Yale Daily News. 1976. 20 Sept.*

¹⁴⁰ Напр.: *Allen Ch. The Strange Case of V.D. Samarin: Nazi Collaborator and Cold War. Mercenary at Yale // Jewish Currents. 1976. Nov.*

¹⁴¹ *AJR Information. Vol. XXXI. 1976. No. 11 (Nov). P. 4.*

(под присягой утверждал, что работал в нацистской газете корректором). Через несколько месяцев у Самарина объявился заступник на очень высоком уровне. В его защиту выступил влиятельнейший американский консерватор, друг президента Рональда Рейгана Уильям Бакли-младший. Сын нефтяного магната, набожный католик, выпускник Йеля и кратковременный сотрудник ЦРУ, Бакли сделал блестящую карьеру журналиста и общественного деятеля; он был основателем и главным редактором самого читаемого консервативного журнала «Национальное обозрение» (*National Review*), а также основателем и бессменным ведущим популярного общественно-политического ток-шоу «Линия огня» (*Firing Line*). Бакли считался ярким ритором и авторитетным идеологом, вдохновителем нескольких крупных республиканских государственных деятелей (включая Рейгана), создателем нового курса, совмещающего политический консерватизм с экономическим либерализмом.

19 апреля 1982 г., вероятно, по следам устной беседы Бакли посылает Рейгану официальную докладную записку по делу Самарина, отпечатанную на бланке *National Review*¹⁴². Записка вкратце излагает жизненный путь Самарина (пребывание в оккупации, нахождение в Германии в статусе «перемещенного лица», эмиграция в США, сотрудничество в эмигрантской периодике, преподавание в Йеле) с акцентом на его антикоммунистическую деятельность, а развернувшуюся против него в середине 1970-х гг. кампанию характеризует как совершенно необоснованную. Как аккуратно формулирует Бакли, Самарин «писал, вероятно, какие-то антисемитские материалы» для нацистской газеты, но его студенты и коллеги по Йелю никакого антисемитизма за ним не замечали, а потому, — заключает Бакли, ссылаясь на мнение политического журналиста Струба Тэлбота, — вся кампания против Самарина является «операцией КГБ». Бакли вместе с непоименованными единомышленниками «шокирован этим эпизодом» и опасается, что за лишением гражданства последует депортация Самарина в Советский Союз, «где его, с большой вероятностью, казнят».

7 мая Белый дом пересылает письмо Бакли в Министерство юстиции с просьбой составить черновик ответа от лица президента. По поручению генерального прокурора его помощник составляет докладную записку в Белый дом, в которой советует президенту ответить так: «...поскольку дело сейчас находится в федеральном суде, <...> мне не подобает предпринимать какие-либо действия или да-

---

¹⁴² Записка Бакли и последовавшая переписка хранятся: National Archives & Records Administration. Record Group: 60. Department of Justice. Accession # 60-89-372. Box 30 of 190. Folder: John G. Roberts, Jr. Misc.

вать комментарии». По сути дела помощник генерального прокурора замечает, что данные обвинения не могли быть фальсифицированы КГБ, так как Самарин уже признал подлинность своих статей в «Речи», а его полная толерантность по еврейскому вопросу в годы жизни в Америке не является аргументом, поскольку все «бывшие нацистские преступники, оказавшись в США, ведут тихую жизнь, не выступают как явные антисемиты и не участвуют в неонацистских акциях». По поводу опасений Бакли за судьбу Самарина он добавляет, что пока речь идет о денатурализации, но даже если дело дойдет до депортации, Самарин может быть депортирован не только в Россию, но и в страну, откуда он прибыл в США (Западную Германию), или в иную страну по собственному выбору. Последнюю информацию помощник генерального прокурора излагает в собственном разъяснительном письме к Бакли от 24 мая. 11 июня оба документа вместе с сопроводительной запиской самого генерального прокурора были направлены советнику президента в Белый дом.

Мы не знаем, как в результате Рейган ответил Бакли, но в любом случае вмешательство последнего не сыграло заметной роли в судьбе Самарина. В 1985 г. он проиграл суд и в 1986 г. был лишен гражданства. Суд апелляционной инстанции поддержал решение о денатурализации, а Верховный суд отказал Самарину в просьбе рассмотреть это дело.

Решение апелляционного суда, опубликованное в Федеральном сборнике судебных решений¹⁴³, содержит информацию о линии защиты Самарина, которая по сути совпадает с тем, что предполагал помощник генерального прокурора в своей докладной записке в Белый дом. В ответ на обвинение в публикации вопиюще антисемитских статей и статей, осуждающих действия США и Великобритании и призывающих содействовать их военному поражению, а также в пособничестве выявлению и преследованию орловских евреев-коммунистов, Самарин утверждал, что не был «добровольным пособником» нацистов и «не способствовал преследованию по расовому <...> признаку». Он признал свое авторство названных обвинением статей¹⁴⁴, но настаивал на том, что его текст был во многом переписан (в частности, «евреи» заменены на «жиды», вставлены конкретные фамилии, которых

---

¹⁴³ United States of America, Appellee, v. Vladimir Sokolov, a/k/a Vladimir Dmetrivich Sokolov, Vladimir Sokolov-Samarin, Vladimir Samarin, Appellant. No. 524, Docket 86–6157. United States Court of Appeals, Second Circuit. Argued Dec. 12, 1986. Decided March 24, 1987 // The Federal Reporter. 2d ed. Decisions of the Federal Courts of Appeals. Vol. 814: March–April 1987. F. 2d 864.

¹⁴⁴ В том числе «Прежние хозяева Орла» (Речь. 1943. 30 мая. № 31 (244)) и «Протоколы сионских мудрецов» (Речь. 1943. 20 июня. № 70 (253)).

он сам не называл, и добавлены целые абзацы). Основным аргументом Самарина состоял в том, что он, убежденный антикоммунист, не придерживался при этом ни профашистских, ни антисемитских взглядов, но был вынужден печатать подобные материалы под давлением немецкой цензуры, в противном случае «его бы расстреляли или отправили в концентрационный лагерь». Суд, однако, отверг оправдания Самарина, приняв во внимание видеозапись свидетельства капрала Артура Бая, служившего в 693-й роте пропаганды и непосредственно занимавшегося газетой «Речь» до января 1943 г. Бай сообщает, что все сотрудники газеты проверялись Абвером, немецкой службой разведки и контрразведки, и должны были быть «убежденными нацистами и <...> убежденными антибольшевиками, и главным пунктом здесь был еврейский большевизм»; Самарин же, по его словам, «никогда не говорил, что не хочет писать антисемитские статьи».

В частной переписке, в заявлениях «не для печати» Самарин представляет себя жертвой еврейско-коммунистического заговора, намекая, что его враги господствуют в США. Эти инсинуации весьма имплицитны и, конечно же, не дотягивают до обличений «жидобольшевизма» в передовицах «Речи», однако нельзя не заметить определенной преемственности. Собираясь бежать из страны, Самарин распродал свои книги и рукописи, в том числе переписку с деятелями эмиграции. По этому поводу он переписывался с Т.О. Раннит, куратором славянских и восточноевропейских коллекций Йейля, и в частности, рассказал ей о том, что в 1985 г. ФБР его предупредило о возможном нападении и взяло под охрану его дом; Самарин считал «само собой разумеющимся», что опасность исходит от еврейских террористов из Лиги защиты евреев, и заодно обвинил Лигу во всех терактах, совершаемых в Америке. В другом письме Т.О. Раннит он возмущается «союзниками КГБ», сфабриковавшими его дело, и американскими судами:

Крупные европейские юристы считают суды здешние бандитскими, мало чем отличающимися от советских судов эпохи Сталинского террора. Там был Сталинский террор, здесь террор — бесовский. Ни президент страны, ни, тем более, органы защиты страны, то есть ФБР (Эф-Би-Ай) не имеют к этому террору ровно никакого отношения. Кто хозяйничает в великой стране (до поры до времени!) Вы хорошо знаете¹⁴⁵.

Русские эмигрантские издания поддерживали Самарина: публиковали письма читателей в его защиту, обличали «плодотворное сотрудничество Комитета государственной безопасности СССР и от-

---

¹⁴⁵ Yale University Library. Manuscripts and Archives. Vladimir Sokolov-Samarin Materials Concerning His Resignation from Yale University. RU 851. Box 1. Folder 1.

дела спецрасследований министерства юстиции США», возмущались «позорным преследованием 74-летнего больного человека за мысли, высказанные им 45 лет тому назад за тысячи километров от США»¹⁴⁶. Газета «Русская жизнь» (Сан-Франциско) даже создала «Фонд защиты В.Д. Самарина».

В 1988 г. начались слушания по вопросу о депортации, на которые Самарин не являлся; выяснилось, что он уехал в Монреаль и попросил у канадского правительства статус беженца. Канадская еврейская общественность выступила против удовлетворения ходатайства Самарина и предоставления убежища нацистскому преступнику. Дело так и не было решено, когда 19 января 1992 г. Самарин умер.

* * *

Публикуемые ниже тексты, повторим еще раз, представляют чрезвычайно интересный материал по истории коллаборационизма, германской оккупационной политике, в том числе политике и практике геноцида, повседневной жизни на оккупированных территориях. Кроме фактической стороны дела, тексты Осиповой и Самарина интересны с психологической стороны. Оба автора строят систему оправдания собственного коллаборационизма, подчеркивая стремление бороться со сталинским режимом за освобождение родины от большевистской диктатуры. Вот только концепция, предполагающая «использование» немцев для решения этой задачи, не выдерживает критики. Предположение, что можно бороться «против Сталина и Гитлера», по формуле до некоторой степени «творца» и куратора генерала Власова Вильфрида Штрик-Штрикфельдта, оказалось совершенно беспочвенным. Нельзя бороться против Гитлера, существуя за счет нацистов и реализуя их пропагандистские установки. Цели нацистов, как отчетливо понимали оба автора, были совершенно другими. Борьба за освобождение родины оказалась борьбой против родины, сколько ни оправдывай ее рассуждениями о борьбе со Сталиным. Сделка с дьяволом не приносит дивидендов.

* * *

В заключение считаем приятной обязанностью выразить благодарность коллегам, содействовавшим нам в подготовке этой книги: Татьяне Чеботаревой (Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры, Колумбийский университет, Нью-Йорк), Анатолию Шмелеву (Архив Гуверовского института при

---

¹⁴⁶ *Болотников Б.* Решение по делу В. Самарина // *Посев.* 1987. № 8. С. 61–62.

Стэнфордском университете, Калифорния), Ивану Толстому (Радио Свобода, Прага), Юлии Невской (Университет Рочестера).

Исследование было выполнено в рамках проекта по изучению жизни гражданского населения СССР в период оккупации, поддержанного Центром фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Научно-вспомогательная работа при подготовке настоящего издания была выполнена сотрудником Международного центра истории и социологии Второй мировой войны и ее последствий Т.Л. Ворониной.

Всемерное содействие при подготовке этой публикации было оказано Центром высших исследований Холокоста при Мемориальном музее Холокоста в Вашингтоне. Наша особая благодарность директору Центра Полу Шапиро и сотруднику Центра Роберту Уильямсу.

Лидия Осипова

ДНЕВНИК КОЛЛАБОРАНТКИ

I

Царское Село (Пушкин)

22. 6. 41. Сегодня сообщили по радио о нападении немцев на нас. Война, по-видимому, началась, и война настоящая.

Неужели же приближается наше освобождение? Каковы бы ни были немцы — хуже нашего не будет. Да и что нам до немцев? Жить-то будем без них. У всех такое самочувствие, что вот, наконец, пришло то, чего мы все так долго ждали и на что не смели даже надеяться, но в глубине сознания все же крепко надеялись. Да и не будь этой надежды, жить было бы невозможно и нечем. А что победят немцы — сомнения нет. Прости меня, Господи! Я не враг своему народу, своей родине. Не выродок. Но нужно смотреть прямо правде в глаза: мы все, вся Россия страстно желаем победы врагу, какой бы он там ни был. Этот проклятый строй украл у нас все, в том числе и чувство патриотизма.

28. 6. 41. Самое поразительное сейчас в жизни населения — это ненормальное молчание о войне. Если же кому и приходится о ней заговаривать, то все стараются отделаться неопределенными междоуметиями.

30. 6. 41. Слухи самые невероятные. Началась волна арестов, которые всегда сопровождают крупные и мелкие события нашего существования. Масса людей уже исчезла. Арестованы все «немцы» и все прочие «иностранцы». Дикая шпиономания. Население с упоением ловит милиционеров, потому что кто-то пустил удачный слух, что немецкие парашютисты переодеты в форму милиционеров. Оно, конечно, не всегда уверено в том, что милиционер, которого оно поймало, — немецкий парашютист, но не без удовольствия наминает ему бока. Все-таки какое-то публичное выражение гражданских чувств.

По слухам, наша армия позорно отступает.

5. 7. 41. Сегодня на площади около дворца¹ парторг дворцовой ячейки² Климашевский проводил митинг. Это была не речь, а истерический крик на тему: «все, как один, на рытье противотанковых окопов». «Не сдадим врагу ни одного нашего дома, ни одного завода, ни одного учреждения — все сожжем сами», — отсюда слушатели сделали вывод, что врага ждут и к нам, и довольно скоро. При призыве:

«все, как один, на работы по обороне» — слушатели как по команде стали придвигаться к воротам поближе, боясь, как бы они не захлопнулись и всех не погнали бы на окопы прямо с площади. Потому ли, что на митинге были, главным образом, старики и дети, или потому, что начальство не догадалось вызвать «бурный и неуправляемый энтузиазм», — ворота не захлопнулись. Еще не успел оратор докричать последних лозунгов, как все бросились занимать очереди у продуктовых магазинов. В течение получаса весь недельный рацион магазинов был расхвачан.

11. 7. 41. Многие убегают в Ленинград, боясь, что бои за него будут разыгрываться в его окрестностях. Да и рассчитывают, что там безопаснее будет пересидеть самый боевой период, а также боятся, что немцы придут туда раньше, чем к нам. «Убегают» потому, что ездить туда уже нельзя без специальных пропусков³. На железных дорогах несуетная неразбериха. Из Ленинграда многие учреждения эвакуируются, но население из него не выпускают.

Нас уже бомбят. Правда, все пока военные объекты. Ленинград же, говорят, бомбят ежедневно. На днях с нами был такой весьма характерный для нашей жизни анекдот: началась воздушная тревога. Мы зашли в подворотню. Дом старинной постройки, так что это была даже и не подворотня, а глубокий каменный коридор. Стоим. Подходит к нам дворник и приказывает перейти в маленький деревянный сарайчик во дворе. На наше замечание, что здесь от бомб безопаснее, он ответил: «Не бомбы надо бояться, а начальства». И категорически потребовал, чтобы мы перешли в сарайчик. Против такого резона не попрешь, и мы перешли к сарайчику. И так-то вся наша жизнь проходит под страхом начальства, которое, конечно же, страшнее всякой бомбежки и бьет без промаха.

15. 7. 41. Новая беда на нашу голову. Все домашние хозяйки и работающие взрослые должны ежедневно слушать «доклады» наших женоргов⁴ о текущем моменте. «Доклады» эти сводятся к довольно безграмотному чтению газет. Никаких комментариев и никаких вопросов не полагается. То, что каждая из нас может сама прочесть за четверть часа, мы должны слушать целый час. Господи, когда же все это кончится?

27. 7. 41. Очень красивы противозвушнные заграждения, которые каждый вечер поднимают над городом. Как огромные серебряные рыбы, плавают они в вечернем воздухе.

Бомбят, а нам не страшно. Бомбы-то освободительные. И так думают и чувствуют все. Никто не боится бомб.

7. 8. 41. Сегодня мои именины, и к нам приехали из Ленинграда Ната и Толя. Я была этим чрезвычайно тронута. Хотя мы и росли вместе, но все же приехать в такое время!

Они рассказывали, как Ната и ее младший брат Вася ездили на рытье окопов в Малую Вишеру. Нату мобилизовали, а Вася поехал с целью как-нибудь оттуда ее вызволить. И им это удалось. У Наты после тифа тромбоз ноги. Но доктор сказал, что если ее освободить от окопных работ, то он должен и всех остальных освободить, кого он обязан посылать на эти проклятые работы. Все эти медицинские комиссии — одно издевательство.

По дороге на работы на какой-то станции они попали в сильную бомбежку, от которой прятались в подвалах ГПУ⁵. Чины сего милого учреждения были с ними весьма любезны и милы. Вася говорит, это потому, что в практике сего учреждения за все время его существования это в первый раз, что граждане пришли в него добровольно.

Проводили гостей на вокзал. Коля печально сказал: «Может быть, больше не увидимся. Или вас немцы займут раньше, а нас куда-нибудь угонят, или наоборот». Стало очень печально. Почему-то ни у кого не является мысли, что ведь это же война и с нами могут случиться всяческие ужасы. Есть только боязнь не попасть к немцам.

10. 8. 41. Муж Нины Фед[оровны], брат Надежды Влад[имировны]⁶ и многие другие идут добровольцами на фронт. Это отнюдь не энтузиазм, а расчет. Семьям добровольцев обеспечивается довольно большое пособие, а мобилизуют все равно не через неделю, так через две. Вот люди и спешат в «добровольцы». Власть делает из этого пропагандную шумиху. И волки сыты и овцы, если не сыты, то все же имеют какой-то профит.

12. 8. 41. Опять бомбили аэродром. Две бомбы попали в Александровский парк⁷. Пока бомбят очень аккуратно — только военные объекты. О Ленинграде слухи все нелепее и чудовищнее. Говорят шепотком, что никого из него не выпускают, что он обречен быть «крепостью и оплотом народного духа против фашистских агрессоров», что биться за него будут «до последнего вздоха», а в то же время, что в нем крошечный гарнизон и что население должно само, своими силами отстаивать этот «оплот». Если все это слухи и вздор, то они очень показательны для настроения населения.

Пережила момент страшнее бомбежки. Пишу я свои заметочки и вдруг слышу за собой какое-то сопение. Оглядываюсь, а это за спиной стоит Катька Мамонтова и старается прочесть, что я написала. Хорошо, что она была слишком ленивая и не научилась читать по-писаному как следует. Учить же грамоте я ее начала, чтобы как-нибудь от нее избавиться. Повадилась она ходить ко мне каждый день и торчать часами. Конечно, она имела задание. Но мне-то от этого не легче. И вот я и предложила ей заниматься с нею русским языком, так как она почти не умела читать. Отказаться от «товарищеской помощи» она не посмела. (А вдруг и я сексот?⁸) А мне, таким образом, насчитывался

общественный капитал, и я оправдывала свою защитную репутацию «общественницы». Как только она приближается — я сейчас же за уроки. Почти совсем отвадила. И вот она спрашивает:

— Что это вы пишете?

— Да свои приходы и расходы, Катя.

— Ну, какие уж теперь приходы и расходы? Скоро все магазины будут даром раздавать.

— Чепуха, и как вы, комсомолка, а верите всем этим бабьим сплетням.

— И ничего не бабьи сплетни. Нам сам секретарь говорил. Только это военный секрет, и вы никому не говорите.

— А раз секрет, зачем же вы мне-то сказали?

— Ну, вы своя.

— Все равно. А приходы и расходы я всегда записываю. Вы это хорошо знаете. Я так привыкла.

Вымелась, а я, действительно, всегда записываю свои приходы и расходы. И один раз эта моя привычка спасла нас от большой беды. Жили мы в Москве. Все деньги, какие зарабатывали, тратили на еду, а ходили оборванцами. Соседи донесли, что живем «не по средствам». Готовишь в общей кухне, и вся квартира, а отсюда и весь двор знает, что ты ешь. А объяснять принципы домашней экономики всей этой шпане не станешь. Вот и донесли. Дело было совсем не в том, что мы жили не по средствам, а была надежда, что, может быть, удастся нас выселить и получить нашу комнату. Вызвали нас для дачи объяснений в некое учреждение. Я представила все свои приходно-расходные тетрадки примерно за три года. Они сделали вид, что где-то все это проверили и отпустили нас с миром. Только посоветовали обратить внимание на одежду. Обратили. Купили по пальто и голодали три месяца. А могло бы быть и хуже.

Записочки эти придется теперь вести по вечерам. Запираться днем — тоже вызовет подозрение, а все катки всегда влезают без стука. А это тебе не приход с расходом, а вернейший способ вывести самих себя в расход. Писать же их ни за что не перестану. Такое счастье отдыхать за ними. И, может быть, будущему историку освобожденного русского народа они послужат как живой и достоверный материал.

13. 8. 41. Вчера один летчик, пообедав в столовой аэродрома, сказал кассирше: «А теперь полетим бомбить врага на его территории в ... Сиверской»⁹. Отсюда узнали, что Сиверская занята немцами. Когда же они придут к нам? И придут ли? Последние часы перед выходом из тюрьмы всегда самые тяжелые. Ленинград окружают, но к нему не приступают. Попадем ли мы в число городов окружения или останемся у нашей дорогой и любимой власти?

14. 8. 41. Вчера прибежал из Л[енингра]да студент, сын соседей Боря. Принес нам приветы от Наты и братьев. Звал нас с собой в Ленинград. Знает место, где можно пробраться, не нарвавшись на милицию. В Ленинграде говорят, что бои за него будут именно в нашем районе и от Пушкина и «угольков не останется». Мы никуда не пойдем. Неизвестно, как будет со снабжением Ленинграда, а жить придется без прописки. Навязывать себя кому-нибудь в нахлебники — не подходит, да и подвести тех, у кого будем жить, весьма даже возможно. Проверки-то, конечно, будут, да и шпиономания принимает все более чудовищные размеры. Да и не верю я, что бы мы вот так глупо погибли перед самым освобождением.

15. 8. 41. В Екатерининском парке выставлены три новых мраморных бюста. Один из них совершенно замечательной работы. Очень портретен. Римский молодой патриций какой-то. Сегодня мы со Стеллой пошли их смотреть. К нашему отвращению, патриций был весь в плевках. Стелла говорит, это потому, что у него еврейские черты лица. Я раньше этого не замечала, но после ее слов, действительно, увидела. Стало противно. Если бы еще Стеллы не было со мной. Она говорит, что сейчас очень сильны антисемитские настроения. Мы не замечали. Но, понятно, что ей, как еврейке, это больше бросается в глаза. Такой противный осадок на душе. Никакого антисемитизма или антикитаизма в русском народе нет, есть только антикоммунизм. Просто хулиганская выходка. Но тошнит. И какой может быть у нас антисемитизм, если мы страдаем вместе с евреями от одних и тех же причин. А во время «золотой кампании»¹⁰ евреям досталось еще больше, так как кое-какое золотишко у них было.

17. 8. 41. Объявлена общая эвакуация женщин и детей. Работает эвакуационное бюро. С необычайной отчетливостью наметилась грань между «пораженцами» и «патриотами». Патриоты стремятся эвакуироваться как можно скорее, а вторые, вроде нас, стараются всеми способами спрятаться от эвакуации. Да и прямой здравый смысл говорит за то, что «плановая эвакуация» гораздо опаснее войны и боев. От этого еще есть какая-то надежда спастись, а первая бьет без промаха.

18. 8. 41. Над[ежда] Владимировна устроилась в испанских детдомах¹¹ воспитательницей и будет с ними эвакуирована. Ну, ей-то прямой смысл. Трое детей, причем младшим двум вместе — четыре года. Муж еврей, и хотя он сейчас в концлагере, а все же, кто его знает? Да и у них у всех ненависть к немцам за их антисемитизм. Если бы это были англичане или какая-нибудь еще безобидная нация, конечно, и они остались бы. Советского патриотизма даже и в этой семье нет. Да и у всех. Есть еще ненависть и боязнь немцев. Конечно, Гитлер не такой уж зверь, как его малюет наша пропаганда, и до нашего родного

и любимого ему никогда не дойти и не всех же евреев «поголовно» он уничтожает, но, вероятно, какие-то ограничения для них будут, и это противно. Но замечательно то, что все вот такие жалельщики евреев в Германии или негров в Америке, или индусов в Индии никогда не помнят о своем русском раскулаченном мужике, которого на их же глазах вымаривали как таракана. Боже сохрани, чтобы я оправдывала гибель хоть кого-нибудь из людей, но все-таки становится страшно за человечество. Неужели страхом и пропагандой можно заткнуть рты, завязать глаза так, что люди даже и без намордников продолжают не видеть и не слышать. А таких у нас очень много. Например, две мои приятельницы, весьма культурные и интеллигентные люди, плакали горькими слезами, что наши «освободили» Польшу¹² и что люди там «страдают». На мое замечание о том, что, насколько я понимаю, полякам будет несравненно лучше, чем русским мужикам во время коллективизации, и что неплохо бы, чтобы и Европа немного понюхала нашего рая, который она поддерживает всячески, они напали на меня за «бесчеловечность». Вот и пойдешь ты к этим человеколюбцам. Нет, Диккенс¹³ бессмертен. От многих евреев мы слышим такое: «Зачем мы будем куда-то уходить. Ну, посадят, может быть, на какое-то время в лагерь, а потом и выпустят. Хуже, чем сейчас, не будет». И люди остаются.

Среди населения антисемитские настроения все же прорываются. От призывников можно услышать: «Идем жидов защищать». Самое же показательное, что эти высказывания не вызывают никакого отпора ни от властей, ни от партийцев. «Не замечают». Впечатление такое, что нашему дорогому и любимому зачем-то нужно развязать антисемитские настроения у черни и что эти высказывания инспирируются сверху. Может быть, мы ошибаемся, но очень на то похоже.

20. 8. 41. Приходила Н.В.¹⁴ Получила письмо от Марка, ее мужа. Уже из лагеря где-то на Печоре. Его арест и ссылка весьма характерны и поучительны. Он еврей, из бывших беспризорников. Воспитывался в детдоме. Сейчас ему 27 лет. Страшно претенциозен и глуп. Был бы неплохим художником, если бы не был таким лентяем. Учиться не хочет — «потому что все эти профессора и академики только уродуют таланты». А талантишко у него есть. По возрасту, по воспитанию, по поведению, по убеждениям — полный воспитанник советской власти. Жена у него — умница, и никак он ей не пара. Но вот, поди ж ты, страстная любовь. Эта самая любовь вроде чумы или проказы. Но не в этом дело. Как только вышел в свет знаменитый «Краткий курс ВКП(б)»¹⁵, Марк начал им «упиваться». И хотя его выгнали из комсомола за недисциплинированность — он все же остался комсомольцем. Приходил к нам с предложением к Коле читать вместе это замечательное произведение. Я откровенно заявила, что у Коли нет

времени на эту чепуху. Они мне, как больной¹⁶, многое спускают. Да и не утерпишь всегда. Так вот, штудирю этот источник мирового разума, Марк нашел какое-то место, которое противоречит то ли Марксу, то ли еще какому-то из св. отцов коммунизма. И написал о своем несогласии в ЦК. Оттуда получил грубейшее письмо от какого-то секретаря. И жена, и мы все ему говорили, чтобы он сидел теперь, как мышь под метлой, и не рыпался. Но он с пеной у рта кричал на нас, что мы все контрреволюционеры и не верим в самую лучшую в мире конституцию. Мы, конечно, отступились, и он написал еще одно письмо в ЦК. В результате пытливости научной марксистской мысли и веры в конституцию — арест и ссылка на Печору в лагерь на 8 лет.

У нас такое впечатление, что Н.В. не так уж огорчена этим происшествием, как можно было бы ожидать. И слава Богу. Война, забота о детях, да еще бы горе об этом дураке. Перенести невозможно. Мы все ее очень любим и ценим. Она и талантлива, и умна, и добра. Не чета этому комсомольскому жежеумку.

2[3]. 8. 41. Вчера вечером сильно бомбили Александровку. Одна бомба упала в Александровском парке около «Слонов»¹⁷.

В Александровском парке есть, вернее, был «Китайский театр». Совершенная драгоценность. В нем было «Фарфоровое фойе», производство Императорского фарфорового завода. Равного ему не было в мире. Знаменит он был также и своими старинными китайскими лаками, которыми были отделаны ложи. С началом войны в театре был молниеносно устроен госпиталь, который на днях также молниеносно был эвакуирован. А вчера ночью этот театр загорелся... Когда городская и дворцовая пожарные команды прибыли на место тушить пожар, то натолкнулись на оцепление милиции, которая никому не позволяла подойти близко к месту пожара. Так он и сгорел. А утром в местной газете была истерическая статья на тему: «немецкие зверства». «Немцы знали по опознавательным знакам, что в театре госпиталь и потому его и разбомбили. Много наших героических борцов сгорело!» Какое презрение к населению. Половина города знала, что госпиталь эвакуирован. Весь город знал, что никакой бомбежки близко не было. Но население все это восприняло совершенно равнодушно. Привыкли.

24. 8. 41. С питанием все труднее. Запасов, конечно, ни у кого нет. Все ворует картошку на огородах. Предполагается, что это огороды эвакуированных, но где же там ночью разобраться. За керосином очереди фантастические, и все больше нужно изворотливости, чтобы избегать милиции. Жалко, что не всех их передушили, как немецких парашютистов.

Дворцы и учреждения эвакуируются. Статуи в парках зарывают в землю. Из этого дорогая и любимая власть тоже ухитрилась сделать

ловушку для населения. «Военная тайна». А конспирация такова: дня за два роют ямы — «могилы» — и ставят возле деревянные башни с цепями. Башня стоит дня два-три, и все безнаказанно могут ходить мимо нее. После начинаются «похороны». Жители Софии¹⁸ никогда не знают о дне похорон, а ходить через парки гораздо ближе к вокзалу, чем по улицам. И вот спешит человек к вокзалу на поезд или на службу здесь же, в городе, пройдет почти всю дорогу, а потом его поворачивают обратно. Никакие уговоры не помогают. Почему бы не закрывать ворота парка на время этой процедуры? Идиотизм в междупланетном масштабе.

В нашей квартире радостное событие. Катька записалась на эвакуацию. Исчезла вместе с потомством. Прекратились шпионство, матерщина и прочие безобразия. Уж из-за одного этого хорошо, что война. Она исчезла потому, что всех комсомолок гонят на рытье окопов. Детей отбирают в детдома. Девочку ей никак не жалко, но работать она предпочитает с солдатами по ночам. Теперь в нашей квартире закрылся публичный дом. Какая разница. Тося тоже комсомолка, тоже с ребенком, тоже без мужа. Но какая прекрасная мать и соседка! А вот Катька!

Рытье окопов начинает принимать размеры настоящего народного бедствия. Все население, непригодное к военной службе, все школьники старших классов и все полутрудоспособные женщины мобилизованы на рытье противотанковых рвов, которые должны окружить «непрístupным поясом Ленинград по радиусу в 50 километров». Творчество военного гения Ворошилова¹⁹. Граждане воспрянули духом. Значит, немцев ждут к Ленинграду и скоро, судя по темпам, которые требуются от автогробокопателей, как их уже окрестило население. Скептики утверждают, что эти «египетские» работы придуманы специально для того, чтобы население не вздумало повторить петроградской истории²⁰ в Первую мировую войну. Правительство не доверяет населению и боится бунтов. А тут, во-первых, надзор за этим населением значительно облегчается, а во-вторых, условия работы, в какие оно поставлено, отнюдь не способствуют появлению каких-либо посторонних мыслей. На некоторых участках, главным образом на которых работают школьники, дело поставлено еще сносно. На всех же прочих ничуть не лучше, чем в лагерях. По теперешней жаре нет не только кипяченой, но и никакой воды. Нет помещений или палаток, и люди спят на голой земле, часто в болотах. Нет почти никакого питания. «Все должны привозить с собой». А что можно привезти на две недели при нашем снабжении? Говорят, что немцы расстреливают копателей пулеметами с самолетов. Смертельно боюсь за Николая. Хотя по возрасту он уже и не подходит, но что стоит кому-нибудь проявить административный восторг, или просто

попадет в облаву на улице. Поминай как звали. Еще эти дурацкие дежурства против бомбежки. Ну что он может сделать голыми руками против зажигательной или незажигательной бомбы?

25. 8. 41. Сегодня уехал на рытье окопов Борис Николаевич. У него тяжелый порок сердца. На войну не взяли, а на окопы взяли. А тяжелая работа для него хуже войны.

26. 8. 41. Сегодня все копаем противовоздушные щели. По состоянию здоровья я не подлежу никакой мобилизации. Но чтобы получить увольнительную записку, я должна идти в амбулаторию и проделать все формальности в «общем порядке», т.е. простоять в очереди несколько часов. И хотя врач, который освобождает от работы наш район, ежедневно бывает у меня для лечения, она не может выписать мне эту увольнительную дома. Я не пошла в больницу, а пошла на работу. Это все же легче. Таскаю доски, отгребаю землю. Вообще ковыряюсь. Да и противно сидеть дома, когда все отбывают каторгу. Наша щель в Пушкинском садике. Все время воздушные тревоги. Но бомбят пока только аэродром. По радио непрерывно сообщения о победе над немцами «части боевого командира такого-то». Ни названия, ни местности, ни даже направления. А бомбежки все ближе и чаще.

27. 8. 41. Женщины с детьми и старики, которых направили на эвакуацию, вот уже пятый день сидят на площади перед вокзалом. Поездов нет, но отлучаться на квартиры нельзя. Окружены милицией. Воды нет никакой, но зато есть плакаты: «Пейте только кипяченую воду». Говорят, что установлены два случая дизентерии у детей. Ночью шел дождь. Все вымокли. Дети кашляют. Поезда иногда подаются, но на них попадают только парт- и ответработники. Попытались было некоторые женщины организовать передачу кипяченой воды и горячей пищи детям — запретили: советские граждане не нуждаются в частной благотворительности. О них заботится государство. По этому поводу я совершенно [откровен]но и безо всяких фиговых листков и умолчаний поругалась с М.Н. — моим врачом. Ее муж сейчас является секретарем ячейки эвакуационного бюро. Воды нет, а вот ячейка уже готова. Конечно, ничего из моей ругачки не вышло. Господи, когда же, наконец, придут немцы и прекратится этот бедлам!

Ужасные вещи рассказывала нам сегодня О.Г., которая убежала из больницы в одном платье, случайно не сданном в камеру хранения. Белье, туфли, пальто — все осталось там. Самое же страшное это то, что паспорт остался в канцелярии больницы. Пришел приказ об эвакуации больных и всей больницы. Немедленно оказались закрытыми все входы, и больных стали грузить на грузовики. Кого в одежде больницы, кого только в белье. Тяжелых больных и недавно

оперированных клали на дно, а легко больные и выздоравливающие должны были стоять у бортов. Никакие просьбы больных отпустить их домой не помогали. Несколько человек, в том числе и О.Г. (после операции аппендицита), перелезли через забор заднего двора и сбежали. В результате такой гимнастики у О.Г. разошлись швы, но она боится позвать врача, чтобы ее не обвинили в «дезертирстве» (до чего же все-таки можно довести человека! Ушла из больницы — дезертир). Страшно волнуется из-за паспорта. Мы ее успокаиваем, что все это чепуха, сейчас нашему заботливому правительству не до паспортов.

Я привела к ней М.Н., которая, не задав ни одного вопроса о причинах, сделала ей перевязку и приказала лежать. По-видимому, поняла «причины». С больницей увезли дочку нашей соседки восьми лет, которой только позавчера оперировали гланды. Мать почти помешалась. И есть из-за чего. «Забота», которую проявляет о своих гражданах наше правительство, известна всем, и у бедной матери, конечно, нет почти никакой надежды увидеть свою девочку. И ничего, ничего мы не можем поделать с этими негодьями! Когда же конец?

Бомбят все сильнее и чаще.

28. 8. 41. Сегодня мимо нашего дома проехал грузовик, наполненный старыми табуретками, вешалками и прочей рухлядью. По-видимому, эвакуируется какая-то пошивочная мастерская, и директор ответственен «за инвентарь». И в то же время из Ленинграда непрерывно движется толпа людей с детскими колясочками и тележками. Для них транспорта нет, как не было его и для мастериц этой самой мастерской. Люди ищут спасения по-своему. Одни пробираются тайком в Ленинград, другие, тоже тайком, из него бегут. Все это «своими силами», своим разумением. Из Ленинграда никакой официальной эвакуации нет. Но учреждения, инвентарь и оборудование вывозятся. А люди должны сидеть на месте. Говорят, что около Вишеры милиция приказала таким вот пешеходным эвакуантам вернуться обратно. Это более ста километров!

Бомбят где-то очень близко. Сидим на полу и... играем в «слова».

29. 8. 41. Фронт катастрофически приближается. Мы решили никуда не уходить из города. Несколько боевых дней пересидим или в подвалах, или в щели. Благо М.Ф. зовет в свою, санаторскую. Здесь хоть какая-то надежда на спасение и на освобождение имеется. А уйти, как теперь говорят, «на эвакуацию» — гибель по плану обеспечена. Да и от надежды попасть «под немца» уходить нам никак невозможно. Как принимают беженцев, мы уже наслышаны. Некоторые уходят, потому что боятся фронта: убьют, искалечат. Но ни один поезд с беженцами не избегает бомбежки, потому что дорогое правительство ко всем санитарным и беженским поездам прицепляет воинские эшелоны в надежде, что немцы этих поездов бомбить не будут. А может

быть, чтобы напугать население и приостановить беженскую волну. Ни жить беженцам негде, ни кормить их нечем. А потому в газетах и по радио сообщают «о немецких зверствах». Как после этого поверить, что это НЕМЦЫ уничтожают поголовно русское население?

А как приятно, наконец, НАПИСАТЬ такое. Правда, это еще кукиш в кармане, но не будь войны, я бы никогда не посмела его показать. А сейчас необычайно острое ощущение, что все идет под занавес. Да и у «бдителей» сильно трясутся поджилки, и бдительность сильно потускнела.

30. 8. 41. Сегодня милиция раздавала бесплатно соль населению. С каким удовольствием это делалось. Все молчали, но было совершенно ясно, что все, в том числе и милиционеры, радуются. Милиционеры, в конце концов, тоже «население». И никакой толкотни не было. Добровольцы помогали насыпать мешочки, все проходило удивительно гладко... и при полном молчании. «Как в церкви», — сказал какой-то дяденька. И правда, было похоже.

Вчера немцы сбросили листовки с предупреждением, что будут бомбить привокзальный район. Несмотря на все кары, которыми грозили за прочтение листовок, листовки были все же прочтены. Некоторые хотели уйти из домов. Но район был оцеплен милицией, и не только никто не смел выселиться, но даже и за хлебом не пускали. Под угрозой пристрела на месте. Посмотрим, будут ли бомбить именно этот район.

1. 9. 41. Бомбили и зверски. И бомбили, как и обещали, только привокзальный район и вдоль железной дороги на Павловск. Да еще и наш, около аэродрома, который бомбят всегда. У нас только двое легко раненных, а там, говорят, сотни. Ну не сотни, но и десятков вполне достаточно. А ведь этих жертв можно было избежать.

2. 9. 41. К нам во двор заехали какие-то военные машины, спасаясь от артиллерийского обстрела, начавшегося сегодня с ночи. Публика места себе просто не находит. С одной стороны, от радости, что уже скоро немцы придут сюда, а с другой — от страха. Снаряды маленькие. Знатоки говорят, что обстрел производится большими танками. Стрельба довольно интенсивная, и снаряды густо ложатся по городу. И все же стрельба совсем не производит впечатления большого боя. Поэтому было странно слышать, как шофер одной из машин с большим почтением повторял: «И где он, гад, столько снарядов берет? Жарит и жарит». Если это производит такую реакцию на военных, то что же будет, когда будут настоящие бои? Пожилой офицер, который был начальником отряда, разговаривал с нами с большим и заметным напряжением. Видно было, что он боялся, что мы начнем расспрашивать о положении на фронте или его комментировать. А чего уж там расспрашивать или комментировать, когда и так все ясно. Скоро ко-

нец! На прощанье он нам посоветовал выбираться из нашего района куда-нибудь подальше. Сказал, что он самый опасный в случае боев за город. Пойдем в щель.

3. 9. 41. Вчера вечером переселились в щель, потому что стрельба очень заметно усилилась. Бежали под огнем. Добежали благополучно, если не считать порванных подошв на башмаках, так как вся улица сплошь покрыта битым стеклом.

М.Ф. оставлена в санатории «за коменданта». Коля зачислен к ней в дворники, иначе он не смог бы попасть в щель. Меня приняли, как старую служащую. И то одна баба подняла было хай: «Как строили, так их никого не видать было, а как спастись, так они тут». Ее утихомирили. За меня вступились сестры и сиделки. Все они знали, что я, будучи гл[авным] бухгалтером, всегда могла им напакостить, но никогда этого не делала. И даже старалась помочь им, чем только могла. Могла я, правда, очень немного, но и то, что я не ужимала их, было уже очень важно. И еще они ценили меня (не без некоторой доли простодушного презрения) за то, что я никогда не украдала ни одной крошки из санатория. Парторг, гл[авный] врач, кладовщик и прочее партийное начальство таскало сколько только было в их силах. А вот одна санитарка унесла домой ребенку кусок белого хлеба, оставшегося после больных, — ее уpekли на сколько-то лет. «Расхищение социалистической собственности». Слава Богу, что это было до меня. Мне они верили. Бухгалтер я была никакой, и как я ухитрилась проторчать на этом месте больше полугода — непонятно совершенно. Работу эту вспоминаю с ужасом и отвращением. Но после нашего бегства из Москвы Коля зарабатывал 105 руб[лей] в месяц, и мне пришлось пойти на первую попавшуюся работу. Пошла. Теперь никогда в жизни не составлю ни одного годового отчета. Даже недельного, не только годового. Лучше в прачки пойду в тот же санаторий.

А щель наша замечательная: сухая, чистая, с электричеством и уборными. Над головой три наката бревен с землей. Для себя строили.

Чуть не забыла, а записать надо. Интересно.

Дня за два до нашего переселения сюда мы как-то пошли вечером к Сп[еранским]. Задержались дотемна. Началась стрельба, и они оставили нас ночевать у себя. У них живет писательница Н.Ф.²¹ Мы с нею просидели всю ночь и проговорили. Было уже всем ясно, что большевики кончаются. Она бегала все время из своей комнаты на помойку соседнего двора с охупками красных томов Ленина. Помойка во дворе у гр[афа] Толстого. Дом свой он передал для дома отдыха Союзу писателей. Нет, даже не дом отдыха, а «Дом творчества»²². Для разной писательской мелкоты, которая живет не в особняках, как Толстой, а по комнатам и коммунальным квартирам. Условия

для «творчества» не совсем подходящие. Вот и предоставляется право за плату в 400 руб[лей] в месяц иметь «условия». Н.Ф. жила рядом с ними в крошечной комнатухе со своей дочкой. У Над[ежды] Вл[адимировны] двое детей за стенками, собака, кошка, Марк, непрерывный поток различнейшего люда. Гвалт в квартире перманентный. Но у нее не было 400 руб[лей], чтобы заплатить за «творческие условия». Завидовала она соседям и ненавидела их страшно. И вот теперь со сладострастием она бросала в помойку этого Дома творчества компроментантные красные тома. Правда, месть была платоническая, потому что все творцы давно разбежались.

Судьба Н.Ф. очень интересна и характерна для многих наших женщин. Муж ее был редактором большой краевой газеты, а значит — партийцем. Сама она была сотрудником этой газеты. Во время ежовщины²³ мужа ее расстреляли, ее немедленно выгнали со службы и из ее прекрасной квартиры с двумя сыновьями. Дочка жила в это время со своим отцом, первым мужем Н.Ф., в Ленинграде. Ей пришлось без документов бежать в деревню к матери и там как-то спастись. После того как стали расстреливать тех, кто расстрелял ее мужа, ей позволили вернуться к жизни и ехать, куда она хочет. Она выбрала Ленинград и приехала к мужу с дочкой. Но по какой-то странной случайности стала жить не с ним, а с его братом, и дочка называет обоих — и отца, и дядю — «папа». Здравомыслящему человеку все это понять не так-то легко, но партийная этика породила много таких монструозностей.

Н.Ф. написала какую-то колхозную пьесу и получила за нее премию в 10 000 руб[лей]. Ждала она этих денег страстно, потому что живет она теперь совершенно по-нищенски. Ни белья, ни платья, ни посуды. И вот началась война, и из банка выдают только по 200 руб[лей] в месяц. Во-первых, ничего на эти деньги сделать нельзя, а во-вторых, — банки поразбежались. Вот и еще раз подтвердилось наше правило — не верь советской власти. Никогда и ни копейки не держи в банке.

Таская на помойку сочинения величайшего гения, Н.Ф. забегала к нам перекурить и поговорить. Жаловалась на свою судьбу и... на советскую власть. Значит, дела этой самой власти очень неважные. Н.Ф. не из тех, кто поддается эмоциям. Не такое она получила воспитание сначала на вершинах партийной лестницы, а потом на ее низах. Все эти п[ере]живания в духе солнечной конституции сделали ее абсолютно циничной, не верящей ни в коммунистический чох, ни в идеалистический сон. Забавно ее наблюдать. Немцев-то ей, конечно, есть уж чего опасаться: жена трех евреев, дочка полуеврейка. У самой рыльце в коммунистическом пушку²⁴. Коля сегодня ходил в город и встретил ее. Говорит, что она очень напугана. Еще бы! Испугаешься.

5. 9. 41. Сегодня наша замечательная газета уже не вышла. Еды все меньше. Питаемся исключительно картошкой, за которой бегаем на огороды в перерывах между стрельбой. Варим ее в подвалах санатория. Стрельба все ближе и чаще, и пока картошку сварить, сто раз из тебя душа выскочит. М.Ф. и Николай ведут себя так, как будто бы это не стрельба снарядами по их головам, а веселый фейерверк. Самые странные наши переживания теперь — ночные пожары. Обычно пожар — это много людей и шуму. Теперь же абсолютная тишина и только треск пламени, еще больше подчеркивающий тишину. Населению с наступлением темноты запрещено покидать жилище под страхом пристрела на месте. Дежурят уже теперь не милиционеры, а военные патрули. Говорят, что эта мера вызвана тем, что в привокзальном районе нашли двух зарезанных милиционеров.

9. 9. 41. Дни проходят один на другой. Совершенно отрезаны от города и не знаем, что делается на свете. С нами сидят и Ивановы-Разумники²⁵. [Его жена работала у меня счетоводом и была, если это только возможно, счетным работником еще хуже меня. Так что мне пришлось ее уволить.] Он был в ссылке и вернулся перед самой войной. Квартира у них во дворе санатория. Теперь сидим все вместе в щели. Ив[анов]-Раз[умник] очень помогает не бояться. Как только начинается сильная стрельба по нашему участку, он начинает делиться своими литературными воспоминаниями. А так как он был близок почти со всеми символистами, акмеистами и представителями прочих литературных течений, то его рассказы очень интересны, и рассказывает он необыкновенно увлекательно. (Не дай Бог, если ему не удастся выскочить из теперешней переделки, и все его воспоминания пропадут.) Или читает нам свои и чужие стихи, которых он помнит великое множество. Или Коля пускается в какой-нибудь исторический экскурс. И мы совершенно забываем, что ежесекундно может упасть снаряд прямо на наше литературное общество, и от нас и мокренько не останется. Сидеть здесь было бы очень интересно, если бы не так тесно, особенно по ночам. Здесь мы начинаем уже ощущать первое, едва уловимое приближение свободы. Так как публика с нами сидит сплошь почти неинтеллигентная, то она смотрит на нас, как на каких-то полуумных «малохольных», которые вместо того, чтобы корчиться от страха, занимаются какими-то идиотскими и малопонятными стишками. Мы же можем говорить и говорим уже много такого, чего до войны и щели ни за что не сказали бы ни во сне, ни в пьяном виде полужнакомым людям. Это как в тюрьме, когда удастся хоть в щелочку подышать свежим воздухом. Дневник свой я пишу уже совершенно открыто. Никого это не интересует. Бдительность отсутствует в теперешнем нашем обиходе.

10. 9. 41. Электричество погасло. То ли станция сгорела, то ли все разбежалось. Стало грустно. Труднее всего мне выносить темноту.

Лучше голод и холод. Зажигаем, когда необходимо, свечи, но ненадолго, потому что мало воздуха. Вентиляционные трубы чем-то забиты. Уже два дня курим перед дверью по очереди. Открывать двери можно только на очень короткое время из-за стрельбы.

Что-то большое упало на соседний с нами зигзаг. Потолок прогнулся. Там никого нет. Это наша нейтральная зона. В третьем зигзаге сидит одна сестра милосердия со своим больным мужем и дочкой. Очень милая семья, но мы с ними мало общаемся, потому что у них имеется свой отдельный выход.

Едим только хлеб с водой в очень ограниченном количестве. Экскурсии за картошкой пришлось прекратить из-за стрельбы. Вода из противопожарного пруда. Быть у нас тифу и дизентерии. Вода грязная и вонючая. Снарядами разбило дом во дворе. Боли мои начинают уже очень усиливаться. Но я все же никак не ожидала, что буду таким молодцом, как до сих пор.

11. 9. 41. Сегодня стрельба тише. Вылезали во двор. На нашей щели лежат телеграфный столб, принесенный с улицы, беседка, принесенная из сада. На зигзаге, что прогнулся — воронка от снаряда. Вот так щелочка! Хотя снаряды и маленькие, а все же. Вот так строили! А если нас здесь засыплет, то никто и не узнает, так как мы почти за городом и вокруг нет никого, кроме нас. Так и будем лежать до победы. Но страха нет.

Сготовили обед в кухне санатория: фасоль, вареная картошка и морковка. Даже было немного жира. Налопались чудо как. И помылись. Проветрили щель. Сейчас опять началась жестокая стрельба.

Я сегодня поругалась вприх с М.Ф. С самого начала войны во всех учреждениях введены круглосуточные дежурства служащих. В санатории сейчас дежурят по 12 часов по очереди наши «дворники» — Коля и еще один старик. Дежурство состоит в сидении около калитки. Они должны проверять документы у проходящих. Но вот уже неделя, как никто не приходит. Нет также и никаких «контролеров». Все поразбежались. А устроено это все, видите ли, затем, чтобы никакие враги не могли прийти и устроить «диверсии». Это в женском туберкулезном санатории на сорок коек! Больных, конечно, уже давно нет. Нет и никакого начальства. Только М.Ф., несколько сиделок, кучер, пара сестер и мы. Потом понабилося и еще какого-то постороннего народа. Всего 27 человек. И вот эти двое несчастных должны сидеть у ворот в деревянной будке. М.Ф., как комендант, должна отвечать «за порядок». И она очень трусит и трусит именно «не бомб, а начальства». И вот эти бедняги сидят. Коля всегда просится в ночные дежурства и прекрасно спит в будке. У него непостижимая способность спать под стрельбу, как под дождь. Только крепче спит. И спать в будке, конечно, не в пример удобнее, чем в щели, где мы лежим вплотную

друг к другу и не можем повернуться всю ночь. Так что бедра и ребра сводят судороги. Но на днях снарядами разбило домик, у которого проходная, и у меня теперь души нет, когда он на дежурстве. А несчастный старик всегда ни жив ни мертв и скоро помрет от страха. С сегодняшнего дня эти дурацкие дежурства прекращаются, калитка заколачивается наглухо, а если кому приспичит выйти или войти, то он может это прекрасно проделать через... громадные дыры в заборе, которые мы же и проделали, когда разбирали забор на помост у пруда и на дрова. Нельзя представить большего идиотизма, как заставлять людей рисковать жизнью из-за дырявых заборов. Коля говорит: чистейший фикционализм. Он составил цельную и продуманную теорию насчет большевистских фикций. Как будет жалко, если эта теория умрет вместе с ним, не дождавшись возможности себя огласить. Да мало ли еще каких теорий у нас имеется. И не у нас одних. Есть еще и кроме нас много умных людей в России. Только бы свободы дожидаться. А то мир «ужахнется». Ведь сейчас все лучшее: наука, литература, искусство — все лежит под спудом и дожидается своего времени. И неужели же это время почти уже пришло? Дух захватывает! Одних непечатающихся прекрасных поэтов скольких мы знаем!

12. 9. 41. Иванов-Разумник и Коля ходили в город, но не дошли и до дворцов из-за стрельбы. Она такая, какой еще ни разу не было. Бьют и по нам. Но главный огонь на Колпино. От нас ясно видны попадания снарядов в заводы. Бьют тяжелыми. Если начнут бить такими по нашему сектору — нам крышка. Никакая щель не спасет. Одна надежда на то, что объект малоценный.

По дороге они встретили д[окто]ра М., и он рассказал им то, что произошло в Екатерининском дворце в одну из ночей. В подвалах Екатерининского дворца каждую ночь набирается много народа — гл[авным] обр[азом] женщины с детьми. Прячутся от стрельбы и бомбежек. С ними всегда сидит кто-нибудь из партийного начальства. Дворцового или городского. Не очень крупного и не имеющего никакой власти, кроме исполнительной. Освещаются коптилками. Почему — неизвестно, т.к. в городе электричество работает до сих пор. Это только нашу линию повредило.

Часу в первом ночи к начальству пробрался человек с фонарем и передал ему телеграмму. Начальство ее прочло и огласило: «Все должны немедленно идти домой, взять с собой по чемодану и НЕ ПОЗЖЕ как через час от настоящей минуты прибыть на вокзал, где ждут поезда, приготовленного для эвакуации». Откуда телеграмма и кем подписана — указано не было. Огласив телеграмму, начальство скрылось. Люди кинулись к выходам, но из подвалов их не выпускала милиция, которой о телеграмме ничего не было известно,

и приказ о том, чтобы никто не выходил из подвалов, отменен не был. Все вернулись в подвалы.

Через несколько минут где-то в другом подвале стали что-то заколачивать и раздался женский крик: «Они нас здесь заколачивают, а потом взорвут дворец с нами. И будут писать о немецких зверствах. Как с китайским театром». Поднялась паника. Ринулись к двери. Милицию смели. Какой-то милиционер хотел стрелять. Его обезоружили и избили. Многие, не заходя домой, бросились к вокзалу. Никаких поездов не было. И на вокзале их было арестовала новая милиция, но через полчаса вся куда-то скрылась. Вокзальное начальство ничего ни о каких поездах для населения не знало. Бросились искать партийное начальство, но выяснилось, что ВСЕ куда-то смотались. Совершенно ясно, что занавес опускается.

Во всей этой истории самое замечательное и показательное — это доверие населения к правительству. Ну где, в какой другой стране возможно, что население поверит в то, что его собственное правительство будет его замуровывать в подвалах, а потом взрывать? А вот у нас верят! И слава Богу, что верят.

15. 9. 41. Все дни сидели в щели, не вылезая. Даже ночью нельзя было выйти. Тяжела духота. Сейчас абсолютная тишина. Нигде не видно и не слышно ни души. Кто-то сказал: «А что, если во всем городе одни мы и остались». Стало неудобно. В город пойти еще не решаемся. За картошкой сбегали. Тишина давит и пугает больше стрельбы. Прошла кучка солдат без командиров и без оружия. Впечатление полной растерянности. Мы спросили, где немцы? В Кузьмине. Значит, у нас они будут примерно через два часа.

17. 9. 41. До сих пор никаких немцев. Ходили в город. Тишина подавляющая. Никогда бы не поверила, что буду хотеть стрельбы. В городе никакого намека на начальство нет. Если оно и есть, то попряталось. Все боятся проронить хотя бы одно слово о происходящем. Как будто бы это так и полагается ходить по улицам, вымошенным стеклами и кирпичами от разрушенных домов, сидеть по подвалам и щелям. И все трясутся, что придут наши, а не немцы. Никаких эксцессов, грабежей или чего-либо подобного. Все понимают, что решается общая судьба: придут немцы, какие-то незначительные, с нашей точки [зрения], ограничения, а потом — СВОБОДА. Придут красные, и опять безнадежное прозябание, а вернее всего, репрессии и какие-нибудь новые изобретения советской юридической мысли, лагеря, а может быть, и смерть. Придут они, конечно, разъяренные, что население видело их трусость, слабость и бездарность. А этого они не прощают.

18. 9. 41. Немецкие самолеты сбрасывали пропагандные листовки. Мы одну подобрали. Какое убожество, глупость и подлость. А глав-

ное, бездарность. «Морда просит кирпича», «Бей жида-политрука» и пр. И какой вульгарный и исковерканный язык. И не только на нас, интеллигентов, они произвели кошмарное впечатление. У всех настроение как перед смертью. Неужели же мы и здесь ошиблись, и немцы то самое, что о них говорит советская пропаганда. Иванов-Разумник высказал предположение, что это большевики, чтобы скомпрометировать немцев, под их марку выпустили такие листовки. Мы вздохнули с облегчением и опять стали надеяться на лучшее. Да иначе и быть не может.

19. 9. 41. Свершилось. ПРИШЛИ НЕМЦЫ! Сначала было трудно поверить. Вылезли мы из щели и видим — идут два настоящих немецких солдата. Все бросились к ним. У одного в руке лопнувшее куриное яйцо, и он очень боится разбить его окончательно. Несет на ладони. Бабы немедленно нырнули в щель и принесли немцам конфеты, кусочки сахара, белые сухари. Все свои сокровища, которые сами не решались есть. А вот солдатам принесли. Немцы, по-видимому, были очень растеряны. Но никакой агрессии не проявляли. Спросили, где бы умыться. Мы отвели их к нашему пруду. Немец с яйцом все не знал, куда его положить. Кто-то взял яйцо у него из рук и обещал сохранить, пока он будет мыться. И он во время мытья все время оборачивался и глядел с беспокойством на свою драгоценность. Баба начала вздыхать и жалеть их: бедные, какие молоденькие, голодные. Гляди, как яйцо-то бережет. Вот и наши так же на фронте. Небось, и этим так же хочется воевать, как и нашим бедолагам. А что поделатъ и пр. Немцы по интонациям и мимике поняли, что им симпатизируют и немного поручнели. Ненормально обрадовались шутке. Когда мы шли от пруда, я указала им на стекла, покрывающие двор, и сказала: это ваша работа. Смеялись дольше, чем заслуживала шутка. Разрядилось какое-то напряжение. Что они нас опасаются? Никакого воинственного впечатления эти немцы не произвели. И вообще, наше «завоевание» произошло как-то совсем незаметно и неэффектно. Даже немного обидно: ждали, волновались, исходили смертным страхом и надеждами, и пришел какой-то немец с разбитым куриным яйцом в руке, и яйцо для него имело гораздо большее значение, чем все мы с нашими переживаниями. Мы даже слегка надулись на немцев. И все же, КРАСНЫХ НЕТ! СВОБОДА!

21. 9. 41. Опять началась стрельба. Но теперь стреляют большевики. Фронт проходит между Федоровским городком и Кузьминым²⁶. Но это, конечно, ненадолго. Какое огромное наслаждение и удовлетворение открыто признать себя врагом этого проклятого строя. Ведь теперь начинается совершенно новая жизнь. Должна начаться. А на душе противный холодок недоверия. Вот не вижу я как-то нашей новой жизни. Вероятно, это от усталости. Война скоро кончится, и тогда начнется нечто непредставляемое. Только нам всем отдохнуть надо.

23. 9. 41. Сегодня нас немцы выгнали из щели. А стрельба по городу не только не утихла, но стала еще интенсивнее. И вот иди в дом и жди, когда в тебя попадет. Все было вежливо, но непреклонно. В нашей щели будут немецкие окопы, пока немцы будут здесь. Было бы, несомненно, приятнее, чтобы они были где-нибудь под Москвой, а не около нас. Но ведь это ненадолго. Беседовали с двумя молоденькими офицерами. Один сказал по поводу Евангелия: мое Евангелие — труды фюрера и фюрер — мой Бог. Что же это? У них — то же, что и у нас? Не ошибаемся ли мы в них? Хотя какое нам дело до них, а им до нас?

Переселились в квартиру Н.В., так как в нашу комнату попал снаряд. Снаряд небольшой, но все поковеркано и поворочено — жить невозможно. Кое-какое барахлишко все же уцелело. Хорошо, что нас не было дома. Все судьба. Живем теперь с матерью Над[ежды] В[ладимировны], Ниной Фед[оровной] и ее дочкой Асей²⁷.

25. 9. 41. Не успели приспособиться к новому положению, как от коменданта приказ: всем назавтра быть готовым к эвакуации. Брать только по одному чемодану или узлу на человека. Неужели же они дальше не пойдут? Стали паковать и оказалось, что у нас нет ничего такого, что нам было бы жалко бросить, кроме книг и нескольких вещей. Среди них — наши литые иконки.

26. 9. 41. Эвакуация по каким-то непостижимым причинам отменяется. Ходили сегодня разыскивать убитых лошадей. Нашли прекрасную верховую лошадь, только что убитую снарядом. Вырезали килограмм десять великолепного мяса и кило четыре жиру. Мясо приготовили с морковкой и перцем. Получилось великолепное блюдо²⁸. Но Николай почти совсем не ел. Говорит, что очень приторно. Конский жир великолепен в тесто. Для меня конина не удивление, потому что в детстве, когда бывала в гостях у калмыков, всегда ее ела. Правда, чтобы бабушка не знала.

30. 9. 41. Начались первые заморозки. У нас при советской власти никогда не было столько топлива, сколько имеем сейчас. Рядом с нами Дом отдыха профсоюзов, и там остались прекрасные березовые дрова. Таких мы не видели со времени нэпа. Мы два дня перебрасывали их через забор, и теперь сарай наш наполнен этими чудными дровами. Топи, сколько хочешь. Это тебе не «норма» по ордеру — четверть метра сырой осины на месяц. С другой стороны нашим соседом является особняк Толстого, в котором был «Дом Литератора», отсюда мы натаскали угля. Зима вполне обеспечена. И экономить не надо. Если бы где-нибудь достать мешка два муки и картошки, то мы прожили бы всю зиму, как бары. Сегодня нам принесли немного селекционных семян со станции Вавилова. Съедобны только фасоль, горох и соя. Но их очень мало. Все это в селекционных мешочках. И у меня сердце защемило: люди трудились годами, чтобы вывести эти сорта, а теперь

это пойдет на два-три супа. Ничего! В свободной России мы скоро все наверстаем!

Страшно не хватает курева. Начинаем собирать окурки, брошенные немецкими солдатами, но их очень мало.

И все-таки все это искупает ни с чем не сравнимое чувство свободы и независимости.

Обстрел города непрерывный. Хорошо, что у большевиков на этом участке маленькие пушки. И по ком они бьют? По своим же людям? По своим гражданам? Ведь всякому ясно, что немецкие солдаты не ходят кучами по городу и не живут в частных домах. А они стреляют по всему городу вразброс. Немцы пока еще абсолютно ничем себя не проявляют. Только нельзя после темноты выходить из дома и запирачь на ночь дверей. В любое время дня и ночи военные патрули могут ввалиться к тебе в комнату и проверить, нет ли у тебя в постели немецкого солдата, а под постелью большевистского шпиона. Но это война. Сегодня опять объявлена эвакуация.

1. 10. 41. Эвакуация отменена. В доме Толстого стояли немцы и вчера ушли. Сегодня мы с Н.Ф. пошли пошарить «в рассуждении, чего покушать». Нашли какие-то супы в порошках. Один гороховый, другой ржаной. И пачку маргарина. Н.Ф. попробовала было заявить, что все это есть нельзя, «может быть отравлено». Иначе, мол, немцы ни за что не забыли бы таких драгоценностей. Мы на нее все насили. В-первых, какой смысл немцам прибегать к таким кинематографическим эффектам, когда они могут просто перестрелять нас. Да никому в городе немцы не сделали еще ни малейшего вреда. Суп слопали в полное удовольствие. Ничего особенного, но с голодухи приятно. Немецкий маргарин хуже русского.

5. 10. 41. Немецкая идиллия кончилась. Начинается трагедия войны. Вчера немцы повесили против аптеки двух мужчин и одну девушку. Повесили за мародерство. Они ходили в запретную территорию между немецкими и русскими окопами и грабили пустые дома. В приказе сказано, что они сигнализировали большевикам. Кто его знает! Скорее всего, просто страсть к бараклу. И хотя это война, и мы на фронте, но все же какая-то темная туча легла над городом. У всех настроение мрачное. Ведь люди поверили, что всем ужасам и безобразиям теперь конец. Начинается новая свободная и правовая жизнь. А тут публичная казнь! Население спокойно и терпеливо переносит все бытовые и военные невзгоды, оправдывая их войной. Компенсировалась надеждой на новую свободную жизнь. Теперь надежды как-то сразу угасли. Многие начинают самостоятельно уходить к немцам в тыл. Некоторые же пытаются перейти фронт и идти к «своим». А на самом деле хотят уйти от фронта. Что-то их там ждет? Морозы усиливаются, а бои приостановились. По-видимому,

немцы собираются здесь задержаться. С едой все хуже и хуже. Разыскиваем промерзшие турнепсы на полях. Выходить на поиски все страшнее, так как немцы закрыли большинство дорог, а большевики пристрелялись к самым активным перекресткам города, и ходить по улицам все опаснее. Парки минируются. Особенно трудно доставать воду, так как водопровод разбит. Уже давно не горит электричество. Освещаемся коптилками или бумажными факельчиками из печки. Странно, но лучину ни мы и никто из наших знакомых не умеет делать. А обычно наколотые щепки не горят. Воду достаем из пруда Александровского парка. Дорога туда всегда под огнем. Чаще всего «ходим» на животах. Туда еще так-сяк, а оттуда, с ведром, совсем плохо. Если опрокинешь ведро, приходится ползти еще раз.

10. 10. 41. К нам в дом переехала М.Ф., квартиру которой снарядом перерезало как раз напополам. Чудны дела твои, Господи! Снаряд попал в лестницу, и дом разрезан, как ножиком, на две половинки. Ни одна из квартир не пострадала. Только жильцов пришлось спускать из дома по приставным лестницам. И дом не загорелся, хотя деревянный и старый. Теперь М.Ф. со свекровью живут с нами.

Немцы организовали столовую для населения. Обед стоит три рубля. Выдаются по талонам, которых ограниченное количество. Талоны распределяются городской управой. Имеется таковая и городской голова, который в просторечии именуется бюргермейстером. А мы, значит, бюргеры. Как-то дико. В столовой отпускают супы. Обычно это горячая вода, и на каждую тарелку приходится (буквально) или одна пшеничка, или горошинка, или чечевичинка. Привлекательна только возможность купить при супе одну лепешечку из ржаной муки. Они величиной с блюдечко для варенья и имеют чисто символическое значение, но по вкусу — ни с чем несравнимо. Ведь почти с самого прихода немцев мы даже и не видели хлеба. Иногда в супе варятся соленые кишки. Тогда вода очень сытная. Куда деваются самые кишки, неизвестно, но столовая их никогда не выдает. М.Ф. получила в управе работу по раздаче талончиков на обед, а я назначена квартирнополномоченным. Что это должно обозначать, никто не знает. Обязанности мои: никого не пускать в пустые дома и «следить за порядком». За каким порядком, никто не знает, не знаю и я. Да и знать не очень хочу, потому что все равно никакого «порядка» быть не может. Люди переходят из одного дома в другой беспрерывно. Дома горят и от снарядов, и от каких-то других неуловимых причин. Жильцы уходят в окружные деревни, в тыл. Дома пустеют, и жить в них становится страшно. Например, в нашем дворе из трех домов заселен только один — наш. Да и то меньше чем наполовину. А некоторые оптимисты, изголодавшись по человеческому жилью без нормы, стремятся захватить квартиры побольше и получше, мечтая остаться в них

и после войны. Иногда только расселятся, как в дом попал снаряд, и они кочуют в другое место — или в больницу, или на кладбище. Вот тебе и «порядок». Самая основная и характерная черта нашей теперешней жизни — перманентное переселение. По улицам непрерывно движутся толпы людей с места на место, нагруженные тележками с мебелью и узлами. А сверху вся эта передвижная барахолка поливается артиллерийским, а иногда и пулеметным огнем. Прибавляют «порядка» и немцы, которым вдруг попадает вожжа под хвост, и они то требуют концентрации населения в каком-либо районе, то, наоборот, расселения его по всему городу. Какая фантазия взбредет на ум очередному коменданту. Ничего не разберешь. И не всегда это можно объяснить необходимостью фронта. А в результате лишние жертвы — убитые и раненые.

14. 10. 41. Сегодня наш с Колей юбилей: 22 года мы прожили вместе. Никогда еще наша жизнь не была еще столь напряженной. С одной стороны, угроза физическому существованию как от снарядов и пуль, так и от голода, который принимает уже угрожающие размеры, а с другой — непрерывное и острое ощущение свободы. Мы все еще переживаем медовый месяц думать и говорить по-своему. Немцы нами, населением, совершенно не интересуются, если не считать вдохновений комендантов, которые меняются чуть ли не еженедельно. Да еще мелкого грабежа солдат, которые заскакивают в квартиры и хватают что попало. То котел для варки белья утянут, то керосиновую лампу, то какую-либо шерстяную тряпку. Усиленно покупают за табак и хлеб золото и меха. За меховое пальто дают 2 буханки хлеба и пачку табака. Но ПЛАТЯТ. Жадны и падки они на барахло, особенно, на шерстяное, до смешного²⁹. Вот тебе и богатая Европа. Даже не верится. А пишут всякие гадости про красноармейцев, которые набрасывались в Финляндии на хлам. Так то же советские, в самом деле нищие. А тут покорители всей Европы!

17. 10. 41. Сегодня Н.Ф., Ася и мать Н.В. отправились в тыл. Что-то с ними будет? У Н.Ф. мечты пробраться на Украину, к «молоку», как она беспрерывно повторяет. Как чеховские сестры. Те все твердили «в Москву», а она — к молоку. Н.Ф. боится за Асю, т[ак] к[ак] она полуеврейка, и все кругом об этом знают, «а эти пролетарии...» Надо было слышать, как это было интонировано этой пролетарской писательницей из партийных кругов. Я думаю, что ничего страшного не было бы, и никаким пролетариям ни она, ни ее дочка не нужны. Но, конечно, ничего не сказала. Ушли они, конечно, не столько от пролетариев, сколько от наступившего голода, беспрерывной стрельбы и немецких заскоков в квартиру во всякое время дня и ночи. Да и тоже сидеть все ночи в кухне, не раздеваясь и

ожидая, что каждую секунду к вам может влететь снаряд и вас убить или искалечить, тоже не мед. Чтобы несколько отвлечься от страхов, мы все, кроме Николая, который спит, как младенец, по ночам играем в карты. Коптит ночник. Снаряды падают густо. Иногда попадают в наш дом, и тогда ночник гаснет, а мы сидим и усиленно стараемся казаться заинтересованными игрой. Но и это перестает помогать. Если стрельба затихнет часа на 2–3, засыпаем здесь же, на кухне. Кухня считается почему-то самым безопасным местом.

Теперь мы почти каждую фразу начинаем с «е.б.ж.» — если будем живы. Это заклинание, в которое верят все: и коммунисты, и позитивисты, и идеалисты. Н.Ф. надела Асе на шею списанный на бумажку псалом «Живый в помощи Вышнего». Крестится при каждом близком разрыве. И это делает ее несколько человечнее и приемлемее для нас. Хотя мы прекрасно знаем, что если она только попала бы опять к красным, то, конечно, немедленно перестала бы «верить» и еще обязательно выдала бы нас с головой, передав, и с прикрасами, все, что мы говорим теперь о нашей дорогой и любимой власти. Партийная диалектика.

20. 10. 41. Разбило совсем крышу нашего дома. Один снаряд попал в большой зал консерваторского общежития за нашей стенкой. Исковеркало всю комнату, но замечательно, что ни один из трех роялей не пострадал, если не считать царапин от кирпичей и штукатурки. У нас, конечно, не осталось ни одного стекла в квартире. Последняя печка в кухне перестала гореть. Забили окна фанерой, и я соорудила на плите «очаг», чтобы готовить пищу, и на нем готовим, вернее, кипятим воду — готовить-то совсем нечего.

22. 10. 41. Вчера пережила настоящий страх. Гораздо более сильный, чем от стрельбы. Сказались советские навыки — чего бояться, а чего — нет. Из разбитого зала консерваторского общежития, которое прямо за нашей стеной, кто-то ночью стрелял. А может быть, и не стрелял вовсе. Но, в общем, когда я была одна дома, ко мне приехал на мотоцикле молодой и очень красивый и вылощенный немец. На рукаве у него были какие-то знаки в виде молний. Таких знаков и таких холеных немцев мы еще ни разу не видали. Приехал и начал выматывать из меня жилы: знаю ли я, что стреляли, да кто стрелял? И т.д. Я ничего не знала, да и знать-то было нечего. Весь дом, кроме наших двух комнат, которые имеют к тому же и совершенно отдельный вход, стоит с разбитыми окнами и выбитыми дверями. В большом зале три рояля. Немцы днем и ночью шатаются по пустым и не пустым домам в поисках барахла. Некоторые гетевские души приходят играть по ночам на этих роялях. Мы в полукилометре от передовых позиций. Стреляют всегда и непрерывно. Может быть, какой-нибудь дурак и выпалил из нашего дома. Кто их там разберет. И как это мож-

но угадать, что стреляли именно от нас. И КТО? Все это я ему и объяснила, только немного вежливее, чем пишу теперь. Мой немецкий язык настолько неправилен, что он несколько раз принимался смеяться. Потом пытался мне пригрозить, что если я не признаюсь, то он прикажет расстрелять весь двор. Тогда, обзлившись, я собрала все свои познания в немецком и спросила, есть ли у них ГПУ и если есть, и он оттуда, то я немедленно же признаюсь во всем, чего он хочет и даже «бисхен мер»³⁰. Так как в этом случае не признаваться ничему не поможет, а я есть мюде от всех этих клейнигкейт³¹. Так и сказала на полурусском-полунемецком воляпюке. Мои последние изречения его окончательно доконали. Разговоры эти длились около двух часов. И я устала безмерно, и он тоже. Конечно, мы и половины не поняли из того, что говорили друг другу, но все же побеседовали. И я еще очень боялась, что придут Коля и М.Ф., и этот дурак их напугает. Наконец, потребовав, чтобы мы никуда не уходили этой ночью, он уехал. Всю ночь мы просидели одетые и ожидали визитеров. Но никого не было. Необходимо уходить из нашей квартиры. Но уйти мы можем в дом в этом же дворе. Очередной комендант запретил передвижение по улицам. Можно только перемещаться в том же дворе. Разница небольшая. А наш двор такой, что можно пушку спрятать, и не найдут.

23. 10. 41. Пошла в управу и расспросила нашего бургомистра о вчерашнем визитере. Оказывается, с такими знаками ходят какие-то «СС»³². Говорят, что это почище наших ГПУ. Стоят они в Александровском дворце, и на воротах висит не очень крупная надпись по-немецки и по-русски, что проходить мимо этих ворот нельзя никому из гражданского населения и даже в сопровождении немецких солдат, т.е. население лишено возможности прочесть эти надписи. Если же кто проходит, то в него стреляют без предупреждения. И вот один из этих-то ангелочков и был у меня. Бургомистр перепугался до смерти и приказал нам немедленно перебираться в другой дом. А какая разница? Но мне не страшно. Если бы они были «почище ГПУ», то я не писала бы этих строк, а М.Ф. идилически не раскладывала бы пасьянса. Все же переселиться придется. Черт с ними, а то еще и в самом деле втяпаемся. Хотя от такой слепой силы, как ГПУ или эти вот холеные скоты, спастись нельзя. Вчера кто-то «стрелял», а сегодня кто-то что-то «взорвет».

Пишу все это при ярком свете. Освещаемся по способу эскимосов. Нашли в сарае бутылку какого-то масла. Есть нельзя — воняет. Но горит превосходно. Налили в миску, по краям налепили тряпочных фитильков. Только очень часто приходится поправлять фитильки — быстро сгорают. Коля говорит, что завтра постарается достать мох для светильен, тот якобы не так быстро сгорает и, главное, не так коптит. Копоть несусветная. Через два часа после того как зажгли нашу

эскимосскую лампу, вся мебель и мы все покрылись налетом жирной и вонючей копоти. М.Ф. ворчит — карты пачкаются, пасьянс скоро нельзя будет разложить. Я же в восторге: писать и читать можно свободно. Теперь появилась масса книг, о которых при советчиках мы и мечтать не смели. Например, сейчас читаю «Бесы» Достоевского. Сейчас этот роман производит еще более потрясающее впечатление, чем раньше. Все пророчества сбылись на наших глазах.

1. 11. 41. Произошли два важных события в нашей жизни. Коля ходил в Павловск и «продал» там полушубок. Конечно, как и всегда с нами, когда мы становимся «дельцами», кроме анекдота ничего не получилось. Он очень запоздал и пришел уже после запретного часа. Я чуть с ума не сошла от страха. И, конечно, пришел без кожуха и продуктов. Немцы обещали заплатить «завтра». Правда, они дали ему солдатского супа поесть. И то хорошо. Но все же за большой и новый кожух маловато. Я не верю, что завтра они заплатят. А там, кто его знает. Все же это не наши, а европейцы.

Второе событие — познакомились с настоящим «белым». Бывший морской офицер. Воспитанный, упитанный, вымытый и нестерпимо и по нашим масштабам утрированно вежливый. Как на театре. Рассказывал о работе белой эмиграции против большевиков. Сам он из Риги. Обещал дать мне Шмелева³³ и еще некоторые книги, изданные за границей. Работает переводчиком у немцев. Все как во сне. МЫ и настоящий БЕЛЫЙ ЭМИГРАНТ. Человек из того мира, о котором мы только мечтали. И еще трудно поверить, что где-то есть не светская и не фронтовая, а нормальная человеческая жизнь. И до этой жизни всего ОДИН день пути. Но для нас это так же далеко, как и до Марса.

2. 11. 41. Коля все же пошел в Павловск, несмотря на мои мрачные прогнозы. Он получил плату за кожух и принес полмешка настоящей еды. И его там опять накормили супом. Все же Европа имеет свои моральные минимумы. И честные люди, даже и немцы, не перевелись на свете. А принес он вещи волшебные: КРУПУ, мясные консервы, ТАБАК и хлеб. Крупы много. Ни с чем не сравнимое ощущение полного желудка! Крупы теперь нельзя достать ни за какие деньги и сокровища.

4. 11. 41. С едой все хуже. Того, что нам принес Коля из Павловска, хватит ненадолго. Вылазки на поле за турнепсом и картошкой приходится совсем прекратить. Также и за лошадьми. Вблизи уже все подобрали. Ходить далеко опасно, да и немцы не пускают. Они берут на учет все продукты. А так как у нашего населения никаких продуктов нет, то взяты на учет все огороды [...]. Собираем желуди. Но с ними надо уметь обращаться. Я научилась печь прекрасные пряники из желудей с глицерином и корицей. Желуди надо очистить и кипятить,

все время меняя воду, до тех пор, пока вода не станет совершенно белой и прозрачной. Таким образом они освобождаются от танина. После кипячения их надо пропустить через мясорубку, прибавить по вкусу глицерина и корицы, смачивать руки в воде и делать лепешечки, которые печь прямо на плите. Никто мне не верит, что это из желудей. У бабушки, матери Н.В., мы нашли в комодке полную большую банку корицы. Почему она у нее оказалась — понять невозможно. А в кладовке у Ершова — литра два глицерина. Вот тебе и пирожные.

Художник Клевер³⁴, сын знаменитого пейзажиста Клевера³⁵, съел плохо приготовленную кашу из желудей, отравился танином и у него отнялись ноги. Нужно было молоко. В том дворе, где они живут, живет баба с коровой. Сестра Клевера на коленях просила бабу продать ей молока, но баба отказалась, так как у немцев она может получить продукты, а деньги ей ни к чему. Кто-то из возмущенных соседей позвал проходящего мимо немецкого солдата и рассказал всю историю. Немец немедленно поколотил бабу и приказал ей отдавать весь удой молока в течение недели бесплатно Клеверам. Клеверы брали только столько, сколько нужно, и платили бабе. Нужно было видеть, рассказывали мне, как баба чуть не на коленях ползала перед немцем. Хотя какое право имел немецкий солдат ей приказывать? А солдат ежедневно приходил и проверял, исполняет ли баба его приказание. Ведь вот бывают же на свете такие. Клевер поправился. А бабу я непременно прибила бы своими руками, если бы только знала, что подюжаю. Вот тебе советские Минины и Пожарские. Вот тебе советское воспитание. И каким героем и морально «светлой личностью» выглядит этот немецкий солдат, ВРАГ, по сравнению с этой бабой и ее присными.

6. 11. 41. Начались уже настоящие морозы. Но топлива сколько хочешь. Все полуразрушенные дома можно разбирать на топливо. Но у нас еще много профсоюзных дров. Да здравствует профдвижение!

Вчера переехали во двор в дом Ершова. Здесь у нас две комнаты жилых и две нежилых. У М.Ф. комната побольше. Она ее сразу же облюбовала. Во-первых, потому что она больше, а во-вторых, и это главное, что отапливается она из нашей комнаты. Значит, топить печку в ней и готовить в ней буду я, а не она. Нежилые комнаты заменяют кладовки. И жить можно. А в кладовках мы нуждаемся потому, что при отъезде Н.В. и В.Ф.³⁶ и еще другие соседи просили нас слезно сохранить их вещи. Мы пообещали и вот теперь таскаем все с места на место, как дураки. И знаем, что все равно все пропадет, но наша интеллигентская мягкотелость не позволяет нам бросить все сразу. Особенно ненавижу я пианино, кот[орое] В.Ф. успела «приобрести» в консерватории и на которое написана нам перед отъездом доверенность распоряжаться. И вот таскаем. Пропади оно все пропадом.

Нашего-то у нас уже почти ничего не осталось, кроме нескольких вещичек, вроде палехских ларчиков. Да еще библиотеки, которая тоже отнимает массу сил при перетаскивании. Но это книги!

Развели уют. Теперь Николай не страдает от жизни в одной комнате с М.Ф., и нет проклятых тряпок, которые служили ширмами в старой комнате. Я нашла в водопроводном колодце немного воды, которая не замерзла потому, что колодец глубокий и закрыт крышкой. Помылись, и я даже немного постирала. Сказала соседям, что есть вода и не надо ползать на животах к пруду. М.Ф. устроила мне сцену — нам не хватит.

8. 11. 41. Сегодня к нам пришел знакомиться некий Давыдов. Он фольксдойч³⁷, как теперь себя называют многие из обрусевших немцев. Работает переводчиком у немцев при СД³⁸. Это какая-то ихняя секретная полиция, но не из самых свирепых, а помягче. Ничего я во всех ихних чинах и учреждениях еще не понимаю. Хочет оказать Коле протекцию. Он слушал Колины лекции по истории в Молочном институте и был от них в восторге, как и все прочие профессора и преподаватели. Вот еще тоже один из анекдотов советской жизни: Коля не имел права читать лекции для студентов, а вот для профессоров — имел. И как только русская история возродилась опять из марксистского пепла — его немедленно стали рвать на части в различные высшие учебные заведения. В Молочный институт он попал все же не совсем обычно. Там читал русскую историю какой-то партийный пропагандист. И это было до такой степени безграмотно и ужасно, что даже наши многотерпеливые и кроткие профессора восстали и потребовали от обкома отозвания этого, с позволения сказать, лектора. Тогда кто-то вспомнил, что слышал Колину лекцию в С[ельско] х[озьяйственном] институте. Его пригласили на пробу. И этот затруженный интеллигент совершенно покорила не только беспартийную профессорскую массу, но даже и партийных китов, вроде директора института. С одной стороны, нам было очень приятно, что, наконец, где-то на крошечном кусочке этого военного поля наша взяла. А с другой стороны, у меня всегда поджилки тряслись, что когда-нибудь он направится прямо с лекции в тот университет, из которого еще никто не возвращался. И как только он запоздает с лекции, а это было всегда, потому что его задерживали слушатели вопросами, я уже начинаю готовить ему рюкзак с сухарями и дорожными вещами. Так оно, конечно, когда-нибудь и было бы, если бы не благословенные немцы. А отказаться от работы было и невозможно, потому что его назначили все-таки от горкома, а во-вторых, это был хороший заработок. А главное, что ему это доставляло отдых и несравнимое наслаждение, хоть отчасти, хоть под всякими вуалями проводить все-таки какие-то намеки на свободное преподавание. И эти лекции и теперь нам со-

служили большую службу. И мое назначение квартуполномоченным, а отсюда получение хоть изредка, хоть раз в две недели какого-то съедобного подобия, произошло потому, что наш городской голова (бургомистр), тоже один из слушателей Николая — приват-доцент. И Давыдов тоже вот сегодня пришел с помощью.

Этот Давыдов, хоть и переводчик, которые почти все поголовно оказались [сволочью... — не таков. Он сколько может оказывал помощь населению].

Переводчики — сила, и большая. Большинство из них — страшная сволочь, которая только дорожит своим пайком и старается сорвать с населения все, что только возможно, а часто даже и то, что невозможно. А население целиком у них в руках. Придет человек в комендатуру по какому-нибудь делу, которое часто означает почти жизнь или смерть для него, а переводчик переводит все, что хочет и как хочет. И всегда бывает так, что комендант требует от него невозможных взяток. А взятки даются тоже через переводчиков. Все они вымогатели и ползают на брюхах перед немцами. Я сама видела в комендатуре такой спектакль: на полу передней, через которую ходят все просители, разостлан прекрасный дворцовый голубой ковер. Люди, не зная, для чего он тут разостлан, идут по нему, потому что иначе не пройдешь, он занимает всю комнату. Вдруг вылетает переводчица и начинает грубейшим образом кричать на посетителей, как они смеют, свиньи, ходить по комендантскому ковру. Ковер здесь разостлан для просушки или еще чего-то, и господин комендант страшно любит именно голубые ковры. И проч., и пр[оч]. А «господин комендант» — мальчишка, лейтенант — стоит и ухмыляется, а посетители не знают, что им делать. А переводчица — учительница. Конечно, я сказала ей пару теплых слов и не пошла к коменданту, и не получила бумажки, за какой ходила. Бумажки о том, что мы не подлежим переселению. Она кричала мне вслед, что она пришлет за мной вслед полиция. [...] тогда я уже совершенно разъяренная сказала, что Я пришло за ней не полиция, а солдат из СД. Она немедленно же скисла, как проколотый шар. И с тех пор была очень со мной ласкова. Потому что эта дура и в самом деле поверила, что я МОГУ прислать солдат из СД. А я знаю только, что СД боятся коменданты и что оно помещается в Екат[ерининском] дворце. Но мне было интересно посмотреть, насколько ее влияние имеет под собой основания. Все это «фикции» и халтура. Ну и я подхалтурила. Когда я рассказала об этом нашему городскому голове, он запечалился и сказал, что головы мне не сносить. Ничего, ГПУ не съело, а уж какая-то Клара Ивановна и подавно подавится!

Так вот слухи о Давыдове ходят самые хорошие. Говорят, что он, если не может много помогать населению, то все же при переводах

держится всегда, елико возможно, близко к истине и никогда не берет с населения взятку. Пришел он к Коле с заявлением, что немцы очень «ценят культуру» и ищут интеллигенцию для работы с ними. Интересуются они, главным образом, специалистами военными и техническими. Но Колина специальность здесь ничего не может им дать. И это очень приятно. Хотя наша дорогая родина и стала нам всем поперек горла, а все же для нас было бы невозможно выдать врагу какой-нибудь военный секрет. И хотя теперь родина — не народ и не государство, а проклятая шайка бандитов, а вот, поди ж ты, — не смогли бы. Затрущенные интеллигенты и никак не можем отделаться от нашей старомодной интеллигентности и «устарелой принципиальности». Хотя и знаем, что большевизм не победишь благородными чувствами и сохранением своих патриотических риз. Да и настоящий наш патриотизм в том, чтобы помогать ВСЕМ врагам большевиков.

10. 11. 41. Протекция и блага, которые нам принес Давыдов, состоят из трех тарелок супа. Но немецкого, но ежедневно, но не солдатского, а из того самого СД, который я так пророчески избрала в свои покровители в войне с Кларой Ивановной. Вот и не верь предчувствиям! Да, так суп. Это такая роскошь, за которую не только первородство продашь. Работа, которая потребовалась от Коли, состоит в исследовании по «истории бани» и тому подобной чепухе. Кажется, эта история нужна для того, чтобы доказать, что у славян бани не было, и ее им принесли просвещенные немцы. Боже, до какой глупости могут доходить просвещенные европейцы. Война, кровь, ужасы и тут — история бани. Но хорошо, что хоть суп за нее платят. Коля говорит, что он напишет работу и докажет, что славяне принесли немцам и европейцам баню. Так, мол, говорят исторические летописи, а что говорит по этому [поводу] Заратустра, неинтересно. Боюсь, что придется скоро расстаться с супом! Но ничего — и вчера, и сегодня поели. И завтра, е.б.ж., — поедим. Я очень прошу Колю растянуть процесс исторических изысканий, елико возможно, на дольше.

От этих занятий как будто бы предательством родины не пахнет. Но ведь если бы немцы пригласили нас не чепухой заниматься, а скажем, стрелять вот туда, в Федоровский городок. Пошла бы я? Пошла бы. Взяла бы винтовку и пошла. А вот доносить и передавать военные секреты — нет возможности. М[ожет] б[ыть], это и одно и то же, а для нас — невозможно. А вот те самые коммунисты, на которых русский народ не доносит, — непременно донесут обо всем и обо всех. И насчет военных секретов они тоже не очень как будто бы секретничают, насколько мы уже тут слышим. А придут красные, и они опять попадут на верхи. Да и у немцев они не на низах сидят. Скольких мы уже знаем бывших коммунистов, которые работают «не за страх, а за совесть» на немцев. Да не просто с ними сотрудничают, а все или в по-

лиции, или в пропаганде. Кто их знает, может быть, они и искренние, но все же, как-то не верится. Не переделать волка в овечку. Что они беспринципны принципиально — это-то хорошо известно, и что для них нет никаких принципов, кроме волчьих, тоже известно.

12. 11. 41. Жизнь начинается робинзонья. Нет ничего самого необходимого. И наша прежняя подсоветская нищета кажется nepостижимым богатством. Нет ниток, пуговиц, иголок, спичек, веников и много, что прежде не замечалось. Зато сразу появилось много подсвечников, стаканов, посуды. Зато совершенно исчезли все буквально кастрюли. И куда они подевались — уму непостижимо. Особенно тягостно отсутствие мыла и табака. Ну, с табаком — хоть окурки собирать можно. Хотя немцы не очень-то ими бросаются. А вот мыла нет нипочем. И это чистое несчастье. От освещения копилками, бумажками и прочими видами электрификации вся одежда, мебель и одеяла покрыты слоем копоти. Проведешь рукой по одеялу, и рука черная. Лица стали неузнаваемыми от черного налета на них. Моемся приблизительно. Да и что можно сделать без мыла при такой копоти. Одна женщина попробовала умываться золой из печи, и все лицо у нее облезло.

Немцы организовали богадельню для стариков и инвалидов. И мы отправили туда бабушку — свекровь М.Ф. Все-таки хоть что-то она там будет получать, а мы будем, сколько возможно, помогать ей от себя. Благо дом этот совсем около нас. Организован также детский дом для сирот. Там тоже какой-то минимальный паек полагается. Все остальное население предоставлено самому себе. Можно жить, вернее, умереть по полной своей воле. Управа выдает своим служащим раз в неделю, да и то нерегулярно, или по килограмму овса, или ячменя (никогда рожь или пшеницу), или мерзлую картошку. Когда выделяется зерно, Коля мелет его на кофейной мельнице. Засыпает стакан, намелет — сварим. Пока намелет второй — пора опять варить. Три стакана отнимают почти полный рабочий день, так как зерна сырые. А сушить нет времени. Надо есть. Ждать невозможно. А сварить — есть нечего. Одни остюки. Много заболеваний желудком на этой почве. Я не даю своим есть с ошметьями, процеживаю. Скандалят, потому что остается только окрашенная вода. Особенно вредный овес. Но Коля не смеет у меня умереть от дурацких случайностей. Не дам! Голод принял уже размеры настоящего бедствия. На весь город имеются всего два спекулянта, которым разрешено ездить в тыл за продуктами. Они потом эти продукты меняют на вещи. За деньги ничего купить нельзя. Да и деньги все исчезли. Цены соответственные: хлеб расценивается по 800–1000 руб[лей] за килограмм, меховое новое пальто — 4000–5000 рублей. Каракулевое или котиковое. Совершенно сказочные богатства наживают себе повара при немецких частях.

18. 11. 41. Морозы уже настоящие. Население начинает вымирать. Каково же будет зимой? У нас уже бывают дни, когда мы совсем ничего не едим. Немцы чуть ли не ежедневно объявляют эвакуацию в тыл и так [же] чуть ли не ежедневно ее отменяют. Но все же кое-кого вывозят. Главным образом, молодых здоровых девушек. Мужчин молодых почти совсем не осталось. А кто остался, те ходят в полициях. Многие также разбредаются сами куда глаза глядят. Кто помоложе и поздоровее, норовит спрятаться от эвакуации. Некоторые справедливо считают, что сами они доберутся, куда хотят, лучше. Некоторые ждут скорого конца войны и стараются пересидеть на месте. «Тыла» теперь бояться. Хотя немцы и объявляют, что в дороге всех будут кормить, а по прибытии на место всем обеспечены жилища. Но где это самое «место» — не сообщают. Надоело все до смерти. Вчера мне принесли извещение об эвакуации, а Коля и М.Ф. остаются здесь. Я понеслась вне себя в комендатуру и там напала на какого-то неповинного и, как потом оказалось, даже не на нашего фельдфебеля. Я сумела ему рассказать всю нелепость такого постановления прежде, чем он сказал мне, что он сам только что приехал по делам в Пушкин и тут не при чем. Я завопила, что все они тут «при чем». И мне все равно, какое [...] * во внутренние покои комендатуры и потом через некоторое время вынес мне бумажку, разрешающую и мне остаться вместе с нашими. Здесь опять меня выручил мой немецкий язык. Во-первых, он у меня как-то по особо комичному неправилен, вероятно. Немцы, вместо того чтобы на меня сердиться, почти всегда смеются. А во-вторых, если я очень обозлюсь, то мне всегда приходят на память все неприятные слова на всех языках, и я их выпаливаю. На этот раз проехало. По таким делам совершенно невозможно посылать М.Ф. Она начинает трусить и слезно умолять. Ну, тут всякое начальство, особенно рангом не выше фельдфебеля, начинает себя чувствовать и в самом деле царем и богом и хамить. А когда на них прыгаешь, как воробей на собаку, — отступают. А впрочем, нужно признаться, что немцы в подавляющем своем большинстве — народ хороший, человечный и понимающий. Но сейчас-то война и фронт, и всякие там идеологии, и черт его знает, что еще. Вот и получается, что хорошие люди подчас делают такие вещи, что передумал бы их собственными руками. И все же мы рады бесконечно, что с нами немцы, а не наше дорогое и любимое правительство. Каждый день приходится проводить параллели. Ну, скажем, произошло бы такое при наших. Пошла бы я в комендатуру. Что меня там выслушали бы? Да ни за что. Еще и припаяли бы несколько лет за «антисоветские настроения» или за что-нибудь еще.

---

* Пропущена одна строка.

Говорят, что мою практику нельзя применять с ГЕСТАПО. Это ихнее ГПУ. Слава Богу, у нас на фронте такого еще не было.

22. 11. 41. Вчера попала в настоящую и колоссальную неприятность. Но опять кривая вывезла. Надолго ли хватит этого везения только.

Начали выселять людей из Александровки, так как там все время идут бои. Господи, живем на самом фронте. Как вспомнишь — сердце леденеет. Жители Александровки почти исключительно железнодорожники. Они были всегда на привилегированном положении. Каждый имел подсобное и необлагаемое хозяйство: участок земли при собственном доме, коров, коз, пасеки, птицу. Плюс еще так называемые «провизионки» — билеты, дающие право на провоз продуктов из провинции, т.е. так предполагалось. Было же наоборот. Они возили продукты в провинцию и на этом колоссально зарабатывали. Это были своеобразные советские помещики, и жили они так, как и не снилось ни колхозникам, ни единоличникам. Выселяться им не хочется. Все свои продукты и имущество они позарывали в землю. А их непреклонно выселяют и приказывают селиться не ближе, как за 25 километров от Александровки. Они же, конечно, норовят поближе. И самым для них лучшим местом является Пушкин, потому что это и близко, и ходить можно удобно через парки. А они надеются туда ходить за вещами и провизией.

Уже перед самым началом запретного часа к нам во двор ввалилась группа александровцев с саночками и тележками. Нагружены они были, как добрые верблюды. Стали умолять, чтобы пустили их переночевать. В нашем доме пять пустых комнат, и я их пустила. Состав семей: старик, его жена, еще не старая женщина — в одной и во второй: муж, жена, двое детей 10 и 11 лет и 16-летний мальчик Витя, племянник жены, который приехал незадолго до войны из Торжка погостить у тетки. Прелестный мальчик. Из-за него, главным образом, я и рискнула их пустить. Уж очень он мне понравился своей серьезностью и интеллигентностью. Да и все они произвели на нас самое благоприятное впечатление. Прожили они у нас благополучно четыре дня, как на них донесли коменданту. Донес начальник полиции Мануйлов, по рассказам, самый настоящий бандит. И вот он привел ко мне немецкого коменданта выяснять, на каких основаниях я, вопреки приказу, впустила в дом александровцев. Комендант сразу же начал на меня орать и на «ты». Прежде всего, я у него спросила, разве мы с ним «ферлобты»³⁹ или пили брудершафт, что он говорит мне «ты». Мы к этому не привыкли. Я думала, что Мануйлова от ужаса кондрашка хватит. Комендант же тон снизил, но сказал, что за такое мое непослушание он вынужден будет меня повесить. Я ответила, что вешать он меня может, но заставить как уполномоченную по квартирам выгонять ночью людей на улицу, где

каждый патруль должен их застрелить — не может. Я русская женщина и это русские люди. И достаточно ужасов войны и так, чтобы я еще прибавляла их. Да я и с немцами так не поступила бы. Потом мне достоверно известно, что г[осподин] Мануйлов знал об их вселении сюда, так как еще вчера старик вставлял стекла в комендатуре и управе и, кажется, сегодня вставляет их у г[осподина] коменданта. А стекольщиков управа никак не могла найти, и меня даже городской голова благодарил, что я нашла этого старичка. Мануйлов начал было на меня орать, что я вру. Ну, я ему показала! Пригрозила, что доложу коменданту о взятке, которую он вымогал с моих новых жильцов за прописку, а теперь привел, мол, сюда коменданта, самого херр коменданта, разыгрывать дурачка. Комендант спрашивал, в чем дело, но я сказала, что я не переводчик и что с Мануйловым у нас свои дела, а пусть сам Мануйлов ему переводит. И что мне все это надоело и пусть он меня вешает. И я, действительно, уже почти не могу переносить всех тех гадостей, которые нас окружают. И главное, что большинство этих гадостей происходит не по необходимости военной, а по подлости окружающих нас.

Комендант смягчился и сказал, что вешать он меня, м[ожет] б[ыть], и не будет, но что он должен посадить меня в тюрьму. Я сердито привела поговорку о «тирхенах» и «плезирихенах»⁴⁰. И тут он расхохотался и просил показать ему квартиры нашего дома. Я повела его сначала в наше «палаццо». Увидав наше «палаццо», которое я по случайности только сегодня отмыла, как умела, холодной водой, он пришел в восторг от чистоты и порядка и заявил, что только немецкие женщины умеют и во время войны содержать в таком порядке свои жилища. Хотелось мне очень дать ему по физиономии, но не посмела. Расстались мы по-хорошему, и Мануйлов получил приказ прописать моих жильцов, а старичка я устрою в управу, и он будет получать паек. Вот и опять приходит параллель с недоброй памятью советчиками. Ну, если бы я при них что-нибудь подобное сделала. Да и меня, и моих жильцов, и Колю, и М.Ф. непременно расстреляли «за неподчинение законам военного времени». Да при наших мне и в голову бы не пришло сотворить такое.

Жильцы мои слышали перепалку, и так как отец детишек почему-то прекрасно понимает по-немецки, то перепугались они до потери сознания, но когда выяснилось, что повешение грозит только мне, а им только выселение — успокоились. И так-таки прямо мне и сказали. Почти буквально этими словами. Никаких литературных красот. Жизнь советская. А вот то, что железнодорожник, кажется, машинист, знает хорошо немецкий язык и норовит оставаться на фронте, это мне очень и очень не нравится. Надо будет поскорее от этой семьи избавиться. Переселить поскорее. Только Витю жалко.

Старичок вполне себя оправдывает. Суетится целые дни. Починил крышу и печи. Успешно ворует где-то стекла и остеклил нашу комнату. И так стало приятно опять пожить при полном дневном свете.

Удивительный звук появился в нашем обиходе. Прелестный и нежнейший, которого никогда и нигде больше не найти. Звон стеклянных кусочков на разбитых окнах. Перед войной приказано было наклеивать на стекла полоски бумажек крест-накрест. Это, де, спасет стекла от воздушных волн. Конечно, не спасло. Но зато мы имеем теперь это очарование. При малейшем ветерке на улицах слышен этот удивительный звон. Ничего более нежного нельзя себе представить.

24. 11. 41. Коля слег от голода. Ему надо во что бы то ни стало получать ежедневно хоть чайную ложку жира и столовую ложку сахара. А где и как их добыть? Иначе он не выдержит. Супы наши СД-шные кончились, так как, по-видимому, Коля не угодил историей бани.

26. 11. 41. Продали мои золотые зубы. Зубной врач за то, чтобы их вынуть, взял с меня один хлеб. А получила я за них два хлеба, пачку маргарина и пачку леденцов, и полпачки табака. Повар, который все это давал, все время приговаривал, что он совершенно разорен. Так мне хотелось его выгнать со всеми его благами, но из-за Коли не посмела.

29. 11. 41. Коле хуже. Того, что мы имеем, ему не хватает. Продавать и менять больше, кажется, уже совсем нечего. А еще вся зима впереди.

2. 12. 41. Сегодня произошло еще одно из наших многочисленных чудес, которые с нами теперь непрерывно происходят. Но это самое значительное. Я решила продать свое обручальное кольцо, которое ни за что не хотела продавать, потому что верю, что это плохая примета. Но на лице у Коли стали появляться еще более плохие приметы. На днях призывала к нему врача Падеревскую. Она сказала, что ему необходимы уколы камфары. В больнице камфары нет, а у нее есть «своя». За 14 ампул камфары она взяла с меня мой китайский сервиз, который мне подарил в свое время О. Еще в [19]29-м г[оду] он стоил 600 руб[лей]. Эта Падеревская вместе с сестрой Бедновой работают в доме инвалидов и занимаются такими вещами: как только увидят у кого-нибудь из стариков какую-либо драгоценность — чаще всего нательный крест или обручальное кольцо — начинают немедленно ходить мимо такого старика с едой совершенно нам недоступной — вроде хлеба с колбасой или сыром. Ну, конечно, голодные люди с ума сходят. Тогда они предлагают отдать им эту драгоценность, а они будут кормить пациента. Конечно, человек, умирающий с голоду, отдает свою последнюю утеху. Немедленно он получает кусочек неземных благ, которые эти дамы имеют от немцев за какие-то заслуги. И потом начинается «корм-

ление». Приносится тарелка болтушки или несколько красных све-клинок. И это все. Если пациент задерживается на этом свете, то его тогда кормят так, чтобы он умер немедленно. Никаких ядов, только высокодоброчаственная еда и в соответственных количествах. Обычно кормление продолжается не более трех-четырех дней. Так как они выбирают людей уже доходящих. И вот к этому-то чудовищу я должна была обратиться, потому [что] у других, порядочных, врачей, действительно нет никаких лекарств. Все разокрали такие, как Падеревская, Беднова, Коровин. Они ведут какие-то грязные делишки с грязными немцами, и у них есть все.

Делаю Коле уколы камфары и ругаю себя последними словами. Лучше бы за этот сервиз получила бы я хоть какой-нибудь еды ему. Хоть бы на один раз. Но дело в том, что наши знакомства с немцами только среди солдат, а солдатам китайские сервизы ни к чему. А она знакома со всеми немецкими спекулянтами.

Решилась я и пошла продавать свое кольцо к одному немецкому повару. Этот негодяй предложил мне за кольцо в 15 граммов червонного золота один хлеб и полпачки табака. Я отказалась. Лучше помереть с голоду, чем потакать такому мародерству. Иду по улице и плачу. Ну просто уже никакого терпения не стало. Не могу я себе представить, что Коля вот так и помрет от какой-то дурацкой войны и оккупации. Разве затем мы так пуритански берегли свою непродажность нашей проклятой власти, чтобы вот так тут и сдохнуть из-за нее. Не затем же мы, живя без квартиры в Москве и ночуя на улицах и скверах, отказывались от блестящего места в Дерулюфте⁴¹ — с квартирой, ванной, закрытым распределителем и прочими благами. Не затем же мы радуемся тому, что мы не в Москве, в тылу, а вот здесь, на фронте. Иду и ссорюсь с Богом, и Он меня услышал. Попался мне на улице тот самый Мануйлов и посоветовал сходить в комендатуру к повару, который только что прибыл на фронт и еще не разжирел на наших слезах и крови. Но пошла я не вчера, потому что было уже поздно, а сегодня утром. Всю дорогу молила Бога, чтобы сегодня не было вчерашнего разочарования. Самое страшное — приходиться домой ни с чем. Эти блестящие от голода глаза и в них — немой вопрос. Лучше самой помереть.

И произошло настоящее ЧУДО.

Повар взял мое кольцо, а меня ухватил за руку и запихал в какой-то чулан. Сажу в чулане и трясусь. А что, как он покличет патруль, и меня тут же, на месте и прикончат за попытку «подкупить» немецкого солдата?!

Так ясно я себе представила, как наши сидят и ждут меня, не смея даже сказать, куда я пошла, и как через несколько дней придет полицаи и скажет, что я расстреляна «за попытку разложения немецкой

армии». Наконец, повар пришел и повел меня в кладовку с едой. У меня сразу же закружилась голова от запаха колбасы. Повар ухватил мой рюкзак и стал сыпать в него муку безо всякой меры. Скреб совком по дну бочки и ругался, что муки мало. Насыпал примерно треть рюкзака. Потом спросил, хочу ли я сахару. САХАРУ! Пихнул пакет сахару в 2 к[ило]г[рамма]. Я осмелела и шепотом попросила хлеба. «Тюрлих», — пробормотал повар и положил три хлеба. (Хлеб сейчас у нас главная ценность, потому что его можно есть сразу же, и он дает ощущение немедленной сытости). Увидел огромный кусок мяса, отрубил чуть ли не половину и тоже запихал в рюкзак. Я боялась перевести дыхание, чтобы он не опомнился и сказка бы не прекратилась. Грубо обругав меня, что у меня нет никаких мешочков с собой, он разыскал какой-то пакет и насыпал в него крупы. Сунул два пакета маргарина и пакет кунстхонига⁴². Вдруг в коридоре послышалась какая-то суета. Повар ухватил меня, согнул пополам, как мешок и сунул в темный угол за бочку. Что-то прошипел и исчез. Сажу за бочкой и поминаю царя Давида и всю кротость его. И вдруг вижу на полу кусочек жиру, отскочивший от мяса. Подобрала я этот кусочек, сунула в рот и забыла все на свете. Нет в мире ничего лучше сырого коровьего мороженого жира! И мне стало все все равно. Только очень жалко было, что кусочек такой маленький. Потом вернулся повар, и я, уже совершенно обнаглевшая, попросила у него табака. Он рыкнул что-то и сунул ДВЕ пачки табака и ТРИ пачки папирос. Рюкзак у меня был очень вместительный, и я никогда не могла его нести, когда он был полон даже бельем и платьем в экскурсиях. А тут повар носился по кладовке и пихал в него все, что попадетс: банку мясных консервов, зубную пасту, леденцы и даже две коробки спичек. Но самое замечательное это то, что он сунул мне кусок русского стирального мыла. Этого сокровища не имеют даже многие немецкие офицеры. Наконец, уже в рюкзак ничего не лезло. Повар затащил его с трудом и стал надевать на меня. Но как только рюкзак повиснет на мне, я падаю с ног. Буквально. Вот тут-то я перепугалась. Выложить из мешка хоть что-нибудь я никак не смогла бы. А нести, как я ни напрягаю силы — я тоже не могу. Мой повар дал мне солидного тычка, шикнул на меня и куда-то унесся с рюкзаком. В этот момент я вполне поняла психологию самоубийц. Если бы он не отдал мне моего мешка, я наверняка покончила бы с собой. Но повар (впрочем, я уверена, что это был не повар, а ангел, заменивший повара. Настоящий повар, вероятно, где-нибудь спал в это время) примчался в кладовую и выволок меня за руку во двор. И должна сказать, что все свои физические воздействия на меня он производил далеко не деликатно, а по-серьезному. Во дворе я увидела сооружение из фанеры, с загнутым передним краем в виде салазок. К передку была привязана ве-

ревка. Повар положил рюкзак на сооружение, накрыл его каким-то тряпьем, для камуфляжа засунул несколько старых палок. Похоже, что дрова. Выволок эти сани за ворота, надел мне веревку на шею, на глазах у часового дал опять хорошего тычка, сказал что-то часовому, от чего тот заржал, и исчез.

Я напрягла все свои силенки, чтобы поскорее завернуть за угол от комендатуры. Везла я свои санки почти на четвереньках и до смерти боялась, что какой-нибудь немецкий патруль или еще хуже русский «полицай» остановит меня и заглянет в рюкзак. За то, что я, цивильная, имела в рюкзаке эти соколовища, я подлежала по законам военного времени пристрелу на месте. Без всякого суда и разговоров. Но я ДОВЕЗЛА все до дома беспрепятственно. Во дворе я все бросила и послала свою инвалидную команду втащить все эти соколовища в дом. А сама, как была в пальто и валенках, упала на кровать и не могла пошевелить пальцами. Когда М.Ф. и Коля увидели, ЧТО я привезла, они тоже почувствовали себя в сказке.

М.Ф., вытаскивая каждое новое соколовище, спрашивала меня: «Лидочка, ты никого не убила и не ограбила?» И вот я пишу все это, поев БУЛЬОНА, МЯСА и ХЛЕБА и курю настоящий ТАБАК. И еще будем пить чай с САХАРОМ. М.Ф. уже начала свою волынку, что надо все это экономить. А я требую, чтобы мы наелись досыта. Если в мешке дырку не зашивать, то в нем ничего не удержится. А наши мешки имеют уж очень большие дырки. И удастся ли их починить поваровыми благами! И не всегда будут подворачиваться такие повара. Я верю, что Бог услышит наши молитвы за повара и всех его близких и сохранит их на всех путях их.

Да, и еще ко всем благополучиям — мы помылись настоящим пенным мылом и увидели, что еще не такие старые, как нам казалось.

5. 12. 41. Поваровы чудеса продолжаются. В сарае завалились дрова. До повара и думать было нечего пройти и привести их в относительный порядок. Теперь же мы намного крепче, и я пошла возиться в сарай. Разбирая сарай, я натолкнулась в самом темном углу на какой-то гигантский сверток, зашитый в мешки. Я его даже пошевелить не могла. Позвала Колю и М.Ф. Сверток мы распорол, и оказалось, что это великолепный турецкий ковер из квартиры Толстого. По-видимому, кто-то из соседей украл его, зашил, а вывезти не успел. Я затребовала, чтобы мы померли, а ковер втащили в комнату. Втащили, проклятый. Но думаю, что все поваровы блага ухлопали на него. Немцы охотятся за коврами также, если не сильнее, чем за мехами и золотом и, может быть, ковер сыграет роль повара. С Колей по поводу ковра произошла принципиальная баталия. Видите ли, «это пахнет мародерством». Толстой-то украл ковер из дворцов! А кто-то украл у Толстого. А подсунили его в наш сарай, чтобы сбагрить от-

ветственность на нас, если бы пришли не немцы, а красные. А я буду беречь этот ковер! Для кого? Или, как дура, пойду в управу с заявкой! А полицаи его пропьют! Рассвирепела я на это чистюльство страшно и заявила, что как только мы избавимся от фронтового сидения — разведусь с Николаем. Посмеялись и помирились. Да нет, правда, помирять с голода — и такие глупости.

6. 12. 41. Нет, конечно, это был не повар. Чудеса продолжают. Вчера только что упрятали ковер в комнату, как приехали с подводой какие-то солдаты из СД и начали забирать наши прекрасные профсоюзные дрова. Конечно, ковер сперли бы, не сказав ни худого, ни хорошего слова.

Из-за дров я им дала бой. Притянула их в комнату, где на постели лежал Коля в прострации от ковровой экспедиции, и начала их срамить. Вот мол, альтер герр и профессор, и про историю бани упомянула, и про то, что работаю в Управе, а вы, мол, молодые и здоровые и вам лень дров напилить и вы у нас отбираете. В общем, пристыдила, и не все дрова забрали. Немцев не надо бояться, а надо на них налетать. Это я хорошо заметила. Но налетать я умею, только когда чувствую, что права. Иначе не выходит.

12. 12. 41. Проклятый ковер торчит посреди комнаты, и мы через него спотыкаемся. Мои ворчат, что его надо выбросить. Мы не можем сделать еще одного напряжения, чтобы его поднять. Сегодня на воркотню М.Ф. я ехидно предложила ей его выбросить. Унялась. А чуёт мое сердце, что он будет вроде нашего повара.

17. 12. 41. Доглодали последнюю косточку. У Коли опал живот и глаза перестали блестеть. Ужасен этот голодный блеск глаз. Они начинают даже светиться в темноте. Это не выдумка.

Мучительна история с уборными. Их нет совсем. Все делается в какой-нибудь сосуд в комнате, а потом выбрасывается куда попало во двор. Что будет весной! В городе появился тиф.

Институт квартуполномоченных кончился, и меня перевели работать в баню для военнопленных. М.Ф. уже с неделю работает там дезинфектором — и меня к ней же. Она не выдержала работы в Управе по раздаче талончиков в столовой. Ежедневно приходилось выбирать между теми, кто должен был умирать сегодня, и теми, кто должен умереть завтра. Мы наострились безошибочно угадывать смертников. И вот стоит перед тобой несколько человек, и ты знаешь: дать этому — он все равно умрет завтра или послезавтра, а дать тому — он еще продержится. Сознание, что от тебя зависит, ускорить или удлинить срок жизни человека, совершенно невыносимо.

Теперь я буду получать аккуратно немецкий паек: 1 килограмм муки на неделю, 1 хлеб, 36 грамм жира, 36 грамм сахара и один стакан крупы. Этого хватает весьма скромно на 3–4 дня, но все же иметь

три дня в неделю какую-то еду весьма важно. Заведует баней та самая сестра Беднова, которая работала в доме инвалидов. Так как с инвалидами все кончено, то она получила это место и получает доход с того, что за каждое назначение в санитарки или дезинфекторы берет недельный паек. Меня она встретила в штывки, так как меня назначила Управа, и ей никакого пайка не пришлось получить.

Бабушка М.Ф. умерла. Доктор Падеревская, которая ходит в дом инвалидов каждый день мимо нас, не зашла и не сказала нам о ее смерти в течение трех дней. А мы как раз в эти дни не могли пойти. Умолчание это нужно было доктору затем, чтобы заведующий и остальной персонал дома инвалидов, с которым эта врач в доле, успели бы припрятать бабушкино барахлишко. Когда М.Ф. принесла бабушке еду, то ей сказали, что бабушка умерла и уже похоронена. Мы затребовали, чтобы нам сказали, где она похоронена. Одна из умирающих старух испуганным шепотом сказала нам, что покойники лежат под лестницей в подвале. Что мы там увидели, не поддается никакому описанию: около десятка совершенно голых трупов брошены как попало. У кого торчит нога, у кого — рука. Там же была и наша бабушка. Где ее вещи, мы не смогли узнать. А вещичек было довольно много, так как она все имущество свое перетаскала к себе. Донесли в полицию. Но толку не было никакого. У полиции тоже рыльце в пушку. И все это одна шайка, конечно. Бабушку мы все-таки вытащили и похоронили в Пушкинском садике против церкви. За рытье могилы нужно было дать хлеб, и мы его дали, хотя нам кажется, легче было бы умереть. Есть какие-то слои в человеческой психике, которые не позволяют бросить своего покойника в общую яму.

Да, есть какие-то слои в человеческой психике, которые, например, заставляют людей, даже мало знакомых, принести горсточку сухих корочек для Коли. Так сделала слушательница Молочного института Люся. Фамилии ее мы даже не знаем. Николай Иванович болел — ему нужно. В теперешнее время это то же, что вырезать у себя кусочек мяса и дать его другому.

18. 12. 41. Ночью мне пришла гениальная идея. Немцы очень празднуют Рождество, а у нас имеется большой ящик еще дореволюционных елочных украшений. Начну менять игрушки. Иногда нам попадают немецкие газеты. Сообщения в них такого же качества, как и в наших, но имеются частные объявления, и они больше всего дают для понимания немецкой жизни теперь. Магазинов, по-видимому, в настоящем смысле слова, нет. Все рационировано. Но по карточкам они получают столько, что нам это кажется сказкой. Рекламы только о зубной пасте и о чернилах «Пеликан». В объявлениях много спроса на старые костюмы и пальто. Книг немецкие солдаты, по-видимому, не читают. По крайней мере, мы еще ни одной из них не видели.

19. 12. 41. Ночью был бой где-то очень близко около нас. Мы пережили даже не страх. Это что-то не поддающееся словам. Только представить себе, что мы попадаем опять в руки к большевикам! Я пошла в больницу к доктору Коровину и сказала, что не уйду, пока не получу какого-нибудь яду. Он, было, попробовал развести свое обычное хамство. Тогда я пригрозила, что поговорю с немцами по поводу микроскопа и молока из детского дома и по многим другим поводам. Тошнило меня разговаривать с этим негодяем. Да ничего не поделаешь. Утих и стал шелковым. Этакая дрянь. Делать гадости — делает, а на расправу — жидкий. Боюсь, что я со своим чистюльством никуда бы не пошла, особенно к немцам. А пойти бы следовало. Но как-то невольно чувствуешь себя ответственным, особенно перед иностранцами за всю дрянь, которую разводят разные негодяи. Дал морфий. Только, вероятно, на двух мало. Хотя мы теперь такие слабые, что нам хватит. А я решила при приходе большевиков отравиться сама и отравить Николая так, чтобы он этого не знал.

20. 12. 41. Жизнь становится все ужаснее. Сегодня идем на работу в баню, вдруг распахивается дверь в доме, и из нее выскакивает на улицу старуха и кричит: «Я кушать хочу, поймите же, я хочу кушать!» Мы скорее побежали дальше. Слышали выстрел. Тот это или какой-либо невинный — не знаю.

На днях одна женщина против Управы собирала щепки около разрушенного дома. Напротив квартируется команда СС. Часовой что-то кричал этой женщине, но ни она, ни кто другой не могли понять, чего он хочет. Тогда он приложился и застрелил ее. Как курицу. Днем. На глазах у всех.

Торговля игрушками идет полным ходом, но из-за заносов у самих немцев сейчас мало еды. Все же каждый день какой-то кусочек перепадает. У Ивановых-Разумников положение хуже нашего. Они принципиально не хотят работать за немецкий паек. Очень их за это уважаю, но последовать им не могу тоже по принципиальным основаниям. Если они и мы помрем с голода, то кто же будет работать против большевиков? Да, сидеть и ждать, что кто-то для нас освободит Россию, а мы, «чистенькие», считаю, никуда не годным. Если порядочные люди будут сейчас блюсти свою чистоту и все предоставят Падеревским и Бедновым, то что же будет с русским народом, в конце концов? Он и так говорит: «Один бес — большевики были — сволочь нами управляла, и теперь то же самое. Лучше сидеть на месте и не рыпаться. Все равно лучше не будет. Нет добра в мире». Это я сама слышала. А при нас в бане сестра Беднова не так-то распоясывается. На днях она кричала на одного военнопленного, который попросил у нее соды от изжоги: «Так вам всем и надо. Вы расстреляли моего мужа в [19]20-м году, а теперь ты хочешь, чтобы я тебе помогала».

А мальчишка [19]18-го г[ода] рождения. Мы затискали ее в угол и сказали, что если она позволит себе еще что-нибудь подобное, то мы заявим немцам, что она ведет антинемецкую работу в бане. Конечно, перепугалась до смерти, немецкая подстилка. Старая баба, а что она вытворяет! До чего же тошно жить на свете. Теперь она меня боится и ненавидит. Надо держать ухо востро. Я-то к немцам жаловаться не пойду, а она пойдет, и не только с правдой, но и с любой ложью.

Кстати сказать, фашисты сами очень сильно восстанавливают народ против себя. И не только русский. Я присутствовала при том, как несколько солдат с фронта осуждали своих СС за их подлое отношение к русскому населению и к немецким солдатам и даже офицерам. Значит, и у них так же, как у нас! Только та разница, что они не боятся говорить друг с другом.

21. 12. 41. Немцы стали добренькие перед Рождеством. Сегодня к нам приходили СД солдаты и спрашивали стаканы и рюмки. Мы их дали. Тогда они взяли меня с собой во дворец и дали мне фунтов 7 хлебных корочек и кусков. Какое счастье! Пока я ждала в коридоре своих корочек, где-то далеко во дворце какой-то немец играл на фаготе «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан». Это было как в кошмаре. Холодный дворцовый коридор, на стенах рамы без картин, у стен поломанная мебель и какие-то ящики, и все время пробегают немецкие солдаты, и вдруг — Глинка⁴³.

Сварили густой-прегустой хлебный суп и налопались до того, что уже не лезло. Но ощущение голода все-таки остается. Значит, организму уже мало хлеба. Нужно что-то другое. А где его взять? Не хочется ни о чем думать и ничего хотеть. Очень мы устали.

Иногда приходит в голову: а может, просто сложить лапки, лечь и не вставать, пока не помрешь. Но мне сейчас помирать никак нельзя. Коля без меня не выдержит. А ведь если бы мы с ним не были сейчас так «вместе», как мы есть, мы бы уже давно померли. Спасает не инстинкт самосохранения, а инстинкт ДРУГОСОХРАНЕНИЯ. Если выживем и не попадем к большевикам, непременно введу этот термин в учебники психологии.

22. 12. 41. Коля опять слег от слабости. Ему больше всего недостает сахара. Я тоже стараюсь больше лежать, чем сидеть. Но у меня все это гораздо легче проходит. И вот лежу и молю Бога, чтобы как-нибудь достать сахара, хоть капельку. С нами ежесекундно происходят чудеса. Мы уже к ним привыкли. Но все же несколько пугает, когда чудо происходит воочию. Впадаешь в «руки Бога живаго». Это выражение стало мне совершенно понятно. Может быть, его и не так надо бы толковать, но я его понимаю именно таким образом. И вообще то, что мы теперь переживаем, заставило меня пересмотреть отношение к Богу. Прежде было дешевенькое и пошлое чувство: нельзя

беспокоить Бога по пустякам. Неловко. Именно чувство неловкости. А теперь я чувствую, что я стала к Богу в такие точно отношения, как няня. Она с ним всегда разговаривала запросто, а иногда даже немножко ссорилась.

Так вот лежу я в отчаянии и думаю, где и как достать сахара для Коли. Стук в дверь. Входит немецкий офицер. «Так просто». Конечно, он зашел не «просто», а в надежде найти молоденьких девочек, а налетел на двух доходяг. Засмутился. Увидев на буфете елочные игрушки, очень им обрадовался. Смущенно спросил, не продаются ли. Выбрал несколько штук и спросил, чего бы мы хотели. Так как у него в руках ничего не было, то я без всякой надежды сказала, что хотели бы получить немного сладкого. Он застеснялся и вытащил из кармана бумажный мешок, в котором был САХАР. Это было даже лучше, чем сахар. Это были сдобные крошки от сухарей, обсыпанных сахаром. И его было не меньше, чем полфунта. Целое состояние. У меня дух захватило от радости. А он все стоял и разговаривал, когда я страстно хотела, чтобы он ушел, и дать сахар Коле. Наконец он ушел, и я всыпала в Николая сразу же больше четверти пакета. У нас теперь настоящая беда с Колей. Вечные скандалы из-за каждого кусочка пищи. Невозможно его заставить съесть хоть капельку больше, чем все. А делить мы научились все поровну и до того наловчились, что маковое зернышко разделим на три части без ошибки. Вот и с этим несчастным сахаром: затребовал, чтобы и мы обе съели «свою долю». Я просто наорала на него. Нам с М.Ф. это еще совсем не так нужно. Да и М.Ф. кое-где подпитывается. Я тоже держусь пока совсем хорошо. Уговорила только тем, что мы будем по очереди питать друг друга. Сейчас его очередь, а когда он поправится, тогда начнем меня. Очень мне с ним трудно. Нельзя при голодании поглощать много жидкости. А он требует, чтобы болтушка, которую мы варим, была бы жиже, но ее было бы больше. А где уж жиже! Столовая ложка муки на тарелку воды. И так три раза в день глотаем по тарелке воды. Скандалят, но я не сдаюсь. Мне очень теперь помогает то, что я так много читала и расспрашивала о зимовках и зимовщиках. Много, что переживали исследователи полярных областей, нам пригодилось теперь в виде готового опыта. А они оба брыкаются и язвят по поводу «научного метода замаривания голодом».

Я все-таки не сдаюсь. А скандалы бывают грандиозные. Я-то их понимаю, но понимаю также и то, что если у тебя есть на троих картофелина, то есть ее вареную нет никакого смысла. А если есть треть сырой картофелины, то это в какой-то мере предохранит от цинги. А ее уже много в городе. То же и с жиром. Те капельки маргарина, которые мы получаем на паек, нет никакого смысла размазывать по кастрюлям и тарелкам, а надо его есть живьем. А им кажется, что если

эти капли положить в болтушку, то будет сытнее. Мне тоже так кажется, но на основании опыта Амундсена, Лаврова и прочих я знаю, что это ошибка. Нельзя также варить или жарить крошечный кусочек мяса. Нам иногда выдают на паек по 25 или 30 грамм. От него ничего не остается. Косточку нужно варить и на «бульоне» делать болтушку, а мясо заморозить, порезать на мелкие кусочки и тщательно жевать эти кусочки. Во-первых, вы его едите гораздо дольше, а во-вторых, — это тоже прекрасное средство против цинги. И так оно гораздо лучше усваивается. И вот, чтобы Коля не глотал сразу всю свою порцию, я ему выдаю по крошечному кусочку. Ну, конечно же, он скандалит. С каким наслаждением и страхом сократить это наслаждение он его жует. Иногда смешно, а иногда плакать хочется. Но, слава Богу, признаков цинги у нас пока ни у кого нет.

23. 12. 41. Умер Александр Нилович Карцев. Умер, имея несколько фунтов гречневой крупы и муки. Умер от голода, имея, по нашим понятиям, очень много золота. Это еще один вид самоубийц. Люди боятся будущего голода и потому голодают до смерти сейчас, и умирают на продуктах. «На продуктах» буквально, потому что все ценное люди сейчас держат у себя в карманах или под постелью и под подушками. У М.Ф. тоже начинается эта психопатология. Она все боится будущего. А настоящее таково, что никакого будущего может и не быть. Ходить становится все тяжелее. Сделать шаг или поднять руку так же трудно теперь, как было раньше трудно поднять пуд. Работать в дезинфекционной камере невозможно тяжело. Но как-то делаешь усилие и втягиваешься. Очень боюсь за Колю. Он как мужчина гораздо менее вынослив. А тут еще полное умственное безделье, к которому он не привык. Правду сказать, это очень большая нагрузка — находить для него какую-либо работу, кроме кручения круп на кофейной мельнице. Когда он имеет какую-либо интересную работу или занят какими-либо интересующими его проблемами — тогда он способен почти на невозможное. Но так как он очень активен, то просто созерцание его не устраивает. Он должен всегда что-то делать. А что он может делать сейчас? Заниматься историей бани с точки зрения Заратустры? Сейчас главным возбудителем жизненных сил у него является надежда пересидеть фронт и начать настоящую работу или в Новой России, или против большевиков, если они к тому времени еще не погибнут. Если бы не эта надежда, он бы давно умер.

Сейчас я его уговариваю начать писать книгу о настоящей природе большевиков. У него очень много интересных мыслей на этот счет. Он согласился. Но так как условий-то для такой работы нет, то он очень сердится. А какая уж тут умственная работа! Днем работа по хозяйству (молоть крупу), а вечером нет света. Нет бумаги, нет чернил, нет стола даже. Но он старается все же все это преодолеть,

и это его очень сильно отвлекает и занимает психику. А я еще стараюсь мешать ему, чтобы он думал, что виновата во всем я, а не проклятые «объективные» условия. Иначе он опять прокиснет. Дотерпеть бы только до весны. Я пишу на всяких немислимых клочках и держу свою работу на коленях. Пишу при свете печки. А он так не умеет.

Меня тоже очень сильно спасает мой этот дневник. Каждый факт и каждое событие рассматриваешь с той точки зрения: стоит ли его записать или нет. Потом спасает меня также и то, что я никак не умею ничего не делать. И всегда найду себе что-нибудь. Вот, к сожалению, кончается моя шерсть. А то я все-таки довольно много заработала еды вязанием для немцев носков и варежек. Некоторые прохвосты просто отбирали то, что я связала за три дня при свете печки. А некоторые платили, чем могли. Этим моим вязанием я приобрела несколько друзей среди фронтовых солдат. Они, приходя в город из окопов, забегают к нам и иногда приносят аккуратно нарезанные кусочки хлеба. А им самим сейчас очень и очень туго.

Писатель Беляев, что писал научно-фантастические романы вроде «Человек-Амфибия», замерз от голода у себя в комнате⁴⁴. «Замерз от голода» — абсолютно точное выражение. Люди так ослабевают от голода, что не в состоянии подняться и принести дров. Его нашли уже совершенно заколеченным. Между прочим, большая ошибка во время голода поддаваться желанию лежать. Верная гибель. Профессор Чернов⁴⁵ умирает от психического голода. Это совершенно точный диагноз. Человек физически не голодает, но так боится начать голодать, что умирает. Чернов имеет до сих пор не мороженую картошку и жир в достаточном количестве. Ив[ановы]-Раз[умники] подпитываются немного у спекулянта Хартикайнена. Те живут прекрасно и часто их приглашают. Слава Богу.

Несмотря на все наши усилия преодолевать и выкручиваться, у Коли опять начали блестеть глаза от голода. И он начал что-то очень сильно задумываться. Нужны какие-то героические меры. Я предложила ему прочесть нам курс лекций по истории. Уговорила его тем, что он таким образом приготовит курс лекций для будущего. Слушатели: М.Ф., Витя из Александровки и я. Витя фактически у нас живет и питается. Чудесный мальчик. Жадно тянется ко всему новому и неизвестному. А для него все ново и неизвестно. Какой благоприятный материал ждет нас в будущем вроде вот таких вот Витей. А их миллионы. Только бы мы дожили до встречи с ним.

24. 12. 41. Давыдов пригласил нас сегодня к себе на елку. Морозы стоят невыносимые. Люди умирают от голода в постелях уже сотнями в день. В Царском Селе оставалось к приходу немцев примерно тысяч 25. Тысяч 5–6 рассосалось в тыл и по ближайшим деревням, тысячи две — две с половиной выбито снарядами, а по последней пе-

реписи Управы, которая проводилась на днях, осталось восемь с чем-то тысяч. Все остальное вымерло. Уже совершенно не поражает, когда слышишь, что тот или другой из наших знакомых умер. Все попрятались по своим норам, и никто никого не навещает без самого нужнейшего дела. А дело всегда одно и то же — достать какой-нибудь еды. Бесконечно назначаются и отменяются общие эвакуации. Паспорта опять превратились в угрозу. Вечные регистрации и перерегистрации. На них стоит бесконечное количество штампов, и то их грозят отобрать, то поставить какой-то новый и неподходящий штамп. Население опять начало бояться паспортов, как было при недоброй памяти советской власти. Появляются разные вербовщики рабочей силы то в Эстонию, то в Латвию. Народ рвется туда, но берут по каким-то никому не известным признакам. Иногда берут пожилых, а молодых оставляют, а иногда — наоборот. Мы тоже ходили пробовать. Ничего, конечно, не вышло. Нужны работники в сельское хозяйство. Вербовщики производят впечатление продавцов рабов в прежние времена. Сидит этакий скотина и рассматривает тебя, как лошадь или вещь. Годен ты для покупки или нет. Говорят, что кроме тех взяток, какие они берут с несчастных людей, чтобы их завербовать, они получают еще прибыль с головы. Бывает много трагического. Взяли молодую девушку, а мать не берут. Девушка хочет отказаться ехать, но комендант грозит ей какими-то невыносимыми карами, и девушка едет, а мать остается. Коменданты тоже имеют свой процент с головы. Управа, конечно, никакой помощи не оказывает, да и едва ли может что сделать, если бы хотела.

Прибегал Ваня-Дураня, один из моих фронтовых друзей. Принес нам по капельке всяческих благ, «потому что Рождество, и все люди должны радоваться». Если бы ты, глупый и бестолковый тевтон, знал, как мы радуемся не так тем крохам, которые ты оторвал от себя и принес нам, а тому, что в этом мире всяческого кровавого ужаса еще есть такие, как ты. Ведь принес же нам, ни на что ему не нужным, а не каким-нибудь молоденьким «кралечкам». Дай же Бог и дальше оставаться тебе таким же глупым, как ты есть, и не умнеть ни под каким видом.

25. 12. 41. Были вчера на елке у Давыдова. Сказочное изобилие. Хлебных лепешечек сколько угодно. Тех самых, которых не хватает для умирающего от голода населения. Как раз вчера я пережила момент, близкий к иступлению. Стоят люди в очереди на холоде и ждут возможности купить лепешечки. А купить их можно, только пройдя через комендатуру, в которой обедает управское начальство. И вот доктор Коровин развязно на всю столовую кричит в кухню: «Прекратите уже этот балаган, нечего им здесь шлаться». И продажу лепешечек прекратили. И никто, ни один человек из этой, умирающей от голо-

да толпы не посмел заявить протеста. Не посмела и я. Могут лишить талончика на обед. Сказать по правде, вид этих лепешечек на столе у Давыдова испортил мне все настроение. Были еще котлеты из конины в совершенно невероятном количестве. Водка, чай с сахаром и прочее все в том же роде. Я почти ничего не могла есть. Вот противно стало и все. Коля, слава Богу, лопал в свое удовольствие, и я радовалась. Водки выпила, не утерпела. Утешение было только в елочке. Такая она была мирная и прекрасная со своими свечечками, и так не хотелось ни о чем помнить, кроме нее. В гостях был городской голова со своей женой. Он — доцент Молочного института. Жена его очень милая. Было еще какое-то начальство. Они знают всех немцев, стоящих в городе, имеют с ними связи и этой связью пользуются. А населению они, конечно, не помогают нисколько. Хорошо, что хоть сами не грабят этого населения. То есть, конечно, подворовывают, но умеренно. Мы живем совершенно отрезанными от всего этого мира. Знаем только то население, которое обворовывают, а не то, которое обворовывает. Шли домой по пустому городу. Нас провожал Давыдов, имеющий пропуск для хождения ночью. В первый раз за всю зиму мы увидели звезды и ночное небо. С наступлением темноты все должны сидеть по домам, и окна должны быть завешены, все равно, есть ли в комнате свет или нет.

Сегодня мы никуда не выходили, но зато у нас было много визитеров. Немцев в такие дни тянет к семье, к уюту. Вот наши фронтовые друзья и приходят к нам, празднично выбритые, начищенные. Показывают фотографии своих семей, вздыхают и покорно идут обратно в окопы. Был и неприятный визит. Русский. Упоенный своим вчерашним пребыванием на офицерской елке, тактично рассказывал нам, голодным, что он ел и что пил на этой елке. Как милостивы к нему были немецкие офицеры. Еле сдержалась, чтобы его не выгнать. Все-таки кое-какие кислые слова ему достались. Какая шпана. Говоря о немцах, он говорит «мы», а ведь этот прохвост при первом признаке немецкой слабости продаст их даже не за пачку папирос, а за солдатский окурочек. Нет, как бы мы ни ненавидели большевиков и как бы мы ни ждали немцев, мы никогда не скажем про себя и про них «мы».

Сегодня роскошное рождественское пиршество: на первое — суп из СД-шных корочек с капелькой маргарина, что принес Ваня-Дураня. На второе — лепешки из картофельной шелухи, в которых было не меньше трети муки. Потом чай и по три солдатских коричневых печенки. Постановлено единогласно, что мои печенья из желудей были вкуснее. Эти тоже, по-видимому, из желудей и на сахарине. Это рождественские подарки для солдат, которые им прислал богатый Третий рейх. Чудно.

26. 12. 41. Профессор Чернов умер. Говорят, что жена отнеслась к этому безразлично. Инстинкт самосохранения в этой семье прева-

лирует над остальными. Неужели и мы дойдем когда-нибудь до того же? Не думаю. Наш городской юрист также заболел психическим голодом. А они питаются гораздо лучше нас. Лежит в больнице. Выкарабкается, потому что жена его спасает. Она именно из таких. Как много полезного могли бы найти для себя психологи и философы, если бы наблюдали людей в нашем положении. А психику беречь становится все труднее. Например, я на днях поймала себя на том, что не хотела пустить к себе в комнату свою глухую дворничиху Надточий, потому что на столе стоял густой хлебный суп. Она услышала его запах, и я видела, как у нее перевернулось лицо, и она стала глотать слюну. У нее сын 12 лет, которому она отдает все свои крохи. А я испугалась, что мне придется дать ей несколько ложек супа. В наказание себе я ей дала полную тарелку. Нужно было видеть, как она его ела. Ела и плакала. Я знала, почему она плачет. Потому что она ест, а сын не ест. И как много сейчас таких жен и матерей. Чтобы ее несколько утешить, я дала ей корочку хлеба для сына. Она ничего не сказала, но мы поняли друг друга. Очень хорошо, что никого из наших не было дома. Они не пережили [бы] этого подлого раздвоения: дать надо и смертельно жалко дать. Ведь наши желудки беспрерывно просят еды, всегда это подлое сосущее чувство, и каждая корочка — это буквально часы и минуты нашей жизни. Но у меня все-таки живет какая-то непоколебимая уверенность, что мы выдержим. Только бы спасти Колину психику. Чтобы он не превратился ни в Чернова, ни в других, которые ничего уже, кроме голода, не чувствуют и не ощущают.

Коля только что закончил лекцию о временах Ивана Грозного. Думаю, что так он больше никогда не прочтет. Ведь он в первый раз высказал вслух все, о чем он мог до сих пор только молча думать и что не надеялся никогда никому передать. Я слушала с восторгом. Витя как раскрыл рот почти в самом начале, так его и не закрывал. Даже М.Ф. не все время спала. У меня двоякое впечатление. С одной стороны, наслаждение и упоение от свободного слова, а с другой, горечь и обида. Почему человек такого лекторского таланта должен был, как преступление, всю жизнь прятать этот талант и стараться быть как можно более серым и незаметным. А ведь только то, что он старался быть именно серым и незаметным, только это и спасло нас от тюрьмы и лагерей.

27. 12. 41. Как медленно идут дни. И все они такие безнадежные и безрадостные. Люди перестали любить и ненавидеть. Перестали о чем-либо говорить и думать, кроме пищи. Почти всех нас мучают теперь сны. Все время снится еда. Всякая. И никак эту еду не достанешь. Вот только было положил кусок в рот, как тебе что-то помешало. По улицам ездят подводы и собирают по домам мертвецов. Их складывают в противоздушные щели. Говорят, что вся дорога до

Гатчины с обеих сторон уложена трупами. Это несчастные собрали свое последнее барахлишко и пошли менять на еду. По дороге кто из них присел отдохнуть, тот уже не встал. Любопытен теперешний фольклор. Он тоже относится к еде. Ходит масса всяческих легенд обо всяческих съедобных чудесах. То немецкий генерал нашел умирающую от голода русскую семью и приказал ей выдавать каждый день по ПЯТИ хлебов НА ЧЕЛОВЕКА и по пяти кило картошки. Фантазия не идет дальше хлеба и картошки, то есть того, чего больше всего не хватает. Не мечтают ни о золоте, ни о чем другом. И таких легенд ходит невероятное количество. М.Ф. их охотно собирает и приносит домой как достоверные истины и очень сердится, когда мы не верим. Теперь мы верим. Пусть человек утешается.

А вот и не легенда. Обезумевшие от голода старики из дома инвалидов написали официальную просьбу на имя командующего военными силами нашего участка и какими-то путями эту просьбу переслали ему. А в ней значилось: «Просим разрешения употреблять в пищу тела умерших в нашем доме стариков». Комендант просто ума лишился. Этих стариков и старух немедленно эвакуировали в тыл. Один из переводчиков, эмигрант, проживший все время эмиграции в Берлине, разъяснил нам (и не очень, чтобы по секрету), что эта эвакуация закончится общей могилой в Гатчине, что немцы своих стариков и безнадежно больных «эвакуируют» таким образом. Думаю, что выдумка. А впрочем, от фашистов, да, кажется, и от всего человечества можно ожидать чего угодно. Большевики все-таки не истребляют народ таким автоматическим образом. Не могу сейчас найти правильной формулы, но чувствую, что у большевиков это не так. Лучше, если это слово применимо в этом случае. Но хрен редьки не слаще.

31. 12. 41. Мы тоже будем встречать Новый год сегодня. Имеем даже по полрюмки вишневой наливки, которую я нашла случайно в буфете. Я ничего не сказала своим о ней и решила сделать новогодний сюрприз. На ужин будет болтушка (густая) с маргарином, по мучной лепешечке, по три дroupса, по три вишни из наливки. Вишен было десять, но я одну ukrала и съела.

Дворничиха Надточий принесла нам уже совсем вечером при за-претном часе, буквально рискуя жизнью, две вареные красные свеклы и четыре с половиной картошки. Одна картофелинка такая маленькая, что сойдет за половинку. Будет чудное пиршество. К сведению на будущее: картошка в шелухе гораздо вкуснее, чем без шелухи, а чай с красной свеклой почти так же хорош, как с вареньем, и в миллион раз лучше, чем с сахаринром. Мы очень много недооценивали и просто не знали в прошлой жизни. Массу денег тратили на ненужную еду. Если выживем, будем питаться только густой кашей из ржаной

муки. Когда она густая и хорошо проваренная, то ничего не может сравниться с нею по прелести. Это даже и при большевиках можно получить в любом количестве. Картошку есть только вареную и с шелухой. Чай пить с красной свеклой. Если ко всему этому прибавить жира, мыла и табака, то цивилизованному человечеству ничего больше не нужно для полного счастья. Прочла эти строчки Коле, и он жалостно прошептал: «Ах, Лида, еще бы немножко молока». Молоко я ему великодушно разрешила. Бедное мое чучелко. Какое оно стало жалостное и несчастное. Только об этом нельзя думать.

1. 1. 42. Что-то он нам принесет, этот самый [19]42-й! По поводу столь необычного и радостного события всю ночь была стрельба. Но без артиллерии. По-видимому, и те, и другие только забавлялись. В городе одна забава кончилась трагически. Немцы были у своих «кралечек». Офицеры напились и начали издеваться над девушками. Те защищались, и во время драки упал светильник, и дом загорелся. Девушки бросились бежать, а офицеры стали за ними охотиться, как за кроликами. Трех убили, а одну ранили. Убили, чтобы девушки не рассказали обо всем происшедшем. Раненую наутро подобрали и отвезли в госпиталь. Начало года будто не предвещает ничего хорошего.

2. 1. 42. Опять началась работа в бане. Господи, когда же кончатся все эти ужасы. Немец конвоир хотел избить палкой умирающего военнопленного. Банщицы накинулись на конвоира и чуть его самого не убили. И это голодные, запуганные женщины. Я была внизу в своей камере и, слава Богу, ничего этого не видела.

4. 1. 42. Комендант хотел было отправить раненую на Новый год девушку «в тыл». У нас теперь очень боятся этого слова. У некоторых врачей нашлось мужество не позволить этого. Пригрозили, что донесут высшему командованию о причинах ранения. А немцы боятся публичности и все гадости стараются сделать под шумок. Пока удалось отстоять. А там, может быть, комендант переменится. Они меняются по несколько на месяц. Конечно, это война, фронт и прочее, но от потомков Шиллера и Гете ожидалось бы чего-то другого. Между прочим, есть вещи, творимые этими самими европейцами, которых русское население им никак прощает, и особенно мужики. Например, немцам ничего не стоит во время еды, сидя за столом, испортить воздух. Об этом нам рассказывал со страшным возмущением один крестьянин. Он просто слов не находил, чтобы выразить свое презрение и негодование. И это естественно. Русский мужик привык к тому, что еда — акт почти ритуальный. За столом должно быть полное благообразие. В старых крестьянских семьях даже смеяться за едой считается грехом. А тут такое безобразное поведение. И еще то, что немцы не стесняются отправлять свои естественные надобности при женщинах. Как ни изуродованы русские люди советской властью, они

пронесли сквозь все страстную тягу к благообразию. И то, что немцы столь гнусно ведут себя, причиняет русскому народу еще одну жестокую травму. Он не может поверить, что народ-безобразник может быть народом-освободителем. У нас привыкли думать, что если большевики кого-то ругают, то тут-то и есть источник всяческого добра и правды. А выходит что-то не то. А эта самая Европа поворачивается к нам не тем боком. Среди военнопленных уже ходит частушка:

Распрекрасная Европа,
Морды нету, одна...

5. 1. 42. Поселили к нам во двор какого-то инженера с немецкой фамилией, которую я никак не могу упомянуть. Семья у него — жена и мать. Повадились эти дамы таскать из запертого чулана наши книги и ноты, а также дрова и уголь из нашего сарая. Поругались. Тогда он донес на нас, что мы спекулируем золотом. А дело было так. У М.Ф. имелось две лепешечки для зубных коронок. Одна — в полпятерки, а другая — в полдесятки. Эти золотые кружочки продавались в пробирной палате. Мы спросили у жены этого инженера, не знает ли она немцев, охотников за золотом. И вот как-то после запретного часа, вечером, приходит к нам с огромным немцем. Спрашивает, торгуем ли мы золотом. Мы обрадовались, потому что наше пропитание кончилось совершенно.

— Покажите, что у вас есть. — М.Ф. несет ему эти кружочки.

— А еще что? — Я показываю ему мою камею. В ней золота — только ободочек. Не заинтересовался.

— А еще?

— Больше нет ничего. — Пожал плечами и как-то странно посмотрел на инженера. — Что вы хотите?

— А мы не знаем. Мы никогда этим делом не занимались. Хлеба, сладкого и табака. А сколько, мы не знаем.

Взял он наши кружочки к себе в кошелек, попрощался, и они ушли. Мы только вздохнули. Даже не знаем его чина, так как он был без погон. Вот тебе и продали. А так надеялись к Рождеству что-нибудь получить.

7. 1. 42. Вчера у нас ночевали Ивановы-Разумники. Мы не спали всю ночь и просидели у прелестной елочки. И даже со свечками, которые доставали общими усилиями. Взяли из столовой наши четыре обеда — суп с капустными зелеными листьями. Гадость преестественная. И спекли из остатков поваровой муки по лепешке величиной с чайное блюдечко. У М.Ф. нашелся мак, и мы посыпали лепешки маком, как и полагается в Сочельник. Был чай с сахаром, по капельке маргарина. Суп ели с хлебом, и было ощущение почти сытости. Под ложечкой почти не сосало. Разумник Васильевич и Коля были на высоте. Рассказы, стихи, шутки. Пели колядки. На несколько часов

удалось забыть окружающее. Забыть голод, нищету и безнадежность. Разумник Васильевич пригласил нас на будущий пир. У него в Ленинграде хранится бутылка коньяка, подаренная ему при крещении его крестным отцом. Когда ее дарили, ей было уже 50 лет. Теперь Разумнику Васильевичу 63 года. В этом году бутылке 113 лет. Мы приглашены ее распить, когда кончится война и большевики. Более достойного дня для такой выпивки он не может себе представить. Мы поклялись все собраться в Ленинграде, или как он там будет называться, в первое же Рождество после падения большевиков и выпить этот коньяк. Только что мы все торжественно принесли клятву, как какой-то шальной снаряд пробил дырку в стене нашей квартиры со стороны улицы. Некое «мemento мори». Вылетели все стекла. Мы заткнули окна тряпками и матрасами и сделали вид, что ничего не случилось. Сегодня нельзя замечать войну и никто из нас вслух не вспоминал близких. Нельзя. Но я уверена, что каждый вспомнил и немного поплакал в душе.

9. 1. 42. Опять приходил немец, который «купил» у нас золотые лепешечки. Мы его окрестили «Крошка», так как ничего более громадного в этом роде мы не видели. Пришел как ни в чем не бывало и вытряхнул из портфеля один хлеб, пачку табака, две горсти конфет и полпачки маргарина. Спрашивает: довольно? Может, и довольно, — говорим мы, мы не знаем. А вы, говорит, подумайте. — Да и думать нечего. А сами молим Бога, скорей бы ушел, чтобы начать есть хлеб. Столовая закрыта на праздники, и мы сегодня НИЧЕГО не ели. Сидит, подлый, и культурные разговоры разговаривает. Наконец, вымелся. Хлеб с маргарином слопали в тот же день, только по маленькому кусочку на завтра оставили. И какие эти хлебцы маленькие. Теперь я понимаю древних, которые говорили: счастье внутри нас. Как положишь в живот побольше и повкуснее, так и счастлив. Только это и есть подлинное и реальное счастье. Все прочее — выдумки.

10. 1. 42. Баню поставили на ремонт. Кончились наши страдания хоть на время. А главное, кончились страдания пленных, которых возили больных и умирающих в баню и на фиктивную дезинфекцию. А обратно отвозили по морозу в мокром обмундировании. А дезинфекция была абсолютно фиктивная, потому что все продезинфицированное белье и обмундирование сваливается на тот же пол, на котором пленные раздевались и на который напустили бесконечное количество вшей. Сколько я ни говорила об этом Бедновой, ничего, кроме грубостей, от нее не получила. Пробовала один раз сказать доктору Коровину, нашему санитарному врачу, но, конечно, кроме неприятностей, из этого ничего не вышло. Да и камера моя очень слабая и дезинфицировать нужно не меньше двух часов, а не 40 минут, как теперь приказано. Об этом тоже докладывалось и тоже без толку.

14. 1. 42. Сегодня прислали за нами в Управу и там объявили, что баня будет с завтрашнего дня обслуживать немцев. Поэтому она должна быть идеально чистой, и мы должны обслуживать немецких солдат как банщицы, если они этого потребуют. Потом оказалось наоборот: мы не должны даже в предбанник входить. И ни в коем случае не обслуживать их как банщицы, если они даже этого будут требовать. Дезинфекцию производить не меньше двух часов. Пропали они пропадом, эти самые немцы. Очень противно. Беднова в восторге: «Избавимся, наконец, от этих вшивых оборванцев». Дрянь этакая. Я не утерпела и поругалась с ней. А М.Ф. устроила мне сцену: «Выгнать с работы и лишат пайка». Пусть только попробуют.

15. 1. 42. Баню вылизали. Особенно старалась Беднова. Тошнит.

16. 1. 42. Большое удовлетворение. Баня будет обслуживать опять военнопленных и русское городское население. Население, конечно, наберется вшей и переболеет тифом. Как мы не позаболевали все, непонятно. Мы приносим их домой невероятное количество, хотя и переодеваемся в бане. Дома опять переодеваемся. И все же это плохо помогает.

17. 1. 42. Сегодня я была прямо счастлива. Приезжал комендант лагеря военнопленных и орал на Беднову, что мы плохо дезинфицируем, вшей не убиваем и в лагере развели тиф. Она с восторгом указала на меня, как на виновницу всего. Он стал орать на меня. Я сказала переводчику, что если господин комендант будет кричать, от этого вши не погибнут, но я с ним разговаривать не буду. А он, кажется, в чине майора. Я и русских-то чинов никогда не умела разбирать, а немецких и подавно не знаю. Но что-то очень крупное. Дальше я сказала переводчику, что у меня есть много что сказать по этому поводу. Беднова немедленно скисла и стала что-то лепетать. Он цикнул на нее и приказал говорить мне. Я сказала, что мы, дезинфекторы, неоднократно указывали конвоирам и на маломощность камеры, и на отсутствие столов и лавок для дезинфицированного белья и т.д. Самое же главное то, что господин комендант сам способствует распространению тифа тем, что присылает больных тифом в баню вместе со здоровыми. И было несколько случаев, когда больные умирали у нас в бане. Не думаю, чтобы господину коменданту это не было известно. У Бедновой глаза на лоб полезли, и она начала лепетать что-то по-немецки. А язык она знает гораздо хуже моего. Офицер на нее зарычал. А мне пожал руку с благодарностью и сказал, что назначает меня заведующей баней. И будет присылать каждый день мне по хлебу. Моя Беднова совсем скапутилась. От заведования баней я категорически отказалась, сославшись на то, что я не медицинская, а санитарная сестра, а заведующая баней должна делать перевязки, заведовать аптекой и оказывать медицинскую помощь. Я же специалистка по

дезинфекции. За хлеб очень поблагодарила и сказала, что это будет завтрак для всех работников бани. Комендант взглянул на нашу «аптеку», крошечный шкафчик, в котором имеется немного соды, пергидроля и бинтов, и улыбнулся. Сказал: «Хорошо», пожал мне еще раз руку и отбыл. Беднова стала немедленно со мной заигрывать, но я ее отчитала и ушла к себе в подвал. Чем-то все это кончится. Пока комендантом лагеря будет этот офицер, я буду иметь свой паек в бане, а как только он сменится, меня Беднова и Управа слопают. Черт с ними, нет уже никакого терпения. Всюду у немцев пролезает самая паскудная сволочь и старается через этих дураков свести свои счета с народом. Лизали пятки большевикам, а теперь мстят за это ни в чем не повинным людям. Пропали они все пропадом. Только бы дождаться конца войны, а тогда уж мы не дадим им и на пушечный выстрел подойти к власти. Да они и не смогут. Они только и умеют, что лизать чужие сапоги. Все равно — советские, немецкие или готтентотские.

19. 1. 42. История в бане продолжается. Вчера приходил городской голова со свитой из врачей и очень недовольно меня расспрашивал обо всех моих «доносах» коменданту. Врачи тоже были в претензии на меня. По-видимому, им все-таки влетело. Я пришла в ярость и сообщила им все, что я думаю о них и об их отношении к военнопленным. Тут было всем сестрам по серьгам. И про торговлю местами в бане, и что им, как русским людям, все-таки должно было бы быть интересно, как другие русские, больные и голодные, обслуживаются в их учреждении. Врачей совершенно не интересует, что делается с военнопленными. Они ездят в лагерь только за тем, чтобы есть там бутерброды, которые делаются из продуктов, украденных у тех же военнопленных. Никто из них не заметил ни того, что дезинфицированное сваливается опять на вшивый пол, ни того, что пленные умирают в бане от тифа. Они только перед немцами танцуют. А я так не буду и не умею. И на рожон переть буду. Пусть меня немцы расстреливают. И устроила истерику. Настоящую. Первую в моей жизни. Все они ушли, ничего мне не сказав, а Беднова так даже принесла мне валерьянки. Но я ее послала очень далеко с ее валерьянкой. Это было тоже первый раз в моей жизни. И мне не стыдно. А дома мне пришлось так же далеко послать М.Ф., которая в бане хранила молчание, а дома устроила мне скандал, что я не имею права подвергать нас всех опасности лишиться работы, а значит, и пайка. НЕ ИМЕЮ ПРАВА!

Коля решительно ее осадил и стал на мою сторону. Если бы он только проявил хоть намек на страх лишиться пайка, я, вероятно, покончила бы с собой. Есть какой-то предел выносливости на всякую подлость.

20. 1. 42. Комендант лагеря начал нам присылать теперь не по одному, а по два хлеба. Мы их делили между всеми служащими.

И с этим хлебом было очень много подлости. Но писать об этом не хочется. Такие времена, как мы сейчас переживаем, являются лакмусовой бумажкой для пробы людей. Выдержит ЧЕЛОВЕК — настоящий, превратится в животное — не сто́ящий. Только одно меня теперь и утешает — мое чучелко. Он всегда со мной одного мнения. Не грызет меня за бурный темперамент и за постоянное сражение с мельницами. Я сейчас только двух человек в мире уважаю: из покойников — Дон-Кихота, из живых — Николая.

23. 1. 42. Опять приходил «Крошка». Принес табака, хлеба, маргарина, конфет. Что-то повертелся, поговорил, просил показать ему наши остальные комнаты, внимательно осмотрел наше книгохранилище, поковырялся в барахле, которое валяется в пустой и холодной, как ад, комнате в ожидании теплых дней и разборки. Что-то помывчал. Собрался уходить и вдруг достает из кошелька наше золотишко и отдает его нам. Причем бормочет что-то непонятное на тему, что ему этого мало, что надо больше. Я в отчаянии говорю ему, чтобы он забирал все, что принес, а что вернуть того, что мы съели, мы не можем. Но он как-то странно поболтал руками, что-то невнятное пробормотал и ушел. Что это было за выступление, понять невозможно.

25. 1. 42. Татьянин день. Где-то теперь Ната! Если они не уехали из Ленинграда, то, судя по слухам, им там никак не выдержать. Там еще хуже, чем у нас. Судя по тому, как их бомбят и обстреливают и плюс еще осада, у нас тут прямо рай. Когда же это кончится. Мое бедное чучелко ходит ко мне в баню каждый день, чтобы меня проводить домой. Мы боимся расстаться хоть на минуту. Тем более, что большевики придумали для нас новое развлечение: обстрел по часам. Если первый интервал между снарядами был в четверть часа, то и весь день стреляют через четверть часа, если полчаса — стреляют через полчаса. И т.д. По силе выматывания нервов у населения — это самая действительная вещь. И стрельба очень интенсивная. Бьют по городу куда попало. И вот как только начинается эта чертова мельница, так и души нет. Все думаешь, м[ожет] б[ыть], этим залпом его прикончили, и он лежит где-нибудь на улице. И я могу и не узнать никогда, что с ним случилось. Бросят в яму, и все. И хочется просто завывать, как бездомному псу. Так же и у него. Вот он и ходит ко мне ежедневно, стараясь проскочить в промежутке между залпами. И весь город так живет. В награду он получает здесь кусочек хлебца от нашего комендантского завтрака. Так приятно делить свой кусочек и знать, что хоть что-то ему достается.

Сегодня же особенно хочется быть вместе. Этот день мы всегда проводили у Наты. Какой это был чудесный день. Сбрасывался гнет теперешней жизни, и снимались вечные защитные маски с лиц и душ. Мы были сами собой. Веселились от души. И какое это было изящ-

ное веселье. Какие стихи, экспромты, шутки. Лучше не вспоминать. И как подумаешь, что эта тонкая, прелестная семья переживает все муки голода и всю эту унижительную волюнку осады, и нищеты, и ужасов войны.

27. 1. 42. Пришли немцы и «попросили» у нас пианино «до конца войны». Отдадут, когда война кончится. Видали нахалов! Странно слышать, что вот здесь, около нас, на фронте есть еще и другая жизнь. Клуб, танцы, концерты. Дико и фантастично.

28. 1. 42. Мне сегодня повезло. Получила проценты с культурности. Немецкие «кралечки» продают из солдатских кухонь картофельную шелуху. За ведро шелухи требуют новое шерстяное платье или новые туфли и т.д. А я купила ведро шелухи, да еще и около двух десятков картошек там было, за 20 конвертов. Лепешки из шелухи, если к ней еще прибавить немного картошки или муки и хорошенько поджарить на плите — чудо что такое.

Замечательно, что мы совершенно не боеем от испорченной пищи. Вот только от турнепсов у меня бывает воспаление слезных желез. Как поем, так и хожу с физиономией величиной с арбуз. Но это примерно через неделю проходит. Турнепс тоже вкусно, но его почти невозможно достать. Все резервировано немцами для тех четырех коров, которые имеются в городе. Предполагается, что молоко от этих коров идет в детский дом. В самом же деле, его лопают немцы. А интересно, каков вкус настоящего коровьего молока. У М.Ф. начался «шоколадный» бред. Ей смертельно хочется шоколада. Время от времени теперь у всех начинается вот такой вот «тематический» вкусовой бред. Одна женщина буквально выла от того, что ей хотелось соленого огурца. У нас с Колей пока еще не тематический и не вкусовой бред, а просто голодный. Сознание направлено только на то, чтобы что-нибудь положить в желудок. И когда это удается, наступает полное счастье. Вот когда наступила переоценка ценностей. Между прочим, совершенно нет случаев самоубийства. Кажется, обстановка самая подходящая.

Боюсь, что мы недолго вынесем. Все больше и больше начинаем мы уделять внимания нашим голодному бреду и страданиям. И мои записи становятся все длиннее. Я могу здесь сколько угодно рассуждать все о той же проблеме — питательной. И так, по-видимому, все. Даже Иванов-Разумник стал менее интересен. Только Коля не сдастся. Чем дальше, тем у него все больше и больше появляется интересных идей и теорий.

31. 1. 42. Событий никаких, если не считать того, что число умирающих возрастает с каждым днем. Но мы все к этому привыкли, и это не считается событием. Попробую обрисовать наше существование «с птичьего полета».

На кровати лежит распухший мужчина. Если поднимет колени, то их за животом не увидит. Лицо все заросло. Глаза неестественно блестят. На диване, напротив, лежит такая же распухшая женщина. Только без бороды. Говорят очень слабыми голосами. Всегда на одну и ту же тему: какова будет жизнь, когда немцы победят, война кончится и большевиков разгонят. Имеется уже совершенно разработанный план устройства государства, программы народного образования, землеустройства и социальной помощи. Вообще, предусмотрены все случаи жизни. Горит копилка в лучшем случае. Чаще освещаются печкой. За стенами разрушенный город. Свистят снаряды. Некоторые падают во дворе. Иногда вылетают все стекла, и тогда приходится вставать и затыкать окна тряпками и картонками. Если нужно встать и пойти в темную и холодную кухню «по нужде», человек терпит елико возможно, потому что встать — это большой и тяжелый труд. И над всем этим превалирует непрерывное, сверлящее чувство голода. Того голода, который разрывает внутренности и от которого можно начать выть и биться. И непрерывно мозг сверлит одна мысль: где и как достать еды!

И вот как-то в один из таких вечеров я спросила всех наших: М.Ф., Витю, Колю: «А что, ребята, если бы сейчас пришел к нам какой-нибудь добрый волшебник и предложил бы нам перенестись в советский тыл. И там была бы довоенная жизнь, и белый хлеб, и молоко, и табак, и все прочее. Или сказал бы, что мы до конца дней наших будем жить вот так, как сейчас. Что бы вы выбрали? И все в один голос, еще я не успела докончить фразы, сказали: оставаться так, как сейчас. Ну, мы с Колей, понятно. Мы все предпочтем советской власти. А вот Витя, воспитанник этой самой власти. Я спросила у него — почему. Очень спутанно и сбивчиво он смог все-таки дать понять, что там, в прежней жизни, не было никаких надежд, а теперь он видит надежду на лучшее. А М.Ф., которой при советской власти уж не было совсем-то плохо жить, она просто обругала меня, чтобы я не приставала с глупостями. «Всякому понятно, почему».

Может быть, я выживу, и этот дневник уцелеет. И вероятно, я сама буду читать эти строки с сомнением и недоверием. Но было все именно так, как я сейчас записала. Мы предпочитаем все ужасы жизни на фронте без большевиков, мирной жизни с ними. Может быть, потому, что в глубине сознания мы верим в нашу звезду. Верим в будущее освобождение. И уж очень хочется дождаться времени, когда можно будет работать во весь дух. А работы будет очень много. И работники будут нужны. И еще поддерживает мстительное желание посмотреть на конец «самого свободного строя в мире». Испытать радость при мысли, от которой дух захватывает. Только страшно, что резать будут много и, как всегда, не тех, кого надо. Зарежут и нас, вероятно.

2. 2. 42. Работать в бане все труднее. Уже просто не под силу закладывать котел. Теперь я часто в своей камере сижу и плачу от физического бессилия. А таскать наверх корзины с обмундированием! Что это за мука! Хотя бы весна скорее. Тогда хоть трава будет. Мы уже почти не говорим друг с другом. Тяжело. И страшно, что кто-нибудь из нас скажет: больше терпеть не могу. Если человек начинает думать, что он не может — он и в самом деле перестает мочь. Его уже не спасти.

3. 2. 42. Сегодня я ходила в Управу и устроила интригу против Коли. Ему необходимо какое-то дело. Я договорилась с городским головой, что он достанет ему разрешение на посещение пустых домов и на розыск там книг. У нас в Царском Селе было много частных библиотек, оставшихся еще со времен революции. Теперь никому книги не нужны, и они пропадают. Говорят, что немцы собирают и вывозят книги в Германию. У нас пока этого нет. И может быть, нам удастся спрятать и сохранить хотя бы часть самых ценных книг⁴⁶.

4. 2. 42. Сегодня Коля получил соответствующую бумажку. Страшно увлечен этим делом. Когда [городской] голова заговорил с комендантом о такой бумажке, то тот сначала не поверил, что это в самом деле книги. Думал, что книги просто предлог для узаконения грабежа пустых квартир. Когда же его уверили, что это в самом деле книги, то он шепотом спросил: а он не опасный, этот ваш профессор? И на недоумение разъяснил: разве вы не понимаете, что он же сумасшедший. Но, по-видимому, безобидный. Между прочим, немцы очень любят чины и звания. Они наградили Николая званием профессора к его великой ярости. И теперь он никак не может избавиться от этого чина. И как только кто-нибудь его так называет, он выходит из себя. Но не профессору немцы не давали бы писать работ по истории бани, а значит, не дали бы и супа. Не профессор никогда бы не поучил разрешения на сбор книг.

Немцы, каких мы здесь видим, производят впечатление совершенно неинтеллигентных людей и во многих случаях — диких. Наши военкомы, конечно, никогда не зачислили бы чудаковатого профессора в сумасшедшие только потому, что он не грабит квартир, а собирает книги для общего пользования. И обязательно помогали бы ему в этом деле, чем только могли бы. А для этих гетевско-кантовских душ все, что бескорыстно — непонятно и пахнет клиникой для душевнобольных. Воспитание у фашистов и большевиков дается, по-видимому, одинаковое, но разница в народе.

Наших воспитывали в большевистских принципах 20 лет и все же не могли у них вытравить подлинного уважения к настоящим культурным ценностям и их носителям. А там фашисты у власти какой-то десяток лет — и такие блестящие результаты. Вероятно, Коля прав,

когда говорит, что вся Европа охотно примет коммунизм, и единственный народ, который с ним борется — русский. Я всегда с ним спорила. Уж очень наш народ казался мне диким и некультурным. Теперь же мне все яснее становится разница между культурой и цивилизацией. Немцы цивилизованны, но не культурны. Наши дики, не воспитаны и пр., но искра Духа Божия, конечно же, в нашем народе гораздо ярче горит, чем у европейцев. Конечно, и среди немцев есть ЛЮДИ, но все же ШПАНЫ больше.

6. 2. 42. Коля страстно увлечен своим новым занятием. Надо видеть эту фигуру. Заросший, еле передвигающий ноги, с маленькими саночками и со стопочкой книг. Много-то он увезти не может. И бродит такой призрак культуры по Царскому Селу, по пустым мертвым улицам, среди развалин, под обстрелами. Бродит и приятно улыбается, если удастся найти что-нибудь ценное, и огорченно вздыхает, если нападает на следы хорошей, но погибшей библиотеки. Особенно он огорчен тем, что погибла библиотека Разумника Васильевича. Она находилась в его квартире на территории нашего санатория. Сейчас этот район совершенно недоступен для гражданского населения. А там было собрано несколько тысяч томов, и все — интереснейшие. Солдаты рвут и топчут, и топят печки ими. И там была его переписка с такими поэтами, как Вячеслав Иванов, Белый, Блок⁴⁷ и прочими символистами и всеми акмеистами. Несколько раз умоляли немцев из этого дурацкого СД вывезти все эти сокровища. Всякий раз обещали и ничего не сделали. И теперь все пропало. НИЧЕГО не осталось. Вот тебе и Гете с Шиллером. И сколько ни вдалбливал в их телячьи головы, что эта библиотека кроме своего культурного значения имеет также и огромную материальную ценность и что хозяин отступает от своих прав на нее, только бы она не погибла, а была бы где-то в сохранности — ничего не помогло. Вот если им сказать, что в таком-то месте имеется меховое пальто или еще что-либо в том же роде — найдутся и средства для перевоза, и храбрецы. В каком бы опасном месте это ни было. Нет, наши военкомы гораздо понятливее на такие вещи.

8. 2. 42. Очень мне сегодня печально. Проводили нашего Витю. Решил как-нибудь пробраться к себе в Торжок. Отправился с партией эвакуируемых. Что-то нет у нас теперь доверия к этим эвакуациям. Официально все звучит чрезвычайно благородно, а вот слухи пробиваются даже к нам, совершенно оторванным от мира, как будто эвакуируют в Германию на самые тяжелые работы. И что к русским там относятся как к «унтерменшам». Здесь этого не чувствуется. Есть военная жестокость, есть превосходство завоевателей, но «унтерменшей» не замечаем. А слухи держатся весьма упорно. Если и половина того, что рассказывают — правда, то приходит невольно мысль, что,

может быть, русскому народу и в самом деле нет спасения за какие-то его особые грехи. Витя, уходя от нас, плакал. Говорил, что мы ему гораздо ближе, чем его родные отец и мать. Нужно было видеть его радость и заботу о тех маленьких подарках, которые мы ему сделали. Краски, книжка Диккенса, готовальня. Все неопределимые сокровища для советского мальчишка в 16 лет.

9. 2. 42. Город вымирает. Улицы совершенно пусты. По утрам ходить по некоторым улицам просто невозможно. Возят по ним трупы. А по другим ходить запрещено по каким-то военным соображениям. И вот каждое утро получаешь такую моральную зарядку: 3 или 4 подводы, груженные как попало совершенно голыми трупами. И это не какие-то отвлеченные трупы, а твои знакомые и соседи. И всякий раз спрашиваешь себя, не повезут ли завтра и меня таким же образом или, еще хуже, Колю. Никогда до этого времени мы не были так близки друг к другу, как теперь. А пережить нам пришлось немало всякого меду. Сейчас же с необычайной остротой чувствуется наше полное одиночество в этом мире. Во всем этом ужасном и кровавом мире. Иногда кажется, что людей совсем нет, а только звериные рожи и жалкие, полураздавленные рабы. Где же знаменитое человечество! Или правы были наши студенты на истфаке, когда перефразировали древнее: хомо хомини лупит ест!⁴⁸ Ну, хоть бы кого из своих увидеть и отвести немножко душу. Где-то теперь Аня и Илья, и Ната, и Миша, и все, о ком ни говорить, ни думать теперь нельзя. Иванова-Разумника видим очень редко. И они, кажется, дошли уже до предела.

15. 2. 42. Нечего было записывать. Все одно и то же, и все становится безнадежнее. Но мы не поддаемся этой безнадежности. Наша должна взять. А вот сегодня могу записать два радостных события. Во-первых, познакомились со священником, который провел 10 лет в концлагере. Был выпущен перед самой войной и уже во время нее пробрался в Царское Село к своей матушке. Бредит новой церковной жизнью. Роль прихода ставит на очень большую высоту. Вот таких-то нам и надо. Не сдающихся. Пережил 10 ЛЕТ концлагеря и все же хочет работать на пользу народа. Если бы во главе прихода стал бы настоящий священник, то он смог бы сделать очень много. Не с немецкими «кралечками», а с настоящей молодежью, которая рвется к церкви и к религиозной жизни. Это я знаю наверное из разговоров с военнопленными в бане. Люди умирают от голода, вшей, тифа, жестокого и подлого обращения с ними как немцев, так и тех русских, которые стоят у власти над ними, и все же у них достаточно духовных сил для того, чтобы отдаться мыслям о Боге и религии. Второе событие: к нам пришел некий развязный молодой человек по имени Громан. Сын русского генерала Громана. Теперь немец. Служит в немецкой армии. Прекрасно говорит по-русски. Он от кого-то слышал,

что мы продаем ковер. Обещает привезти три пуда муки, хлеба, сахара, жира, табака и чего-то еще. Соврет или нет? Ковер хотел забрать сейчас же, но я не дала. Сказала, что сначала плата. А плата такая, что не верится. Хоть бы часть привез. Если этот трюк пройдет полностью, то мы должны молиться за нашего повара до скончания дней. Если бы не он, я бы не смогла пойти перебрать дрова и не нашла бы ковра.

22. 2. 42. Громан не ехал, и мы почти помешались, ожидая его, и то теряли надежду, то опять ее находили. Начинили серьезно опасаться за наши умственные способности. Наконец, первая партия муки, а главное, хлеба, приехала. Ковер взяли. А хлеб какой! Настоящий, ржаной, большой. Не солдатские кирпичики немецкого производства. И уж не наш пайковый, с опилками. Мы просто места не находим от счастья. А мука тоже чистая, ржаная. Неужели же он и остальное привезет. Не верится.

В городе объявлена эвакуация фольксдойчей. Всех, кто хочет, записывают в фольксдойчи и отправляют. По-видимому, командование решило под этим предлогом разгрузить город. Ивановы, Петровы, Нечипуренки идут за фольксдойчей. У М.Ф. муж был из Вильно, и мы решили тоже попробовать выехать фольксдойчами. Ивановы-Разумники тоже решили выехать. Идти надо в СД к какому-то Райхелю, о котором ходит слава, что это самый страшный из всех следователей СД. Просто зверь. Бьет всех допрашиваемых немилосердно. Но так как мы никакого преступления не совершили и совершать не собираемся, то мне и не страшно, и завтра потопаем с М.Ф.

23. 2. 42. Были в СД, и ничего не вышло, кроме весьма странно-го анекдота. Оказывается, страшный Райхель — это наш «Крошка». У нас у обеих ноги отнялись и язык прилип, когда нас ввели в кабинет и указали страшного Райхеля. Сидит наш «Крошка» и приятно нам улыбается⁴⁹. Я даже еще раз спросила: «Вы — Райхель?» И он нас не пропустил. Весьма любезно, но категорически. Совершенно откровенно сделал вид, что смотрит какие-то приказы в каких-то папках и сообщил нам, что мы не подходим. Я впала в такую ярость и отчаяние, что онемела и даже не поругалась с ним. Наговорила бы, конечно, много такого, чего совсем не полагается говорить «самому страшному следователю» СД. А помочь, конечно, не помогло бы. М.Ф. говорит, что ничего она так не испугалась, как того, что я начну выяснять свои отношения с Райхелем. Последняя надежда вырваться отсюда провалилась.

25. 2. 42. Уехали с фольксдойчами и Давыдовы. Единственный человек, который нам все-таки как-то помогал. Самое пикантное было то, что когда жена Давыдова пришла к нам прощаться, то с нею был и «Крошка». Давыдов просил его о нас позаботиться. Я просила перевести, что все, что можно герр Райхель для нас уже сделал. Причем ска-

зано это было весьма выразительно, и у него была очень смущенная рожа. И он что-то такое пробормотал, чего я не совсем поняла, а Давыдова мне не перевела. Во всей этой истории с «Крошкой» есть что-то неясное. Или он считает, что нас опасно выпускать за пределы фронта и мы обречены здесь подохнуть, или вообще я ничего не понимаю.

Иванова-Разумника вели на машину под руки. У него совсем плохо с желудком — голодный понос. Как он доедет! Везут их куда-то за 70 километров в пересылочный лагерь. Разумники должны проехать оттуда в Литву к его племяннику, у которого там имение. Если доедут, то какие они будут счастливые⁵⁰.

28. 2. 42. «Крошка» приходит к нам по-прежнему как ни в чем не бывало. Где у этих людей совесть запрятана? Пережили еще одно горькое разочарование. Больше я никаким людям — ни европейским, ни русским — не верю раз и навсегда. А вот трудно мне поверить, что «Крошка» играет какую-то предательскую роль по отношению к нам.

Разочарование и какое: от[ец] Василий, на которого мы возлагали столько надежды насчет работы приходов, обновления религиозной жизни и пр[очего], получил от немцев разрешение перебраться в Гатчину, и ему был дан на этот случай грузовик. Нагрузив грузовик до предела бараклом, он отбыл. Причем машина и пропуск ему были даны с тем условием, что он уже обратно ни под каким видом и ни на один день не приедет. Такое у немцев правило. И вот он все-таки приехал обратно еще раз и просил еще одну машину, так как на первой не мог довести всех своих вещей. Ему свирепо и категорически отказали и потребовали, чтобы он как угодно, хоть пешком, но немедленно же покинул город. И вот он приходил к нам жаловаться на немцев, какие они нехорошие. При этом пренаивно рассказывал, что вся дорога до Гатчины по обеим сторонам покрыта трупами, и что бесконечное количество еле бредущих людей готовит новые кадры трупов, и как тяжело и жалко на это смотреть. Я его спросила, почему он никого из них не подвез до Гатчины на своем грузовике. Хотя бы женщину с детьми, о которых он так патетично рассказывал. Страшно удивился. Машина была почти перегружена, и с ним был немецкий фельдфебель. Когда я ему сказала, что фельдфебелю он мог приказать остановиться и взять людей, и что после этого приказа фельдфебель стал бы его уважать гораздо больше, то он был потрясен дерзостью моей мысли и кисло заявил, что хорошо мне говорить, так как это было не со мной и вещи не мои. Я забыла все должное уважение к священнику и заявила, что если бы это было с нами, то мы выбросили бы часть вещей или даже все, а забрали столько людей, сколько возможно. И что католический или протестантский священник непременно бы так поступил. А он что-то еще говорит о религиозных реформах. В общем, поговорили. Ушел он обиженный. Коля меня страшно ругал за мою

нетерпимость, непримиримость, требовательность к людям и прочее. Но ведь невозможно же удержаться. Хоть бы уж не лил крокодиловых слез, а помалкивал бы. Барахольщики несчастные. Советская власть совершенно вытеснила из сознания людей самые обыкновенные нормы человеческого поведения. М.Ф. говорит, что это я ненормальная. Что все люди во всем мире ценят вещи, что их добывать совсем нелегко, особенно в Советском Союзе. И что совершенно нормально беречь и любить вещи. Согласна. Но только нужно знать, когда и где беречь. Нельзя становиться рабами этих самых вещей. Здесь, на фронте, на наших глазах люди десятками гибли и гибнут из-за барахла. Не хотят эвакуироваться, боясь потерять вещи. Было расстреляно и повешено несколько десятков людей за то, что они ходят по пустым квартирам и их грабят. Одних вешают, а другие продолжают то же самое. Немцы тоже страшные барахольщики. Вот это уж совершенно непонятно. Ведь богачи по сравнению с нами. Один наш знакомый, молодой фельдфебель, прибежал к нам под огнем артиллерии через весь город, чтобы мы подписали ему счет, в котором сказано, что мы продали ему какие-то трикотажные детские вещи, которые он украл на городской фабричке. Бумажное все и очень низкого качества. И вещей-то этих было, даже по нашему советскому исчислению, на 5 или 6 рублей. Качество этих вещей таково, что не всякая советская хозяйка купила бы их в мирное время. А он это тряпье посылает домой в Германию. Вот те и Европа. Грабят они в домах тоже всякую чепуху. Сливки сняли уже офицеры, а солдатам достается самая что ни на есть дрянь. Особенно они падки на всякий шерстяной трикотаж. Их поражает у нас «обилие» настоящей шерсти, а не «кунст-волле». Никак не могут понять, что у нас отсутствие деревянной шерсти и прочих эрзацев объясняется нашей бедностью, а не богатством. Для изготовления эрзацев нужно построить сначала целое производство, а мы строили только то, что нужно для военных нужд. Армию одедали за счет полного раздевания населения. Это тебе не капиталистический строй. Без сантиментов. Ходи голый и благодари за счастливую зажиточную жизнь.

И все же, несмотря на нашу нищету, нас поражает низкое качество материала, в который одета немецкая армия. Холодные шинелишки, бумажное белье. Здесь они охотятся за кожухами и валенками. Снимают их с населения прямо на улице. Совершенно удивительно, что мы ухитрились продать наш кожух вовремя.

Вообще наше представление о богатстве Европы при столкновении с немцами получило очень большие поправки. По сравнению с Советским Союзом, они богаты, а если вспомнить царскую Россию — бедны и убоги. Говорят, это потому что у них война. Но обмундирование-то они готовили до войны. И потом, они же поко-

рили почти всю Европу. И уж, конечно, они не стеснялись с Европой так же, как не стеснялись с нами. Пополняют всем, чем только могут. Вероятно, и вся Европа такая же. Как-то скучно становится жить, как подумаешь обо всем этом вплотную.

3. 3. 42. Вчера к нам пришла какая-то знакомая М.Ф. Простая женщина. Я ей дала кусок громановского хлеба. Она благоговейно взяла его в руки, перекрестилась, поцеловала, как целуют икону и только после этого стала есть. Ела и плакала. «Хлебушка-то какой. Наш, русский, не немецкий навоз с опилками. Хоть бы одним глазком посмотреть на нашу деревню». — «Да ведь вы же бежали из колхоза в город!» — «Да, бежала, думали мы, что освободители придут, жизнь новую, божескую дадут. А они что делают, будь они прокляты! Всех бы передавила своими руками. Там свои мучат, да не издеваются так. А здесь всякая задрипанная сволочь в барина играет. Ну, ничего, только бы они нам помогли от тех избавиться, а уж этим-то мы наложим. Будут помнить...» Глас народа.

5. 3. 42. Хлеб кончился, а Громан ничего больше не везет. Кончается и мука. Зря отдала я ковер. А у Коли он вывозжил какую-то старинную немецкую книжку и обещал дать за нее 100 немецких марок. И, конечно же, ничего не дал. Больше нет уже, кажется, абсолютно ничего, что удалось бы поменять. Что будет дальше, не знаем. Весна еще не скоро. Такой холодной зимы старожилы не помнят. Хорошо, что топлива сколько хочешь. Только его все труднее пилить. Ни Коля, ни я не можем. Да и М.Ф. сильно сдает. Иногда помогают нам жильцы. Но все теперь берегут силы. Иногда украдкой, чтобы не видели другие солдаты, нам помогают Ваня-Дураня и Феликс, его приятель.

10. 3. 42. Баня поломалась и стала на ремонт. Говорят, что теперь-то уж, наверное, мы будем обслуживать немцев. Беднова в восторге. У нас заболели сыпным тифом две банщицы и один истопник. Вероятно, дойдет очередь и до нас. Конечно, не перенесем. При нашей истощенности — это верный конец.

15. 3. 42. Вчера мы прибирали и вылизывали баню после ремонта. М.Ф. только что отошла в угол и стала мыть дверь, как снаряд попал на чердак, и ее всю засыпало известкой с потолка. Немного ушибло куском штукатурки. Невозможно ей, бедняжке, отмыть волосы от известки, так как нет ни кусочка никакого мыла. Я украла всю соду из аптечки, пока Беднова флиртвала с немецким полицаем, пришедшим узнать, какие разрушения причинил снаряд. Очень противно видеть, как старая баба за 50 лет ломается, как молодая девчонка перед мальчишкой, а он над ней издевается. У нее, по-видимому, климатический период, и психика ее не совсем теперь нормальна на сексуальной почве. Она и вообще-то никогда не отличалась большим умом, а теперь и совсем свихнулась. М.Ф. кое-как отмыли содой.

18. 3. 42. Начали работать с немцами. Это было бы совсем нетрудно после военнопленных, если бы Беднова не пыталась устроить публичный дом для немцев из бани. Хорошо, что я сижу почти все время в своей камере и не вижу всех безобразий. Иногда мне ее просто жалко, но чаще противно. И этот подхалимаж перед всяким немцем только потому, что он немец.

19. 3. 42. Вчера нам назначили переводчика. Человек, изголодавшийся до предела. Получил он свой паек переводчика, который значительно больше нашего. Сидит, все время жует и шепчет: «Я хочу кушать, я хочу кушать...» Без конца. Невозможно его оторвать ни на минуту от его хлеба. Разговариваем сами, как умеем, с немцами. Я потребовала от Бедновой, чтобы она его убрала куда-нибудь подальше от немецких глаз, потому что солдаты над ним издеваются, а он ничего не видит, только мажет ломти хлеба маргарином или кунстхонигом, жует и бормочет. Он, конечно, умрет, так как уже съел два хлеба из четырех, причитающихся ему в неделю, и хочет приняться за третий. Спрятали его к истопникам.

20. 3. 42. Ночью переводчик умер от заворота кишок.

25. 3. 42. Скоро Пасха. Совершенно невозможно представить себе что-нибудь более печальное. Голодаем уже по-настоящему. Пайки растягиваем на 4 дня, а в остальные дни не едим буквально ничего.

2. 4. 42. Страстной Четверг. Ни в церковь, ни свечки.

5. 4. 42. Пасха. С утра не было ни крошки хлеба и вообще ничего. Коля очень плох. Мне тоже что-то очень нездоровится. Грипп, вероятно. Все же мы с М.Ф. надели все свои лучшие тряпочки и пошли в церковь. Мороз около 20 градусов. Служба была днем, в 10 часов утра. Кое-кто святил «куличи». Что это за жалкое зрелище! И ни одного яйца.

После того как мы пришли домой, Коля с М.Ф. пошли за пайками. Управа даже не добилась (да и не добивалась) того, чтобы паек выдали в субботу, а не в Светлое Воскресение. Вчера я встретила помощника городского головы, который тащил на плечах мешок муки из СД, и спросила его, нельзя ли получить паек в субботу. Он грубо заявил, что ничего нельзя поделать. А муку-то он получил за «помощь, оказанную русскому населению». Вот тебе и доцент. Интеллигент.

Наши ушли за пайком, а я легла, потому что почувствовала себя совсем плохо. Знобит. Пришел Клопфен, которому мы дали променять наше последнее сокровище — палехский ларчик. Принес хлеб и маргарин. Мне до крика хотелось начать есть, а он все не уходил и не уходил. Наконец, ушел, и я отрезала кусочек хлеба, но, к моему изумлению, есть не могла.

Противно. Растопила печку и сварила им хлебный суп с маргарином. Как они были рады, когда, придя, нашли уже готовую еду. Мне,

слава Богу, совершенно не хочется есть. Чтобы не пугать Колю, я немного похлебала супа. Но было очень противно. По-видимому, я в самом деле больна. Хорошо, что по случаю Пасхи можно лежать и не вставать до среды. Температура 39,6.

8. 4. 42. Вызвали врача. У меня тиф. Завтра повезут в больницу.

27. 4. 42. Вчера я вышла из больницы. И сегодня уже была на работе, но работать не могла и пролежала все время в предбаннике, на диване. Боюсь, что снимут с пайка, а есть хочется до безумия.

28. 4. 42. Дали мне отпуск с сохранением пайка. На месяц. Писать еще очень трудно, но я должна записать, чтобы не забыть все, что для меня сделал Коля за время моей болезни. Как хорошо, что весна и солнышко. И я сижу во дворе целый день и греюсь. Только есть очень хочется.

Коля ходил ко мне каждый день под окошко, так как к нам никого не пускали. Какой он был несчастный, нельзя рассказать. Первые две недели я могла только приподниматься на постели и кивать головой. Без сознания была только сутки. Но страшная слабость и апатия, и боли в ногах, и мои старые невралгические боли были столь невыносимы, что я вспоминаю это время с ужасом и отвращением. После кризиса остались только страшная слабость и голод. И голодный психоз. Ни о чем другом я не могла ни думать, ни говорить. И писала страшные записки Коле. И он, несчастный, отрывая от своего пайка, т[ак] к[ак] М.Ф. немедленно сепарировалась со своим пайком, приносил мне по три раза в день болтушку или что-либо другое, что ему удалось достать. Один раз принес суп из кошки, раза два приносил жареных воробьев. Они ничего не имеют, кроме косточек, и очень горькие. Настоящая дичь. Мой паек, конечно, у меня отобрали в больницу, как у всех больных, и получали мы из него едва ли половину. Остальное крали. Проживу я еще тысячу лет, никогда не забуду этой страшной, сторбленной фигуры под окном. И его улыбки. Стоит под окном с горшочком болтушки и улыбается. Ничего не подчеркивало мне так безумия мира, в котором мы живем, как эта его улыбка. Но мой психоз затмевал весь мир. Если Коля приходил на несколько минут позже того срока, какой мне казался пределом ожидания, я впадала в ярость и писала ему гнуснейшие записки. И он-то рад от меня избавиться и хочет, чтобы я умерла, и прочие гадости. Так было всю первую неделю после кризиса. Теперь мне стыдно вспомнить. Сердце разрывается. И он все это кротко выносил и продолжал свои ежедневные путешествия.

Как-то им удалось каким-то образом достать три яйца, и одно из них они мне принесли. Все сестры и врачи сбежались смотреть на настоящее ЯЙЦО. А я, разбив его, горько плакала, так как оно оказалось всмятку. Я была уверена, что оно крутое и сладострастно мечтала, как

я его разделю пополам и одну половинку съем сейчас же, а другую — завтра утром с кусочком хлеба, какой нам полагается три раза в день. И вдруг всмятку. Это было настоящее горе для меня и мне сейчас не смешно и не стыдно. Те мучения голодом, какие мы все перенесли после тифа, не поддаются никакому описанию. Нужно самому пережить что-либо подобное, чтобы понять. А мое бедное чучелко тоже было вконец расстроено. Наконец, меня выписали. И я дома и не умерла, и получаю свой паек, и с ним опять, и появилась молодая крапива. Нельзя описать то удовлетворение, какое вы получаете, поев болтушки с крапивой. Сытно и очень вкусно. Скоро появится лебеда, и ее можно прибавлять в муку и делать лепешки. Все-таки мы зиму выдержали. Может, выдержим и дальше. В городе осталось около двух с половиной тысяч человек. Остальные вымерли.

29. 4. 42. М.Ф. вот уже неделю нездоровится. Врач смотрела ее в полутемноте и определила грипп, а сегодня утром совершенно ясно увидела тифозные пятна. Она умоляет меня не говорить никому из врачей и не отправлять ее в больницу. Я обещала, хотя ухаживать за нею мне еще очень трудно. Я еще слаба. Коля один теперь и по хозяйству, и за пайками, и дрова. И печку топит, и обед варит. Тиф имеет теперь какую-то очень странную легкую форму.

1. 5. 42. По поводу пролетарского праздника большевики угостили нас очень горячей стрельбой. Но все совершенно равнодушны.

3. 5. 42. Ночь была кошмарная. У М.Ф. был кризис, против нее на другой кровати лежал Коля, у которого было что-то очень плохое с сердцем. Я их положила вместе, так как в темноте очень трудно ходить из одной комнаты в другую. И я всю ночь тыкала то одному, то другому камфару. Хорошо, что Коля раньше болел тифом: кипятить иглу было не на чем, и тыкала их одной и той же. Пронеси, Господи. Заснула на полчаса только к утру.

5. 5. 42. Прошла, по-видимому, опасность для Коли. М.Ф. вступила в полосу послетифозного голода. Что делать — ума не приложу. Никакая крапива не помогает. Чем мне их кормить? Хорошо, что она получает свой паек на дом. Если бы узнали, что у нас в доме тифозная больная, то нас Колей подвергли бы карантину, кажется, на месяц. Это значило бы, что никто из семьи больного не мог бы выйти на улицу. Пайки им должны бы были приносить соседи. Никакого контроля за этими соседями нет. Некоторые семьи вымирали. Потому что они даже не могут пойти пожаловаться. Сестры тоже иногда должны обслуживать таких больных. Но сестер и мало, и они все вроде Бедной. Вообще, немцы занимают по отношению к русскому населению в этих делах позицию невмешательства: кто выживет — пусть выживает, помрет — сам виноват. Надоело. Надоело бояться, надоело голодать, надоело ждать чего-то, что, по-видимому, никогда не сбудется.

8. 5. 42. Весна. Такая чудесная пора, особенно в нашем городе. Но сейчас мы ее чувствуем только желудками: едим крапиву, лебеду и еще какие-то гнусные травы. Парки закрыты и минированы. Деревья, эти чудесные старые липы и клены, или разбиты снарядами, или порублены немцами, вернее, русскими женщинами, на постройку бункеров и прочей военной гадости. На улицах нет почти совсем никого. Развалины. И только дворцы, как какой-то призрак, торчат над городом. Рассказывают, что немцы расстреливали евреев и коммунистов у «Девушки с кувшином»⁵¹. Не нашли иного места, проклятые.

9. 5. 42. Сегодня к нам приходил городской голова и сказал, что он переезжает на такую же должность в Павловск и будет хлопотать, чтобы и нас туда перетащить. Все-таки это уже не на самом фронте, а в трех километрах от него. Может быть, там будет лучше.

М.Ф. поправляется изумительно быстро. Мне кажется, что у нее есть какие-то секретные питательные ресурсы, которые она употребляет, когда нас с Колей нет дома. Перестала-таки просить еды. И вообще выглядит для ее болезни и для нашего времени гораздо лучше, чем должно бы это быть. Слава Богу. Отпадает еще одна тяжесть. А что это, так сказать, неэтично, то-то ли мы видали.

12. 5. 42. Сегодня с нами произошло еще одно маленькое чудо. Привез мне в дезинфекцию с фронта обмундирование молоденький ефрейтор. Пока ждали дезинфекции, мы с ним разговорились. Они очень любят говорить о своих мирных делах. Оказался архитектором из Мюнхена.

Я так в него и вцепилась. Мюнхен. О его соборе я мечтала всю жизнь. Поглядеть бы. Ну он, конечно, растаял и начал мне рассказывать. Причем перешел на баварский жаргон. Когда он говорил на литературном языке, я еще что-то понимала, а как зашипел по-баварски — я хоть бы слово. Но все равно сидела, качала головой, поддакивала. Разговор был самый оживленный. В разгар его пришел Коля. Архитектор спросил меня, кто это, мой отец? И когда я сказала, что муж — был совершенно потрясен. Спросил, кто он по специальности, и, узнав, что историк, сорвался с места и залепетал, что онсию минуту вернется, просит меня его подождать, что обмундирование заберут его солдаты, и скрылся.

Обмундирование солдаты забрали, баню наверху уже закрыли, уже наступает скоро запретный час, а его все нет. Уйти же, наплевать на него я тоже не могу, так как немецкий ефрейтор в некотором роде мое начальство. Наконец, уже нам остались считанные минутки, чтобы добежать до дома, он явился. Оказывается, мотался в окопы на мотоциклетке и привез нам хлеба, маргарина, табака, кунстхонигу и колбасы. Я заплакала. Заплакала от того, что нет, не все же человеческое в людях исчезло, и наш интеллигентский клан еще существует.

Привез он нам все это, конечно, только потому, что и мы такие же интеллигенты, как и он. Все мы засмутились от такого нашего благородства. А запретный час уже наступил. Погрузил он нас с Колей на свою мотоциклетку и повез домой к нам. Дорого бы я дала, чтобы посмотреть на нас со стороны. Особенно на меня верхом на багажнике. А сзади Коля. Город в запретный час производит жуткое впечатление. Абсолютно мертвый. А еще светло было. Даже ни одного патруля на не попало. Вероятно, так выглядел город Спящей красавицы. Дома у нас он посидел несколько минут, по-видимому, догадываясь, что нам сейчас не до культурных разговоров, а хочется лопать. Боже, КОЛБА-СА. Мы думали, что такие вещи имеются теперь только в учебниках по истории Средних веков. Ни имени, ни фамилии его мы не знаем. Он сказал, что он нацист. Что это такое и чем это отличается от фашиста — мы не знали. Да и все равно. Он просто добрый человек.

15. 5. 42. Сегодня умерли два истопника бани. Отравились каким-то не то метиловым, не то древесным спиртом. Было «секретное» расследование, из которого стало совершенно очевидным, что оба они были секретными сотрудниками немецкой охраны. Теперь стало понятно, почему они так часто заговаривали о том, что немцы и такие-то, и сякие-то, и что при большевиках жить было гораздо лучше. Собакам собачья и смерть.

20. 5. 42. Получили бумажку из Павловска, что мы туда переводимся. М.Ф. решила не ехать с нами. У нее появились какие-то производственные возможности. Мы этому очень рады. Пусть живет как хочет.

II

Павловск (Слуцк⁵²)

25. 5. 42. Уже в Павловске. Имеем одну огромную комнату и другую маленькую. Мебель привезли свою. Устроились неплохо. Даже странно, что так просторно и так тихо. Общая кухня с двумя милыми старичками, родственниками городского головы. Стрельбы здесь гораздо меньше и больше напоминает мирную жизнь. Имеются лавки и рынок. Больше продуктов, и их можно купить за деньги. Коля назначен «директором» школы. Но главное, что его привлекает, — это намечающаяся возможность издавать газету. Русскую. И вроде как свободную. Мечта всей его жизни. Отдел пропаганды предложил ему составить первый номер. Сидим над этим уже три дня и три ночи. В тот же день как переехали, так и засели. Только вот почему-то мне кажется, что ничего из этого не выйдет. Не потрафим на хозяев. Уверена я в этом. Хотя мечты у нас самые головокружительные. Гово-

рят, что немцев обставить ничего не стоит. Но страшны не они, а те русские, какие при них сидят и в переводчиках, и в чиновниках. Все это невозможные бандиты просто, думающие о том, как ограбить население. До так называемого русского дела им нет абсолютно никакого дела. Преданы они не делу, а пайку. Но все же что-нибудь можно будет начать делать.

26. 5. 42. Самым крупным спекулянтom Павловска является священник.

27. 5. 42. Сегодня я начала новую карьеру — гадалки. Здесь очень много немецких «кралечек». Вот одной из них я случайно погадала и сказала «всю правду». Получила за это котелок солдатского супа и полхлеба. Обещала найти других клиенток. Думаю, это самая умная профессия в настоящее время: во-первых, прибыльная, во-вторых, в некотором роде психотерапия. Мне нестыдно говорить им всякие приятные вещи, которых им хочется. Особенно о тех, которые остаются «там». Послушает о том, что «там» все благополучно, что родители живы и здоровы, муж или жених, или кавалер помнит, свидание непременно состоится, но не так скоро и т.п., и у человека на душе просветлеет, и он живет некоторое время не в таком безнадежном мраке. Я бы дорого дала, чтобы мне кто-нибудь погадал, кому я верила бы. И потом эта профессия самая удобная для пропаганды. Парадоксально, но так: чем больше девушка пользуется успехом у немцев, чем больше она сама как будто бы привязана к какому-нибудь Гансу или Фрицу, тем большая тоска у ней по дому и по прошлому. А что не все «кралечки» только продаются за хлеб и за солдатский суп, это совершенная истина. Цинично продающихся весьма небольшой процент. Сначала идут потому, что помирать-то с голоду никому не хочется, а потом находят себе друга сердца. И какие бывают крепкие и трогательные романы среди них.

Нет такой на свете власти,
Коей в целом или в части,
Власть над сердцем отдана.
А весна — всегда весна...

28. 5. 42. Познакомились со здешней интеллигенцией: врачи и инженеры, главным образом. Несколько учительниц. Публика чрезвычайно серая и ни о чем, кроме брюха, не думающая. Единственная врачиха, какая имеет какие-то идеи — Анна Павловна. Но идея у нее одна — ненависть к немцам (ненависть к большевикам подразумевается сама собой). И то хорошо. Может быть, ей можно будет внушить и какие-нибудь положительные идеи. НЕ может человек жить только отрицательными. Посмотрим. Да и вся русская интеллигенция сей-

час живет только отрицательными идеями — идеей ненависти к большевикам, главным образом.

Здесьняя комендатура гораздо хуже царскосельской. Там люди были заняты своими фронтовыми делами, а населению предоставляли вымирать или выживать по своему усмотрению. Здесьняя же вмешивается в дела населения, и из этого ничего хорошего не получается. Но все это пока только рассказы наших новых знакомых. А мы теперь привыкли верить только своим собственным глазам, да и то не всегда.

29. 5. 42. Гадание мое идет в гору. Девки бегают. Гадать им, конечно, очень легко. Король, любовь до гроба, скорая встреча, дорога. Это главное. Все они страстно мечтают о дороге. Куда угодно, только бы вырваться отсюда.

1. 6. 42. Коля выглядит и чувствует себя гораздо лучше. Страшно увлечен своей газетой. Она пока еще не выходит, но разговоры о ней идут.

7. 6. 42. Сегодня всю ночь был обстрел. Стреляли по всему городу. В нашем дворе разорвалось шесть снарядов. Ни один не попал в дом. Стекол, конечно, не осталось ни одного. Всю ночь просидели на полу в кухне за печкой. Стены нашего дома такие, что ни один осколок их не пробьет. Если прямое попадание в комнату, тогда дело другое. Поэтому сидели за печкой. Это что-то вроде домашнего блиндажа.

Какие прекрасные дни стоят. Теплые, душистые. В каждом доме имеется огород и много разных немудреных цветочков, которые пробивают себе сами дорогу в жизнь. Их усиленно вытесняют огороды. Как при большевиках, так особенно и теперь. Но они все же храбро борются, как мы.

9. 6. 42. Сегодня мы с Колей ходили к одной из моих клиенток — молочнице — смотреть кур и теленка. С начала войны мы не видели ни одной курицы, ни одного теленка или коровы. В Царском не было ни одной собаки и ни одной кошки. Собак, которых не успели съесть, перестреляли немцы, а кошек всех съели. А ночью я проснулась от какого-то очень знакомого и приятного звука, но никак не могла вспомнить, что это такое. И только когда услышала сопение паровоза — догадалась. Это были удары вагонных буферов. Составляли поезд. Немцы восстановили дорогу на Гатчину и по ночам что-то перевозят. Неужели же мы когда-нибудь опять увидим поезда и трамваи!

16. 6. 42. Наверху у нас живут немецкие «кралечки». Каждую ночь у них танцы с солдатами. Главным образом — патрулями. Грохот страшный и спать невозможно до 11 часов, а то и дольше. А если принять во внимание, что мы должны вставать в шесть, то они не дают нам выспаться совершенно. И ничего невозможно поделать. Сегодня ночью я выгнала патруль из квартиры. Я прямо взбесилась. Только

что мы заснули после того, как наверху все успокоилось, как они прямо с танцев пришли к нам смотреть, нет ли у нас большевиков или немецких солдат в постелях. Одного из них я знала, что он бельгиец и налетела на них по-французски. Спросила, не прямо ли с танцев наверху они к нам приперли. И им прекрасно известно, что здесь живут две пожилые пары. Что нам, обеим женщинам, вместе около ста лет (что совершенная правда, так как нашей соседке уже сильно за шестьдесят). Лучше бы они проверили кое-что наверху. Они срочно вымелись и даже бормотали что-то о недоразумении. А сегодня городской голова рассказывал, что в комендатуре при смене патрулей они не советовали ходить в нашу квартиру, так как там живет какая-то ведьма, которая ругается на всех языках и собирается донести коменданту насчет танцев. Посмотрим, будут ли эти собаки шляться к нам по ночам.

18. 6. 42. Нас выгоняют из нашей большой комнаты, потому что в наш дом переезжает друг городского головы. Будет его заместителем. Черт с ними. Проживем и в маленькой.

19. 6. 42. Коля в отчаянии. Немцы, как и следовало ожидать, газету не разрешили. Конечно, тот пробный номер, какой мы составили, их ни в какой мере не устраивал. Я предупреждала Николая. Надо было несколько завуалированное действовать. наших, здешних-то провести и удалось бы, может быть, но они сами решать ничего не могут, как и большевики. У них тоже все централизация. А в Гатчине сидят, по-видимому, не совсем дураки. А может быть, это и не в Гатчине решается, а где-то еще выше. Очень мне жалко Колю. Опять он будет тосковать без дела. Школа его — это одна из очередных фронтовых «фикций».

20. 6. 42. Рядом с нами живет некий инженер Белявский. Предприниматель. Имеет сапожную фабрику. Все машины, конечно, украдены или скуплены за буханку хлеба. У него всегда немцы и пьянство. Тип отвратительного эксплуататора. Он попросил Колю давать уроки истории его великовозрастной дочке, которую никакие истории, кроме любовных, не интересуют. Он отвратительно обращается с русскими. Недавно дал по физиономии старику-печнику. Этого русский народ не забывает. Мы обедали у этих Белявских один раз в неделю, и Коля получает еще один хлеб в неделю за уроки. Я совершенно цинично хожу обедать. Во-первых, по нынешним временам, прекрасные обеды, во-вторых, там наблюдаешь фронтовую шпану в полном ее расцвете, как немецкую, так и русскую. В-третьих, с паршивой овцы — хоть шерсти клок. А мы, по-видимому, еще для чего-то нужны в русском хозяйстве, если не померли в Царском Селе. Пусть шпана нас подкармливает. Жена у него очень приятная простая женщина, а он ведет себя с ней, как Дориан Грей с толкучки.

22. 6. 42. Сегодня я видела, как на парашоте спускался советский летчик. Нельзя поверить, что эта вот, так красиво плывущая в воздухе фигура, тот самый бандит, который сбросил над рынком две бомбы и перебил около двух десятков женщин и детей. Немцы подбили самолет, и он выбросился. Бабы, глядя на него, кричали: «Пусть он только спустится над городом, мы его на куски разорвем». И разорвали бы. Немцы подобрали его около своих окопов. По нему стреляли из советских окопов, но не попали. Немцы были совершенно потрясены этим.

25. 6. 42. Все дни похожи один на другой. Все время ищем пищу, которой здесь больше, чем в Царском Селе, но все же не хватает. Мое гадание кое-что мне приносит, но далеко недостаточно. Особенно тяжело, когда за стеной, у наших соседей, почти каждый день пьянство и танцы. А тут лежишь с книжкой на диване, ничего в ней не видишь, и сосет, сосет. Конечно, нельзя сравнивать наше теперешнее положение с положением в прошлом году в Пушкине, но все же живем даже не впроголодь, а в настоящем, правда, не катастрофическом, но голоде. Да и сил все меньше и меньше становится.

Идут разговоры, что к нам скоро придут испанцы. Знаменитая «Голубая дивизия»⁵³. Посмотрим потомков гордых хидальго.

1. 7. 42. Два сообщения с моего девичьего фронта. Одно потрясающее по подлости. Оказывается, в комендатуре есть такой ефрейтор Фюрст, который ЛИЧНО порет провинившихся девушек в полиции, а начальник полиции ему в этом помогает.

Второе — радостное. Организуется театр. Все певцы, артистки и балерины чрезвычайно взволнованны. Хорошо, что хоть это будет. А то никакой культурной жизни нет. Только Колина школа, в которой учится разная мелочь.

Нет, имеется одно «культурное» учреждение. Публичный дом для немецких солдат. Обслуживают его русские девушки по назначению коменданта. Правда, почти все русские девушки, обслуживающие немецкие кухни, имеют любовников среди немецких солдат и офицеров. Но все это все же носит какой-то характер лирики. Немцы, особенно пожилые, чрезвычайно привязываются к своим русским подругам. Мне приходится читать их письма. И это как-то приемлется. А вот благоустроенный публичный дом, организованный совершенно официально, — это что-то совершенно не влезющее в русские понятия. У большевиков была подпольная проституция, но официально она строго каралась, и население привыкло к тому, что проституция — преступление. Здесь же заведует этим домом одна вполне приличная русская женщина. И не только заведует, но и благодарит Бога за такую «работу». И она сыта, и семья ее сыта. А интересно, пошла бы я на такую работу, скажем, в прошлую зиму, когда мы не ели по несколько дней подряд.

17. 7. 42. С моим гаданием происходят чудеса, которые пугают меня саму. Я нагадала однажды одной молочнице, что у нее будет неприятность из-за животного (причем тогда я еще не знала, что она молочница), которая будет ей грозить очень тяжелыми бедами, но недели через три все кончится благополучно. На другой же день у нее пропала корова. Сколько она ни бегала, ни искала, ничего не добилась. А она поставляла молоко немецким офицерам. Когда она заявила, что корова у нее пропала, ее избили и посадили «за саботаж», и грозили повесить. А с немцев всего станется. Городские русские власти кое-как ее выцарапали. И вот, ровно через три недели, корова сама пришла из леса. Молочница немедленно примчалась ко мне, притащила мне молока и сала и стала меня рекламировать изо всех сил. Второй раз я ей нагадала письмо от сына, которого куда-то увезли немцы. Конечно, это было бы совершенно невероятно. Но я еще предсказала ей, что она и деньги от него получит. Так мне говорили карты, хотя я сама этому не верила. И через три дня он прислал ей письмо и несколько сот рублей. В третий раз я ей предсказала свидание с сыном и очень скорое. А вчера она пришла ко мне с ужасом и почтением и сказала, что ее сын приезжал к ней на несколько часов. Оказывается, он работает сапожником в каком-то рабочем лагере недалеко от нас. Но не имел ни малейшей возможности до сих пор ничего ей сообщить о себе. А теперь эти возможности открылись. Право, мне стало немножко страшно. Что я, в ясновидящие что ли попала?

Девки мои стали прибегать ко мне стаями. Правда, платят плохо, подлые, но все же кое-что перепадает.

30. 7. 42. Сегодня у меня были два немецких офицера в качестве клиентов. Я им гадала, а Коля переводил все точно и изысканно. А они все это записывали в книжечки. Было очень трудно быть серьезной. А что мне будет, если мои предсказания не сбудутся?

Вербовка на работы в Германию идет довольно интенсивно. Берут не только рабочую силу для работ, но и специалистов. Главным образом инженеров. Население рвется на эти работы, но совершенно невозможно установить признаки, по которым немцы отбирают народ. Даже не вполне молодые и здоровые попадают.

Сегодня у меня было чрезвычайное переживание. Хотя таких примеров мы видели сотни, но вдруг иногда воспримешь что-то необычайно остро. Так и сегодня. Один инженер, очень крупный специалист по электричеству, ждал во дворе городского голову по какому-то делу. Я шла мимо с пучком зелени от редиски, который хотела бросить на помойку. И он попросил у меня эту зелень, говоря, что из нее можно сделать «прекрасный» суп. Так все во мне и перевернулось. Он не может получить работы как электромонтер, потому что все места заняты молодыми и более нахальными. На тяжелые работы он не

годится и вот сидит на супе из редисковой ботвы. Он страстно мечтает уехать в Германию на работы, в качестве рабочего хотя бы, и не может никак попасть.

Кстати, во всем доме, кроме нашей комнаты, есть электричество. Оказывается, надо дать кому-то из монтеров взятку. А я не даю и не дам. Наш городской голова — доцент Молочного института и «благословляет» перед Колей, лекции которого по истории он слушал. Но, по-видимому, благословения не хватает на одну электрическую лампочку.

7. 8. 42. Сегодня мои именины не были отмечены никак. Только мое чучелко поздравило меня и было очень огорчено, что не может мне сделать никакого подарка. Но все же он придумал чудесный подарок. Украл в школе шитую бисером крошечную иконочку Варвары Великомученицы. Эта иконочка висела там в ЧУЛАНЕ. А святая эта — покровительница нашей гимназической церкви в Новочеркасске. Был престол у нас. Лучше он ничего не мог придумать для меня. И печально, и хорошо.

8. 8. 42. Говорят, что испанцы пришли. Еще ни одного не видала. Вчера только познакомилась с переводчиком испанцев. Некий Трикдан Александр Александрович. Русский эмигрант. Это второй «белогвардеец», которого мы видим. Очень странное впечатление — видеть воочию то, о чем читалось и говорилось, как о каком-то потустороннем. Ничего себе, человек как человек. Не кусается и вообще приемлем.

15. 8. 42. Сегодня к нам приходил какой-то тип из пропаганды. Немец. Приглашал Колю работать у них. Работа сводится к исследованию греческого узора «меандра»⁵⁴, из которого и образовалась свастика. Какое это имеет отношение к пропаганде — неизвестно. До настоящей пропагандной работы его не допускают, потому что-де здравые мысли, которые он высказывает, никому не нужны. И вообще, у немцев есть что-то недоговоренное в их отношении к русским. То, что приходится слышать о рабочих лагерях, которых много кругом, но которых мы никак не можем увидеть, потому что мы лишены возможности передвижения, наводит на весьма грустные размышления. Передвигаться и почти свободно могут только господа вроде Белявского. Но им наплевать и на лагеря, и на все, что не касается их брюха. И никакие, кажется, немцы не освободители, а такая же сволочь, как и все прочие европейцы, и большевики, и азиаты. Но мы все-таки будем бить в свою русскую точку. И может быть, чего-либо добьемся. Единственный, но очень существенный плюс немцев — это то, что они, по сравнению с большевиками, в смысле угнетения — шенки. И свой народ они устроили, по-видимому, как надо. Устроим и мы свой. УСТРОИМ! Пусть только они помогут нам ликвидировать большевиков. Но они, как видно, не хотят, да и не умеют помогать нам в этом.

Все больше и больше слухов о партизанщине. Если эти слухи и вздор, то они все же очень показательны как настроения русского народа.

20. 8. 42. У Трикдана нашелся календарик, изданный какой-то эмигрантской противобольшевистской организацией. И в нем имеется перечень новых русских книг и среди них Трушнович А. «СССР, Россия»⁵⁵. Мы чуть не помешались от радости. Д[окто]р Трушнович, наш старый друг, в 1934 году выехал от нас из Москвы за границу. Как человек, хорошо разбирающийся в советских порядках, он нам ничего не написал. И мы совершенно ничего о нем не знали. И вот теперь узнали, что он не только жив, но и делает наше дело. У Коли, конечно, сейчас же заработала фантазия, — как бы с ним связаться. Он в Белграде, а Белград занят немцами. Но это, кажется, невозможно. Или мы не умеем найти ходов.

25. 8. 42. Познакомилась еще с одним переводчиком у испанцев. Некий Доцкий. Тоже белый эмигрант и весьма стандартный — парижский шофер, потом наемник испанской армии. Правда, боролся против красных. Но это, вероятно, случайность. Франко⁵⁶ больше платил. Вульгарный хапуга, не сравнить с Трикданом.

Через Доцкого за взятку ему, конечно, я устраиваюсь заведовать испанской прачечной. Испанцы разрушили все наши представления о них, как о народе гордом, красивом, благородном и пр. Никаких опер. Маленькие, вертлявые, как обезьяны, грязные и воровливые, как цыгане. Но очень добродушны, добры и искренни. Все немецкие «кралечки» немедленно перекинулись от немцев к испанцам. И испанцы тоже проявляют большую нежность и привязанность к русским девушкам. Между ними и немцами ненависть, которая теперь еще подогревается соперничеством у женщин.

Испанцы получают два пайка. Один от немецкой армии, другой — от своего правительства, и раздают излишки населению. Население немедленно оценило все испанское добродушие и немедленно привязалось к испанцам так, как никогда не могло бы привязаться к немцам. Особенно детишки. Если едет на подводе немец, то никогда вы не увидите на ней детей. Если едет испанец, то его не видно за детьми. И все эти Хозе и Пепе ходят по улицам, обвешенные детьми.

1. 9. 42. Коля опять во мраке. С газетой и настоящей работой ничего не выходит. Сегодня он с горечью говорил, что мне завидует. Ты, мол, умеешь всегда найти себе дело. Вот гадаешь. Я посоветовала ему начать составлять гороскопы. Пошло бы, и получил бы возможность вести пропаганду и заниматься отбором людей для будущего. Впал сначала в ярость, а потом смеялся.

7. 9. 42. Мой банно-прачечный капитан глуп и претенциозен. Но, кажется, добрый человек. Прачечная построена испанским полком не

потому, что она необходима ему. Можно было бы свободно обойтись и теми, которые уже имеются у немцев. А построена затем, чтобы утереть нос немцам, заявившим, что все ресурсы исчерпаны и никакой прачечной построить невозможно. Вот и построили. Построена она за городом, почти у самой линии обороны. Ходим туда с часовым. Там имеется всего пять домов, и все они под прямым прицелом у большевиков. Почему эти самые большевики их еще не разбили — неизвестно. Но разобьют, как только захотят. В одном из домов живет капитан и его интендантская команда. В доме рядом — наша прачечная, интендантский склад обмундирования и моя пошивочная мастерская. Солдаты и сержанты все мальчишки, начиная с 17-летнего возраста. Капитану 27 лет. Повар команды — тореадор. Самый настоящий живой тореадор. Но абсолютно не похож на оперного тореадора. Маленький, верткий как обезьяна и по поведению, и по психологии настоящий ребенок. Да и лет-то ему всего девятнадцать. По виду же ему можно дать не больше четырнадцати, зовут Маноло. Мой сержант, т.е. мое прямое и непосредственное начальство — Хозе, 20 лет. Жулик сверхъестественный. Воришка и бабник. И все сержанты такие. Прачкам невозможно работать от толкотни в прачечной. Я, наконец, пригрозила, что пожалуюсь капитану, если они будут тут толочься без конца. А капитана они боятся. Он, совершенно не стесняясь, бьет их по физиономиям. И вообще, мордобой в испанской армии — дело самое обычное. Офицеры бьют сержантов и солдат, сержанты только солдат, а солдаты бьют всех, кого могут. Вот тебе и потомки гордых кабальеро. Если бы не видела этого собственными глазами, никогда бы не поверила. Паек у нас сытный, но когда его приносят, то он до обеденного перерыва лежит в команде на столе. И эти хулиганы непременно норовят что-нибудь стянуть, проходя. Не потому, что голодны, и не из корысти, просто из озорства. Но они такие добродушные, и такие ребячливые, что население им все прощает. Например, они приходят к вам в гости непременно с подарками. Но принимать эти подарки нужно всегда осторожно, потому что нет никакой гарантии, что они не сперли их у ваших соседей. Недавно жена городского головы была в отчаянии. Ей кто-то привез из тыла флакончик духов. Надо знать, что это значит в наших условиях, когда и мыла нет. И вот к ним пришли в гости какие-то испанцы, и не успела она оглянуться, как духи исчезли. А через несколько дней выяснилось, что эти духи подарены какой-то девушке. Причем эта девушка уверяет, что солдата, подарившего духи, она видела в первый раз в жизни. И это вполне понятно при широте испанских натур.

Как-то к Коле прибегает сторож из школы и сообщает, что испанцы приехали с подводами и вывозят всю мебель из школы. Коля побежал и накричал на них по-русски. По-испански он только и знает из

этой области «муча культура». Так же весело и с таким же неистовым ревом, как нагружали подводы партами и шкафами, так же стали и разгружать и носить обратно в школу.

17. 9. 42. Приходим на работу, а в помещении команды нет крыши. Ночью попал снаряд. Очень трогательная и характерная для испанцев черточка: при нашей команде болтается беспризорный мальчик, русский, сирота военного времени. Никто как будто бы из солдат, а тем более капитан, им не интересовались, но, когда снаряд попал наверх, где спальня команды и где был этот мальчик, капитан в одном белье понесся наверх, схватил мальчишку на руки и помчался с ним в бункер. Испанский же бункер это не то, что немецкий. У немцев бункеры всегда в образцовом порядке, наш же был больше чем наполовину наполнен водой. Потому что все дожди стекали в него. А испанцам и в голову не приходило заглянуть туда. И вот капитан стоял в воде почти по пояс, держа на руках мальчика. А мальчик совсем не маленький для своих 12 лет. Стрельба продолжалась около получаса, и он все время так и простоял в воде. Причем поведение капитана считается, по-видимому, совершенно нормальным. Рассказывая мне все ночные происшествия, ни один испанец не сказал ни слова про это. Это мне рассказали военнопленные сапожники, которые работают в нашей команде. Как же населению не любить этих полоумных?

Когда мы пришли, то деятельность по очистке бункера была в полном разгаре. Мой капитан, веселый, как будто бы получил подарок, орал и носился по двору. Не меньше его орал и носились солдаты, все перемазанные в глине, как черти. Увидев моих прачек, капитан неистово заорал, чтобы они шли помогать. Между прочим, испанцы при всяких переживаниях орут так, как будто бы их режут. А переживают они все очень остро и бурно, поэтому над городом стоит непрерывный вопль, как при светопреставлении. Раньше население пугалось, а теперь уже привыкло. Прачек моих поставили к помпе выкачивать воду. Вода от глины густая, и помпа каждую минуту отказывалась работать. Капитан раздавал пощечины солдатам направо и налево, но дело от этого ничуть не поправлялось. Солдатишки совершенно перестали сами работать и начали командовать женщинами. Я, наконец, пошла к капитану и как могла почтительнее (в некоторые моменты нашей жизни с ним надо было бывать необычайно почтительной), заметила ему, что у нас, у русских, не принято заставлять «синьор» работать на насосах, в то время как «кабальеро» ничего не делают. Это только у немцев так. Упоминания о немцах было вполне достаточно. Реакция была несколько неожиданная, но благоприятная. Он немедленно дал по физиономии Мигуэлю, портному из починочной мастерской, который, уж конечно, не имел ни малейшего отношения ни к бункеру, ни к прачкам, мирно проходя мимо в мастерскую. Это

один из самых тихих и милых мальчиков во всем этом сумасшедшем доме. После чего, удовлетворенный, приказал Хозе напоить моих прачек кофе. Это было ДА. Настоящий испанский кофе. У немцев такого и в заводе нет.

У испанцев женщины делятся на паненок, синьор и сеньорит. К первым можно приставать. И вообще это специфическое наименование проституток. Ко вторым относятся с настоящим уважением и почтением. Но пробуют на звание паненки каждую женщину и, если получают отпор, почтительно целуют руку и уже своему почтению никогда не изменяют.

30. 9. 42. Сегодня меня вызывали в немецкую комендатуру для улаживания кое-каких дел с моими прачками. На работу я уже не пошла, так как не было провожатого. Вечером приходят прачки и рассказывают, что они сегодня целый день по приказанию капитана мочили уже стираное и сухое белье и опять его развешивали в сушилке. Нужно это было для того, чтобы показать какой-то комиссии прачечную во всем производственном великолепии. Видали дурака! А что срочный заказ с фронта не выполнен — наплевать. Конечно же, работать с немцами гораздо лучше. У них всегда знаешь, чего они хотят. А эти вдохновительные особы всегда тебя подводят. Например, капитану ничего не стоит вдохновиться и приказать всю приготовленную на стирку воду истратить на мытье солдат. Прачечная срочно превращается в баню, прачки сидят полдня без дела, а потом начинается истерика по поводу опоздания с заказом. А солдаты через полчаса ухитряются стать такими же грязными, как и до мытья, если не грязнее.

А из штаба приходят нагоняи за плохое обслуживание, и капитан начинает щелкать солдат по физиономиям. Противно смотреть, когда он, выкатив глаза, как оголтелый козел, начинает их катать, а они, бедные, стоят навтыжку и только моргают. Для нашего глаза это зрелище непереносимо. После первой же такой сцены в моем присутствии я стала всякий раз вставать, как только он входил в мастерскую. Сначала он милостиво улыбался и просил не беспокоиться, а потом понял, по-видимому, и надулся. И теперь у нас кончились наши сердечные культурные разговоры при помощи словаря на пяти языках. Несколько раз он забывал, что мы уже не «друзья», а я — подчиненная ему военнопленная, а он завоеватель, и начинал свою бесконечную болтовню. Испанского языка я совсем не знаю, по-немецки он почти ничего не понимает и не хочет понимать, по-английски мы оба плаваем, и вот для того, чтобы сказать какую-нибудь ерунду вроде того, что русские не понимают музыки и у них нет литературы, он тратит четверть часа на фразу. Раскрывается испано-немецко-французско-английско-русский словарь, и он мне вещает. Теперь я всякий раз

напоминаю ему с подчеркнутой почтительностью о разнице нашего социального положения, и он уходит надутый. Ударить же меня он никогда не рискнет, потому что я «нобле синьора»⁵⁷. Если же он это сделает, то свои же солдаты зарежут его. Они меня не то что любят, но я «синьора», и к тому же «нобле». Мой муж «профессор», и у нас в доме «муча культура», т.е. много книг. Они часто приходят ко мне в мастерскую пожаловаться на судьбу или похвастаться письмом и фотографией невесты. Все мои мальчишки из интендантской команды очень целомудренны. Ни одного романа с русскими девушками. Это потому, что все они имеют невест дома. А вот сержант — другое дело.

Впечатлительны они, как кошки. А капитан, например, до завтрака совершенно иной, нежели после. До завтрака он мрачен, придирчив, истеричен. После завтрака сияет как солнышко и весьма общителен. Если нужно от него чего-нибудь добиться, то ни в коем случае нельзя пытаться это сделать до завтрака. Ничего не выйдет. Упрям, как осел.

1. 10. 42. Сегодня испанцы хоронили девушку, убитую снарядом. Гроб несли на руках и все рыдали. Ограбили всю оранжерею, которую развели немцы. Говорят, что при этом не обошлось без потасовки. Называют по одному убитому с каждой стороны. Этих уже будут хоронить без цветов. Многие из них ходят в нашу церковь и стоят там, как им подобает. Молятся они много и охотно. У каждого на шее есть иконки и ладанки.

5. 10. 42. Все более меня утомляют мои испанцы. Никаких сил нет работать с ними. Интересно провести параллель между немцами и испанцами, как мы их видим.

1. Немцы тихи и спокойны. Испанцы шумливы и беспокойны, как молодые щенки.

2. Немцы подчиняются беспрекословно всякому приказу, каков бы он ни был. Испанцы всегда норовят приказа не выполнить, каков бы он ни был. Немцам «ферботен»⁵⁸ обижать испанцев как гостей. И они внешне к ним относятся доброжелательно, хотя страстно их ненавидят. Испанцы же режут немцев каждую субботу по ночам, после того как напьются своего еженедельного пайкового вина. Иногда и днем в трезвом виде бьют немцев смертным боем. Немцы только защищаются.

3. Немцы чрезвычайно бережливы с обмундированием и продуктами. Белье носят латаное-перелатаное. Аккуратненько штопают себе сами носки и прочее. Ни одна крошка продуктов у них не пропадает даром. Испанцы, получив совершенно новое шелковое белье, берут ножницы и превращают кальсоны в трусики. Остатки выбрасывают к восторгу моих прачек, которые подбирают обрезки, распускают их и потом вяжут себе разные шарфики, носки и беретки. Такое количество и таких ниток на фронте является сказочным богатством.

Испанцы ездят за 35 километров от Павловска за продуктами каждую неделю. И все знают, что они получили на эту неделю. Если это лимоны, то выхлопная труба у грузовика заткнута лимоном, и лимоны торчат на всех возможных и невозможных местах. Если яблоки — то же происходит и с яблоками и всем прочим.

Новенькое белье сваливают в машину, в грязь, и топчутся по нему. Привозят прямо в прачечную. С фронта я обычно получаю не меньше 20 % совершенно изодранного обмундирования. Иногда брюки бывают распороты вдоль по швам и или передней, или задней половины нет. Как они хитрят это делать — непонятно, но делают.

Когда мы приводили в порядок наш дом под прачечную, то в одной комнате нашли печку, доверху забитую совершенно целыми носками, на крыше — новенький резиновый плащ для мотоциклистов, брюки и мундиры в самых невозможных местах. И все это — абсолютно новенькое. Это здесь стояла в течение двух недель какая-то испанская часть. Немцев это приводит в ярость.

4. 10. 42. Немцы храбры постольку, поскольку им приказано фюрером быть храбрыми. Ни на капельку больше. Испанцы совершенно не знают чувства самосохранения. Выбивают у них свыше 50 % состава какой-либо части, остальные 50 % продолжают с песнями идти в бой. Это мы наблюдали собственными глазами. Немцы, согласно приказу, при первом же снаряде лезут в бункер и сидят в нем до конца стрельбы. У испанцев из нашей части погибло 14 человек оттого, что они не только не прятались от обстрела, но непременно мчались туда, где ложатся снаряды, чтобы увидеть, куда и как они попадают. Обычно второй или третий снаряд их накрывал.

5. 10. 42.* Немцы, несмотря на свою сентиментальность, очень грубы с женщинами. Они любят устраивать подобие семейной жизни со своими подругами, но по существу — эгоисты и хамы с ними. А в «компани» они заставляют девушек чистить за собой уборные и с наслаждением и издевательством загаживают все. Немцу ничего не стоит ударить женщину.

Испанцы — страсть, наскок и подлинное уважение к женщине. Они очень легко и просто могут из ревности зарезать свою подругу, но никогда не ударят.

Немцы и испанцы сходятся только в одном — в своей неистовой ненависти друг к другу. Думаю, что в случае, скажем, переворота, испанцы с удовольствием пошли бы вместе с нами бить немцев. Некоторые из них откровенно удивляются, что русские пошли с немцами. Растолковать им, что такое советский режим в самом деле — никак невозможно. Хотя все они франкисты и страстные противники своих

---

* Так в тексте.

красных. Но все-таки... Немцы. Если у немцев все союзники такие, то их дело крышка.

6. 10. 42. Немцы объявили набор в рабочие батальоны. Вывешены огромные агитационные плакаты. Между прочими пунктами, рисующими все блага, которые ожидают записавшихся, имеется и такой: рабочие батальоны будут получать мыло наравне с немецкими солдатами.

Что это за глупость: нельзя же так наивно признаваться в своей нищете. Или это совершенно серьезное убеждение, что человеку достаточно пообещать «мыла наравне с немецкими солдатами», и он будет покорен. Все неистово издеваются над этим пунктом. А он один из важнейших. Какое убожество мысли и фантазии. Но все же те остатки молодежи, какие здесь имеются — идут. Слишком голодна и безнадежна наша теперешняя жизнь. Все-таки там хоть надежда не помереть с голоду.

Сегодня разговорилась с одной из моих прачек, интеллигентной девушкой Зоей. Она настраивается все больше и больше просоветски. Она с начала войны работает на тяжелых работах, так как не хочет продаваться за суп в солдатских частях. А там без этого невозможно. Всякий повар смотрит на этих несчастных девушек, как на свою законную добычу. Если девушка отбивается, то ее все равно съживут.

15. 10. 42. В прачечной все по-старому. Капитан то впадает в меланхолию — и тогда щелкает солдат по физиономиям, то в лирику — и тогда постоянно торчит в моей пошивочной мастерской и совершенно не дает мне работать, требуя внимания к его болтовне. Вчера он мне авторитетно заявил, что Чайковский не может быть русским, так как он слишком культурен для русских. Знает он у Чайковского только оперы и больше, конечно, ничего. Я спокойно ответила, что русская культура не пострадает от признания или непризнания ее каким-то безграмотным интендантским чиновником. А он очень гордится тем, что кончил интендантскую академию. Думала, что он меня ударит. Но он выскочил как ошпаренный. Теперь, по крайней мере, неделю не будет мне мешать.

16. 10. 42. Напрасны были надежды на спокойную работу: капитан сегодня пригласил меня завтракать с собой. Я отказалась. Они всегда смотрят тебе в рот и удивляются, что ты не хватаешь еду, как голодный пес. И очень мне обидно было. У него такой прекрасный кофе. Выпьешь чашку и чувствуешь себя бодрым целый день. Не хочу есть ничего вкусного, если Коля сидит на голодном пайке. И не хочу пользоваться завтраками у интендантских капитанов только потому, что в данный момент у этих капитанов хорошее настроение. Разопсевают они очень быстро, эти самые капитаны. Сейчас же в благодетели записываются. А мне благодетели всех наций и всех пород осточертели.

18. 10. 42. У нас появились новые друзья. Сидим мы с Колей вечером в своей комнатухе и разговариваем. Вдруг в кухне какой-то

грохот и рев, распаивается дверь, и в комнату вваливаются пять испанских солдат. Все сущие дети. Стали что-то лопотать. Один увидел книги на полках и завопил: «Муча культура». Начали пожимать нам руки. Уселась, кто на диване, кто на полу, и начался высококультурный разговор. Говорили по-немецки, по-испански и по-французски. На всех этих языках все знаем по несколько слов. Все были весьма довольны. Потом один из них куда-то слетал и притащил бутылку крепчайшего коньяка. Мы выпили с Колей по глотку и совершенно опьянели, а они высосали остальное — и хоть бы что. Потрещали, посмеялись и улетели. Обещали приходиться часто.

3. 11. 42. Вчера к нам в прачечную приехал с фронта сержант за бельем. Голова у него была вся забинтована. Я взволновалась о раненом солдате и начала суетиться, чтобы его скорей отпустить. И никак не могла понять, почему моя забота о раненом вызывает такое гомерическое веселье у моих солдат. Они ржали, как полоумные. Я обозлилась, но ничего понять не могла, пока не пришел переводчик и не сказал мне, что в испанской армии существует позорное наказание за нетяжелые преступления против дисциплины — солдатам бреют головы начисто. Вот они потом и бинтуют себе головы. Я взбесилась и потребовала, чтобы мне были рассказаны все их фокусы. Ибо я не хочу больше разыгрывать из себя дуру. Что он им переводил не знаю. Но все они притихли и ходили смущенные. Конечно, недолго. Хорошо, что это был не Доцкий. Тот бы напереводил. Такая дрянь, что сказать невозможно. И он дрянь, и невеста его дрянь, вероятно, и «тетка дрянь»⁵⁹.

5. 11. 42. Сегодня исполнилось одно из моих детских желаний. Прочитав роман Лоти о басках⁶⁰, я страстно мечтала их увидеть. И вот сегодня я видела. Приезжали ко мне за бельем. Как они не похожи на испанцев. Очень привлекательная внешность. Высокие, худые, несколько похожи на американских индейцев по типу лица, но благороднее и тоньше. Как будто бы из камня высечены. Очень сдержанно и благородно держатся. Все манеры и осанка имеют какое-то неподражаемое достоинство. Совсем не то — португальцы. Это совершенно комические фигуры. Высокие, упитанные и все, сколько я их видела, на одно лицо: точная копия старых парикмахерских вывесок или парикмахерских кукол. Румяные лица, приклеенные, закрученные сверху усики, ярко красные губки, масляные карие глазки. Те самые, о которых поется в жестоком романсе. Прямо на заказ, идеал горничной или швейки из старинной русской провинции. И все как один. Двойники.

12. 11. 42. Колей продолжают интересоваться разные высокие особы. Вчера лежали мы себе в постели. Коля уже заснул, а я еще читала, держа коптилку у себя на груди. Стук в двери, и входят два

тевтонских красавца. Уже то, что они постучали, указывало, что это или из СД, или похуже. Эти самые вежливые люди на свете. Наши ГПУ тоже всегда вежливы были. Один-таки прямо настоящий красавец. Хоть в кино показывай. Мое предположение оказалось правильным. Новые СД пришли знакомиться. Один говорит по-русски как русский. Он из Эстонии. На вопрос, где это он так научился говорить по-русски, ответил: играл в детстве с русскими детьми. Ну, от игр так не научаются. Мы сами с усами, хоть и не СД. Зовут его Курт, а другого — Пауль.

Что им от нас было нужно, не понять никак. Но ясно, что что-то нужно, что-то выпытывают. Просили составить наши пожелания насчет газеты. Сидели примерно часа два. Надоели. Манеры самые изысканные, и беседа носила самый «дружественный и непринужденный» характер. Мне больше понравился немец, который по-русски не говорил и не понимает ничего. Эстонец — штучка.

16. 11. 42. Знакомство с новыми друзьями из СД принимает все более «интимный» характер. Сегодня были уже в третий раз. Приезжали со специальной целью: поговорить со мной по поводу моего гадания. Видите ли, какая осведомленность! Я им объяснила мою точку зрения на гадание вообще и на фронте в частности. Я сказала, что не надо много ума на это, а надо только немного знания человеческой психологии. А к тому же, мол, и помирать с голода на фронте мне тоже неохота. А это чуть-чуть, но подкармливает. Засмутились. А кончилось тем, что просили им погадать. Сначала это было только желание меня проконтролировать насчет «знания психологии». Я была в ударе и показала им! Они прямо рты пораскрывали. И несмотря на всю их СД-шную практику, не разглядели, что я не «гадала», а раскрывала их характеры. Никаких же предсказаний, собственно, и не было. А так как характеры их не весьма загадочны, то и вышло, что я гадалка вне конкуренции. На лесть они идут так же, как и мои девушки и бабы. Может, даже еще больше. Только с ними надо потоньше разыгрывать психологические этюды. Немец Пауль так просто пищал от восторга. После гадания они просили меня написать им маленькие заметочки о «настроениях населения». Пожалуйста. Если они думают (а они именно так думают), что я им поднесу на ладошке: вот тот-то большевик, а та-то шпионка, то они весьма ошибаются. Я знаю, что им написать, и настроения населения я тоже очень хорошо знаю. Заказ должен быть выполнен послезавтра.

20. 11. 42. Вероятно, я очень скоро вылечу из своей прачечной. Вчера зверски поскандалила с капитаном. Обыкновенно к нашему приходу военнопленные растапливают котлы, и мы прямо приступаем к стирке. А сегодня новое распоряжение: прачки должны сами топить печи. А у нас, как назло, срочные заказы с фронта, и я все вре-

мя трясусь, что мы их не выполним. Я рассвирепела и вызвала переводчика из штаба и потребовала, чтобы он переводил точно все, что я скажу. Сказала я много, но ничего грубого, а только весьма серьезно указала на то, что при такой вдохновительной манере работать как следует невозможно. И притом женщинам очень тяжело таскать воду и наливать ее в котлы самим. Мужчинам это и то не под силу, тем более, что я никак не могу добиться самой примитивной механизации всего нашего производства. По каким-то, мне совершенно непонятным причинам капитан не хочет устроить даже шланга для наливки котлов. Т.е. подозреваю, что причина просто та, что этот дурак обиделся, что не он догадался. Но этого я не говорила. Капитал ревел, как разъяренный бык. По-видимому, Доцкий переводил не совсем точно. Он меня терпеть не может за то, что я никак не скрываю своего мнения о нем, и наврал капитану каких-то грубостей от моего имени. Когда капитанский рев достиг своего зенита, я хлопнула дверью и ушла с работы раньше времени, без разрешения и без провожатого. Часовые меня уже знают и пропустили. Сейчас сижу и жду вызова в немецкую комендатуру и всяческих казней египетских. Но я не пойду работать, если должна буду заставлять женщин таскать сотни ведер воды. Пусть идет, кто хочет.

22. 11. 42. Ничегошеньки не произошло. Утром, как и обычно, за мной пришел патруль и весело мне что-то лепетал про капитана. Но я ничего не поняла. Поняла только то, что капитан был на меня страшно зол и хотел послать за мной патруль. Но почему-то не сделал этого. Вероятно, пришло время обедать. А капитан до обеда и после него — две вещи совершенно разные. Пришла я на работу, и все солдатишки, и даже мой сержант Хозе, встретили меня весьма почтительно. Капитана я не видела. Но когда ко мне в мастерской стал нахально приставать какой-то пьяный португалец, то Маноло заявил ему: не приставай. Это «нобле синьора». Капитан ее очень уважает, и у нее синьор «профессор». А я уж совсем собралась угостить португальца по морде. А что если когда-нибудь угостить капитана по морде! Как он на этоотреагирует!

Сейчас только что к нам приходил городской голова и читал мне мораль, что я плохо себя держу с капитаном. Насплетничал Доцкий. Что капитан мной очень недоволен и что я вылечу из прачечной и ему, голове, будут неприятности. Ну, я сказала все, что я по этому поводу думаю и даже немножко больше. Но нарочно ничего не сказала о том, что капитан меня уважает. Пусть трясутся. Какая все дрянь.

Вот страна погибает, народ переносит такие мучения, какие и не снились никакому другому народу в мире. Его зверски уничтожает и издевается над ним и свое правительство, и всякая иная шпана. Он гибнет от войны, от голода, от непосильных работ. Нет такого оскор-

бления, какого бы ему ни наносили. И вместо того чтобы его интеллигенции сплотиться с ним — эта самая интеллигенция старается его мучениями, его потом удержаться на постах, на которых она обязана ему помогать.

Сегодня опять приезжали «друзья». Заказ я выполнила. В моем меморандуме было на все вкусы. И о порке девушек в полиции, и о назначении немецкими врачами женщин, больных ишиасом, на пилку дров, и публичный дом, и все удовольствия. И не подкопаешься. Мы-то ученые. Во всем, конечно, немецкое правительство было совершенно не виновато, а только плохие солдаты и офицеры. Я указывала, какой вред это приносит «нашему общему делу» — делу борьбы с большевиками. И все это мне было нетрудно, потому что я была совершенно искренна. Конечно, было глубокое и весьма наивное разочарование. В беседе по поводу меморандума Курт пытался смягчить впечатление от порки тем, что законы военного времени очень жестоки, и если человека отдать под суд, например, за кражу, то его расстреляют. Я сказала, что девушки виноваты не в краже, а в том, что не угодили лично ефрейтору такому-то, и назвала Фюрста. Еще одного врага нажила на свою голову. Черт с ним. Вопрос «замяли» и уехали с холодком. Пусть ищут себе других осведомителей. Им нужны были настроения русского народа. Получайте!

26. 11. 1942. Что-то невероятное. Сегодня приходил к нам домой Доцкий. Сообщил, что капитан на вопрос немецкого коменданта, как идет прачечная, расхвалил меня. Особенно подчеркивал, что у меня дисциплина и порядок, что я умею работать и серьезно отношусь к делу. Тут, конечно, было желание в пику немцам показать, как он умеет хорошо выбирать работников. Никакого сомнения нет, что беседа происходила после обеда. Я немного поиздевалась над Доцким.

Друзья из СД приезжают «просто» побеседовать. Чем-то это пахнет. Теперь нас не так просто уверить в симпатиях немцев к русским. Для меня их приезд всегда приятен. Они обычно деликатно «забывают» у меня папиросы и табак. Правда, после испанских сигарет, немецкие — неважные. Но все же, это прямо подарок с неба.

Кажется, мы поняли, зачем они приезжают так часто. Курт проговорился. Они, по-видимому, боятся, что нас у них украдут испанцы. Очень много расспрашивали меня про мое отношение к капитану. Кто бывает у нас из испанских офицеров. Дураки. Испанцев пропаганда совершенно не интересуется. Это дело немцев, по их мнению, а они только гости. И им совершенно наплевать на все русские и нерусские дела в мире. И на всю политику. Это просто наемники, которые решили подработать денег на войне. Как в Средние века. Только теперь стараются заработать на автомобиль, а тогда на лошадь и на хорошую землю. Мой портной Маноло так и считает, как только

будет довольно на покупку автомобиля — он едет домой и женится на своей Пепите. Вот и вся их политика.

Сегодня я сказала Курту, что мы будем с ними до конца. Пока они победят большевиков. А там посмотрим, что нам принесут немцы. Он заявил, что ему-то я могу это говорить, но что больше никому из немцев это говорить нельзя. Что это: в самом деле искренно или провокация на дружбу? Я поблагодарила. Еще он сказал, что ему много говорили о Коле, но он теперь видит, что и я имею очень большую ценность. Я спросила: для чего? Для разведки? Он начал с жаром уверять, что он и Пауль нас очень ценят просто как замечательных русских людей и постараются нас во что бы то ни стало спасти. От чего «спасти»? Сомнительное преимущество быть ценным вражеской разведкой. Ведь теперь совершенно ясно уже, что немцы нам не помощники в нашей борьбе с большевиками. И ни на кого нам надеяться, кроме как на самих себя, не приходится.

1. 12. 42. Среди прочей дряни, какую нам немцы присылают здесь для чтения, вдруг попалась книжка Ивана Солоневича «Бегство из советского рая»⁶¹. Читала ее всю ночь. Такой правды о нашей дорогой родине еще никто не написал. Стало обидно, что мы сидим здесь в этой дыре. И мы могли что-нибудь подобное написать. Коля все мечтает о газете. Я уже ясно вижу, что ничего из этого дела не выйдет, но пусть потешится.

3. 12. 42. Испанцы неподражаемы. Сегодня один из них, катаясь на финках, провалился под лед Славянки. Утонуть в ней невозможно, но промок он до нитки. Он и не подумал пойти переодеться, а продолжал кататься как ни в чем не бывало. На финках обычно все здравомыслящие люди катаются вдвоем, и тогда один сидит в кресле, а другой правит, стоя на полозьях. Для этого они и устроены. Но испанцы становятся на сиденье и так катятся с горы в реку. Орут они при этом так, как будто бы пришел их последний час. Испанцы доставили мне огромное удовольствие и злорадство. Все в доме сидят без света. Испанские часовые на электростанции пекли ночью картошку и мимоходом сожгли станцию. Городской голова пришел к нам жаловаться на это, какие они теперь несчастные. Я сказала, что не могу найти в своем черством сердце сочувствия. Сидим все время без света и ничего, не помираем. Он был страшно сконфужен, так как, конечно, он забыл, что у нас нет проводки. Только и нашелся спросить, почему я ему не сказала об этом раньше. Я сказала, что и говорила, и писала. Очень быстро после этого недоразумения вымотался. Коля говорит, что нельзя быть такой беспощадной к людям. Почему! Что же мне еще ему и сочувствовать? Такое эгоистическое хамье. Спасибо милым испанцам.

12. 12. 42. Мой капитан совершенно помешался. Вчера опять устроил баню, но уже для штаба полка. И почему импульс чистоты нападает

на них именно тогда, когда у нас срочная работа для фронта. Капитан с ехидным видом представил мне начальника штаба, который меня благодарил за прекрасную БАНЮ. Какой-то повальный идиотизм.

1[.]. 12. 42. Совершенно невозможно передать все сумасшествие последних дней. При виде меня капитан только яростно выворачивает глаза и скрывается. Мне стало очень весело жить. Все-таки хоть какое-то развлечение. Сержанты и все солдатишки не понимают, как им вести себя со мною, и потому моя мастерская все время пустует. Никогда я не работала в таком покое.

20. 12. 42. Прибегал Доцкий и орал, что я подкапываюсь под его авторитет как переводчика, что завела шашни со штабом полка и пр. Я его осадила. А с авторитетом было так: я попросила его перевести капитану, что мне необходимы бельевые корзины, а он не знал слова «корзина». Тогда я ему посоветовала к следующему разу выучить все прачечные слова и прибавила, что ругательных и коммерческих мне не требуется. А так как он дико спекулирует на всем, то он и расширепел. А тут его еще нацукали в штабе. Этим я не улучшила моих с ним отношений, но он такая дрянь, что позорно быть с ним в хороших отношениях.

21. 12. 42. Приезжал какой-то тип из пропаганды из Гатчины. Немец. Приглашал Колю перейти к ним на работу, а значит, и переехать в Гатчину. Все-таки близится, кажется, наше освобождение с фронта. Но, Боже, как это все медленно. Да и выйдет ли еще это дело.

22. 12. 42. Прачечную закрыли на праздники. Порядочность тоже имеет свои отрицательные стороны. Ни я, ни прачки не получили полагающихся нам подарков к празднику или за строптивость моего характера, или, может быть, испанцы их украли. Все может быть. Ничего, сдору с немцев как-нибудь. За себя-то мне наплевать, а вот прачек жалко. Все же там какая-то еда полагается.

23. 12. 42. Странно, но Рождество ощущается и в нашем ужасном и фантастическом мире. Немцы его ощущают острее, нежели испанцы. По-видимому, акции мои стоят высоко. Доцкий САМ принес подарки для меня и прачек. Нежирно, но все же кое-что сладкое есть и даже по пяти сигарет. Боюсь, что их полагается больше, но выяснять не стала. Получили от городского головы приглашение ЗАВТРА на елку. Наше-то Рождество только через две недели. Вот уже поистине бескорыстный подхалимаж.

27. 12. 42. Все наши немецкие друзья перебивали у нас за эти дни. Солдаты, конечно. Сейчас в испано-русском окружении они себя ощущают особами второго класса и инстинктивно тянутся к нам, кто им этого не дает почувствовать. А мы, благодаря нашей демократической биологии, никак не можем смешивать всех немцев с СС, СД и прочими «эсами». Их там еще какое-то невероятное количество есть.

И они это очень остро чувствуют. Наши СД-друзья прислали нам все, что полагается немецким солдатам: желудевые печенья, сигареты, друпсы, но сами тактично не приезжали. Спасибо и на том.

Были мы на елке. Было противно и скучно. Но мне теперь везде так. Самое прекрасное — не ходить в прачечную, не видеть капитана, не сидеть часами за швейной машиной. Между прочим, «по договору» я не обязана заниматься починкой. Но я не умею сидеть без дела, а в прачечную я хожу время от времени. Совсем не затем, чтобы контролировать прачек, а затем, чтобы гонять оттуда солдатишек. Вот я и села за машинку. Мне передавали, что мой капитан сначала был от этого в восторге, потом хотел мне это запретить. Ничего не сказал все-таки. Я бы ему запретила! Вот олух-то!

У меня от сырости в нашем помещении начались сильные ревматические боли. Не дай Бог, опять начнутся мои нервные боли. Пропал тогда паек.

2. 1. 1943. Уже скоро три года как война. Сколько мы еще выдержим. Ходят тревожные слухи, что большевики начали большое наступление. Где — неизвестно. Газет мы не получаем. Радио запрещено под страхом расстрела. Оторваны от всего мира.

6. 1. 43. Был опять гатчинский представитель из пропаганды. Говорит, что дело с нашим переводом налаживается. Неужели выйдет! Жалко Колю. Меньше всего он приспособлен для сидения в щели и ничегонеделания. Делать уже, по-видимому, кое-что можно. Осторожно наводим справки о народе на будущее время. Но народа-то здесь уже не осталось. Или мародеры, или инвалиды вроде нас. Но ведь где-то есть настоящий народ и настоящая возможность с ним работать. Слухи о лагерях в Германии все ужаснее и невозможнее. Проклятые бандиты все на свете.

8. 1. 43. Сегодня в городе произошел настоящий и грандиозный скандал: Фюрст выпорол плетью некую девицу. Она, не будь дура, пошла в часть к знакомым испанцам, подняла юбку и всей части продемонстрировала полосы от плети. Испанцы понеслись на улицу и начали избивать всех попадавшихся им по дороге немцев. Побоище было настоящее. Как всегда в теперешнем сумасшедшем мире рыцарство проявило не офицерство, оставшееся совершенно равнодушным, а простые солдаты. Похоже на то, что теперь во всем мире народ лучше своих правителей и своей «элиты». Немцы как будто нарочно делают все возможное, чтобы оттолкнуть от себя людей. Идиоты.

Какое несчастье для русского народа, что ему приходится ждать помощи от немцев, а не от настоящих демократических народов. Но эти самые демократические народы усиленно помогают большевикам, а значит, предадут русский народ на издевательство и уничтожение. Неужели же они не понимают, какую петлю они готовят на свою собствен-

ную шею? Неужели никто из этих умников не может догадаться, что для них же самих большевики как союзники опаснее, чем как враги. Говорят, что они понимают только свою выгоду. И этого нет. Всякому русскому колхознику ясно, что выгоднее было бы дать немцам разбить большевиков, а потом вместе с Россией разбить немцев.

12. 1. 43. Как долго тянется зима. Пальто нет. Мерзну в своем летнем. Дрова пилить все тяжелее и тяжелее. Слава Богу, провели к нам свет. Прихожу домой, а у нас горит лампочка. Коля сияет. Дозебрило-таки городского голову. Рады мы несказанно. Теперь и почитать можно, и немного отмыться. Мыла теперь у меня сколько угодно. Воруем обмылки в прачечной. Да мыло какое! Не чета немецкой земле. Душистое и пенится. Зеленое. Никогда не представляли, что может быть такое стиральное мыло.

16. 1. 43. Слухи о том, что немцы застряли плотно — все упорнее. Винят в этом и самих немцев, и союзников. Неужели все жертвы, которые принес русский народ в эту войну, напрасны! И что мы за несчастные такие.

18. 1. 43. Были Пауль и Курт. Морды у них довольно-таки кислые. Но мы ни о чем не расспрашивали.

22. 1. 43. Как будто бы какой-то проблеск надежды. Сегодня у городского головы был человек прямо из Берлина и рассказывал о каком-то советском генерале Власове⁶². Вещи рассказывает невероятные. Как будто бы этот генерал с разрешения немцев и при их помощи организывает русскую армию из военнопленных и ОСТОВЦЕВ⁶³. Так называются те, кто поехал в Германию на работы. О том, каково их положение в лагерях, рассказывают такие невероятные вещи, что невозможно было бы поверить, если бы наше дорогое правительство не научило нас ничему подлому удивляться. Разве возможно, чтобы какое-либо другое правительство на свете запрещало родным переписываться со своими военнопленными и помогать им. А наше устроило так, не моргнув глазом.

Армия называется Российская освободительная армия⁶⁴. РОА. Толком он рассказать ничего не мог. Ясно только, что это движение как будто не реставраторское. Идеологию для этой армии поставляет какая-то эмигрантская партия. Значит, опять какие-нибудь эс-эр или меньшевики. Других партий там как будто бы и нет. Да все равно. Всякая партия хороша, если она противобольшевистская и если она работает против них. Как глупо, что он толком ничего не знает. И как это так, сидеть в Берлине и не поинтересоваться такой вещью. Вероятно, опять какая-нибудь чепуха. Сколько же было разных слухов, что просто и не веришь ничему. Хотя, судя по тому, что наш городской голова чрезвычайно всем этим взволнован — слухи похожи на правду. И он не такой уж обыватель, как могло бы казаться.

25. 1. 43. Еще один Татьянин день на войне. Тяжело и печально. Как будто бы прошло не полтора года, а полтора века, как мы делились с нашими ленинградцами. Здесь мы очень одиноки. Никого не интересует то, что интересует нас. Правда, здесь уцелела наиболее жуликоватая публика, вроде Белковского*, остальные или вымерли, или разбежались, или вывезены немцами. Интереснее всего наблюдать повывлезавших откуда-то «бывших». Имеется даже один земский начальник⁶⁵. Все они страстно мечтают о реставрации, о получении обратно своих имений, о возможности продолжать жизнь с того самого момента, на котором она прервалась в [19]17-м году. Ничему они не научились и ничему не в состоянии научиться. Народ для них по-прежнему быдло, и они мечтают расправиться с ним за все свои обиды. А перед немцами лебезят и лижут у них пятки. Вот и Белковский бьет по физиономии русского печника и унижается до тошноты перед немецким трубочистом. Видела сама своими глазами, и именно перед трубочистом.

2. 2. 43. Большевики обстреливают нас по ночам «Катюшами». Это какое-то артиллерийское приспособление, которое выбрасывает сразу несколько мин. Говорят, они специально приспособлены для стрельбы по «живой силе». Но стреляют только ночью и по городу, когда никакой «живой силы» нет. Вещь довольно противная. Вчера одна мина упала около нашего окна. Без последствий, если не считать того, что выпали все стекла и затлела занавеска на окне. Перекочевали на всякий случай за печку на кухню. Страшны, главным образом, осколки от стекол. Одна женщина 30-ти лет ослепла потому, что ей попали мелкие стекла в глаза.

3. 2. 43. Дело идет к весне. Хотя еще и очень холодно, но дни уже длиннее. Эвакуация усиливается. Говорят, что скоро нас всех поголовно вывезут. Никаким «говорят» народ уже не верит.

5. 2. 43. Уже три дня идут бои за Красный Бор. Бой иногда настолько приближается, что слышны крики и ружейная стрельба. В городе все в панике. Бежать некуда. Отобьют испанцы или нет, неизвестно. Немцы утверждают, что нам ничего не грозит, но весь город не спит и караулит, не грузится ли комендатура. Начальство клятвенно уверяет, что вывезет всех, если будет отступление. Но наших советских воробьев на немецкой мякине не проведешь.

8. 2. 43. Бой кончился. Сообщают также подробности: наступали пехотные части с танками. Селение Красный Бор танки заняли. Испанцы и все русское население сражались с винтовками и револьверами. Красные никого не «освобождали» и в плен не брали. Они

---

* Так в тексте. Вероятно, речь идет о человеке, упоминавшемся ранее под фамилией Белявский.

подводили танки к домам и били в дома и подвалы, где скрывались русские. Испанцы держались выше всякой похвалы. Красных выбили. Потери у испанцев до 50% части, но они продолжали биться. Даже немцы ими восхищаются. А это много значит. Население немедленно переименовало «Красный Бор» в «Мясной Бор». Дело очень маленькое и никакого значения в общем ходе войны не имеет. Но нам совершенно безразлично — умрем ли мы при большом деле или когда «на фронте без перемен». А особенно все равно попасть к красным в лапы при сражении или без него. От души ненадолго отлегло. И так все время живем.

20. 2. 43. Слухи о разгроме немцев и о начавшемся большом наступлении большевиков подтверждаются. Погибла какая-то немецкая армия под Сталинградом. Несчастный русский народ. Что-то его ждет. Только ничего хорошего. За себя я стала спокойнее. Твердое решение всегда помогает. Мы в руки большевиков не попадем. Смотрю на нас с Колей как на смертников. Достала еще морфия.

Слухи о формировании армии генерала Власова подтверждаются. Только не поздно ли? Страшно, что она будет чем-нибудь вроде армии ген[ерала] Краснова⁶⁶. Представляю этих «освободителей». Сама я казачка и казаков знаю хорошо. Они так же, как и прочие «бывшие», ничему не научились. Будет только лишняя резня, и народ тогда уже окончательно никому верить не будет. Они скомпрометируют всякую освободительную идею. Называют в числе «освободителей» Шкуро⁶⁷. Как странно слышать эти имена теперь. Русский народ привык соединять с этими именами все, что только было плохого в монархии и Белом движении. И вот эта раритация опять вылезла на свет Божий и начинает шебаршить. Неужели же больше ничего не дала русская эмиграция? Русский народ сейчас пойдет за кем угодно против большевиков. Но после их свержения опять начнется резня. Если же то, что мы слышим об армии Власова, правда, то это истинный освободитель. Неужели нарождается в самом деле настоящее освобождение в России, а с нею и всего мира от этого дьявольского наваждения, которое именуется большевиками. Страшно поверить. И можно было бы не с такими муками нарождаться этому освобождению.

1. 3. 43. Получили совершенно официальное сообщение о том, что мы переезжаем в Гатчину. Дело только за утверждением какими-то высшими инстанциями, что является простой формальностью. Колю приглашают на работу в пропаганду. Очень ему моркотно, я вижу. Неизвестно, что заставят делать в этой самой пропаганде. Если писать исследования о банях с точки зрения Заратустры — это еще ничего. Одна надежда на немецкий, вернее, на фашистский идиотизм.

Как мы различаем русский народ и большевизм, так же мы различаем немецкий народ и фашизм. И еще надежда на то, что чем дальше в тыл, тем больше возможностей, наконец, встретиться с тем, кто укажет, как связаться с делом Власова. Вот там бы начали

пропаганду. А теперешние армии без пропаганды не существуют. Хоть бы скорее отсюда вырваться. Все-таки это тоже тюрьма, только расширенного образца.

Городской голова говорит, что в гатчинской пропаганде сидит очень симпатичная и теплая компания, которая ставит себе целью обставлять немцев. Дай-то Бог. Газета их, которую нам привез Курт, положим, никуда не годится. Захолустная советская газетенка. Когда мы сказали это Курту, он был потрясен нашей проникательностью. Редактором там, действительно, сидит бывший редактор районной советской газеты. Ведь вот удается же людям попасть на такое место. А мы как в западне. Говорят, что в западных областях — в Минске, Могилеве — выходят газеты и издаются русские книги. Почему же у нас тут такое убожество? Фронт мешает. До нас доходит такое страшное барахло из издающегося немцами для русских, что становится страшно: неужели все настоящие поэты и писатели остались «там».

5. 3. 43. Мой капитан совершенно взбесился. Сегодня орал на меня, почему я не достала ему каких-то корыт, которые он якобы приказал мне достать. Я слушала его молча, чем и привела в исступление. А потом сказала по-английски, чтобы не понял Доцкий, который переводил всегда не то, что я говорю, что ни о каких корытах я и не слыхала. Так как капитан знает английский еще меньше, чем я, а показать этого не хочет, то он заулыбался и ушел. Сомневаюсь, чтобы он понял меня, если бы и знал хорошо язык. Я сама не понимаю, что я говорю. Но когда я хочу выйти из неудобного положения, я всегда прибегаю к английскому с капитаном и могу быть спокойна. Ничего не поймет и сделает так, как я хочу. Доцкий рассвирепел и заявил ядовито, что мне переводчик не нужен. Он нужен не мне, а капитану, сказала я нахально. Он вылетел совершенно бешеный. Дурак. Надоело мне все это до смерти. Хоть бы скорей куда-нибудь уехать.

6. 3. 43. Капитан спросил меня, почему я при Доцком говорю по-английски, а без него не хочу. Я ответила, что Доцкий не совсем правильно переводит, отсюда много недоразумений. Просиял и сказал, что «уберет» Доцкого. Хвастает. Ничего он сделать не сможет... Доцкий — переводчик штаба и занимается грабежом русского населения в пользу испанских офицеров.

Испанцы весьма падки на иконы. Доцкий разыскивает иконы и скупает их за бесценок и потом перепродает с барышом испанцам. Но испанцам они достаются совсем даром. Иногда он совсем не платит, отбирает икону. Если кто-нибудь протестует, то он грозит револьвером. Кому жаловаться? У них у всех круговая порука. Тоже один и из Мининых нашего времени. Старый эмигрант с волчьей хваткой. Презирает советских за их «моральное падение», как он один раз выразился при мне. А падение заключалось в том, что они, как «стадо баранов», терпели советскую власть. Я у него спросила,

а что он делал за границей, чтобы помочь русскому народу. «Состоял в партиях», сообщил он, но какие это были партии, не сказал. Трикдан относится к нему как к прохвосту. Совершенно прав. А как мы все притерпелись ко всякому безобразию. Вот Доцкий приходит к нам, и мы его не гоним. Ему необходимы все же «душевные разговоры», и он за ними приходит к Коле. У нас складывается привычка. Не гнали же мы Катьку и Марка. Вот и теперь терпим. А гнать надо было бы. Хотя тогда никого, кроме моих немецких «кралечек», и пускать в дом нельзя было. Они самый порядочный и честный элемент из нашего окружения.

11. 3. 43. Дни один как другой. Только все больше накапливается гнусных и противных наблюдений. Убило снарядом какую-то бабу-спекулянтку. Управа делила наследство. Нам достался ее последний паек, с каким ее и убило. Полицай нам принес сумку с пайком. На дне мы нашли ее паспорт и в нем 11 000 рублей и завернутые в тряпочку несколько драгоценных камней и золотые часы. Коля пошел к городскому голове и сказал о находке. Тот примчался как ошпаренный и забрал все. Оказывается, он искал ее паспорт. После этого к нам было целое паломничество всего города — приходили и спрашивали: правда ли, что мы отдали в управу деньги и драгоценности. На наше недоумение сокрушенно качали головой и решили, что мы невменяемые. А тот полицай, что принес нам паек и не догадался осмотреть сумку, хотел повеситься. И нашей невменяемостью огорчались врачи, учителя, инженеры и прочий цвет интеллигенции. Или мы в самом деле невменяемые, или весь мир сошел с ума и нормальные только мы. Противно до смерти. Я, кажется, права, что на смену всем былым «измам» теперь пришел «шпаннизм», и мир живет по нему.

15. 3. 43. Наше «донкихотство», как его именуют наши добрые друзья, вызвало даже отклик в столь благородном учреждении, как СД. Дошло даже до них. Курт и Пауль приехали узнать, правда ли все это. Вид у них был настолько идиотски торжественный, что я не утерпела и начала хохотать. Колька бесится. Вся эта история ему страшно надоела, и он говорит, что в следующий раз он непременно украдет деньги, чтобы только не разыгрывать роли благородно-показательного идиота. Хвастает. Не украдет.

18. 3. 43. Ноги мои болят все больше и больше. Не знаю, долго ли я буду продолжать свою работу. А без испанского пайка нам смерть. Ни менять, ни продавать нам больше нечего совсем. Тоска. Надоело. А с переездом неизвестно, когда будет и будет ли. Доцкий нашел себе здесь невесту. Дочку доктора Попова. Такая же, как и он сам. Молодая интеллигентная женщина и ничем другим не занята, кроме сплетен. Как такой чисто мещанский провинциальный идеал сохранился в полнейшей неприкосновенности на нашей советской почве — непо-

нятно. Но факт. И он нашел себе именно то, о чем мечтал все годы изгнания. По Сеньке и шапка. А все-таки приятно, что и на нашей земле существует любовь и невесты, и браки.

7. 4. 43. Я-таки серьезно разболелась и пролежала в постели две недели. Капитан ни за что не хотел меня кем-нибудь заменить. Хотя, говорят, Доцкий ему это усиленно предлагал. Дурак. Ему надо было уговаривать капитана ни за что не брать никого на мое место и усиленно хвалить меня. Тоже, психологи. Но все же, странно. Я была уверена, что капитан постарается избавиться от меня, воспользовавшись таким удобным предлогом. Солдаты, которые приходили меня навещать, говорили, что капитан очень недоволен, что меня нет. «Нет порядка». Воображаю, какой он там завел порядок. Были у меня два испанских врача. Относятся очень мило, но мало что понимают. Пришел немец, моментально поставил диагноз и назначил лечение. Когда мы испанцам предложили в виде гонорара наши последние иконы, то один мило отказался, а другой начал орать в благородном негодовании. Успокоили только тем, что это, мол, не плата за визит, а подарок на память о таком замечательном и приятном знакомстве. Просил, но не взял. Немцу же предложили два плохих и совершенно антихудожественных бронзовых подсвечника, которые Коля по страсти к хламу подобрал буквально где-то на помойке. И я его все время ругала, что он захламливает квартиру. И немец их ухватил с восторгом и понес по улицам, даже ни во что не завернувши. А Колька теперь страшно нагличает и уверяет, что он это «предвидел». И ничего не предвидел, а просто и он, и немцы — барахольщики.

15. 4. 43. Весна в полном разгаре, а о нашем переселении никаких слухов. Я совсем настроилась на отъезд, и ничего меня не интересует, даже война с капитаном. Встретил он меня после болезни очаровательно. И мы пили вместе кофе в первый день моего прихода, и он был, как новый полтинник, и все повторял, что теперь он спокоен и начинается порядок. На другой же день у нас опять была с ним баталия, и он орал, чтобы я не думала, что меня некем заменить. Жалко стало вчерашних комплиментов.

Вчера, придя на работу, я услышала как Маноло заорал: «Синьора иль нессесита» пришла! Они меня так прозвали, потому что почти все мои фразы с капитаном или сержантом я начинала словами: «иль нессесито» — необходимо. Вчера у нас был очередной торжественный обход капитаном наших владений. То он просто шатается по всем помещениям, а то на него нападает торжественность, и тогда он устраивает нам следующий спектакль. Впереди идет сам капитан в полупарадной тужурке, за ним выступает весьма торжественно и важно старший сержант с шапкой капитана на руках, именно на руках, а не в руках. За ними идут остальные сержанты и дежурные солдаты.

Иногда кто-нибудь из них тоже на руках несет наш многоязычный словарь. И вот это шествие торжественно движется из помещения в помещение, работы приостанавливаются, мы все встаем с мест и навтыжку ждем, когда эта пышность проследует. Первое время меня просто разрывало от смеха, теперь я уже привыкла.

В мое отсутствие произошла масса событий. Солдаты прибегают ко мне и наперебой делятся со мной всеми новостями. И я очень тронута этим. Мигуэль поехал было в отпуск, но на вокзале в Гатчине напился и подрался с какими-то немцами. Его посадили на несколько суток, а потом вернули в часть и лишили отпуска. И он ходит мрачный и поклялся страшной клятвой Мадонны, что зарежет пять немцев. Шоферу Игнацио обрили голову за пропой двух бидонов бензина. Он ходит с обвязанной головой и отказывается ездить куда бы то ни было. И капитан каждый раз лупит его по физиономии. Торедор Маноло получил согласие на брак от своей барышни и теперь поет и свистит, как скворец, даже во сне. У сержанта Хуана родился сын. Портной Маноло уже скопил все, что нужно для автомобиля, и теперь ждет окончания своего срока, чтобы ехать домой. Пепе выдрессировал своего щенка становиться на задние лапки всякий раз, как проходит капитан, и тому это сначала понравилось, а теперь он это запретил. Пепе передрессировывает щенка. Снарядом убило одного солдата и ранило военнопленного украинца. Ребята забыли налить воды в кухонный котел, и он лопнул, и теперь вода греется для кухни в одном из наших прачечных котлов. И т.д., и т.д. Из-за котла у меня произошла ссора со всей командой. Они под предлогом необходимости в воде стали дневать и ночевать в прачечной. Я простояла целый день цербером в прачечной и гоняла их. Они на меня дулись один день. На другой день уже забыли, и мы опять друзья. Добродушные и милые. И я их очень полюбила. Притащили мне на память массу фотографий. И даже капитан имеется. Буду хранить. И только подумать, у нас знакомство с испанцами. Если бы кто-либо предсказал такую штуку в апреле [19]41 года, посмотрели бы как на сумасшедшего. После той закупоренности и оторванности от всего мира, наша теперешняя куца свобода кажется фантастической. И уже этой свободой в некоторой мере мы насытились. Не ругаем теперь большевиков каждую минуту, как раньше. Чувства-то наши остались к ним прежние, но уже привыкли к сознанию, что можно теперь ГОВОРИТЬ о том, о чем раньше боялись подумать, чтобы не проговориться и во сне.

19. 4. 43. Получили известие, что машина за нами приедет через неделю. Переезжаем мы не в Гатчину, а в Тосно. Это 20 километров от фронта. В глубокий тыл. Неужели же правда! Не верю. Но городской голова говорит, что и комендатура об этом извещена, что имеются готовые пропуска, и я должна бросать свою прачечную и собираться.

20. 4. 43. Прощалась с капитаном. Он был не в духе, и потому не было особой сердечности, какую можно было бы ожидать. А я так надеялась даже на некоторое количество слез. Но зато солдатишки все были очень милы и сердечны. Все провожали меня до черты города. Шум и рев стоял такой, что патрули прибежали узнать — не напали ли большевики. Не хватало только, чтобы они и в самом деле открыли стрельбу по нам. Почему-то они этого не сделали, хотя, конечно, слышали.

28. 4. 43. Все упаковано и сидим на узлах. Машины все нет и нет. Никаких известий о ней. Я грызу и Колину голову, и городского голову, и всех, кто только подвернется под руку, без различия пола, возраста и национальности. Если только судьба в лице отдельной немецкой пропаганды сыграет над нами такую штуку, что наше дело сорвется — уйду пешком куда-нибудь. Без документов и без вещей. Не могу перенести даже мысли, чтобы остаться еще в этой тюрьме.

К нам приходят прощаться многие незнакомые даже нам люди. И, конечно, все мои гадальные клиентки. К Коле приходят многие родители школьников. И все с нами очень милы и ласковы. А ведь мы им ничего никогда не сделали.

29. 4. 43. Три часа дня. МАШИНА ПРИЕХАЛА.

III

Тосно

6. 5. 43. Ехали мы два дня. Ночевать заезжали в один из русских рабочих лагерей, который находится всего в 25 километрах от Павловска, но мы никогда не слышали о нем. Расположен прямо в болоте. Очень чисто в бараках. Но ночью в комнатах тучи комаров. Все от них серое. Нас положили спать в пустой сапожной мастерской. Не спали всю ночь. Во-первых, от холода, во-вторых, от комаров. Люди выглядят, как привидения. Когда наша машина остановилась, то кто-то из проходящих лагерников очень злобно сказал: какие-то господа на нашу голову приехали. Стало очень горько. А тут еще бестактность нашего провожатого немца. Он немедленно прикомандировал ко мне «для услуг» девушку из лагеря. Но потом мы с ней подружились. Почти целую ночь проговорили, и она поняла, что мы не «господа». Перед отъездом из Павловска нам насовали всякой еды, и кто-то дал целую большую сумку сухарей. Управские чины. Я все эти сухари отдала моей «услужавшей». Как она радовалась. Она поверить не могла, что есть люди, которые могут раздавать сухари, да еще в таком количестве. Как я ее понимаю. Мы-то достигли вершин солдатского благополучия и будем получать солдатский немецкий паек. Они

живут хуже, чем мы в Павловске. Очень стало противно на душе, что вот мы вылезли из общего уровня. Конечно, у этой девушки теперь впечатление, что мы и невесть какие богачи.

Сопровождал нас некий лейтенант пропаганды. Необычайная симпатия. Ни слова не говорит и не понимает по-русски. И вот я видела, как этот «симпатия» смотрел на лагерников. Задушила бы его собственными руками. С нами он был как «со своими». А эти... так что-то, не люди. Я ничего Коле не сказала, но видела, что и его тоже коробит страшно. И мы делали друг перед другом вид, что ничего не замечаем. А что мы могли сделать. Вернуться обратно мы уже не можем. Вычеркнуты из списков Павловска. Да и наш «симпатия», конечно, немедленно превратился бы куда не в симпатию, если бы мы попробовали выкинуть такой номер. Сжали зубы и поехали дальше.

Здесь нам отвели квартиру, вернее, комнату у одной старушки с сыном. Эти нас встретили тоже не ахти как доброжелательно. Ну, потом стало понемногу утрясаться, как будто бы.

В пропаганде здесь работают настоящие русские люди. Военные. Советские все. Очень странно мне принимать у себя за столом партийцев. Всем им нравится бывать у нас. Всем надоело казарменное житье, и они ценят тот весьма относительный семейный уют, каким я их угощаю. Особенно ценится мой круглый стол и самовар. И вот я пою чаем своих злейших врагов. Так мы смотрели на всех партийцев в СССР. А среди них, оказывается, много порядочных людей, далеко не служащих опорой строю. Не работать на партию, состоя в ней, они, конечно, не могли. Ну, а уйти из партии — это лучше и легче кончить самоубийством при помощи пистолета. Один из теперешних наших новых друзей пробовал проделать этот эксперимент — ушел из партии во время коллективизации. Он ушел не сам, а сделал так, что «его ушли». Стал пить, перестал платить членские взносы. За бытовое разложение вылетел. Вначале он был очень рад. А потом началось. Он был редактором районной газеты. После того как его «ушли» из партии, — конечно, сейчас же вылетел из газетки. Попробовал искать себе какой-нибудь работы — никуда не принимают. А у него семья в шесть человек. Побился, побился и начал опять проситься в партию. Каялся и все такое. Добился восстановления. Он теперь прямо говорить не может об этом без дрожи. И никто так не ненавидит эту самую партию, как такие вот партийцы. Потом война. Попал в окружение, а потом в плен. Был в чине капитана. Теперь в пропаганде. Говорит, как немцы ни подлы, ни глупы, это не может идти ни в какое сравнение «по свободе духа» с тем, что делается в партии большевиков. Нам теперь очень странно все это слышать и наблюдать. А почти все пропагандисты, которые тут работают, — бывшие партийцы. И их никак невозможно заподозрить в неискренности. Вообще мы здесь узнали

за неделю партийцев больше, чем за всю жизнь там. Все они народ малокультурный, но очень интересный.

Немцам-то особо культурные и не нужны, потому что сами они показывают все больше и больше свое несусветное дикарство. И наши партийцы, и немецкие, ну совершенно одинаковы по узости кругозора и общей безграмотности. Только немцы упитаннее и воротнички чище. А по духовным запросам, по жажде знаний, культуры и по стремлению к усвоению нематериалистической идеологии наши дадут, конечно, немцам сто очков вперед.

Перемена нашего жития разительная. Сразу от недоедания, почти полного голода даже, нищеты, полного бесправия — к относительно высокому благополучию немецкого солдатского пайка, папиросам, правовому положению немецкого служащего.

Коля уже получил вместо своих лохмотьев новый костюм. Костюм для бедного рабочего. Но после того, в чем он ходил до сих пор, — люксус. Его настроения пока что радужные. Все его сотрудники одного с ним мнения, что с немцами, т.е. вопреки немцам, можно кое-что сделать. Вчера он уже публично выступал на тему «Смутное время». Доклад был прекрасный. И говорил он все то, что хотел, без оглядки на кого бы то ни было. Для контроля сидело два немецких чучела из пропаганды. Но переводчиком был свой — Даня. И перевод был соответственный. Даня относится к категории тех переводчиков, которые переводят все так, как надо. В смысле стрельбы и бомбежек наша квартира в самом скверном районе. Точно с трех сторон окружено фронтом. С четвертой — только узенький перешеек, свободный от линии боев. Наш домик, вернее, большая деревянная изба, находится в треугольнике: железнодорожный мост, стратегическое шоссе и вокзал. Откуда бы большевики ни стреляли, всегда наш район под обстрелом. Вчера на нашем огороде упало четыре бомбы. Бомбы маленькие, но для нашего «палаццо» вполне достаточно. Как оно еще не развалилось — непонятно. Скрипит и трясется при всех артиллерийских и прочих неприятностях, как старый корабль. Но держится. Только дыры в стенах все больше и шире. Расходятся по швам.

Вчера мне была представлена вся публика из пропаганды. Два поэта и четыре прозаика. Очень интересная публика. Один особенно интересен. Кубанский казак, плохограмотный. Пишет свои воспоминания о дореволюционной и послереволюционной станице. А так как после революции он пережил все удовольствия: и тюрьму, и высылку, и немецкий плен, и чудесное спасение во время расстрела, то воспоминания очень интересны. Но и помимо материала он очень талантлив и иногда прямо удивляешься, как это человек, который совершенно не знает грамматики, ухитряется писать таким ярким

и сочным языком. Это будет совершенно замечательная книга, если ему попадется знающий технический редактор. Необходимо такого, чтобы не умничал, а исправлял бы только грамматические ошибки и ни в коем случае не «причесывал» бы стилия.

Один из поэтов — очень тонкий, вполне интеллигентный мальчик, студент. Обладает невероятными способностями к языкам. Пишет, и хорошо, новеллы. Третий — уральский казак. Написал роман. Этот гораздо ниже кубанца. Но грамотен. И материал интересный. Один из них, молодой, комсомолец, пишет роман из великосветской жизни. Совершенная чепуха. И так как он великосветскую жизнь представляет себе вроде жизни секретарей парткомов, то получается такая великосветская клюква, что без смеха слышать невозможно. А талант есть. И никак его не убедишь, чтобы он писал о том, что знает. О своем комсомоле, например. Осточертел ему комсомол, и он во что бы то ни стало решил написать «великосветскую хронику», да еще из придворной жизни.

11. 5. 43. Работа пропагандистов здесь выражается в том, что они пишут роман для себя и статьи для каких-то никому неведомых газет. Ни то, ни другое не печатается. Иногда их куда-нибудь возят или с докладом, или с кино.

Моя жизнь проходит весьма однообразно. Кое-что пописываю. Жду Колю к обеду, который он приносит с собой в котелочке. Всегда почти в обеденное время происходят бомбежки. Но бомбы маленькие и особого вреда не причиняют. Хуже ночами, когда прилетает какой-нибудь негодяй, повесит «люстру»⁶⁸ над мостом, который в 100 метрах от нас, и мы ждем, что будет: бомбежка или артиллерия.

Здесь уже настоящий тыл. Посевы на полях, огороды, коровы, куры, свиньи, козы. Можно купить все, даже одежду. Здесь я даже начинаю заниматься туалетами — перешила себе из старого платья юбку. Портниха, некая Валя, жена железнодорожника. Очень милая и простая женщина. Необычайно и всегда веселая. У нее сынишка семи лет, прелестный и умненький мальчик. Она бегаёт ко мне гадать. Но это я делаю здесь по секрету.

12. 5. 43. Колю возили опять куда-то читать доклад. Говорят, что прошло очень удачно. Еще бы. Если он и при большевиках ухитрился читать интересно, то теперь-то и подавно.

Мой салон «круглого стола» процветает. Начинающие авторы все приносят мне свои произведения на отзыв и поправку. Довольно много с ними вожусь, и это все-таки работа. Вот только женского общества здесь для меня нет совсем. Или молоденькие девочки, или совершенно неинтеллигентные. Других еще не знаю. И понятно. Большинство живет потребительскими интересами. А еще нас,

вероятно, и боятся как немецких наемников. Все больше и больше доходит слухов об армии Власова. Но толком все-таки ничего не знаем. Поговаривают, что это очередной трюк и что военные власти сами ничего об этом не знают.

15. 5. 43. Обстрелы по ночам не дают спать. Наш район становится все опаснее и опаснее. И когда же все это кончится. Вчера очень недалеко от нас упало 12 бомб. Убило только 9-летнего мальчика. Но дома распозлзлись. Буквально разошлись по швам. Дыры, как в клетке.

20. 5. 43. Здесь есть доктор-поэт Митя. Прекрасные стихи пишет. Но какой-то он странный. И жена у него, зубная врачиха, молоденькая и милая. Митя привел к нам знакомиться двух немцев, один — зубной врач. Говорит немного по-русски, очень симпатичный. А второй — солдат, Фриц. Лечит гомеопатией. Диагнозы ставит, глядя лупой в зрачок. Митя говорит, что диагност он замечательный, хотя не умеет назвать ни одной болезни. Митя таскает его за собой по всем своим больным и говорит, что не было еще ни разу, чтобы он ошибся. Он совершенно точно говорит, что у больного болело и болит и назначает гомеопатическое лечение совершенно правильно. Наши СД-друзья передавали нам поклоны и обещание навестить. Не навелят — не померем.

Доктор предлагает нам переехать к ним в комнату, потому что обстрелы уж совсем не дают покоя. Жена его была в знаменитом Лужском окружении и вынесла такое, что и передать невозможно, пока не попала в плен. А еще тут хнычем. И как только люди могут еще не только жить, но и смеяться после всего пережитого. Думаю, что нам придется все же к ним переехать.

25. 5. 43. Получили письмоцо от М.Ф. Очень просит вытащить ее к нам. Вероятно, дошли слухи о нашем невероятном (неожиданном) благополучии, и что мы теперь в больших перьях. Попробуем, может быть, что и выйдем.

Даня рассказывал, как он с приятелем в командировках разжигает злость у немецких солдат против СС. Они иногда носят форму СС. А может быть, и всегда. Но здесь ходят в обычном солдатском. Без всяких отличий. Они страшно хамят в поездах. Требуют себе лучших мест, демонстративно достают свою провизию и на глазах у немцев лопают то, о чем рядовые немцы и думать-то забыли. Даня говорит по-немецки как немец, так что его принимают всегда за такового. Говорят, что вслух обычно не говорится, но взгляды и лица весьма выразительные. Что ж, и это работа.

30. 5. 43. Пока мы собирались к доктору и решали, как и когда — вчера была такая стрельба, что нам пришлось прятаться целый день и целую ночь на огороде между грядками. А сегодня пришла моя пор-

тниха Валя и перетащила нас к себе. Конечно, только с парой узлов. Их дом на окраине, и в этом районе никакой стрельбы и бомбежки никогда не бывает. Ухаживают здесь за мной, как за принцессой, из-за нашего пайка. В этом же доме стоит около десятка солдат. Все уже пожилые. Очень простые и симпатичные люди. Чрезвычайно сочувствуют моему страху перед стрельбой и бомбежками. Рассказывают, что их родные в Германии переживают, особенно городское население, гораздо больше страхов, чем они сейчас. А вчера один пожилой немец, между прочим, сказал: «Евреи тоже люди, жили, как все остальные. Зачем надо было их так мучить?». И не очень испугался того, что сказал.

5. 6. 43. Приезжали Пауль и Курт. Уговаривают Колло согласиться на переезд в Гатчину. Как будто мы можем соглашаться или не соглашаться. А пока рекомендовали переехать к доктору. И даже намекнули, что здесь на окраине нам небезопасно из-за партизан. О них, правда, слухи все усиливаются. И мосты таки заваливаются. Вот тебе и непобедимые тевтоны. И в городе происходят разные странные вещи: по ночам какие-то люди кричат по улицам, что немцам «капут», и патрули никак не могут их поймать.

6. 6. 43. Сегодня с 11 утра до 7 вечера весь город лежал на земле, как кого застало. На улицах, в домах, в погребках. Нельзя было ни подняться, ни выйти. Бомба попала в поезд со снарядами, и они начали рваться вагон за вагоном. Это будет почище артиллерийской стрельбы. Снаряды летят во всех направлениях, и невозможно угадать, где безопаснее. Разрушений этот фортель причинил городу больше, чем все военные действия до сих пор. Хорошо еще, что большинство летело вверх. Русский машинист под этим огнем вывел другой поезд со снарядами и цистернами бензина. Жертв очень много.

17. 6. 43. Вчера переехала к доктору по усиленному настоянию наших друзей из СД. Начинаем подозревать, что они заботятся не о нашей безопасности, а о чем-то другом. Но никак не можем взять в толк, что это такое. Мы, по нашему обыкновению, все тянули с переездом, и вот они прислали сказать, что завтра приедут машины и нас заберут. Брать-то нечего, так как с нами только чемодан. Приехали они сами на легковой машине, а грузовик послали на старую квартиру, чтобы забрать и мебель. Так что дело поставлено солидно. Валя моя в отчаянии, потому что лишается пайка. Живем здесь все в одной комнате: он, его жена и мы. Не совсем-то удобно. Здесь-то я уж совсем ничего не делаю, и питаемся так, как никогда, вероятно, не питались за эти годы. Доктор дает продукты хозяйке, а он многое получает от своих клиентов, мы отдаем ему свой паек и папиросы. Хозяйка же готовит прекрасно: и сытно, и вкусно. Но здесь мы не можем принимать

наших прежних гостей. И это скучно. Может быть, наши СД-друзья потому и настаивали на нашем переезде к доктору, чтобы прекратить эти наши заседания. А может быть, в нас говорит наша советская подозрительность.

19. 6. 43. Бомбили вокзал. Мы сидели в погребке с немецкими солдатами, которые живут у нас во дворе. Все время балагурили, и не было никак страшно, хотя одна бомбочка упала рядом.

20. 6. 43. Наш доктор клинически ненормален. И наша жизнь принимает все более чудовищный характер. Пунктик у него — ревность к жене. Но это уже настоящая мания. Подозреваю также, что он и наркоман. Вот влипли.

25. 6. 43. Друзья из СД бывают у нас довольно часто. Вчера, воспользовавшись тем, что никого кроме меня и их не было, я сильно на них налетела за квартиру «с удобствами». На их возражения, что они об этом не подозревали, я спросила у них, какая же они разведка, если не знают таких вопиющих вещей. А вещи открылись действительно вопиющие. Они нас утешают, что мы скоро переедем в Гатчину. Я просила их только квартиру нам дать безо всяких друзей. Обещали.

Павловск и Пушкин эвакуируются. Немцы вывозят все население до одного человека. Хотят ли этого или не хотят. Хотя вывозить-то теперь уже мало кого осталось. Разрушают железнодорожные пути. Снимают не только рельсы, но ровняют даже насыпь. Совершенно ясно, что война ими проиграна. Ходят неясные слухи, что они изобрели какое-то ужасное оружие, и, как только оно будет изготовлено в достаточном количестве, немцы будут непобедимы. Чепуха, вероятно, пропагандистская. Немцы подлецы и дураки. Но и демократия не умнее. Кому они помогают? И неужели же они и после войны не поумнеют.

1. 7. 43. Сегодня у нас прямо замечательное настроение. Совершенно случайно и неожиданно узнали, что наши друзья из СД — и Курт, и Пауль — в самом деле настоящие друзья. Они оба, как следователи, спасли от виселицы и расстрела больше полусотни русских. Называли нам цифру в 64 человека. Не все на свете так уж подло, как могло бы казаться. Слава тебе, Господи.

7. 7. 43. Доктор становится уже совершенно невыносим. Но черт с ним. Сегодня были Курт и Пауль, и был у меня и у Коли с ними многозначительный разговор. Коля спросил у Курта, что немцы делают со всем эвакуированным народом. Курт ответил, что они нам не могут сказать. Понимайте, мол, сами. Потом они попросили меня погадать. Курт сказал, что он переходит из СД в авиацию. Я сказала, что он не имеет права этого делать. Он страшно удивился: «Почему? — С нашей, русской, точки зрения вы, как следователь, один такой, а плохих

авиаторов в немецкой армии достаточно». Они страшно перепугались и стали добиваться, откуда у нас такие сведения. Я сказала, что русский народ разносит молву не только о таких следователях, как Корнст и Райхель. Тогда они очень серьезно и с тревогой просили никогда и никому этого не рассказывать. А им пора, мол, «переманить» службу. «Что, корабль тонет?» — спросила я. Курт рассмеялся и поставил точку над «и»: «а крысы спасаются». А о Райхеле у вас неправильное представление, сказали они на прощание. Но об этом тоже никак нельзя говорить.

12. 7. 43. Идут бои на Мге. Небо по ночам апокалиптическое. «Люстры», трассирующие пули и снаряды. Бомбы. Земля дрожит и гудит, как при землетрясении. Страшно смотреть и невозможно оторваться. Сегодня к нам приходила наша первая хозяйка, старушка, спрашивать — прятаться ли ей от эвакуации. Ну а что ей скажешь? У нее на той стороне дочь и сын. И она, конечно, не может поверить, что ей может что-то грозить от «своих». А в то же время, инстинкт ей правильно подсказывает, что если ей ничего не будет, то ее сыну, который сейчас с ней, будет беда. Хотя он работает, как раб, у немцев. Но и у немцев ей меда не ждать. Что можем мы ей сказать? Особенно поле слов Курта.

22. 7. 43. Коля ездил в Гатчину. Виделся там с «Крошкой». Тот спросил у него, очень ли я на него, «Крошку», сердита: «Я иначе никак не мог поступить. И потом вы все поймете и будете меня благодарить». Что за таинственность, подумаешь. И он еще помнит о том, что нас не пустил в «фольксдойчи». Я уже забыла. И благодарю его сейчас. Что-то было бы в эвакуации, а сейчас у нас передышка от голода и лишений. Что будет дальше — неизвестно. Если большевики перережут перемычку Тосненского полуострова, то нам придется срочно надевать себе самим петли на шею. У нас все время острое ощущение ловушки. А когда будет Гатчина и будет ли — неизвестно. В пропаганде ребята даже перестали уже делать вид, что пишут статьи. Курт и Пауль уверяют, что они сами приедут за нами, если это будет нужно. Но ведь они тоже военные и не располагают собой. Но что Бог даст.

27. 7. 43. Часть отдела пропаганды уезжает в Двинск. Начальник отдела требует, чтобы и Коля тоже ехал с ними. Но «симпатяга» смотался в Гатчину и привез оттуда предписание оставаться. Коля на месте. Что лучше и что хуже — неизвестно. Ужасно только одно — большевики приближаются. Если мы лично и спасаемся, все равно вся жизнь отравлена сознанием их победы. Доктор и тот стал нормальным со страха. И мы теперь спим спокойно.

17. 8. 43. Приезжали из Двинска двое наших. Уже совершенно определенные слухи привезли о Власове. Что-то есть и настоящее. Обещали приложить все усилия, если им удастся туда попасть, перетянуть и нас. Неужели же удастся!

30. 9. 43. Пауль приезжал прощаться. Едет в Германию. То ли в отпуск, то ли еще как, не понять. Курт остается здесь. Говорят, что наш переезд в Гатчину — дело недели. Никак не больше двух. Какое-то странное впечатление у нас с Колей. Наш отдел пропаганды весьма похож на отдел спасения русских людей от большевиков. Никто ничего не делает. Только возят нас всех с места на место и все.

1. 10. 43. Приезжал какой-то тип из Гатчины и привез нам назначение. Машина придет 4-го. Говорил с Колей о книжке, какую он пишет. Называется «Новая Европа». Какие все же фашисты дураки. Ну, какая тут новая или старая Европа, когда у всех уж нет ни малейшего сомнения в конце. А он с самым серьезным видом говорил Коле, что он должен будет написать главу в эту книгу. Конечно, он, Дитрих, выдаст эту главу за свою. Коля даже и не обозлился, и не впал в меланхолию. До того все это теперь звучит нелепо. Писать он, конечно, ничего не намерен.

Гатчина

5. 10. 43. Переехали. Дали нам комнату в огромном каменном доме — бывшие царские казармы. Здесь совершенно новая манера обстрела. Бьют тяжелой артиллерией из Кронштадта. Залпы — сразу снарядов 10–15. Обстрел по часам, ночью. А днем бомбежка. Один раз, без нас еще, бомбили фугасными бомбами. Воронки такие, что двухэтажный дом влезет. В общем, удовольствий много. В нашем же доме живет народ из Царского. Напротив нас живет доктор Х и его сын. О нем идут слухи, что он комсомолец и продолжает держать связь с красными.

14. 10. 43. Еще один наш юбилей. Сколько-то их нам еще осталось. Может, последний. Все больше и больше утомляет жизнь. Нет настоящего дела. Здесь опять ничегонеделание.

17. 10. 43. Была сегодня в кино. В первый раз со времени войны. Видели чудесный фильм «Шведский соловей»⁶⁹. Я получила истинное наслаждение от того, что это ничего общего не имеет с настоящим. Но было кое-что и ядовитое. В кинохронике показывали сбор урожая на Украине и как теперь, при немцах, зажиточно живут русские крестьяне. И вдруг промелькнул на одну секунду немецкий солдат с записной книжкой, ведущий учет выхода зерна из-под молотилки. И идиллия сейчас же кончилась. Пахнуло милым и старым загот-

зерном и прочими советскими удовольствиями. Ну, какие же все-таки дураки. Не могли убрать немца. А немец жирный и важный. Точь-в-точь какой-нибудь старый приказчик.

25. 10. 43. Коля принес из Павловского дворца⁷⁰, где находится их пропаганда, сообщение, что мы должны паковатьсь и ждать поезда для нас. Едем в Ригу. Вот когда только сбывается мое предчувствие. Все время, сидя в щели, я все говорила нашим: «Мы будем жить в Риге». А они сначала надо мной смеялись, а потом начали ругать. Еще когда мы сидели в щели, то многие говорили, что война кончится через месяц, а я сказала, что мне кажется, что это на годы.

1. 11. 43. Сидим на узлах и ждем своей очереди. С нами едут только учреждения. Никаких «вольных» не берут. Вчера у Коли была забавная встреча с испанцами. Он шел по улице, а их гнали по дороге человек 80 строем. И вдруг они все подняли вопль: «Папа!» И все бросились его обнимать и целовать. Оказалось, мои интенданты. Их перегнали в Гатчину для отправки. Коля говорит, еле отбилсь. Мне приятно. Жалко, что я их не видела.

6. 11. 43. Завтра выезжаем.

Рига

16. 11. 43. Мы в Риге. В настоящей загранице. Привезли нас сначала на какую-то пустую дачу, и мы все устроились на полу. Теперь мы имеем маленькую комнатку в соседней даче. Латыш, хозяин дачи, начал кричать на нас, что он нас не хочет. Мы сказали, что у нас нет намерения лезть к ним нахально и что мы не переселимся к ним. Но мы не имеем возможности выбирать для себя помещения, и пусть уж они устраиваются с немцами, как хотят. Через два дня они пришли сами просить нас переехать к ним. Во дворе дачи живет латыш — полукрестьянин, полурыбак. Он, а особенно его жена, очень милые.

Здесь я и Коля имеем настоящую работу в настоящей газете. Газета «За Родину»⁷¹. Пережила два этапа развития. Первый, когда в ней властвовал Игорь Свободин. Псевдоним немца, ни слова не знавшего по-русски⁷². Газета была просто нацистским листком и наполнялась бредом Свободина. Она совершенно не читалась, и даже немцам, наконец, стало ясно, что вести газету по-прежнему нельзя. Игоря Свободина убрали. Появился новый штат сотрудников, русских. Газета добилась относительной независимости и скоро приобрела влияние среди русского населения. Газета выходит ежедневно. Тираж 80 000 экземпляров. Номер стоит 5 пфеннигов. Но в некоторых областях, как Минск, Витебск она продается из-под полы по

5 марок номер. Расходы, включая и гонорары сотрудников, составляют 2–2,5 тыс[ячи] марок. Остальное забирают немцы. Приятно сознавать, что газета не только не издается на деньги немцев, но еще и платит им. Т.е. немцы грабят нас, нищих. Но этим оплачивается наша независимость. Редактор Стенросс⁷³. Из Советского Союза. Он не профессионал-журналист, но журналистская и редакторская хватка у него есть. Сотрудники люди разные. Основное разделение — люди с убеждениями и циники. Фашистов презирают и те, и другие. Среди циников есть бескорыстные подхалимы, старающиеся все угодить немцам. Но большинство сотрудников — люди независимые. Немецкая ферула чувствуется слабо. Но не все можно писать, что хочется. Нельзя, например, ничего писать о Власовской армии, которая все больше и больше начинает обозначаться на нашем мрачном горизонте. Нельзя писать о национальной России. Но можно не писать того, чего писать не хочешь. Немцы не заставляют кривить душой, если не считать кривизной умалчивание. Немцы виноваты в наших умолчаниях, но не в наших высказываниях.

12. 11. 43. К нам приезжал переводчик К., который был в свое время в Царском Селе. Приглашал нас переселиться к ним. Но я и мой оборванный вид не приглянулись его жене, и переселение не состоялось. Да и не подходит нам эта компания, а мы — ей. У них бывает, например, картежная игра до утра. Ну что там делать!

1. 12. 43. Была в редакции и познакомилась со Стенроссом. Мои статьи все печатаются. И я очень довольна, что, наконец, имею возможность отвести душу. Не совсем, конечно. Но все же нас не принуждают говорить то, чего мы не хотим. Мы не можем сказать всего, что мы хотим. Так, например, в статьях Лютова нет ни малейшего намека на антисемитизм или на преклонение перед немцами и Германией. Это не подвиг воздержания. Молчать никому не возбраняется. И если кто-либо из сотрудников позволяет себе антисемитские выпады (что случается очень редко), то не немцы в этом виноваты; если кто-либо низко кланяется перед немцами (тоже нечасто), это дело его совести. Конечно, немцам нужно говорить на страницах газеты свое. Это тебе не большевики. Газета является боевым антибольшевистским органом. Немало места также посвящает вопросам русской культуры. В общем газета настоящая, и редактор настоящий, и работа настоящая. Наконец-то мы до нее добрались. Спасибо нашим друзьям из СД.

18. 12. 43. Сегодня получили страшное известие о гатчинцах. Мальчик, сын врача, о котором говорили, что он комсомолец, оказался членом какой-то национальной русской организации. Она шла

против немцев и против большевиков. Его немцы расстреляли перед уходом. По доносу. А батюшку гатчинского от[ца] Федора повесили большевики.

Получили известия, почему «Крошка» нас не выпустил из Царского как фольксдойчей. Они жили в лагерях хуже, чем военнопленные. Вымерло больше 80%.

20. 12. 43. Завтра еду в больницу. Мое здоровье совсем расхлябалось. Вешу 36 килограммов.

26. 3. 44. Вчера выписалась из больницы. Дневника там не писала, но статьи и даже стихи писала. Зато много очень передумала. Наша дорога правильная, и если бы пришлось еще раз начинать сначала, проделали бы то же самое и в том же порядке.

Коля, бедняжка, ходил ко мне каждый день. Это только нужно себе представить. Вечер. Затемнение. Трамваи ходят плохо. Живем за городом в трех километрах от автобуса и трамвая. Голое поле. Печка в нашей комнате дымит невыносимо. Придет домой и топить не хочется — все равно никакого тепла, а только дым и угар. Голодный. Готовить надо в общей кухне, а там советские хозяйки поразвели жактовский⁷⁴ уют и советские нравы. И вот ходил. Не пропустил ни одного дня. В больнице врачи — латыши. Старого поколения. Русской культуры. Все говорят по-русски великолепно. Зато молодежь не знает русского языка и совсем не хочет знать. Немцев ненавидят, но и русских теперь не меньше. После освобождения [19]39-го года. А старшее поколение ждет избавления от немцев. И никакими силами нельзя заставить их поверить, что они живут сейчас как в раю, по сравнению с тем, что им принесут большевики. Что бы немцы ни делали с народами, как бы они ни были подлы, им далеко до большевиков. Никогда они не сумеют так зажать все духовные истоки народов, как эти. И мы будем с немцами до конца. Потом, если удастся, постараемся прочистить мозги союзникам. Не может быть, что весь мир населен кретинами и идиотами.

4. 4. 44. Опять волнующие слухи о генерале Власове. Армия-таки в самом деле организовывается. Сегодня познакомилась с пропагандистами из этой армии. Вот откуда веет свежим духом и свежим ветром. И мы примем все усилия, чтобы попасть в эту армию. Но это не так-то просто делается. Ничего, как-нибудь пробьемся. Было бы только для чего жить и стараться.

18. 4. 44. Пасха. Первая Пасха на полной воле. В смысле съедобного оформления она была более чем скромной. Но какая приятная. Какая радостная. Был у нас сотрудник не редакции, а конторы, Кирилл Александрович. Совсем молодой человек. Старый эмигрант. Россию помнит только смутно. Но как он ее любит. Он принес мне яйцо, рас-

писанное им самим. Чудное. Пробыл у нас целый день. Какая прекрасная молодежь здесь. Он скаут-мастер. И обещал нас познакомить со своими товарищами по скаутизму.

27. 4. 44. Наконец мы переехали в саму Ригу. И немедленно же зажили другой и полной жизнью. Масса знакомых. Живем в том самом гетто, из которого только недавно вывезли евреев⁷⁵. И это несколько омрачает наше существование. Квартира, несомненно, еврейская. На притолках имеются списки Торы⁷⁶. Мебель мы бы должны были также получить еврейскую, но Коля, который сам ходил на склад, вышел из положения тем, что взял всю мебель из госпиталя. Кровати, столы, шкафы. Так что наша квартира носит несколько странный характер. Но зато чистая и вся белая. Квартира из трех комнат и кухни. Кухонька маленькая и очень уютная. Вот только очень плохо с одеждой. Ходим такими оборванцами, что даже в нашем форштадте привлекаем к себе внимание. Но нам предлагают одежду после евреев, и мы никак не можем себя преодолеть и пойти за ней⁷⁷. Ждем все ордеров на новое. Едва ли дождемся. Все окружающие ругают нас за наше «чистоплюйство». Но невозможно себе представить носить то, на чем есть еще, может быть, следы крови.

5. 5. 44. Познакомились с бездной замечательных людей. Особенно хороша староэмигрантская молодежь: Кирилл Александрович познакомил меня со стайкой девушек. Ну до чего же милы. И до чего по-настоящему русские. Как нам становится жалко нашу несчастную советскую молодежь. И она могла бы быть такой же светлой и нести те же самые идеалы, что и эта. Девочки рассказывали нам о пережитом ими разочаровании в советских во время «освобождения» Латвии. Они встречали всех русских, как своих дорогих и любимых, а в ответ получали грубость и недоверие. Одна рассказывала, как она с подругой протягивала букет цветов танкисту, и тот им грубо сказал: мы пришли сюда не за вашими цветами. Они обе плакали из-за его грубости. И так было на каждом шагу. Они недоумевают и до сих пор. Некоторые, например, никак не хотят поверить ничему дурному о Советской России и на наш рассказ говорят, что все это «пропаганда». Не дай Бог им на деле узнать эту «пропаганду».

18. 5. 44. Около нас сплотилась группа очень стойкой молодежи. Особенно хороши две девушки и два паренька. Руководит ими, по-видимому, Кирилл Александрович, но он очень скромный. Какую работу они ведут, так просто диву даешься. Хорошо, что мы, наконец, переехали в город. Сейчас же и люди нашлись. Я не живу, а витаю в облаках. Еще никогда не жила такой полной и такой насыщенной жизнью.

20. 5. 44. В редакции появилась новая сотрудница⁷⁸. То ли на правах секретаря редакции, то ли еще на каких-то. Очень молодая, умница, сухая и... настроенная явно пронацистски. Она пишет очень умные передовицы, но в них часто стали мелькать пронемецкие настроения, что возмущает наиболее идейную часть сотрудников. Влияние она имеет очень большое, поэтому я перестала печататься. Т.е. меня перестали печатать. Она живет в нашем же доме и приходит к нам часто по вечерам для разговоров. Так как я не скрываю своих власовских симпатий и демократизма, то результаты соответственные. Манера выражаться у нее такая: немцы столько пролили за нас крови, а мы им в спину нож готовим. ЗА НАС! Возражать ей приходится очень осторожно. Кто ее знает. Видели в Советском Союзе достаточно таких «друзей дома». Приходят для хороших разговоров, а потом в ГПУ пожалуйте. С гестапо мне тоже не хочется знакомиться. А она очень фанатичная особа.

15. 6. 44. Масса событий. Во-первых, мы были приглашены в русский клубик для молодежи, устроенный все тем же Кириллом, девочками и еще одним замечательным пареньком — Славой П. И откуда только они такие берутся. Оказывается, все это русские скауты или Российские разведчики, как они себя именуют. Их работа далеко переросла чисто скаутскую и стала национально-политической, хотя они этого не хотят и не подозревают.

Во-вторых, Колю возили читать доклад в школу, которая готовит пропагандисток для власовской армии. Руководит ею какая-то голландка⁷⁹. И делает чудеса. Коля приехал в восторге. Понемногу эта загадочная власовская армия начинает принимать более конкретные формы: Колю приглашал для переговоров о чтении лекций в школе пропагандистов некий полковник П., ведающий набором кадров в власовскую армию. В так называемые сторожевые батальоны.

В-пятых,* Коля познакомился со стариком Аскольдовым⁸⁰ и в восторге от этого знакомства. В-шестых, я познакомилась с одним офицером-пропагандистом. Я о нем очень много слышала. Методы, которые он применяет при работе, как раз те самые, о которых мы много говорили с Колей и которые считали только нашим изобретением. Оказывается, и у других людей работа мысли шла в том же направлении. Совершенно непередаваемое ощущение, что ты не кустарь-одиночка и что где-то есть еще другие такие же, как и мы. Чудно. В-седьмых или в-десятых уже, в газете были опять попытки немцев заставить нас говорить о том, что русская культура многим

---

* Так в тексте.

обязана немцам. Ничего из их попытки не вышло. Мы весьма высокого мнения о немецкой культуре и когда будем обладать действительно свободной печатью, не преминем принести этой культуре дань уважения и «решпекта». Теперь нет: несвоевременно. И немцы отступились. Такой же, а может быть, и еще больший отпор получили они, когда пытались начать в газете разглагольствования о том, как русские угнетали подвластные им народы. Газета до сих пор остается русской. Что будет дальше — неизвестно.

Теперь о самом главном. К нам приходили знакомиться члены Национально-трудового союза (НТС)⁸¹. От них мы узнали, что Трушнович с самого своего приезда за границу работает в нем. Организация чрезвычайно интересная. Идеология их еще очень слабо разработана. Много детского. Но самые основы — это то самое, о чем мы все думали все эти годы. Читаешь их программу и встречаешь не только свои мысли, но даже и те самые выражения, какими ты эту мысль формулировал. Есть настоящее русское дело еще на свете. Они очень активны. Они добились у немцев разрешения для многих из своих членов поехать в Советский Союз и ехали рабочими, переводчиками, директорами «фирм» и пр. У них это называется «поехать на Восток». Ехали из Франции, Сербии, из Германии и вели там свою работу. Сейчас вся их головка сидит в берлинской тюрьме, а они как ни в чем не бывало продолжают работу. Клубик молодежи тоже, оказывается, дело их рук. И Слава П., и Кирилл А. — члены союза. Во власовской армии они тоже на первых ролях. Недавно в Риге студентам русской корпорации при университете один пропагандист, М.З., читал доклад о власовской армии. Он из школы пропагандистов, какую немцы устроили в одном из лагерей (Дабендорф)⁸². НТС там проводит совершенно нагло свою работу. Буквально у немцев под носом. Есть даже слухи, что и Власов — член этой организации. Если же не член, то очень хорошо осведомлен о ней и ее деятельности. Ни одна организация за границей не проявляет сейчас такой активности.

Расстрелянный в Гатчине сын врача Х — тоже был членом НТС. А мы-то сидели там и никак не подозревали, что такое существует рядом с нами. Мы с Колей только и думаем о том, как бы попасть в армию Власова. Наконец-то начинается что-то настоящее. Побьем большевиков — с союзниками договоримся. Совершенно ясно, что мы выдержали голод и все прочее только потому, что мы нужны в нашем русском хозяйстве.

17. 6. 44. Одну мою статью редакция, вернее, эта барышня, забраковала. И дали мне почувствовать, что я могу больше вообще не беспокоиться писать. Я послала статью в ревельскую газету⁸³. Там ее

напечатали, а «Пресс Шпигель», к моему ужасу, перепечатал. Надо сказать, что это была одна из моих самых удачных антибольшевистских статей. То, что ее там перепечатали, мне не совсем понравилось, но пикантно то, что редактор мне сказал, что немцы недовольны моими статьями, вроде как за их невыдержанность. Так как эту барышню вся лучшая часть редакции терпеть не могла, то мне с особенным удовольствием рассказывали, как редактор крутился, когда немецкое начальство возмущенно спрашивало, почему наши сотрудники лучшие статьи отдают в другие газеты. Если это правда — приятно. В порядке охоты за Николаем к нам приходил некий молодой человек. Под статью нашей барышне из редакции. Нацист и жидоед. Зовет себя Иваном Ивановичем Ивановым. Приходил уговаривать Николая на какие-то дела. Показывал программу своей партии. Нацистская чепуха.

20. 6. 44. Появилась на горизонте М.Ф. Ее вывезли из Царского Села на мызу к латышскому крестьянину. Здесь же где-то и наш павловский городской голова, и много еще других. Все это уже совершенно не интересно. Меня интересует теперь только власовская армия.

22. 6. 44. Один из НТС, Ж-н, прибрал к рукам некую немецкую организацию по вывозу в Германию русских людей. Некое Динстштелле Бобе. Благодаря ему набирают только тех, кто нужен НТС, а никак уж не немцам. Берут и некоторое количество ненужных, но богатых. С них дерут за проезд дорого, и эти деньги дают Динстштелле, и на них вывозят остальную нищую братию. В эту братию попадаем и мы. М.Ф. тоже едет с нами. Просим пристроить в качестве юриста, на которых сейчас главный спрос, и павловского городского голову. И это выходит. Зачем немцам сейчас понадобились русские юристы — понять невозможно, но это так. И мы тоже едем как юристы. Нам обещают работу во власовской армии и принимают в Союз. Наконец-то работа без куртов, паулей, фрицев и всех прочих симпатичных благодетелей.

Большевики все приближаются. Наши мальчики и девочки разработали подробнейший план переброски нас в Швецию на лодке или на плоту. Лодку предполагалось украсть у латышских рыбаков. И уже были намечены две для этой цели. Если бы не Бобе, то этот план был бы приведен в исполнение. Очень жалко расставаться со всеми ними. Они здесь остаются. Помогите им, Господи.

25. 6. 44. Вчера Коля не ночевал дома. У меня ночевала одна из девочек. Старшая. Мы ни на минуту не сомкнули глаз и даже не ложились. Мы с нею очень много говорили на всякие самые волнующие темы. И конечно, больше всего о большевиках и о борьбе с ними. С немцами, конечно, все уже кончено. А говорили мы под аккомпанемент выстрелов на еврейском кладбище. Мы решили, что это немцы

пристреливают оставшихся еще в живых евреев. Совершенно невозможно передать наше состояние от такого предположения. Я старалась всеми силами не упустить нервов, чтобы и моя собеседница их не упустила. И вероятно, я никогда не буду уже в состоянии так говорить о демократии, о гуманизме, о неприменном торжестве добра, как говорила тогда. И я видела, что она уехала на работу с глазами, не такими безнадежными, какие у нее были, когда началось дьявольское действие на кладбище. Может быть, все это было и наивно, и кустарно, но для молодой души это было то, что надо. И такие слова, которые мы теперь стесняемся произносить, вроде Мирового Добра и Милости Божией, они были на месте. И мне не стыдно.

28. 6. 44. Еще один решающий отъезд нашей жизни намечен на 5 июля. Молодежь почти не выходит из нашего дома. Немцы все тянут и тянут с оформлением армии Власова. Идиоты. Ведь это же их последняя надежда. А драться эта армия будет, как никакая другая в мире. Несмотря на всю свою паршивую интеллигентскую закваску, я своими руками повесила бы Розенберга и весь его штаб⁸⁴.

3. 7. 44. Сидим на узлах. Публика, не наши, а обыватели, паникуют, им страшно. Мы же совершенно спокойны. На фронте дела совершенно безнадежные. И все господа, которые работали на немцев не за страх, а за совесть, первые вопят о том, что на немцев положиться нельзя. И надо спасаться самим.

4. 7. 44. Слухи все тревожнее и тревожнее. Большевики приближаются, но я уверена, что и на этот раз выскочим.

5. 7. 44. Приехала подвода за нами. Следующая запись будет уже в Германии. Прощай, милая Рига.

Примечания

¹ Екатерининский дворец, известный так же как Большой Царскосельский дворец. Начал строиться в 1717 г. для императрицы Екатерины I, современный барочный вид и грандиозный масштаб приобрел во время перестройки его архитектором Б.Ф. Растрелли при Елизавете Петровне в середине XVIII в.

² Имеется в виду (первичная) партийная ячейка, базисная структура ВКП(б), создавалась в любой организации при наличии не менее трех членов партии.

³ 27 июня 1941 г. начальник гарнизона Ленинграда издал приказ «Об обеспечении общественного порядка и государственной безопасности в г. Ленинграде», согласно которому запрещался въезд в Ленинград без специального разрешения лицам, не прописанным в городе. Чтобы воспрепятствовать проникновению шпионов и диверсантов, в пригородах Ленинграда и в самом городе была организована система комендатур, которые задерживали всяко-

го, кто пытался въехать в Ленинград или выехать из города без пропуска или специального удостоверения.

⁴ Женорг — женский организатор, сотрудник партийного органа или предприятия, ответственный за пропагандистскую работу среди женщин.

⁵ ГПУ — Государственное политическое управление при НКВД (Народном комиссариате внутренних дел), занимающееся госбезопасностью. Учреждено в 1922 г., заменило ВЧК (Всероссийскую чрезвычайную комиссию); с 1934 г. официально называлось ГУГБ (Главное управление государственной безопасности).

⁶ По-видимому, речь идет о Надежде Владимировне Сперанской-младшей. См. в воспоминаниях В.Ф. Пановой, снимавшей у Сперанских комнату: «Семья состояла из матери и дочери, недавно лишившейся мужа. И ту и другую звали Надежда Владимировна, так что заочно о них говорили: Надежда Владимировна старшая и Надежда Владимировна младшая. Дочь работала учительницей — преподавала историю в одной из пушкинских школ. Мать жила с нею. Обе были высококультурные женщины, в их библиотеке стояли книги на разных языках, обе великолепно читали вслух стихи с тем пониманием, исполненным ума и такта, которое не допускает никаких актерских приемов и дает о себе знать естественным прочтением строк, созданных талантливым поэтом (неталантливых эти женщины не читали)» (*Панова В.Ф. Мое и только мое*. СПб., 2005. С. 205–206).

⁷ Парк при Александровском дворце в Царском Селе.

⁸ Сексот, «секретный сотрудник» — официальное название внештатного агента органов госбезопасности, осведомителя.

⁹ Сиверский (до 1938 г. — Сиверская деревня) — поселок в Гатчинском районе Ленинградской области.

¹⁰ Имеются в виду кампании по изъятию валюты и ценностей у населения, проводимые с конца 1920-х гг. под лозунгом борьбы с валютной спекуляцией.

¹¹ Во время Гражданской войны в Испании (1936–1939 гг.) из страны вывезли более 34 тыс. детей, из них более 3 тыс. в 1937–1939 гг. были привезены в Советский Союз. К концу 1938 г. было открыто 15 детских домов для испанских детей: десять в РСФСР (в основном под Москвой и Ленинградом, в том числе в Пушкине был такой детдом (№ 10), предназначенный специально для дошкольников) и пять — на Украине. Во время войны большинство испанских детских домов было эвакуировано в Среднюю Азию, Башкирию, Поволжье, на Северный Кавказ и в Грузию. Весной 1944 г. более тысячи детей вернулись в Подмосковье, часть осталась в Грузии, Крыму, Саратове.

¹² Имеется в виду включение в состав СССР восточной Польши, в том числе территорий Западной Украины и Западной Белоруссии, отошедших к Польше в результате советско-польской войны 1920 г. Раздел Польши произошел на основе договоренностей, достигнутых между СССР и Германией и закрепленных в секретных протоколах к договору о ненападении между СССР и Германией, подписанному 23 августа 1939 г. (пакт Молотова–Риббентропа). Военная операция Красной армии 17–29 сентября 1939 г., в ходе которой были заняты указанные территории, называлась в со-

ветской печати освободительным походом. В том же духе освещалась операция в пропагандистской литературе того времени. См., напр.: *Минаев В.* Западная Белоруссия и Западная Украина под гнетом панской Польши. М., 1939; *Трайнин И.* Национальное и социальное освобождение Западной Украины и Западной Белоруссии. М., 1939; *Бриль М.* Освобожденная Западная Украина. М., 1940; *Клоков В.* Великий освободительный поход Красной армии (Освобождение Западной Украины и Западной Белоруссии). Воронеж, 1940. Раздел Польши был закреплен в «Германо-советском договоре о дружбе и границе между СССР и Германией» от 28 сентября 1939 г. и секретных дополнительных протоколах к нему.

¹³ Диккенс Чарльз (1812–1870) — английский писатель.

¹⁴ Н.В. Сперанская-младшая.

¹⁵ История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс / под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). М., 1938.

¹⁶ Как сообщает в своих воспоминаниях другая коллаборантка, Вера Пирожкова, общавшаяся с Осиповыми в Риге и Германии, «у нее <О.Г. Поляковой (Осиповой)> была тяжелая болезнь — бруцеллез. Она получила ее, выпив в Крыму сырого молока. Это странная болезнь. Она иногда совсем отпускает человека, и он живет совершенно нормально, а затем опять схватывает и вызывает частичный, а иногда и полный паралич. Предсказать эти периоды невозможно. О.Г. болела уже 12 лет, и я думала, что это повлияло на ее характер. О немцах вообще она отзывалась восторженно, но особенно об одном военном враче, который вылечил ее. В СССР тогда не было средств против бруцеллеза, в Германии же была не так давно найдена вакцина, оказывавшая не только профилактическое, но и терапевтическое воздействие. Этот врач предупредил, однако, что пока она была испытана только на недавно заболевших, и он не уверен, подействует ли вакцина в таком застарелом случае. Но выписал эту вакцину якобы для заболевшего солдата, — так поступали многие немецкие врачи, помогавшие русскому населению. Средство подействовало, О.Г. излечилась». (*Пирожкова В.* Потерянное поколение. Воспоминания о детстве и юности. СПб., 1998. С. 198.) Бруцеллез (мальтийская лихорадка, болезнь Банга), общее острое или хронически протекающее инфекционно-аллергическое заболевание человека и животных. Характеризуется многообразием клинических проявлений, длительностью течения, поражениями нервной системы, костей и суставов. Человек заражается бруцеллезом при употреблении зараженного бруцеллами молока, молочных продуктов (включая недостаточно выдержанную брынзу) и мяса (не подвергнувшегося необходимой кулинарной обработке) больных бруцеллезом животных и некоторыми другими путями. При бруцеллезе могут поражаться все органы и ткани. Известны бруцеллезные эндокардиты, аортиты, тромбфлебиты, плевриты, бронхоадениты. Чаще всего поражается опорно-двигательный аппарат — суставы, сухожилия, связки.

¹⁷ «Слоны» — деревянный павильон для слонов, построенный архитектором А.А. Менеласом в 1828 г. Там содержались слоны, подаренные императорской семье бухарскими эмирами и др. Последний обитатель этого па-

вильона, потомок первых животных, привезенных в подарок, был застрелен матросами в 1917 г. Павильон также не сохранился.

¹⁸ София — южная часть г. Пушкин, во времена Екатерины II — отдельный уездный город, куда планировалось переселить всех жителей царско-сельской дворцовой слободы, в начале XIX в. — объединена с Царским Селом («соединенный отныне город Царское Село или София»).

¹⁹ Маршал К.Е. Ворошилов до 5 сентября 1941 г. был главнокомандующим войсками Северо-Западного направления, а с 5 по 10 сентября — командующим войсками Ленинградского фронта.

²⁰ Имеются в виду волнения в Петрограде в январе — феврале 1917 г. — фабричные и заводские забастовки (напр., Путиловская стачка 18 февраля), Хлебный бунт (23 февраля), переросшие в революцию и приведшие к падению монархии.

²¹ Несомненно, речь идет о Вере Федоровне Пановой (1905–1973), в то время начинающей писательнице. См. примеч. 6.

²² Советский писатель, «красный граф» Алексей Николаевич Толстой (1883–1945) жил в Детском Селе (с 1937 г. — г. Пушкин) с 1928 г., с 1930 г. в большом доме на Пролетарской улице, в котором размещалось его многочисленное семейство. После переезда Толстого в Москву в 1938 г. дом был передан ленинградской писательской организации, оборудовавшей его под «Дом творчества писателей».

²³ Ежовщина — период массовых репрессий 1937–1938 гг.; получил название от имени наркома внутренних дел (с сентября 1936 по ноябрь 1938 г.) Николая Ивановича Ежова (1895–1940). В научной литературе этот период принято называть Большим террором.

²⁴ Осипова пересказывает вехи биографии В.Ф. Пановой с искажениями. В первом браке Панова была замужем за Арсением Владимировичем Старосельским, евреем по национальности, от него она родила дочь; ее вторым мужем и отцом двух ее сыновей был журналист Борис Васильевич Вахтин, русский. Вахтин работал заведующим отделом областной газеты «Молот» в Ростове-на-Дону, специальным корреспондентом «Комсомольской правды». В 1935 г., после убийства Кирова, он был арестован по обвинению в троцкизме и приговорен к 10 годам заключения в лагере. В 1937 г. погиб в лагере, по видимому, расстрелян. По версии Пановой, в деревню (Шишаки Полтавской области) она отправилась с тем, чтобы дать возможность окрепнуть младшему сыну. Вполне вероятно, что Панова в своих воспоминаниях лукавила и на самом деле хотела скрыться от всевидящего ока НКВД: пребывание в деревне профессиональной журналистки затянулось на два года. Пьеса Пановой «Илья Косогор» (1939) стала победителем в конкурсе на лучшую пьесу для колхозных театров; начинающий драматург получила премию в размере 7000 руб. Пьеса «В старой Москве» (1940) разделила первое место на Всесоюзном конкурсе драматургов и была принята к постановке театром им. Моссовета в Москве и им. Пушкина в Ленинграде.

²⁵ Иванов-Разумник (наст. имя — Разумник Васильевич Иванов) (1878–1946) — литературовед, историк литературы, критик, социолог. Придерживался философии «имманентного субъективизма» и неонароднических

взглядов, левый эсер. Печатался в «Русской мысли», «Русском богатстве», «Русских ведомостях» и т.п. Автор выдержавшей с 1906 по 1918 г. пять изданий «Истории русской общественной мысли». Идеолог «скифства» — почвенничества с революционным уклоном. В 1919–1924 гг. — товарищ председателя совета Вольной философской ассоциации (Вольфилы). Стронник Октябрьской революции. В 1920–1930-е гг., будучи лишенным возможности, по его словам, выпускать свои книги, Иванов-Разумник готовил к изданию сочинения М.Е. Салтыкова-Щедрина и А.А. Блока, выпустил 1-й том монографии «М.Е. Салтыков-Щедрин. Жизнь и творчество» (М., 1930). В феврале 1919 г. арестован ВЧК, но вскоре освобожден. В феврале 1933 г. арестован по обвинению в создании «идейного центра народничества», сослан на три года в Саратов. В сентябре 1937 г. арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности, освобожден в июне 1939 г. «за прекращением дела», но права жить в Пушкине (где находилась его семья) не получил. Жил в Загорске и Пушкине, прописываясь там временно. Жил тем, что занимался поиском и описанием архивов русских литераторов по заданию Государственного литературного музея. См. о нем подробнее: *Лавров А.В.* Иванов-Разумник Р.В. // Русские писатели, 1800–1917: Биографический словарь. М., 1992. Т. 2. С. 385–389; Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре. СПб., 1996; То же. Вып. 2. СПб., 1998.

²⁶ Федоровский городок — комплекс построек в стиле русского барокко, возведенных в начале XX в. в Фермском парке в Царском Селе: Федоровский собор, дома для причта, Императорский павильон, казармы императорского конвоя. Большое Кузьмино — село, примыкавшее к Пушкину с севера, ныне — район города.

²⁷ Нина Федоровна, на самом деле — Вера Федоровна Панова, имя ее дочери Наташа, а не Ася. Осипова, несомненно, шифрует подлинные имена оставшихся в СССР. В воспоминаниях Пановой, явно не имевшей понятия о дальнейшей судьбе своих пушкинских знакомых, содержатся упоминания о Поляковых: «Днем приходит Олимпиада Георгиевна и Николай Николаевич Поляковы. Они тоже усаживаются рядом, чтобы быть убитыми вместе. У Олимпиады Георгиевны — приступ ее тяжелых бруцеллезных болей, а морфий кончился, и достать негде, и она говорит: — Пусть убьют лучше...» (*Панова В.Ф.* Указ. соч. С. 216).

Правда, то ли в силу аберрации памяти, то ли по идеологическим соображениям, Панова пишет, что обстрелы велись немцами, хотя на самом деле Пушкин был уже оккупирован, и стреляла по городу артиллерия Красной армии.

²⁸ Готовила конину будущий трехкратный лауреат Сталинской премии: «А по утрам мы с Николаем Николаевичем ходим за мясом. Встаем раненько и идем в парк.

В золотую осень сады эти особенно прекрасны, золотые арки над головой, золото ворохами под ногами. В золоте лежит на какой-нибудь лужайке убитая бомбой или снарядом лошадь. Николай Николаевич острым ножом надрезает шкуру и отворачивает в обе стороны от разреза, будто распахивает створки двери. А моя обязанность — нарезать куски красного, сыропахнущего конского мяса и дома приготовить из него кушанье. Я промы-

ваю куски конины в растворе марганца, складываю в гусятницу и ставлю в духовку. Добавляю туда лука (мои луковицы берегу теперь на полке за книгами), картофеля и много моркови. Соль мы добыли из какой-то ямы, указанной опять же соседками. Томясь в духовке, конина пускает темно-коричневый сок. Получается даже довольно вкусно. Будь к этому хлеб, совсем было бы хорошо. Но хлеба нет.

Вот так мы живем, по кусочкам проживая день за днем. И нам уже кажется, что это, в сущности, туда-сюда, можно жить и так». (Панова В.Ф. Указ. соч. С. 221.)

²⁹ Сходную картину рисует Панова, упоминая, в частности, эпизод с участием четы Поляковых:

«Иной раз происходят странные вещи. Вдруг в квартиру влезает в окно немецкий солдат и уносит не что-нибудь, а книгу, и не какую-нибудь, а «Мать» Горького. Или вдруг супруги Поляковы приносят свернутый в трубку огромный ковер (и как только они его притащили на своих щуплых плечах?) и выражают желание продать его, и даже назначают цену.

Словно наряду с громадным черным демоном войны беснуются вокруг нас еще какие-то плюгавые, но тоже страшные, особенно бесчисленностью своей страшные, маленькие дьяволята, спущенные с цепи главным демоном. Или так должно быть во всяком затяжном бреду — чтобы в главный бред вступали, примешиваясь к нему, мелкие второстепенные бреды, усугубляя его ужас и в то же время как бы отвлекая от него, чтобы хоть на минутку мозг бредящего отдохнул и успокоился чуточку.

Из второстепенных бредов выстроился целый сюжет — ковер был продан именно тому солдату, который стащил у нас с полки томик Горького. Солдат рассказал, что в Германии ждет его невеста, очень хорошая фрейлейн, дочь булочника (показал карточку миловидной блондинки), он, солдат, женится на ней после войны, ковер будет украшать их уютную квартиру, он теперь же пошлет невесте этот подарок. Как он посылал, как добирался ковер из Пушкина в Германию, не знаю. Мне это так же безразлично, как то, откуда взялся этот паршивый ковер. Из мрака войны он возник и во мрак войны ушел, как многое, многое другое...». (Панова В.Ф. Указ. соч. С. 221–222).

³⁰ Бисхен мер (*ein bisschen mehr*, нем.) — еще немного; сверх того.

³¹ Мюде (*müde*, нем.) от всех этих клейнигкейт (*kleinigkeiten*, нем.) — уста-ла от всех этих подробностей.

³² СС (SS) — воензированные формирования, охранные отряды Национал-социалистической рабочей партии Германии. С момента прихода нацистов к власти функции СС постоянно расширялись, в частности, в ведении СС находились концентрационные лагеря и лагеря смерти, были созданы войска СС. Эмблемой СС служили элементы рунического письма, положенного в основу письменности древнегерманских и скандинавских народов.

³³ Шмелев Иван Сергеевич (1873–1950) — писатель, публицист. Выходец из богатой купеческой семьи, Шмелев приветствовал Февральскую революцию, но Октябрьскую не принял и уехал в Крым. Во время красного террора в Крыму был расстрелян его сын, белый офицер. В 1923 г. эмигрировал в Париж. Европейскую известность ему принесла эпопея «Солнце мертвых» (1924) — о трагедии революции и Гражданской войны. В период

Второй мировой войны публиковался в нацистском «Парижском вестнике».

³⁴ Клевер Оскар Юльевич (1887–1975) — живописец, график, сценограф.

³⁵ Клевер Юлий Юльевич (1850–1924) — художник, академик живописи.

³⁶ Так в тексте, Осипова, очевидно, позабыв о конспирации, приводит подлинные инициалы В.Ф. Пановой.

³⁷ Фольксдойче (*Volksdeutsche*) — «этнические германцы», которые живут за пределами Германии. В Третьем рейхе имели особый правовой статус как в пределах самого рейха, так и на оккупированных территориях и в союзных странах.

³⁸ СД — служба безопасности Национал-социалистической рабочей партии Германии, потом — Служба безопасности рейхсфюрера СС (*Sicherheitsdienst Reichsführer-SS*), с 1939 г. инкорпорирована в РСХА (Главное управление имперской безопасности).

³⁹ От нем. *verlobt* — помолвлены.

⁴⁰ *Jedes Tierchen hat sein Pläsierchen* (нем.) — пословица «у каждой пташки свои замашки»; «у каждой зверушки свои игрушки».

⁴¹ *Deruluft (Deutsch-Russische Luftverkehrs)* — советско-германская авиакомпания, учрежденная в 1922 г. и действовавшая до 1937 г. Ее самолеты обслуживали авиалинию Москва – Кенигсберг и Берлин – Таллин – Ленинград.

⁴² *Kunsthonig* (нем.) — искусственный мед.

⁴³ На самом деле музыка к романсу «Красный сарафан» («Не шей ты мне, матушка...») написана А.Е. Варламовым, слова принадлежат Н.Г. Цыганову.

⁴⁴ Беляев Александр Романович (1884–1942) — писатель-фантаст, автор романов «Голова профессора Доуэля», «Человек-амфибия», «Ариэль», «Звезда КЭЦ» и др. На самом деле Беляев умер 6 января 1942 г. По-видимому, Осипова вела записи (по крайней мере, в некоторых случаях) задним числом, отсюда путаница в датах и «похороны» Беляева за две недели до его смерти.

⁴⁵ Чернов Сергей Николаевич (1887–1942) — историк, окончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1912). В 1917–1928 гг. работал в Саратовском университете; в 1928 уволен по обвинению в национализме. В 1930 г. арестован по «Академическому делу»; после освобождения работал в Ленинграде, затем в Фергане. В 1937 г. ему была присвоена ученая степень доктора исторических наук по совокупности научных работ. С 1937 г. — профессор кафедры истории СССР Горьковского педагогического института. В августе 1939 г. поселился в Пушкине, стал работать в Институте народов Севера. Основные работы посвящены проблемам движения декабристов, народничеству, Н.Г. Чернышевскому. См. подробнее: *Андреева Т.В., Соломонов В.А.* Историк и власть: Сергей Николаевич Чернов, 1887–1941. Саратов, 2006.

⁴⁶ Поэт и литературовед, «царскоселка» Ирина Николаевна Бушман (урожд. Сидорова-Евсеева) дает в своих воспоминаниях несколько иную интерпретацию истории спасения книг:

«И в этих нечеловеческих условиях жизни интеллигенты-энтузиасты во главе с Ивановым-Разумником решили устроить независимую от немцев ор-

ганизацию людей умственного труда, призывая в свои ряды молодежь и стариков, профессуру и студенчество. Их первый призыв был: спасайте книги!

Книги в это время валялись просто на улицах около разрушенных снарядами домов или в квартирах, перевернутых вверх дном немецкими обысками. Их поливал дождь, топтали солдатские сапоги, немцы брали их на растопку. И вот в вымирающем от голода городе раздался клич: «Спасите нашу пищу духовную! Собирайте книги! Собирайте их на улицах и в брошенных квартирах. Снесите их в городскую библиотеку или в свои собственные, ибо право собственности на них отмерло в это страшное время. Они не вещи — они наши друзья, и их надо спасти!»

По инициативе этой группы книги собирались, складывались в ящики и прятались в надежных местах. Распухшие от голода люди, бравшие на себя этот непосильный труд, знали, что не им придется воспользоваться его плодами, но торопились спасти книги, пока они не погибли и пока не погибли люди, способные их спасти. Спасли для русского читателя, для Родины под любым правительством...

А новый советский служащий, перебирающий теперь картотеку городской читальни в Пушкине, не посмеет помянуть добрым словом ни полумертвых энтузиастов, спасавших под перекрестным артиллерийским огнем сокровища родной литературы, ни их инициатора и организатора — Иванова-Разумника». (*Бушман И.* Из воспоминаний о друзьях // Встреча с эмиграцией: Из переписки Иванова-Разумника 1942–1946 годов / публ. О. Раевской-Хьюз. М., 2001. С. 371.)

Полагаем, что версия Осиповой более достоверна, хотя не исключено, что в спасении книг принимали участие и другие люди. Во всяком случае, создание независимой от оккупационных властей русской организации выглядит не слишком реально и не зафиксировано никакими другими источниками. И уж вовсе фантастично выглядит нарисованная мемуаристкой картина сбора книг «под перекрестным артиллерийским огнем»!

⁴⁷ Иванов Вячеслав Иванович (1866–1949), Андрей Белый (Бугаев Борис Николаевич) (1880–1934), Блок Александр Александрович (1880–1921) — русские поэты-символисты.

⁴⁸ *Homo homini lupus est* (лат.) — «человек человеку волк» (из комедии древнеримского писателя Плавта «Ослы»). Афоризм Плавта должен произноситься хомо хомини лопус эст.

⁴⁹ У других обитателей Пушкина были несколько иные впечатления о «крошке» Райхеле (Рейхеле). В показаниях П.М. Мансурова, работавшего при немцах начальником городской гражданской охраны, которые он дал представителям Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию нацистских преступлений 19–22 февраля 1944 г., содержится следующее сведение: «Непосредственные исполнители обысков, арестов, облав, избиений, изъятий теплых вещей, ценностей и других зверств — Подлевский, Глазунов, Тихомиров, работники комендатуры, сотрудники гестапо Рейхель и Рудольф (фамилии или клички не знаю). Рейхель в возрасте 25 лет, немец, высокого роста, блондин, бритый, зверское выражение лица, всегда ходил с плеткой в руках» (цит. по сайту, посвященному истории города Пушкин. URL: <http://>

geglov2.moy.su/publ/3-1-0-3. См. также: *Цытин В.М.* Город Пушкин в годы войны. СПб., 2010. С. 158).

⁵⁰ Разумники доехали. В период с 1942 г. по 1946 г. они жили в различных лагерях для фольксдойче в Германии и Литве, временами у друзей и родственников. За эти годы Иванов-Разумник опубликовал ряд очерков о судьбах писателей в СССР в берлинской газете «Новое слово» (отд. изд. «Писательские судьбы». [Нью-Йорк, 1948]), написал воспоминания, вышедшие посмертно («Тюрьмы и ссылки». Нью-Йорк, 1953). Жена Иванова-Разумника В.Н. Иванова (урожд. Оттенберг) умерла в марте 1946 г., Иванов-Разумник скончался в июне 1946 г. в Мюнхене, где он жил у своего племянника. См. подробнее: *Шерон Ж.* Военные годы Иванова-Разумника: реконструкция по письмам и воспоминаниям // Иванов-Разумник: Личность. Творчество. Роль в культуре. СПб., 1996. С. 44–54; Встреча с эмиграцией: Из переписки Иванова-Разумника 1942–1946 годов. М., 2001.

⁵¹ Фонтан «Молочница», известный также, как «Царскосельская статуя», или «Девушка с кувшином», в Екатерининском парке. Изготовлен в 1816 г. скульптором П.П. Соколовым на сюжет басни Лафонтена «Молочница, или Кувшин с молоком». Перед оккупацией скульптура была зарыта в землю и поэтому во время войны не пострадала.

⁵² В 1918 г. город Павловск был переименован в Слуцк в честь революционерки Веры Слуцкой, погибшей в 1917 г. В 1944 г. городу было возвращено первоначальное название.

⁵³ Голубая дивизия (División Azul) — 250-я пехотная дивизия вермахта, состоявшая из испанских добровольцев (антикоммунистов, желающих отомстить СССР за участие в Гражданской войне в Испании, а также людей, прельщенных двойным (испанским и немецким) жалованьем, особенно привлекательным в условиях испанской безработицы). Название дано по цвету униформы, заимствованной у фалангистов, членов испанской правящей партии (Фаланги), — синим рубашкам. Штатная численность дивизии ок. 17 тыс. человек, за все время существования дивизии в ее составе воевали 40–50 тыс. человек. Голубая дивизия находилась на территории Ленинградской и Новгородской областей с октября 1941 г. по октябрь 1943 г., когда была расформирована по приказу Франсиско Франко, но часть солдат осталась в рядах немецкой армии (перешли в Германский иностранный легион).

⁵⁴ Меандр — древнегреческое название извилистой реки Большой Мендерес в Турции. Стало нарицательным для обозначения речных излучин — меандров. Такое название в искусстве Древней Греции получил разработанный там геометрический орнамент из непрерывной кривой или ломаной под прямым углом линии, образующей ряд спиралей.

⁵⁵ Трушнович Александр Рудольфович (1893–1954) — один из руководителей Народно-трудового союза (НТС). Словенец, родился на территории Австро-Венгерской империи. В Первую мировую войну служил в австро-венгерской армии, перешел на сторону России, в Гражданскую — служил в войсках белых, попал в плен к красным, бежал, скрывался, потом жил под другой фамилией. В 1934 г. как бывший подданный Австро-Венгрии добился выезда в Югославию, в 1944 г. — перебрался в Германию. Работал врачом и

занимался политической деятельностью в рамках НТС. В 1954 г. был похищен и убит советскими агентами.

⁵⁶ Франко Франсиско (1892–1975) — генерал, в 1936 г. возглавил мятеж против Испанской республики; глава испанского государства (каудильо) в 1939–1975 гг.

⁵⁷ *Noble señora* (исп.) — благородная госпожа.

⁵⁸ Ферботен, от *verboten* (нем.) — запрещено.

⁵⁹ Аллюзия на «Сорочинскую ярмарку» Н.В. Гоголя: «...Сорванец негодный! Я не видала твоей матери, но знаю, что дрянь! и отец дрянь! и тетка дрянь!»

⁶⁰ Имеется в виду роман «Рамунчо» (1897) о баскских контрабандистах — самый известный роман французского писателя Пьера Лоти (наст. имя и фам.: Жюльен Вио).

⁶¹ Солоневич Иван Лукьянович (1891–1953) — журналист, публицист, общественный деятель. В 1930-х гг. предпринял несколько попыток бежать из Советского Союза, вследствие одной из них был арестован, осужден за «контрреволюционную деятельность и шпионаж» и отправлен в лагеря. В 1934 г. бежал в Финляндию, откуда перебрался в Болгарию, затем в Германию, уже после войны — в Аргентину, а затем в Уругвай. В эмиграции опубликовал несколько книг, издавал газеты, основал Народно-монархическое движение. Его мемуарные книги «Россия в концлагере» и «Бегство из советского рая» (в др. варианте: «ада») были переведены на немецкий, прочитаны нацистским руководством, получили высокую оценку Геббельса, и будучи изданы огромным тиражом в 600 тыс. экземпляров, в пропагандистских целях распространялись на оккупированных территориях.

⁶² Власов Андрей Андреевич (1901–1946) — генерал-лейтенант Красной армии. В июле 1942 г. попал в плен; находясь в Винницком лагере для пленного генералитета, согласился сотрудничать с нацистами, впоследствии возглавил Русскую освободительную армию (РОА), в которой служили преимущественно советские военнопленные, и Комитет освобождения народов России (КОНР). В мае 1945 г. в Чехословакии был захвачен советскими войсками и доставлен в Москву. На закрытом процессе приговорен к смертной казни и повешен 1 августа 1946 г.

⁶³ Остовец, или ост — аналог немецкого термина *остарбайтер* (*Ostarbeiter*) — «работник с Востока».

⁶⁴ В описываемое время Русская освободительная армия (РОА), инициаторами создания которой (генералом А.А. Власовым и полковником В.И. Боярским) она определялась как воинское формирование для борьбы за «освобождение России от коммунизма», в качестве реальной воинской структуры не существовала. Русской освободительной армией именовали совокупность воинских формирований, преимущественно из советских военнопленных, в составе вермахта. Формирование РОА под командованием генерала Власова началось в ноябре 1944 г., после санкционированного нацистской верхушкой образования Комитета освобождения народов России.

⁶⁵ Земский начальник — должностное лицо из дворян, контролирующее деятельность крестьянского самоуправления и исполняющее функции мирового судьи. Должность земского начальника была введена в ходе контрреформ при императоре Александре III. В 1889 г. вышло «Положение о земских участковых начальниках», в 1890 г. — «Положение о губернских и уездных земских учреждениях». Земских начальников назначал министр внутренних дел из местных дворян-землевладельцев.

⁶⁶ Краснов Петр Николаевич (1869–1947) — генерал-лейтенант русской армии (1917). После занятия большевиками Петрограда по приказу А.Ф. Керенского организовал наступление на столицу, занял Гатчину и Царское Село. Позже уехал на Дон, где возглавил сопротивление казаков, в мае 1918 г. был избран атаманом Войска Донского и заключил военный союз с Германией. В 1920 г. эмигрировал в Германию. Опубликовал множество романов, стал одним из самых популярных эмигрантских писателей. Во время войны призвал казаков воевать на стороне «Хитлера» против коммунистов и жидов». С 1943 г. возглавлял Главное управление казачьих войск при Министерстве Восточных оккупированных территорий, участвовал в создании Казачьего стана — объединения казачьих подразделений в составе вермахта. В мае 1945-го сдался англичанам, был передан советской стороне, судим и казнен в Москве в 1947 г.

⁶⁷ Шкуро Андрей Петрович (1887–1947) — кубанский казак, войсковой старшина, во время Первой мировой войны создал «Кубанский конный отряд особого назначения» для партизанских действий в тылу противника (в Минской губернии и Карпатах); отряд получил прозвание «волчья сотня» и прославился разбоем и мародерством. Один из героев Белого движения, дослужился до чина генерал-лейтенанта, был назначен командиром корпуса; с весны 1920 г. в эмиграции — в Югославии, затем во Франции, где работал наездником в цирке. В годы Второй мировой войны вместе с Красновым формировал казачьи части СС, готовил казаков для борьбы с югославскими партизанами, получил чин группенфюрера СС. Сдался англичанам, был выдан советской стороне и казнен в Москве в 1947 г.

⁶⁸ «Люстра» — осветительная бомба, предназначалась для освещения местности при прицельном бомбометании и визуальной разведке в ночных условиях. После сбрасывания бомбы специальное устройство приводило в действие парашют и пиротехнический факел, который освещал местность.

⁶⁹ «Шведский соловей» (*Die Schwedische Nachtigall*, 1941) — фильм Питера Поля Брауэра о шведской оперной певице Джени Линд (1820–1887), получившей прозвище «шведский соловей» (Ильзе Вернер в роли Джени, Иоахим Готшалк в роли ее друга Ганса Христиана Андерсена).

⁷⁰ Павловский дворец — императорский дворец, возведен в 1780–1790-х гг. по проекту архитектора Чарльза Камерона для цесаревича (с 1796 г. — императора) Павла.

⁷¹ «За Родину» — выходила с 11 сентября 1942 г. в Пскове (главный редактор Анатолий Петров [псевдоним Федора Тарасовича Лебедева (1898–1965), в прошлом сотрудника рижской газеты «Сегодня»], с января 1944 г. —

А.Г. Стенрос [Макриди], см. о нем прим. 73). Всего вышло 556 номеров, последний — 17 сентября 1944 г. См.: *Оленхович Д.* «Они сражались за родину...» Газета «За Родину» в системе оккупационной политики Третьего рейха // SEMINARIUM HORTUS HUMANITATIS, 2006 (URL: <http://shh.neolain.lv/seminar23/alm10 olenxovis.htm>); *Бернев С.К.* Периодическая печать на оккупированной территории Северо-Запада РСФСР (1941–1944) // Вестн. Новг. гос. ун-та. Сер.: История. Филология. 2008. № 49. С. 9–11.

⁷² На самом деле псевдоним Игорь Свободин, по-видимому, принадлежал писателю Аркадию Георгиевичу Каракатенко (1900–1970) (*Иванов Н.М.* Невозвратимое. Записки старого псковича. Псков, 2002. — URL: <http://edapskov.narod.ru/nevozvrat.txt>, последнее посещение 22.07.2011). Он много печатался на страницах оккупационной печати, редактировал рижский журнал «Вольный пахарь» в 1943–1944 гг. По утверждению комиссара партизанской бригады И.И. Сергунина в 1993 г. в беседе с историком Б.Н. Ковалевым, Игорь Свободин «был выкраден из редакции в Пскове и повешен на шоссе Ленинград – Киев» (*Ковалев Б.Н.* Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. М., 2004. С. 81). Заметим, что столь неординарное событие, принимаемое Б.Н. Ковалевым на веру, не подтверждается другими источниками. Если считать, что Каракатенко и Свободин — одно и то же лицо, то придется признать, что партизана подвела память (или же повесили кого-то другого), ибо Каракатенко скончался в своей постели в Мюнхене в 1970 г.

⁷³ Стенрос (наст. фам. Макриди) Анатолий Григорьевич (1902–1982) — выпускник Московского Екатерининского кадетского корпуса, участник Ледяного похода Добровольческой армии (1918); после ранения был демобилизован по инвалидности. Пробрался на советскую территорию с целью вывезти свою мать в Финляндию, однако это ему не удалось, и он был вынужден остаться в Советской России. Работал художником, фотографом. С января 1944 г. редактор газеты «За Родину».

⁷⁴ ЖАКТ — жилищно-арендное кооперативное товарищество. ЖАКТы существовали в СССР с периода нэпа до 1937 г.

⁷⁵ Рижское гетто существовало с августа 1941 по сентябрь 1943 г. на окраине города, в Московском предместье. Изначально в него попали около 30 тыс. латышских евреев. В ноябре – декабре 1941 г. 26 тыс. человек были расстреляны. В декабре в гетто был создан отдельный район для евреев, привозимых из Германии, Австрии, Чехословакии (*Reichsjudensghetto*). В сентябре 1943 г. гетто было ликвидировано, его обитателей перевезли в концлагеря Рига – Кайзервальд и Саласпилс.

⁷⁶ Имеются в виду мезузы — корбочки с маленькими пергаментными свитками, содержащими стихи из молитвы «Шма, Израэль» (Слушай, Израиль), прикрепляемые к дверным косякам в еврейских домах.

⁷⁷ О том, как происходило распределение «жилплощади» в бывшем гетто и выдача конфискованных у евреев мебели, одежды и домашней утвари см.: *Полчанинов Р.* Рига. Февраль–июль 1944 // Даугава. 2004. № 2. С. 130–164. URL: <http://myriga.info/rigacv/node/745>.

⁷⁸ Несомненно, имеется в виду Вера Александровна Пирожкова (р. 1921). Из Риги она уехала в Германию, где училась, а потом преподавала в Мюнхенском университете. О ее рижском опыте и общении с Осиповыми в Риге и Германии см.: *Пирожкова В.* Указ. соч. С. 188–204.

⁷⁹ Речь идет о женской роте пропагандисток, сформированной летом 1944 г. по инициативе журналистки баронессы Марии де Сметт, имевшей звание зондерфюрера «К» (капитана). В состав роты вошли слушательницы курсов, созданных в Пскове в конце 1943 г. и эвакуированных в Ригу в связи с наступлением Красной армии.

⁸⁰ Аскольдов Сергей Алексеевич (наст. фам. — Алексеев) (1871–1945) — философ, профессор Московского университета, в 1920-х гг. — Ленинградского политехнического института. Основал тайное религиозно-философское общество (Братство св. Серафима Саровского). В 1928 г. члены братства были арестованы, Аскольдов сослан в Коми АССР. С 1935 г. жил в Новгороде, где преподавал математику в средней школе. Во время войны находился в оккупации, в 1944 г. уехал в Ригу, оттуда в Германию.

⁸¹ Национально-трудовой союз (возник в конце 1920-х гг. как Союз русской национальной молодежи, в 1931–1936 гг. назывался Национальный союз нового поколения, в 1936–1943 гг. — Национально-трудовой союз нового поколения) — эмигрантская организация с филиалами в разных странах (Германии, Польше, Румынии, США и др.), нацеленная на подрыв коммунистического строя в России. Члены НТС активно действовали на оккупированных территориях, сотрудничали с власовцами.

⁸² Дабендорфская школа (официальное ее название — Отдел восточной пропаганды особого назначения) — учебный центр власовцев, готовивший офицерские кадры для Русской освободительной армии (РОА). Школа была создана в 1943 г. недалеко от Берлина, около деревни Дабендорф, на месте бывшего лагеря для французских военнопленных. Программа школы включала военную и пропагандистскую подготовку.

⁸³ Ревельская газета — речь идет о газете «Северное слово», издававшейся сначала в Нарве (май – август 1942 г.), а затем, до сентября 1944 г., в Ревеле (Таллине). В начале 1944 г. ответственным редактором газеты стал Ф.Т. Лебедев, ранее редактировавший «За Родину».

⁸⁴ Розенберг Альфред (1893–1946) — один из руководителей и идеологов нацистской партии, в 1941–1945 гг. — рейхсминистр оккупированных восточных территорий.

Вл. Самарин

СОВЕТСКАЯ ШКОЛА В 1936–1942 гг.

В своей работе я не хотел бы останавливаться на том, что уже известно. Не хотел бы подробно говорить о системе народного образования вообще, о большевистских декретах, касающихся школы и т.д.: все это можно найти в любой библиотеке. Мне хотелось бы раскрыть те стороны жизни советской школы, которые не нашли еще полного освещения ни в [нашей антибольшевистской печати, ни в] заграничной, ни, тем более, в советской.

Я постараюсь, например, насколько позволят имеющиеся у меня материалы, нарисовать общую картину советской школы, картину жизни и работы учителя, нарисовать объективно, без пропагандистской тенденции. Особо я остановлюсь на политических настроениях учащихся и учителей.

Мне кажется, что вот именно такие вопросы, как политические настроения учащихся и учителей наиболее существенны, наиболее важны при изучении советской школы.

В своей работе я использую, прежде всего, свои личные наблюдения. С одной стороны, как ученика школы (я закончил школу-девятилетку в 1930 году), с другой стороны, как учителя (я закончил педагогический институт по факультету русского языка и литературы и шесть лет проработал в средней школе и техникуме). Я использую также опыт и наблюдения моих друзей, учителей школы, часть из которых находится здесь, в эмиграции. Я использую мои личные записки, которые я вел в течение нескольких лет, и которые мне удалось сохранить. В этих записках есть такие факты и наблюдения, которые трудно было бы удержать в памяти. Мне кажется, что эти записки (они касаются, главным образом, школы) будут полезны для моей работы. Наконец, я не оставляю без внимания советскую печать и нашу эмигрантскую. Советская печать, конечно, не может считаться достоверным источником, но из нее, при внимательном изучении, можно почерпнуть немало ценных данных.

1. ШКОЛА И ЕЕ УЧАЩИЕСЯ ДО 1936 г.

Два периода в жизни школы. Первый — до середины 1930-х годов. Лабораторный метод занятий. Отсутствие учебников. Роль общественной работы в жизни школы. Роль комсомола. Недостаточное образование. Сопротивление учителей.

Чтобы с достаточной полнотой и ясностью обрисовать школу 1936–1942 годов, необходимо хотя бы коротко, в общих чертах сказать о школе, так сказать, дореформенной. Я имею в виду те реформы, которые провели большевики в начале и середине 1930-х годов.

Как известно, в это время был опубликован ряд постановлений ЦК ВКП(б) о школе, которые изменяли постановку обучения¹. Они вводили урок как основную и обязательную форму обучения, они устанавливали твердую систему отметок, вводили экзамены, определяли строгую ответственность учителя за свою работу и т.д.

Постановления эти как бы возвращали школу назад, к дореволюционным временам. Так воспринимались реформы в среде учителей и родителей. В этом видели провал всех экспериментов, которые продельвались большевиками в школе. Конечно, если говорить о каком-то возврате к дореволюционной школе, то говорить можно только о форме, а не о содержании преподавания. Постановления действительно прекратили непрерывную цепь экспериментов, проводимых на протяжении 15 лет в школе².

Результатом этих экспериментов, как известно, было катастрофическое падение знаний учащихся, их общеобразовательного уровня, падение дисциплины. Безграмотность, отсутствие нужного для поступления в высшие учебные заведения объема знаний по разным предметам — все это вынудило большевиков пойти на ряд реформ. Реформы эти не были, может быть, шагом вперед, но они сыграли положительную роль в жизни школы.

Необходимо сделать одну оговорку: проведения реформ требовала сама жизнь, требовали учителя, видевшие то буквально катастрофическое положение, в котором оказалась школа. Учителя непрерывно сопротивлялись экспериментам, проводимым в школе. Вопреки указаниям большевистского руководства, учителя нередко проводили, например, не лабораторные занятия, а уроки. Учителя русского языка давали диктанты, пытались поднять грамотность учащихся. Конечно, это сопротивление учителей не могло принять формы открытых выступлений: большевики пресекали такие попытки репрессивным

путем. Но были и открытые выступления. Многие учителя в те годы покинули школу сами. Многих уволили.

Большевики не могли не прислушаться к голосу учительства, не могли не видеть, кого выпускают школы, не могли не знать, что в высшие учебные заведения идет полуграмотная, без нужных знаний молодежь.

Под давлением учительства, под давлением самой жизни большевики провели в школе реформы.

Что же представляла собой дореформенная школа? Как проводились занятия? Как относились к ним сами учителя и учащиеся?

Мне кажется, что личные впечатления, личные воспоминания могут дать достаточно ценного для обрисовки положения в школе в те годы (1926–31). Правда, этот источник имеет один недостаток: он дает субъективные данные. Но постараюсь быть как можно объективнее.

Я закончил в 1930 году в г[ороде] Орле школу-девятилетку. Поступил не в первый класс, а сразу в четвертый. Три года готовился дома. Это принято было в семьях интеллигенции в те годы: в течение трех-четырёх лет детей готовили дома для того, чтобы дать им минимум необходимых знаний, главным образом по русскому языку, по географии, по истории, чтобы заложить фундамент. И даже позже, когда ребенок уже учился в школе, он продолжал заниматься с частными учителями — русским языком, историей, географией.

В преподавании тех лет (1926–30 гг.) отсутствовали вообще такие предметы, как грамматика русского языка, история. В те годы преподаватели русского языка очень редко давали диктанты, иногда только сочинения. Те учащиеся, которые получили предварительное домашнее образование, писали относительно грамотно; те же, кто не имел возможности получить такое образование в семье или у частного учителя, писали просто безграмотно. Конечно, в этом не были виноваты учителя школы. Они только выполняли директивы органов народного образования.

Я вспоминаю беседу с преподавателем русского языка школы, в которой я учился. Это было уже после того, как я сам окончил педагогический институт. Мой старый преподаватель (я могу теперь об этом говорить, потому что его нет в живых) просто с болью рассказывал о том, как велось преподавание русского языка в годы моего учения в школе. Он рассказывал, что это было тяжелое испытание для учителя. С одной стороны, учитель обязан был строго придерживаться директив Наркомпроса о бригадном, лабораторном, комплексном методе обучения³; с другой стороны, учитель стремился хоть в какой-то мере дать учащимся минимум знаний, что очень трудно было сделать при этих бригадных, лабораторных, комплексных методах. История в школе того времени вообще не преподавалась. Она была заменена

обществоведением, которое преподавалось обычно учителем — членом партии. Так, в школе, где я учился, обществоведение преподавал коммунист, окончивший совпартшколу⁴ и один курс Комакадемии⁵. Преподаватель обществоведения, кажется, один из всех учителей школы, строго придерживался бригадного метода. Вот как он вел преподавание. Он давал классу тему, которая прорабатывалась в звеньях, состоящих из 6–8 человек. Проработке, то есть чтению материала по учебнику, предшествовало короткое объяснение преподавателя. В лучшем случае материал прочитывался и как-то обсуждался. Обычно же «проработка» состояла в том, что члены звена по очереди рассказывали анекдоты — и антисоветские в том числе. После такой «проработки» кто-нибудь один, кто имел склонность к этому «скучному и непонятному», по мнению учащихся, предмету, подучивал материал и отвечал... за все звено. Таков был бригадный, лабораторный метод в его чистом, директивном виде.

Учебников в школе почти не было, за исключением учебников обществоведения и математики. Математика преподавалась по старым, дореволюционным учебникам и по новым, которых в школах было очень мало. Учебников русского языка, естествознания, физики не было. Преподаватель давал объяснение, а затем диктовал правила. По коротким отрывочным запискам учащиеся изучали такие предметы, как литература. Естественно, что знания были самые минимальные.

В отличие от обществоведения, преподаватель которого строго придерживался бригадного метода, математик, он же директор школы, давал обыкновенные уроки. Объяснял, скажем, очередную теорему, затем вызывал учеников к доске, повторял урок, затем давал задание на дом. Следующий урок начинался с опроса учащихся. То есть давал обычные, нормальные уроки. Поэтому, может быть, единственным предметом, который в школе учащиеся знали, была математика. Математик ставил и отметки в журнал, чего другие учителя не делали. В конце четверти устраивал нечто вроде экзамена, чего другие учителя тоже не делали. Как, например, обществовед «выводил» четвертные, а затем годовые отметки, для нас, учащихся, всегда было загадкой. Он и не спрашивал учащихся. В конце же четверти аккуратно ставил каждому «уд» или «неуд» («уд» — удовлетворительно, а «неуд» — неудовлетворительно). Такова была тогда система отметок. В 1926 году была введена еще одна система: ставили единицу или двойку. Единица обозначала первую, высшую степень успеваемости, двойка вторую — низшую. (Просуществовала эта система отметок не больше полугодия.)

Так как занятия проводились лабораторным путем, то в школе не было классов, а были кабинеты: кабинет математики, физики, русского языка и литературы и т.д. На каждый новый урок учащиеся пере-

ходили из кабинета в кабинет. Обычно уроки были сдвоенными. Это относится к школе второй ступени — классы 5–9.

Большое внимание органов народного образования обращалось на общественную работу, которая брала у учеников очень много времени. Работали различные кружки, добровольные общества — ОСОАВИАХИМ, МОПР⁶ и др., часто выходили стенгазеты, устраивались спектакли и вечера. Каждую неделю проводились общие собрания учащихся. Общественная работа носила обязательный характер, однако ею и увлекались в то время. Степень активности учащегося в общественной работе учитывалась при переводе его из класса в класс.

Учком — ученический комитет — играл в жизни школы важную роль. Председатель учкома и даже члены его присутствовали на заседаниях педагогического совета школы, имели право голоса, вмешивались в решения совета, опротестовывали отметки и т.д.

Еще больший вес имела комсомольская организация школы, которая тоже вмешивалась в решения педсовета, которая тоже опротестовывала отметки, вмешивалась иногда в преподавание. На закрытых комсомольских собраниях подвергался разбору и критике метод преподавания того или другого учителя. Хотя к учащимся и не применялись суровые меры наказания за дисциплинарные проступки, частых грубых случаев нарушения дисциплины не наблюдалось. В школе появилось известное чувство ответственности. Но, в общем, дисциплина была плохой. Особенно часто учащиеся пропускали уроки, опаздывали на занятия, не учили домашних заданий. При отсутствии твердой системы отметок учителя безуспешно боролись с этими явлениями.

В те годы, как и позже, среди учащихся наблюдались антисоветские настроения. И те настроения, которые большевистская пропаганда называет пережитками капитализма. Я имею в виду, прежде всего, религию. Я совершенно отчетливо помню, как в 1927, [19]28, [19]29 годах учащиеся отказывались заниматься на Рождество и Пасху. Отказ этот не носил формы открытого бурного выступления. Учащиеся, по взаимной договоренности, не приходили на уроки. В эти дни в классах сидело по 5–10 человек. Помню также, как группа учеников из моего 6 класса (это было в 1927 году) встречала за несколько кварталов до школы «штрейкбрехеров», тех, кто, несмотря на договоренность, шел в школу, и заставляла их возвращаться домой.

События эти были предметом обсуждений на педагогических советах, на ученических и комсомольских собраниях. Особо обсуждались они на родительских собраниях.

Я кончал школу в те годы, когда, собственно, и начиналось «построение социализма в одной стране», когда развертывалось насту-

пленение большевиков на деревню, когда особенно активизировалось наступление на «остатки разгромленных классов». В 1930–34 годах для выходцев из этих «разгромленных классов», для детей священников, дворян, купцов, офицеров, зажиточных крестьян и т.д. был закрыт доступ в высшие учебные заведения. Им пытались даже одно время препятствовать в получении среднего образования. Так, в 1928 году, из окончивших седьмые классы отобрали детей «бывших» и из них создали отдельную группу, отдельный восьмой класс при одной из школ города Орла. С них брали плату за обучение. На следующий год этот очередной эксперимент не повторился: группа, состоящая из «бывших», превратилась в нормальную группу школы, в которой была создана.

В том же 1928 году в школах-девятилетках ввели производственные уклоны — тоже один из многочисленных экспериментов. Что же представляли собой эти уклоны? В восьмых или девятых классах стали преподавать предметы по той специальности, которую должны были получить окончившие школу. Все получали одну специальность. Так, в 5[-й] школе-девятилетке города Орла, где я учился, ввели яично-птичный уклон. Школа выпустила техников-птицеводов. Правда, никто из выпускников школы по этой специальности не стал работать: одни ушли учиться в строительные, механические техникумы, другие — в высшие учебные заведения, третьи устроились совсем по другой специальности, по той, к которой имели склонность, но тем не менее много учебных часов было потрачено в школе на это самое яично-птичное дело.

В других школах были уклоны: педагогический, делопроизводства, коммерческий и др. Редко кто из выпускников школ выбирал специальность, которая ему навязывалась. Уклоны просуществовали в школах не больше трех лет. В ноябре 1929 года учащихся восьмого и девятого классов оторвали от занятий и послали на так называемый культпоход, в деревню, на ликвидацию неграмотности⁷. Каждому такому «культурмейцу» давали по 20–25 неграмотных крестьян, которых он обязан был в течение трех месяцев обучить грамоте. Широко задуманное мероприятие это не принесло ожидаемых результатов. Во-первых, потому что учителя были далеко не опытными, часто просто беспомощными, во-вторых, потому что сами учащиеся, крестьяне, саботировали занятия, рассматривая их как одно из мероприятий по подготовке коллективизации. И действительно, в ряде районов «культурмейцев» использовали как агитаторов, как подсобную силу в проведении коллективизации. Последнее, что мне хотелось бы отметить — это очень малое число молодых, новых учителей в школе. Совсем другую картину я наблюдал через десять лет. Но об этом речь впереди.

2. ШКОЛА И ЕЕ УЧАЩИЕСЯ ПОСЛЕ 1935 года

Школьная реформа. Новые требования к учащимся в области знаний и дисциплины. Взаимоотношения учащихся и учителей. Общественная работа. Роль комсомола. Интересы учащихся и их политические настроения

В это время, когда в школе проводились реформы, о которых я уже вскользь говорил, я учился в педагогическом институте и не наблюдал непосредственно за перестройкой работы школы. Снова я попал в школу в 1935 году после окончания педагогического института. Причем я начал свою педагогическую деятельность не в средней школе, а в техникуме.

Мои наблюдения, относящиеся к тому периоду, когда я преподавал в техникуме, тоже представляют большой интерес. В техникумы шли окончившие семилетки. Они сдавали вступительный экзамен по ряду предметов, в том числе по русскому языку и литературе. Таким образом, я мог составить себе довольно ясную картину положения в школе, представлял себе, с какими знаниями выпускают учащихся семилетки.

Правда, я преподавал два года в сельскохозяйственном техникуме, куда поступали преимущественно из сельских школ. В сельских же школах, как правило, была ниже грамотность учащихся. Поэтому, чтобы представить себе положение в городских школах, в сведения, касающиеся школ сельских, нужно внести некоторые коррективы.

Экзамен поступающим в техникум не отличался большой строгостью. Давался диктант, несколько вопросов по грамматике и два-три вопроса по литературе. В диктантах экзаменующиеся делали от 2 до 40 ошибок. Приходилось принимать и таких, которые делали по 10–15 ошибок. В моих записках сохранились сведения о том, что в 1938 году (прием студентов происходил в середине августа, на 120 мест было 250 кандидатов) приняли на первый курс техникума комсомолку, сделавшую 40 синтаксических и орфографических ошибок. Приняли ее по настоянию партийной организации техникума: у нее были какие-то рекомендации по партийной линии.

Не могу не рассказать о некоторых курьезных ответах по литературе, которые также сохранились в моих записках.

Экзаменующийся рассказывает биографию Некрасова и говорит следующее: «Некрасова отец хотел отдать в белогвардейцы, но Некрасов не хотел идти в армию»...

Экзаменующийся разбирает рассказ Чехова «Злоумышленник». Мнется.

Преподаватель спрашивает его:

«Ну, что же, осужден был крестьянин?»

Экзаменующийся, подумав, отвечает:

«Да, ему дали принудработы».

Экзаменующийся рассказывает о повести Фурманова «Чапаев»⁸. Тоже мнется. Говорит тихо, несвязно.

Преподаватель спрашивает его:

«Кто же был комиссаром в дивизии Чапаева?»⁹

Экзаменующийся, замаявшись, отвечает:

«Этот, как его, Колчак»¹⁰...

Два первых ответа, как мы видим, являются следствием воспитания советского, следствием воздействия на сознание учащихся окружающей среды, советской действительности. Принудработы, белогвардейцы — слова и понятия советского периода, воспринятые некритически, преломленные в сознании учащегося в историческое прошлое, иное и по форме, и по содержанию.

В эти ответы, которые сначала вызывают только улыбку, следует вдуматься, и тогда мы увидим значительно больше. Мы увидим, что часть нашей молодежи не знает прошлого России, ее истории, не знает, прежде всего, хорошего в этом прошлом, не может сравнить его с настоящим, с советской действительностью. Незнание прошлого России, незнание Западного мира лишает нашу молодежь, может быть, и не всю, но значительную часть ее, того критерия, с которым бы она могла подходить к советской действительности.

Таким образом, эти курьезные, на первый взгляд, ответы заключают в себе глубокий смысл, свидетельствуют о тех процессах, которые происходят в сознании молодежи.

Третий ответ экзаменующегося, о Колчаке, объясняется, по-видимому, незнанием литературы вообще, низким образовательным уровнем, незнанием, в частности, истории Гражданской войны. Как это ни странно, но история Гражданской войны в школах не изучалась.

Приведенные примеры ответов не являются абсолютным исключением. О подобных ответах я знал из рассказов знакомых преподавателей.

Однако на основании этих ответов не следует делать вывод о низком развитии и низком образовательном уровне всех учащихся, всех выпускников школ. Наряду с приведенными примерами, я мог бы привести примеры, свидетельствующие об исключительно высоком уровне развития учащихся даже сельских школ, о большой начитанности их. Как правило, высокий уровень развития достигался не столько в процессе учения в школе, сколько в процессе самообразования, в процессе чтения.

И еще следует отметить одно. Уже в плане политическом. Тоже, как правило, блестяще учились (я говорю о тех, кто приходил в техникумы из сельских школ) дети раскулаченных крестьян, нередко сироты, родители которых погибли в ссылке. Я не хочу этим сказать, что в нашем народе есть одаренные и неодаренные слои, хотя зажиточные

крестьяне отличались, конечно, большими способностями, большим трудолюбием. Но все-таки я не хотел бы выделять какой-то слой. Объяснялось то явление, о котором я говорю, по-моему, несколько иными причинами. Детям раскулаченных в течение нескольких лет был закрыт доступ не только в высшие учебные заведения, но и в средние, такие, как техникумы. И даже в средние школы. Были районы, где детям раскулаченных не давали возможности учиться даже в старших классах средней школы. Как я уже говорил, дети раскулаченных, как и все, кому большевики не давали возможности учиться, обходили преграды, установленные властью: уезжали из родных мест, доставали подложные документы, учились. Но, конечно, не все, не всем удалось прорваться через рогатки большевистских законов.

В октябре или в ноябре 1934 года на последней странице «Известий» и «Правды» появилась в отделе хроники короткая заметка, в которой сообщалось о том, что Совнарком вынес решение, снимающее ограничения для поступления в высшие учебные заведения детей социально чуждых.

На следующий же год тысячи юношей и девушек, социальное происхождение которых не дало возможности до сих пор учиться, пришли в университеты, институты, техникумы. Пришли и те, которые только что окончили школы, и те, которые окончили школы год, два, три, четыре тому назад. Вся эта масса молодежи, пополнив свои знания самообразованием, страстно желавшая учиться, легко проложила в конкурсных экзаменах себе путь в высшие учебные заведения и техникумы. Вполне также естественно, что и училась эта молодежь отлично.

Я остановился на этом вопросе неслучайно. Ведь он носит сугубо специфический характер, присущий только советской школе, советской стране. Ни в одной другой стране нет ничего подобного. Есть только одно: препятствия материального характера, которые, кстати, всегда были и в СССР, хотя и в значительно меньшей степени. С 1940 года, со времени введения платы за обучение в 8–10 классах школы¹¹, препятствие материального характера в СССР столь же велико, как и в капиталистических странах. Если же принять во внимание низкий стандарт жизни в СССР, необеспеченность таких слоев населения как рабочие и крестьяне, то можно утверждать, что материальные препятствия для учения в СССР значительнее, чем во многих капиталистических странах. Необеспеченной семье в СССР так же трудно учить детей, как в самой отсталой стране. А, может быть, еще и труднее.

Вернусь теперь к основному вопросу этой части моей работы: школа после 1935 года.

В 1936 году я пришел в школу в качестве преподавателя русского языка и литературы. За шесть лет, прошедших после того, как я в последний раз переступил порог школы, в ней произошли существенные перемены. Но многое осталось по-прежнему.

Перемены, происшедшие в школе, касались, прежде всего, постановки преподавания. Лабораторный, бригадный метод был отменен, как не оправдавший себя. Я бы добавил к этому: как искалечивший несколько поколений. Комплексная система преподавания была заменена предметной. Был введен урок, как единственная обязательная форма обучения. Были введены экзамены, которые вначале назывались испытаниями, система отметок от «очень плохо» до «отлично», а затем и цифровая система — от единицы до пятерки. К учащимся предъявлялись теперь значительно более высокие требования, чем раньше, как в области знаний, так и в области дисциплины.

Обучение начало проводиться по учебникам. Один за другим появились стандартные учебники по всем предметам.

Реформы эти произвели, несомненно, положительные перемены: с каждым годом начал расти общеобразовательный уровень учащихся, повышалось их развитие, мерами внушения и, главным образом, репрессивными мерами поднималась дисциплина. Учащихся, совершивших грубые нарушения дисциплины или систематически неуспевающих, — даже исключали из школы. Исключение, правда, считалось мерой крайней. В 1939–40 годах директора школ вообще перестали исключать нарушителей дисциплины и неуспевающих, так как вся ответственность за проступки учащихся и плохую успеваемость возлагалась на учителей и директоров школ. Их обвиняли в том, что они «не сумели воздействовать на учащихся».

Как я уже указывал, в результате проведенных реформ повысился уровень знаний и, скажем, в 1940 году средние школы-десятилетки (реформа ввела вместо девятилетнего — десятилетнее обучение) выпускали уже вполне грамотных людей.

Но вот о дисциплине этого нельзя сказать, нельзя утверждать, что дисциплина намного поднялась. В причинах этого явления стоило бы разобраться. Вскоре после проведения основных реформ вышел закон о всеобщем обучении (всеобуч), о всеобщем семилетнем обучении¹². Родители теперь обязаны были посылать своих детей в школу. Учителя обязаны были мерами внушения, мерами уговаривания привлечь всех детей к обучению в школе.

Теперь в школу пришли и те дети, которые в силу разных причин, прежде всего, в силу материальной необеспеченности семей, не посещали ее. Одни из этих детей работали, другие вообще ничего не делали. В школу пришли и так называемые безнадзорные¹³, полусироты, у одних из них не было матерей, у других — отцов. В школу пришли дети улицы, с соответствующим, конечно, поведением. Они сразу же пошатнули дисциплину в школе, и потом справиться с ними было очень трудно. Они пропускали занятия, нарушали дисциплину на уроках. Это был в буквальном смысле слова бич учителей и администрации школы.

Второй причиной падения дисциплины явились события 1937 года, массовые аресты в стране. Многие семьи остались без отцов, их материальное положение пошатнулось, дети перестали посещать школу. В самой школе усилились антибольшевистские настроения. Протест против режима выражался иногда у детей в форме нарушения школьной дисциплины.

Наконец, третья причина падения дисциплины определялась введением платы за обучение. На учение в школе учащиеся перестали смотреть как на благодеяние, которое делает им государство. Учащиеся стали вести себя несколько вызывающе. Вместе с тем учиться стали не хуже, а лучше, потому что отличников освобождали от платы за обучение. Так же, как в высших учебных заведениях, отличная успеваемость обеспечивала право на получение стипендии.

Введение урочной системы и все остальные перемены в школе повысили роль педагога и вместе с тем увеличили его ответственность. Об этом я еще буду говорить. Сейчас же отмечу только одно, что имеет непосредственное отношение к учащимся. Педагог стал пользоваться большим уважением и любовью учащихся. Конечно, по-прежнему были любимые и нелюбимые педагоги, по-прежнему нелюбимым присваивали клички, устраивали неприятности и т.д., но сама личность учителя стала пользоваться, несомненно, большим уважением и авторитетом. Чем больше знания своего предмета показывал педагог, чем интереснее были его уроки, тем больше уважения питали к нему ученики. Педагог, с одной стороны, поднялся в глазах учащихся как авторитет, как человек, передающий им свои знания, с другой стороны, он приблизился к ним как воспитатель, как старший товарищ, как моральный авторитет.

Роль общественной работы в жизни школы явно снизилась. По-прежнему заседал учком, по-прежнему существовал ОСОАВИАХИМ и МОПР, но при переходе из класса в класс, при оценке успехов учащихся принимались во внимание только их знания, между тем как раньше играла свою роль и общественная работа: ученик, имевший плохие отметки, но активно работавший как общественник, мог рассчитывать на то, что его переведут в следующий класс именно как общественника. Ученические комитеты по-прежнему посылали своих представителей на заседания педагогических советов, но эти представители не имели того решающего голоса, как прежде.

Роль комсомола осталась прежней, может быть, даже повысилась. Комсомольская организация не могла, скажем, вмешиваться с большим успехом в вопросы определения успеваемости учащегося, но зато она вмешивалась с другой стороны, она искала политические мотивы тех или иных поступков учителей, которые казались ей небольшевистскими. Подходя с этой стороны, комсомольская организация вмешивалась непосредственно в работу учителя.

На закрытых комсомольских собраниях обсуждались те или другие поступки учителей, критиковалась работа учителя, постановка преподавания. Искали в преподавании учителя, если это по ходу дела нужно было, несоветское, несозвучное эпохе, как принято там говорить. Комсомольская организация могла по своей комсомольско-партийной линии начать против неугодного ей учителя травлю. Особенно это относится к годам ежовщины. Об организации партийной, в которую входили главным образом учителя, скажу ниже.

Теперь об интересах и политических настроениях учащихся. Прежде всего, нужно сказать, что интересы учащихся нашей школы значительно шире и глубже интересов учащихся западной школы. Я имею в виду, в первую очередь, немецкую школу, которую немного знаю. В этом сопоставлении я не хотел бы касаться самой системы образования. Это дело каждого народа. С нашей точки зрения, преподавание в американской, например, школе поставлено неудовлетворительно. С точки зрения американцев, может быть, именно такая система образования отвечает интересам нации. Повторяю — этого вопроса я не касаюсь. Но вот о широте интересов учащихся нашей школы и западной мы можем говорить. При этом я не хотел бы, чтобы то хорошее, что есть в нашей школе, в среде нашей молодежи, читающий эту работу приписал бы влиянию большевистского режима. Нет, не благодаря, а вопреки большевистскому режиму наша молодежь приобрела то хорошее, чем она располагает. И интересы, и запросы ее не от большевизма, а от извечных черт нашего российского характера. Стремление к знанию, к глубокому знанию, стремление к непрерывному расширению круга знаний и интересов, увлечение вопросами философии, истории, литературы всегда было свойственно российской молодежи. Наша молодежь получала всегда, так сказать, двойное образование: одно в учебном заведении, на ученической и студенческой скамье, другое — в библиотеках, в музеях, в театрах, за домашним письменным столом. Ведь только у нас термин самообразование имеет такой широкий и глубокий смысл.

Большевики пытались увести молодежь от науки, от литературы в область специфической политики и общественности, которые ставят только одну цель: поддержание и укрепление режима. В конце двадцатых годов и в начале тридцатых какая-то часть молодежи увлекалась общественной и политической работой, увлекалась в ущерб знаниям, успехам в науках. С середины тридцатых годов можно было наблюдать резкое падение интереса к общественной работе. Интересы молодежи переключились в науку, в учение, в работу различных кружков — литературных, исторических, физических и т.д., в самообразование. Возрос интерес к книге. По свидетельству библиотечных работников, главным образом к классической литературе, русской и западной. Возрос интерес к театру, причем посещались спектакли преимущественно с классическими вещами. Если в конце двадцатых и начале тридцатых годов

у учащихся проявлялся интерес к кружкам техническим, то перед войной он заменился интересом к гуманитарным наукам.

Делая выше сравнение нашей школы с западной, нашей молодежи с молодежью на Западе, я не хотел сказать, что вся молодежь на Западе лишена духовных и научных запросов. Сказать так — значит совершить грубую ошибку. Но мне все-таки кажется, что слой молодежи, не лишенной таких запросов, у нас значительно шире. У нас больший процент молодежи с интересами, выходящими за границы баскетбольной площадки.

К слову — о спорте. Спортом у нас тоже увлекаются, спорт любят, но не в ущерб другим интересам, не в ущерб учению.

Труднее всего говорить о политических настроениях молодежи. Здесь мы берем на себя большую ответственность. Но не побоимся ее, ибо это, с моей точки зрения, один из основных вопросов в проблеме характеристики советской школы.

Чего же, в конце концов, достигли большевики? Достигли ли они тех результатов, которых добивались? Воспитывает ли школа действительно преданных делу Ленина–Сталина граждан или нет? Воспитывает ли она идейных сторонников коммунизма или нет? Ответы на эти вопросы дать необходимо. Общим коротким ответом — да, наша школа воспитывает идейных коммунистов или — нет, наша молодежь настроена антикоммунистически, таким ответом нельзя ограничиться, такого ответа нельзя дать. Вопрос слишком сложен. Коротко можно ответить только так: нет, большевики не достигли тех результатов, к которым стремились, на которые рассчитывали. Можно сказать: наша молодежь, как и весь наш народ, победила, она не покорила большевикам, не сломилась, не позволила сделать из себя послушное орудие большевистской политики.

Герои документального романа А. Фадеева «Молодая гвардия» Олег Кошевой и его товарищи, воспитанники советской школы, погибли в борьбе против немцев во время войны. Они организовали подполье, которое боролось против немцев, боролось вместе с идейными большевиками, отстаивая большевистский режим. Это так. Но подлинным движущим началом в этой борьбе был отнюдь не советский, а российский патриотизм. Любовь к Родине — России — вот что двигало молодыми подпольщиками. В клятве, которую давали подпольщики Краснодона, как и подпольщики и других наших городов, не было ни слова о большевизме, о Сталине. Только о Родине¹⁴. Знаменательное явление!

Трагедия российской молодежи в том, что в последнюю войну, защищая Россию, она защитила и большевизм, прикрыла его своей грудью. С уверенностью можно сказать, что на протяжении всех тридцатых годов в среде молодежи росли и ширились антибольшевистские настроения. Чем это объясняется? Где причины этого явления?

Во-первых, это объясняется общим ростом антибольшевистских настроений в народе. Во-вторых, разочарованием молодежи.

Если в конце двадцатых годов часть молодежи была увлечена перспективами развертывающейся индустриализации страны, охвачена — не нужно этого скрывать — пафосом строительства, то в конце тридцатых годов от этого пафоса не осталось и следа. Вместо широких далей, которые так красиво, заманчиво рисовали большевики, у молодого человека или девушки не осталось ничего, кроме окончания — в самом лучшем случае — университета и работы на окраинах страны или в сельской глуши. Зная о подлинных настроениях молодежи, большевики стали в то время много говорить о долге перед народом и страной, который заключался, по их утверждению, вот именно в такой обыкновенной работе. Работать там, куда посылает «партия и правительство», делать свое, может быть, и небольшое, но очень важное дело, важное в общем ходе «построения социализма». В литературе появился положительный герой — студент, оканчивающий высшее учебное заведение и мечтающий о будущей своей работе в качестве агронома в Кубанской станице или лесоведа в сибирской тайге. Вспоминается один из талантливых очерков Е. Кригера в «Известиях»¹⁵ о маленьком счетоводе какого-то колхоза Вологодской области, который наконец-то понял значение той миссии, какую выполнял. Пафос мелких дел не мог, естественно, увлечь молодежь, перед которой еще вчера раскрывались широкие дали. Коммунистические, но все-таки дали, которые манили своей кажущейся грандиозностью и кажущимся благородством цели. В пафосе тех далеких лет звучали струны интернационализма не только разрушительного: «Мы учимся и работаем не только для себя, но и для всего человечества».

Разочарование в идеях коммунизма наступило еще задолго до того, как большевики повернули всю свою пропаганду на рельсы патриотизма. Идеей советского патриотизма большевики поспешили заполнить ту брешь, которая образовалась в сознании молодежи в результате крушения идей коммунизма. Первый сокрушительный, действительно сокрушительный удар коммунистическим идеям, вообще увлечению молодежи «строительством коммунизма» нанесла коллективизация. Второй окончательный удар — ежовщина. Весной 1940 года я читал лекцию в сельскохозяйственном техникуме. В ходе лекции процитировал слова В.Г. Белинского, написанные им в 1840 году о том, как завидует он потомкам, которые увидят Россию 1940 года, цветущую, прекрасную...¹⁶ Когда я прочитал эту цитату, в аудитории раздался смех. Я сделал вид, что ничего не произошло. Но дело не в этом. Важна сама реакция студентов, реакция у многих совершенно инстинктивная. Ведь это не была организованная демонстрация. Нет, смех вырвался помимо их воли: такими дикими показались им слова великого критика, позавидовавшего им, видевшим

и разорение деревни во время коллективизации, и голод, последовавший за коллективизацией, видевшим вокруг нищету и произвол.

«Позавидовал», — вырвалось у одного из студентов, и умные глаза его блеснули таким непередаваемым сарказмом, что я помню их до сих пор. Пример, по-моему, достаточно яркий и убедительный, доказывающий, что молодежь понимала, что происходит вокруг, отдавала себе отчет в том, куда большевики привели страну и народ.

Другой пример не менее убедителен. Мне рассказывал преподаватель из Симферополя, что в десятом классе одной из средних школ города не было ни одного комсомольца. К сожалению, в моих записках не сохранился номер школы. Сколько комсомольская организация школы (кстати, весьма незначительная) ни старалась вовлечь учащихся десятого класса в комсомол, она ничего не смогла сделать. Учащиеся, ссылаясь на загруженность уроками и домашними заданиями, уклонялись от подачи заявлений в комсомол. Причем вели себя отнюдь не вызывающе, сознавая, что таким путем можно все испортить.

Не следует, однако, на основании приведенных фактов делать выводы об антибольшевистских настроениях всей молодежи без всякого исключения. Известная часть ее, прежде всего комсомольский актив и какая-то часть беспартийных, продолжают идти за большевиками. Определить эту часть молодежи в каких-то цифрах очень трудно. Можно сказать только одно: это незначительная часть, но она все-таки есть.

Какая-то часть молодежи участвует активно в жизни страны, хотя бы в том же строительстве потому, что в человеке заложено неистребимое стремление к творчеству, к приложению своих сил в деле, результаты которого человек мог бы видеть. И вот он видит заводы, которые строит, больницы, проекты которых он чертит. Нужно большое напряжение воли, чтобы осознать, что за всем этим стоит черный призрак большевизма, цели которого противоположны интересам народа. Люди осознают, люди видят этот призрак все яснее — антибольшевистские настроения растут и углубляются и среди всего народа, и среди молодежи. Растут и углубляются, несмотря на пропаганду, которой пронизана вся жизнь, несмотря на многолетнее воздействие школы, которая поставлена на службу большевизму.

Что можно сказать о результатах коммунистического воспитания в советской школе? Можно с уверенностью сказать, что этот результат во много раз меньше затрачиваемых большевиками усилий. Незначителен этот результат еще и потому, что сама молодежь, видящая расхождение между пропагандой и действительностью, успешно сопротивляется попыткам большевиков целиком подчинить подрастающее поколение. Этому сопротивлению молодежи во многом способствует и наш учитель.

3. ПОДГОТОВКА УЧИТЕЛЕЙ ШКОЛЫ

Положение в высших учебных заведениях. Степень подготовленности студентов. Требования, которые предъявляются к ним. Их интересы и политические настроения.

В тему моей работы не входит характеристика постановки образования в высших учебных заведениях, но я не могу хотя бы коротко не коснуться этого вопроса, ибо без этого не будет ясен облик нового учителя, воспитанника советских высших учебных заведений. При этом я не буду касаться общеизвестного: структуры высших учебных заведений, постановки образования и т.д., я хочу только дать те сведения, которые помогли бы создать облик студента, будущего учителя. В значительной мере я буду базироваться на личных воспоминаниях.

Когда мы говорим сейчас о советских высших учебных заведениях, то, как и при характеристике школьного дела, не должны забывать о коренной перестройке всего преподавания в высших учебных заведениях, которая тоже была проведена в начале и середине тридцатых годов. Реформы в высших учебных заведениях так же, как и в школах, преследовали цель повышения образовательного уровня студентов.

Как известно, до середины тридцатых годов в высшие учебные заведения — университеты, институты, академии — студенты принимались без экзаменов. Достаточно было иметь удостоверение об окончании средней школы. Кого же выпускала средняя школа, ясно из предыдущих частей моей работы. Школа выпускала, прежде всего, людей плохо грамотных. Грамматику русского языка в университете учить уже поздно, и вполне понятно, что высшие учебные заведения выпускали тоже полуграмотных людей.

Реформы в высших учебных заведениях также, как и в школах, были проведены большевиками потому, что этого требовала сама жизнь, требовала наша профессура, которая не могла не видеть, кого выпускают наши университеты, бывшие когда-то гордостью России.

Учителей для средних школ выпускали университеты (каждый, закончивший университет, имел право преподавать в школе ту дисциплину, которая была основной на его факультете: окончивший физико-математический факультет имел право преподавать физику и математику, химико-биологический — химию и т.д.) и специальные педагогические институты.

В начале тридцатых годов новые пединституты были открыты в ряде областных городов: в Орле, Курске, Воронеже, Смоленске и др.

Я закончил Орловский пединститут, который открылся в 1931 году.

Педагогические провинциальные институты строились по образцу столичных. Во многом, конечно, постановка всей работы зависела

от профессорско-преподавательского состава. И надо сказать, что состав этот был далеко не одинаков. В тех областных городах, которые находились далеко от столиц — Москвы и Ленинграда — и старых университетских городов, лекции читали молодые доценты и даже простые преподаватели средних школ. Профессоров не хватало для всех вновь открытых институтов. Постановка преподавания в таких институтах, где лекции читались пусть и опытными, но простыми преподавателями, была неудовлетворительной.

В совсем другом положении находились институты в городах, расположенных вблизи столиц или старых университетских городов, располагающих крупными профессорскими силами. Профессора старых университетов ездили на две-три недели по несколько раз в год в новые институты и читали курс лекций. Так было, например, у нас в Орле. Курс западной литературы на факультете русского языка и литературы читал известный знаток западной литературы, профессор Харьковского университета С. Утевский. На математическом факультете читал лекции профессор Московского университета Огородников.

Курс русской литературы у нас читал старый, известный в научных кругах профессор А.М. Путинцев, умерший перед войной. Профессор Путинцев попал в Орел в качестве... ссыльного. Он был сослан сначала из Ленинграда в Воронеж, а затем из Воронежа в Орел¹⁷. По этому поводу студенты довольно зло острили: «Вот если бы доблестные органы НКВД не были так бдительны, то мы и не услышали бы знаменитого профессора... Спасибо НКВД». Профессор Путинцев пользовался исключительным уважением и любовью студентов. Его научные концепции, его, часто далекая от марксистской, трактовка литературных явлений — все это не могло не сказаться благотворно на развитии студентов, на их образовании. Вполне понятно, что такой профессор не мог не испытывать прямо-таки страданий, когда он видел перед собой студента, не знающего простых правил русской грамматики.

Когда я поступал в пединститут в 1932 году, экзаменов не было. На литературный факультет было принято около 40 человек. Первый выпуск 1936 года состоял из 14 человек. Остальные, выражаясь официальным термином, отсеялись. Отсеялись, бросили учение потому, что уже при переходе со второго на третий курс нужно было сдавать экзамены.

Я вспоминаю ряд таких «отсеявшихся» студентов. Студент Б. закончил рабфак. Писал абсолютно безграмотно, хотя много читал, любил и знал литературу. Студент К. закончил 8 классов школы-девятилетки. Писал с массой ошибок. Студент Л. закончил всего 5 классов школы, потом какие-то курсы. Писал совершенно неграмотно. Не мог более или менее связанно выразить свою мысль.

С большим трудом они дотянули до середины второго курса и ушли из института.

Студент Л. говорил, что он вообще не может учиться, так как ничего не понимает. А между тем он, после того как ушел из института, получил место инспектора Курского облоно¹⁸ по ликвидации неграмотности. Через два года я встретил его в Жуковском районе Орловской области. Он занимал место директора одной из средних школ и даже... преподавал русский язык и литературу в 6 классах. Что он преподавал, я до сих пор понять не могу: он был в буквальном смысле слова малограмотным, совершенно неразвитым человеком. Стоит ли говорить, что Л. был членом партии, до поступления в институт — активным комсомольским работником. По партийной линии он и получал назначения.

Студент Б., который ушел из института из-за своей малограмотности, тоже преподавал где-то на рабфаке литературу. Студент К., беспартийный, проявил больше скромности и такта: он устроился в Тургеневский музей в Орле научным сотрудником.

Я снова должен сделать оговорку. Эти примеры не должны создавать впечатления у тех, кто будет читать мою работу, что все студенты были малограмотными. Вместе со мной поступали окончившие успешно школы-девятилетки, поступали старые опытные преподаватели начальной школы, не имевшие высшего образования. И те 14 человек, которые кончили институт, стали неплохими преподавателями.

Кончил институт я уже в то время, когда студентам предъявлялись новые требования, вытекающие из тех реформ, которые были проведены в высших учебных заведениях. Эти требования и привели к тому, что из 40 человек, поступивших на первый курс, закончили институт только 14 человек. В чем же заключались новые требования?

Прежде всего, нужно отметить, что они касались и студентов, и профессоров. Профессор должен был теперь строго требовать от студента знания предмета, а студент должен был знать его, должен был усиленно работать. Если до этого не было экзаменов, а только зачеты, то теперь, с середины тридцатых годов, вводились строгие экзамены. С каждым годом требования к студентам повышались. В течение 1934, [19]35, [19]36 годов студенты всех курсов литературного факультета должны были написать несколько диктантов. Студентов, плохо знающих грамматику, не переводили на следующий курс. Все это заставляло студентов усиленно заниматься, а многих, которые увидели, что не справятся, заставило уйти из института.

Таким образом, уже выпуск 1936 года был нормальным. Это был первый выпуск учителей, знающих свой предмет и, конечно, грамотных.

Требования к студентам в пединститутах, как и в других высших учебных заведениях, из года в год повышались, и к 1941 году институты выпускали уже достаточно квалифицированных учителей. Хотя по-прежнему существовали различные краткосрочные курсы, выпускающие далеко не квалифицированных [учителей]. Я имею в виду краткосрочные курсы по подготовке учителей начальной и неполной средней школы. После введения всеобщего обязательного семилетнего образования открылось много новых школ — и учителей по-прежнему не хватало. Вновь открытые институты дали первые выпуски только в 1935–36 годах. Поэтому продолжали функционировать краткосрочные курсы, выпускавшие неквалифицированных учителей.

Вернусь снова к положению в пединститутах. Что же представлял собой контингент студентов пединститутов? Каков был социальный состав студенчества? Каковы интересы, политические настроения?

Как я уже указывал, до 1935 года в высшие учебные заведения СССР не принимались дети так называемых социально-чуждых элементов: дети бывших офицеров, купцов, торговцев, крупных чиновников, духовенства, дворян, почетных граждан, работников полиции и прокуратуры, раскулаченных и т.д. Можно себе представить, какое огромное число молодежи могло остаться за бортом высших учебных заведений. Даже дети служащих, дети интеллигенции принимались во вторую очередь. В первую очередь — дети рабочих и крестьян. Я сказал «могло остаться за бортом». Подчеркиваю эту фразу, потому что практически дети «социально-чуждых» преодолевали те преграды, которые устанавливала власть. Я уже писал о том, как уезжали далеко от родных мест, как по несколько лет работали на тяжелой физической работе, чтобы получить документ рабочего, как устраивались потом часто по подложным документам в университеты, учились.

Таким путем, по сути дела нелегальным, в высшие учебные заведения проникло большинство «социально чуждых». Нередко их разоблачали, исключали, они уезжали в другой конец страны, снова устраивались. По существу, это была одна из форм борьбы народа против режима.

Аппарат ОГПУ–НКВД¹⁹, который занимался проверкой всех поступающих в высшие учебные заведения, не мог справиться с стоящими перед ним задачами проверки миллионов людей. Очевидно, этот аппарат, о котором принято говорить как о наиболее мощном и четком аппарате большевистской государственной машины, работал далеко не четко. Естественно, что резко антисоветские настроения этой группы студентов отражались на настроении всей студенческой массы.

Мой личный опыт показал, что проникнуть в высшее учебное заведение мог и «социально чуждый». Я закончил школу в 1930 году. Попытки мои поступить в университеты, сначала Московский, а затем Ленинградский, окончились безрезультатно: меня не приняли потому, что мой дед был ректором Духовной семинарии, а главное — редактором большой газеты. После этого неудачного опыта я решил скрыть свое прошлое. Два года я проработал простым рабочим на заводе, а осенью 1932 года подал заявление в Орловский педагогический институт. Во всех анкетах в графе «социальное происхождение» я написал: рабочий. Меня приняли, и только когда я закончил третий курс, исключили «за сокрытие социального положения». Через полгода я снова устроился в институт и закончил его. Моя основная ошибка заключалась в том, что я поступил в институт в родном городе, где меня хорошо знали. И, несмотря на это, я проучился три года. Только в конце третьего года меня «разоблачили».

Я знаю случаи, когда уехавшие из родных мест успешно заканчивали высшие учебные заведения по подложным документам.

Но не всегда, конечно, это удавалось. Немало видели университетские стены человеческих трагедий. В конце 1934 года из Орловского пединститута исключили «за сокрытие социального происхождения» студентку 3 курса химико-биологического факультета Иванову. После того как директор института объявил ей об исключении, она спустилась в химическую лабораторию и приняла яд. Спасти ее врачам не удалось²⁰. В течение нескольких дней в коридорах института не слышно было смеха. В разговорах между собой студенты открыто обвиняли власть. Партийная организация института два раза собиралась на закрытые заседания, на которых присутствовали представители НКВД.

Такие случаи тоже не могли не отражаться на политических настроениях студентов, они только усиливали вражду к большевизму.

Политические настроения студентов, в основном антисоветские, отражались на их интересах, на всей духовной жизни. Такие дисциплины, как история партии или ленинизм, никогда никакого интереса не вызывали, к изучению их относились как к неприятной, тяжелой обязанности. Собственно говоря, такие дисциплины и не изучали, как изучали, скажем, литературу, по этим дисциплинам учили только тот минимум, который необходим был для сдачи экзаменов. На дополнительные занятия, в кружки по изучению таких дисциплин, как уже упомянутый ленинизм, ходили единицы, а литературный диспут, например, привлекал сотни студентов не только литфака, а и других факультетов.

Интерес к литературе у всех студентов был очень большой. Все студенты много читали. Следили не только за современной совет-

ской литературой, но и за современной западной, конечно, в тех рамках, которые определялись советскими издательствами, выпускавшими на книжный рынок далеко не все, что появлялось на Западе. Читали Теодора Драйзера, Синклера, Хемингуэя, Фейхтвангера²¹ и др. Читали и любили русскую классическую литературу и западную классическую.

Большой интерес всегда вызывал театр, опера. В те города, где не было хороших театров, обычно приезжали на гастроли столичные театры — и всегда они были полны студентами. Вообще, как это было и до революции, студенчество проявляло живой интерес к литературе и искусству.

В отличие от студенчества дореволюционного, студенчество наших дней лишено общественных интересов. Если до революции студенчество находилось в центре общественной жизни, общественных интересов, то теперь студенты без всякого желания несут так называемые общественные нагрузки. Само слово «нагрузка» свидетельствует об отсутствии у молодежи интереса к общественной работе. Общественная работа вызывала интерес только у немногих, главным образом у комсомольского актива.

Многие студенты увлекались и увлекаются спортом. Летним — волейбол, баскетбол, легкая атлетика, футбол, и зимними — лыжи, коньки, хоккей. Однако это увлечение не носило такого характера, как в Америке. Спорт входил в жизнь молодежи, в жизнь студентов, не нанося ущерба другим интересам.

Политические настроения студенчества нельзя определить одной формулой: антисоветское или, наоборот, просоветское, потому что наряду с антисоветскими настроениями, захватывавшими широкие круги студенчества, существовали и настроения полного нейтралитета — мы занимаемся наукой, а не политикой. В науку уходили, чтобы скрыться от советской действительности, от навязываемой политики большевистской. Наряду с этими настроениями существовали настроения просоветские. Нельзя ведь отрицать того, что известная часть молодежи шла за большевиками, не видя других путей, не видя того, что могло бы заменить большевизм, что казалось бы более прогрессивным. Среди молодежи наблюдалось и сейчас наблюдается отталкивание от капитализма как социально-экономической системы. Познакомиться ближе с политическим строем демократических стран студенчество, как и весь наш народ, не могло. Отталкиванию от капитализма способствовала и советская пропаганда.

Вместе с тем непрерывно шел процесс разочарования большевистским режимом, шел рост антисоветских настроений, и чем дальше, тем больше среди молодежи появилось противников большевизма.

4. УЧИТЕЛЬ В ШКОЛЕ

Подготовленность молодых учителей. Старые учителя и их взаимоотношения с молодыми. Учителя и учащиеся. Рабочий день учителя. Интересы учителей. Их политические настроения.

Я уже писал о тех случаях, когда полуграмотный человек получал пост директора школы и даже преподавал русский язык. Описанный случай не представлял собой исключения.

В одной из средних школ Воронежа, где мне пришлось работать, некоторое время преподавала географию учительница Екимова, закончившая краткосрочные курсы по подготовке учителей географии для неполной средней школы. В моих записках, относящихся к тому времени, есть подробный рассказ о том, как преподавала Екимова.

Я сам, будучи заведующим учебной частью школы, бывал на ее уроках. Вот что я услышал на первом же уроке в 5 классе.

«Итак, ребята, — начала Екимова урок, — мы разберем сегодня с вами тему “Северо-Ледовитый океан”. Итак, значит, на берегу Ледовитого океана растут водоросли, и там водятся белые медведи, моржи и другие звери».

Дальше все шло примерно в таком же духе, хотя она старалась не отступать от текста учебника, который лежал раскрытым перед ней на столе. Как только она отрывала взгляд от ученика, в рассказе появлялись моржи, живущие в водорослях.

Я с большим трудом досидел до конца урока: очень хотелось просто выгнать ее из класса.

Разбирая вместе с нею в конце занятий урок, я пытался доказать ей, что белые медведи не в водорослях водятся. Однако безуспешно.

«Вы придираетесь ко мне, товарищ завуч, — ответила она мне. — Я по учебнику преподаю. Там все написано. И вообще, я пойду в горком»...

На втором уроке Екимова сделала новое открытие.

«Мы с вами, ребята, живем в Западной Европе», — объявила она.

Директор школы, с которым я говорил о Екимовой, не высказала большого удивления, а тем более — возмущения. На мое предложение немедленно отстранить Екимову от уроков, директор ответила:

«Нет, нельзя. Екимова — учительница молодая. Ей нужно помочь. Это ваша обязанность».

Я заявил, что снимаю с себя ответственность за преподавание географии в 5-х классах и сообщаю об уроках Екимовой в Горono²².

Директор сама посетила несколько уроков Екимовой. Прошло немало времени, пока удалось удалить ее из школы. Горком партии (Екимова была кандидатом в члены партии) упорно защищал ее.

В результате длительных переговоров Екимову... перевели в другую школу. Все это было в 1940 году. Хотя случай с Екимовой и не представлял собой исключения, но не следует делать вывод о том, что все молодые учителя были столь неквалифицированными. Такой вывод был бы ошибочным, ибо наряду с Екимовой я встречал прекрасно образованных молодых учителей, о которых старые учителя давали самую лучшую характеристику.

Если в начале тридцатых годов к новому, молодому учителю относились с предубеждением и старые учителя, и родители учащихся, и сами учащиеся, то в конце тридцатых годов многие молодые учителя стали пользоваться заслуженным авторитетом.

Учителя старые, имевшие большой педагогический опыт и большой запас знаний, полученный в дореволюционных университетах, относились к молодым учителям без профессиональной предубежденности старых мастеров. Отношения старых учителей к молодым определялись поведением и знаниями самого молодого учителя. Если молодой учитель показывал знание своего предмета, любовь к своему делу — он пользовался среди старших товарищей заслуженным уважением и любовью. Если молодой учитель не знал свой предмет, не любил свое дело педагога — он не мог рассчитывать на уважение. Если молодой учитель, не имея еще опыта, но проявляя искреннее желание приобрести его, обращался за советом, за помощью к старому учителю — он никогда не получал отказа.

Мне не приходилось наблюдать за все годы моей работы в школе случаев проявления антагонизма между старыми и молодыми учителями. Молодые учителя, со своей стороны, относились с большим уважением к старшим товарищам. И чем опытнее и квалифицированнее был старый учитель, тем большим уважением он пользовался среди молодых учителей. Не разделяли старых и молодых учителей и политические взгляды: и среди тех, и среди других встречались преданные большевизму, большинство же относилось к режиму отрицательно. Более подробно о политических взглядах учителей я буду еще говорить.

Теперь о взаимоотношениях учителей и учащихся. Я уже писал об этих взаимоотношениях во второй части моей работы. Добавлю еще, что взаимоотношения учителей и учащихся можно было бы определить (я говорю о последних годах перед войной) как отношения, приближающиеся к дореволюционным — в плане отрицательном и в плане положительном. Как и прежде, до революции, у учителей были любимые и нелюбимые ученики, и наоборот, у учеников были любимые и нелюбимые учителя. И в то же время в отношениях учителей к учащимся было много хорошего. Учитель, особенно в старших классах, относился к ученикам нередко как к

младшим товарищам, относился с любовью. И ученики отвечали тем же. Даже учителя строгие, требовательные, если они не бывали пристрастными в отношениях к ученикам, если ученики не видели несправедливых поступков с их стороны, то и такие учителя пользовались уважением. Случаи проявления вражды к учителю, явного неуважения, несомненно, имели место, но они представляли собою исключение. Учащиеся нарушали дисциплину, совершали нередко грубые антидисциплинарные поступки, и во многих школах дисциплина была очень плохой, но эти нарушения дисциплины не были, как правило, направлены против учителя. Нарушался общий распорядок школы, учащиеся пропускали уроки, плохо вели себя вне школы, но все это не было направлено против учителя лично.

Мне известны случаи поистине трогательного отношения учеников к учителям, случаи, свидетельствующие о наличии какого-то внутреннего контакта между учителем и учениками. Характеризуя выше политические настроения учащихся, я описал случай, происшедший со мной лично, когда после цитаты из Белинского, позавидовавшего потомкам, живущим в 1940 году, в классе раздался смех. Ведь, по сути дела, это был коллективный антибольшевистский акт, о котором и учитель, и ученики (так считают большевики) должны были сообщить в соответствующие органы. Произошло ли это? Нет. По молчаливому сговору ни учитель, ни ученики, — а в классе сидело все-таки около 40 человек! — никому не сказали ни слова.

Я проверял и выяснил, что студенты того курса, где это произошло, не сказали ничего даже своим товарищам, студентам других курсов (все это происходило в сельскохозяйственном техникуме).

Приведу еще один пример. В одной из средних школ Воронежа в мае 1940 года группа учащихся не явилась на первомайскую демонстрацию. У классного руководителя, ответственного за класс, из которого была эта группа, произошло объяснение с директором школы, грозившее неприятностями учителю. Узнав об этом, ученики, не явившиеся на демонстрацию, пришли к директору, чтобы защитить своего классного руководителя, и взяли всю вину на себя в ущерб даже собственным интересам. Они пришли и к классному руководителю и просили извинения.

После введения всеобщего семилетнего обучения классный руководитель, — а классным руководителем был почти каждый учитель — обязан был, выражаясь официальным советским языком, обеспечить стопроцентную явку учеников на уроки. Учитель — классный руководитель — обходил дома не посещающих школу учеников, говорил с родителями, убеждал, тратил на это очень много времени и сил. Лучший довод, заставлявший учеников являться в школу, состоял в том, что учитель рассказывал родителям и самому ученику, как много труда ему стоит обходить по несколько раз дома не посещающих уче-

ников, какими неприятностями грозит для него лично непосещение школы учениками его класса.

Учащиеся чувствовали, какой груз различных общественных обязанностей лежит на учителе, кроме его непосредственных, прямых обязанностей педагога, понимали и, часто полусознательно, старались облегчить учителю его нелегкий труд. Не все, конечно, и это не была организованная помощь, но учитель встречал понимание в среде учеников, особенно учеников старших классов, понимание его тяжелых обязанностей.

А обязанности советского учителя, труд его действительно был нелегким. Ибо этот груз общественных обязанностей, о которых я говорил, превышал груз его обязанностей как педагога. Общественная работа больше изматывала человека, не давая ему никакого нравственного удовлетворения. Относились к ней учителя как к тяжелой, ненужной, неприятной обязанности, всячески старались избежать ее.

Кроме своей основной работы, включающей уроки, подготовку к ним, специальные педагогические совещания, учитель обязан был принимать участие в работе методических и производственных совещаний, которые устраивались почти каждую неделю. Учитель обязан был руководить кружком: математик — математическим, словесник — литературным и т.д. Учитель обязан был посещать профсоюзные собрания и иметь какую-нибудь профсоюзную «нагрузку». Учитель должен был принимать участие в работе какого-нибудь добровольно-обязательного общества — МОПРа, ОСОАВИАХИМА и т.д. Учитель должен был посещать общие собрания учащихся. Наконец, каждый учитель имел тяжелые обязанности классного руководителя.

Тяжелым грузом — в плане пустой траты времени и в плане моральном — ложились на учителя соцобязательства по соцсоревнованию. Учитель обязан был заключить с одним или несколькими учителями соцдоговор, в котором указывался процент успеваемости учащихся. Учитель должен был выполнить обязательства соцдоговора, ибо он отвечал за успеваемость своих учеников. Учителю, который не давал нужного процента успеваемости, предъявляли стандартные обвинения: учитель недостаточно работал с учениками, учитель проводил недостаточную работу с родителями, учитель не проводил дополнительных занятий, учитель не изучает... краткий курс истории партии...

Не у всех учителей хватало мужества производить оценку учащихся по их действительным знаниям. Некоторые учителя шли на компромисс со своей совестью, искусственно повышали процент успеваемости по своему предмету, повышали отметки ученикам, которые этого не заслуживали.

Официальный процент успеваемости в школах был далек от действительного процента, от действительной успеваемости.

В моих записках о школе, которые я уже цитировал, есть описание рабочего дня учителя. Хочу привести его как иллюстрацию к сказанному.

Это немного обработанный рассказ моего знакомого учителя. Он настолько образно тогда рассказывал, настолько, по-моему, правильно передал атмосферу, в которой работал учитель, что я целиком записал его рассказ. Вот он:

«Позавчера я вернулся домой только в два часа ночи. Методическое совещание было. Сел письменные работы проверять и вижу, что не могу. Голова буквально раскалывается от боли. Утром страшно вставать не хотелось. А впереди целый день — уроки, заседание местного²³, секция математиков.

Прихожу вчера в школу и первое, что слышу — голос нашей естественницы Петровой, знаете ее, наверно? Парторг наш.

— Товарищ Крылов, вы сегодня дежурный.

— Я не знал.

— Надо знать, товарищ Крылов.

— Позвольте, а вам-то какое дело до этого?

— Как какое, товарищ Крылов? Партийное руководство для вас ничто?

Ее голос, сам звук ее голоса меня всегда приводит в бешенство! Вхожу в учительскую — директор навстречу.

— Василий Иванович, вы опять не проводите воспитательной работы. В вашем классе пропали чернильницы. Надо классные собрания почаще устраивать.

Пришлось идти в класс и выяснять, кто взял чернильницы. Выяснилось, что они и не пропадали: завхоз школы за чем-то брал. При чем же здесь, я вас спрашиваю, воспитательная работа?

Начались уроки. В 7«А» первый урок. Начинаю спрашивать прошлый урок — говорят, не выучили ничего. Почему, спрашиваю, не выучили.

— Заседание учкома было.

— Да разве вы все на заседании были?

— Все. Наш класс вызывал на соцсоревнование 7«Б».

На третий урок директор пришел. Вы знаете его? Анекдотический человек. Впрочем, и ваш не лучше...

Так вот что он мне сказал после урока:

— Урок ваш в методическом отношении построен правильно, но в уроке не чувствовалось связи с современностью, вы опустили элементы интернационального воспитания.

— Позвольте, — говорю, — я объяснял правило деления многочлена на одночлен. Ну как это можно связать...

— Товарищ Крылов, — сразу на официальный тон перешел, — причем тут одночлены или многочлены. Вы работаете в советской школе.

Ну что вы с ним будете говорить, о чем? Сказал ему, что “учту ошибки и буду связывать с современностью”. После уроков заседание месткома было. Целых два часа просидели. А ведь вопросы повестки дня можно было в 15 минут решить: создание комиссии по заключению соцдоговоров, о кампании по подписке на заем, о выдаче ссуды в размере 25 рублей уборщице школы. Больше всех, как всегда, говорил председатель месткома. И особенно по последнему вопросу. Постановление же месткома гласило:

“Ввиду отсутствия у месткома средств, Гапеевой А.К. в просьбе отказать”. Только в седьмом часу вечера домой попал. А к восьми нужно было быть на заседании секции математиков. Спасибо учительнице из 66-й школы — доклад интересный сделала. Отдохнул от заседания месткома. А вот на проверку письменных работ времени опять не хватило»...

Я привел этот отрывок из моих записок, хотя он, может быть, и выпадает из того стиля, какого требует моя работа, преследующая цель наиболее объективной обрисовки положения в школе, потому что он, несомненно, отвечает действительности. Вот именно так проходил рабочий день учителя. Трудно сказать, какая часть его сил и времени уходила на работу, не имеющую никакого отношения к его прямым обязанностям педагога. Во всяком случае, большая часть сил и времени.

В переданном мною рассказе учителя советской школы, обращает на себя внимание одно место. Директор школы, побывавший на уроке, заметил, что у учителя в его уроке не было связи с современностью. Директор школы, о котором идет речь, — коммунист. Когда-то он преподавал обществоведение, потом ушел из школы: его «перебросили» на какую-то другую партийную работу. Потом он снова вернулся в школу. Он был несколько ниже среднего уровня тогдашних директоров школ. Но ряд черт его типичен был для всех директоров, главным образом, членов партии.

Он получил директиву о необходимости связи преподавания с современностью и строго эту директиву выполнял. Вот он и потребовал, чтобы одночлены и многочлены были связаны с современностью. Его коллеги, директора школ, стоявшие выше его по образованию и умственному развитию, тоже повторяли все те же слова о связи преподавания любой дисциплины с современностью, но они все-таки понимали, что одночлены и многочлены трудно связать с современ-

ностью, с советской действительностью, с диаматом и кратким курсом истории партии — и не требовали от учителя этого. Повторяли же они стандартные фразы об этой связи, как повторяет шаман свое заклинание. В этих повторяемых время от времени фразах заключался элемент самостраховки. В таком же плане воспринимались эти фразы и учителем. Он тоже говорил, что нужно связывать с современностью, что он связывает и будет связывать...

Если учитель хотел, он мог с успехом не устанавливать никакой связи одночленов и многочленов с Кратким курсом ВКП (б)²⁴ — что он и делал! — и мог вести преподавание так, как хотел, как считал нужным. Чтобы его не обвиняли в том, что он не связывает преподавание с современностью, учитель мог время от времени демонстрировать эту связь, особенно в тех случаях, когда кто-нибудь приходил на урок.

Труднее было преподавателям истории, литературы, отчасти — русского языка, но и здесь можно было обходить часто нелепые требования большевиков. Возьмем какое-нибудь правило русской грамматики. Ну, скажем, правило правописания тире между подлежащим и сказуемым, если сказуемое выражено существительным в именительном падеже, а глагол-связка отсутствует. При разборе этого правила можно дать разные примеры:

«Сталин — вождь мирового пролетариата» и

«Журавли — птицы перелетные».

Только в том случае, если в классе сидит кто-нибудь посторонний, контролирующий работу учителя, учитель пишет на доске первое предложение. Если он один с учениками — никогда не напишет! Просто психологически это невозможно.

Я остановился на этом вопросе потому, что он как раз связан с вопросом политических настроений учительства, о которых я буду говорить в конце этого раздела моей работы.

А перед этим остановлюсь еще на том, какими же интересами жил советский учитель, оставалось ли у него время на себя, для своей семьи. Немного оставалось у учителя времени, но все-таки оставалось. Даже вот эта борьба за время для себя — не что иное, как одна из форм борьбы против режима. Непосильные нагрузки, требовавшие, чтобы учитель, как и каждый гражданин СССР, отдавал всего себя служению большевикам, преследовали ряд целей, в том числе преследовали цель — лишить человека свободного времени. По замыслу большевиков, человек должен как можно меньше быть наедине с собой и со своими близкими, родными, друзьями, у него не должно оставаться времени для размышлений, которые обязательно приводят граждан СССР к выводам, далеко не отвечающим интересам власти. Поэтому борьбу за свое свободное время, которую ведет каждый гражданин СССР, нужно рассматривать именно как борьбу против режима.

Может быть, никто другой в СССР не ведет такой напряженной борьбы за свое свободное время, как учитель. Учителю очень помогают каникулы — летние, зимние, весенние. Но и на них большевики накладывают свою руку. Весенние и зимние каникулы практически не существуют. Учитель лишен их. Сделано все, чтобы различными собраниями, совещаниями, заседаниями и конференциями лишить учителя свободного каникулярного времени. Труднее отнять летние каникулы, но из них значительную часть большевикам удастся отнять.

Свободное каникулярное время учителя используют для путешествий по России. Едут на Кавказ, в Крым, в Сибирь, по Волге. Поездка стоит сравнительно недорого. Повсюду существуют Дома учителя и туристические базы.

Учитель любит театр, следит, насколько ему позволяет время, за литературой, не пропускает художественных выставок, бывает на концертах. В литературу, в искусство, в природу учитель уходит от действительности. К общественной работе, официальной общественной работе, у учителя нет никакого интереса. Он ее ненавидит больше, чем любой другой гражданин Советского Союза.

Политические настроения учителей. О них, так же как о политических настроениях учащихся школ и студентов высших учебных заведений, нельзя сказать категорически: только антисоветские. Почему? Потому что среди учительства, как и среди всех других слоев населения СССР, есть люди, преданные большевизму идейно. Скорее, даже они связаны не чисто идейно, а в плане жизненно-бытовом. Это относится, прежде всего, к коммунистам. «Если рухнет большевизм, что же мы будем делать?» — вот лейтмотив преданности большевизму известной категории его сторонников.

Какой процент таких «идейных»? Можно с уверенностью сказать: небольшой. Я лично почти не встречал идейных большевиков среди учителей. Зато я могу привести ряд примеров проявления антибольшевистских настроений. При этом я не говорю о моих друзьях, с которыми мы говорили совершенно откровенно. Я приведу ряд фактов, свидетельствующих о широком размахе антибольшевистских настроений среди учительства.

Вот эти факты.

В августе 1938 года, после бегства из-под ареста (я бежал в декабре 1937 года), я приехал в Воронеж, откуда, по рекомендации друзей, поехал в один из районов Воронежской области в качестве преподавателя русского языка и литературы местного сельскохозяйственного техникума. Примерно через месяц после моего приезда подходит ко мне один из преподавателей, историк, член партии и не только член партии, а и парторг техникума и говорит мне:

— Здесь, В.Д., есть бухгалтер М. Так вот, — мнется немного, — будьте с ним осторожнее. Больше об облаках, о соловьях в сиреневых кустах... Понимаете меня?

Я, конечно, сразу понял: бухгалтер техникума был осведомителем местного районного отдела НКВД.

Через год примерно после моего приезда, когда я узнал ближе всех своих коллег, как-то в обществе двух из них, с которыми я бывал довольно часто во внеслужебное время, но которых знал еще недостаточно хорошо, чтобы можно было говорить все, у меня вырвалось:

— Лет через пять мы с ними посчитаемся!

Речь шла о секретаре райкома партии, который приезжал в техникум для обследования и очень грубо разговаривал с одним из преподавателей — стариком. Имел я в виду войну, о которой тоже в разговоре шла речь. Мои собеседники понимающе улыбнулись и один из них бросил:

— Раньше!

Война началась ровно через год. Подчеркиваю, что я говорил не с друзьями, которых знал много лет, а совсем с новыми для меня людьми. Как всегда в таких случаях, наступила небольшая пауза. Потом, словно ничего не произошло, мы заговорили о другом. Стоит ли говорить, что никто о нашем разговоре не узнал?

Помню еще один разговор уже во время войны с одним из учителей школы, в которой я работал. Я считал его человеком, преданным большевизму. Он никогда не высказывал ничего такого, что дало бы основания заподозрить его в нелояльном отношении к режиму. На этот раз он не выдержал:

— Немцы будут щипать нас, как кур. Растрепят в короткий срок. Никто же воевать не будет!

Еще один пример.

Со мной в школе работала учительница немецкого языка К., еврейка. Как-то поздней осенью 1941 года она пришла ко мне в кабинет (я тогда был завучем школы) и, плотно прикрыв дверь, сказала:

— Я хочу с вами поговорить по одному вопросу. Только пусть это будет между нами. Как вы считаете, В.Д., уезжать нам или не уезжать?

Она спрашивала о своей семье. Отец ее был простым портным. Он не хотел эвакуироваться с большевиками.

Я, конечно, посоветовал ей немедленно уезжать. Слухи об уничтожении немцами евреев подтверждались. Но и она, и ее семья не верили этим слухам. Считали, что это — большевистская пропаганда.

Я привел эти примеры — их привести можно значительно больше, — чтобы показать, каковы были настроения учителей.

Не могу не указать еще на одно доказательство антибольшевистских настроений учительства. Этим доказательством является то

большое число учителей, которое осталось в занятых немцами областях. Остались сознательно, чтобы не уходить с большевиками, чтобы принять активное участие в борьбе против большевизма. Немецкая политика принесла жестокое разочарование. Но это уже вопрос другой.

Я не хочу сказать, что именно среди учителей было наибольшее число антибольшевиков. Представитель любого другого слоя народа может возразить мне — и будет прав: среди всех слоев доминировали антибольшевистские настроения. Но каждый из нас лучше всего знает тот слой, к которому принадлежал. Если это так, если и среди других слоев народа так же много антибольшевиков, как среди нашего учительства, то мы можем сделать весьма оптимистические выводы: наш народ в подавляющем своем числе против режима. Учителя, как часть народа, всегда жили его интересами, его надеждами.

5. ШКОЛА ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Отсутствие помещений для занятий. Призыв учителей в армию. Настроения среди учащихся и учителей.

Казалось бы, что в тоталитарном государстве, где все запланировано, где все рассчитано на годы вперед, такие события, как война, не должны были бы вызывать резких перемен в жизни страны. В действительности картина совершенно иная. Вся жизнь нарушается. Ведь даже такая война, как война с маленькой Финляндией²⁵, нарушила всю экономическую жизнь страны. Исчезли многие продукты. Появились очереди. Сократилось количество пассажирских поездов. Во многих городах школьные здания реквизировали под госпитали.

Все это, только в грандиозных масштабах, повторилось во время Второй мировой войны.

Прежде всего, реквизировали примерно половину школьных зданий, разместив в них госпитали и различные военные учреждения. Занятия в таких школах либо вообще прекратились, либо начали проводиться в помещении других школ, в третью смену (вторая смена была почти в каждой школе), либо в наспех оборудованных жилых зданиях. В частности, школа, в которой я работал, разместилась в жилых домах рабочего поселка.

Осенью 1941 года школу посещали не более 50% учащихся. Причин непосещения школ было несколько: 1. Школам почти не давали дров и угля — и занимались в нетопленных помещениях. 2. В семьях, отцы которых пошли на фронт, начали работать матери и старшие дети, младшие оставались безнадзорными. 3. Вообще настроение было такое: «Ну, зачем сейчас учиться, время тратить, все равно со дня на день немцы придут. Снова начнем».

Грубых нарушений дисциплины в школах не наблюдалось, но участились случаи проявления антисоветских настроений. На детях отражались настроения семьи.

Учителям не давали так называемой брони, т.е. учителей не освобождали, как других, например, партийных работников, директоров заводов, крупных инженеров и т.д. от призыва в армию. Бронь получали только некоторые директора школ. В ряде школ поэтому прекратилось преподавание отдельных предметов: найти учителей взамен мобилизованных было почти невозможно. Зимой 1941 года школы работали с 50% общего состава учащихся. Весной, когда начались бомбежки, занятия во многих школах вообще прекратились.

Во время войны антибольшевистские настроения среди учителей и учащихся резко усилились, чаще проявлялись.

Вот один из фактов. Зимой 1942 года в Воронеже каждую ночь проводились облавы на дезертиров, среди которых были и бежавшие с фронта, и уклонявшиеся от призыва. Одним из сборных пунктов, куда милиция и НКВД собирали арестованных, была школа, в которой я работал. Каждую ночь со сравнительно небольшого района собирали по 40–50 человек дезертиров. Об этом знали и преподаватели, и ученики. И если во время массовых арестов 1937 года в учреждениях сослуживцы разговаривали об арестах только шепотом, с близкими людьми, то теперь об облавах на дезертиров говорили открыто, не скрывая своего отношения к происходящему, не скрывая своего отношения к власти.

Еще один из фактов. Тоже зимой 1942 года стало известно, что в городе открыли церковь, что церковь переполнена молящимися и среди них много молодежи, учащихся школ. Однажды на уроке русского языка моей жены, тоже учительницы, спросили: «Вы знаете, что около Митрофаньевского монастыря церковь открыли? Мы уже были. А вы?» В их словах не было вызова, а только искренний интерес: а как вот учитель отнесется к этому необычайному в советской жизни событию. В том, что ученики уже были в церкви — и не один, а многие! — мы видели не только пробуждение религиозного чувства, которое во многих семьях и не умирало, а опять-таки коллективный антибольшевистский акт.

Да, церковь открыли, но военные, например, посещали ее только в первые дни. А затем стало известно, что в воинских частях командиров негласно предупредили, что посещение церкви может привести к неприятным для них последствиям. Церковь открыли, но агентура НКВД начала распространять слухи о том, что все, кто ходят в церковь, берутся на учет и т.д. И, несмотря на это, церковь была полна! И там были наши ученики!

Открытие церковей восприняли как признак отступления власти перед народом, как предвестник каких-то перемен. На самом деле, на-

чинался так называемый национальный курс политики большевизма, ставивший цель поднять народ на борьбу против немцев и закончившийся вместе с войной. Этот национальный курс политики явился лучшим доказательством банкротства большевистских, коммунистических идей. Банкротство этих идей можно было без труда наблюдать и в школе.

В заключение следует указать на незначительный процент членов партии среди учителей. Это может показаться странным: учитель призван воспитывать борцов за коммунизм — и среди учителей мало членов партии. Но это так. Чтобы не быть голословным, приведу некоторые данные.

1930 год. 5-я школа гор[ода] Орла. Из 18 учителей только один — преподаватель обществоведения, член партии. 2-я школа гор[ода] Орла. В школе нет членов партии. 12-я школа гор[ода] Орла. Только один директор — член партии. В школе около 30 учит[елей].

1940 год. 17-я школа г[орода] Воронежа. Среди 23 учителей только директор член партии. 66-я школа г[орода] Воронежа. Среди примерно 45 учителей только директор — кандидат в члены партии. Две учительницы — комсомолки.

В ряде школ членов партии вообще не было.

Июль–август 1951 г.
Нью-Йорк.

Примечания

¹ Имеются в виду постановления ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе» (сентябрь 1931), «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» (август 1932), «Об учебниках для начальной и средней школы» (февраль 1933), постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О структуре начальной и средней школы в СССР» (май 1934), «Об организации учебной работы и внутреннем распорядке в начальной, неполной средней и средней школе» (сентябрь 1935) и др.

² Начиная с 1917 г., в результате деятельности Государственной комиссии по просвещению, а затем Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса) была разрушена существовавшая на тот момент школьная система и создана новая. Правительственные декреты 1917–1918 гг. упразднили все имевшиеся типы учебно-воспитательных заведений, отделили школу от церкви и запретили преподавание религиозных предметов, отменили сословные, национальные и прочие ограничения в получении образования и провозгласили право всех граждан на бесплатное образование. В положениях о «единой трудовой школе» (1918) труд провозглашался основой школьного обучения, в учебном процессе допускались широкие возможности для экспериментирования, вводились примерные (а не обязательные) учебные планы; рекомендовалось использование разных учебников, отменялись оценки, экзамены, обязательные домашние задания и все виды наказаний. Были созданы

различные новые типы школ: с 1919 г. — школы по ликвидации безграмотности (ликбезы) для обучения родному языку всего безграмотного населения от 8 до 50 лет и рабочие факультеты (рабфаки), дававшие 4-летнее среднее образование юношам и девушкам из рабочих и крестьянских семей. С 1922 г. была введена школа-девятилетка, состоявшая из единой трудовой школы I ступени и единой трудовой школы II ступени. На базе школы I ступени (начальной) в селах открывались школы крестьянской молодежи (ШКМ), а в городе — фабрично-заводские семилетки (ФЗС) и школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ). Кроме того, создавались экспериментальные учебно-воспитательные заведения: опытные станции по народному образованию и школы-коммуны.

³ Комплексно-проектным методом в советской школе 1920-х гг. назвали проектную систему обучения, разработанную в начале XX в. в США (У. Килпатриком). В основу учебного процесса было положено не изучение отдельных предметов (предметная система с учебниками вообще упраздняясь), а практическая работа детей совместно с учителем над теми или иными проектами (например, над сооружением игрушечного домика); в ходе этой работы дети должны были получать различные знания (учились считать, читать, рисовать и т.д.). Метод проектов был признан нецелесообразным; в конце 1920 — начале 1930-х гг. стали применять другой новаторский метод — бригадно-лабораторный. Учащиеся, объединенные в бригады во главе с бригадиром, самостоятельно работали над заданиями в течение двух недель — месяца. В заданиях указывалась учебная литература, давались упражнения и контрольные вопросы. Но учитель не объяснял новый материал и консультировал учеников только в случае затруднений. Бригады отчитывались о проделанной работе, но индивидуальный учет успеваемости учащихся отсутствовал. В 1932 г. бригадно-лабораторный метод был раскритикован и универсальное его применение было осуждено.

⁴ Советско-партийные школы — учебные заведения ВКП(б) (впоследствии — КПСС) для подготовки кадров партийных и советских работников сельских районов возникли в начале 1920-х гг., просуществовали — с неоднократными изменениями срока и содержания обучения — до 1970-х гг.

⁵ Коммунистическая академия (1918–1936 гг.; до 1924 г. — Социалистическая академия) — высшее учебное и научное заведение, включало ряд научных институтов, секций, комиссий и обществ. Была задумана как мировой центр социалистической мысли; по уставу 1926 г. была признана высшим всесоюзным научным учреждением по обществоведению и естествознанию. В начале 1930-х гг. от Коммунистической академии отошли все учреждения естественнонаучного профиля, в 1936 г. академия была упразднена, ее подразделения вошли в состав Академии наук СССР.

⁶ ОСОАВИАХИМ — Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству (1927–1948). Возникло в результате слияния нескольких добровольных общественных организаций, направленных на распространение военных знаний среди населения и подготовку резервов для армии и флота. Члены общества проходили военное обучение без отрыва от производства. К 1941 г. общество насчитывало ок. 15 млн членов. Преемником

ОСОАВИАХИМ стал ДОСААФ — Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту.

МОПР — Международная организация помощи борцам революции, созданная Коминтерном в 1922 г., коммунистическая благотворительная организация, призванная оказывать «юридическую, моральную и материальную помощь» заключенным революционерам. Организация имела секции во многих странах; советская секция была самой значительной, насчитывала почти 10 млн человек и просуществовала до 1947 г.

⁷ Всесоюзный культпоход за грамотностью был объявлен по инициативе комсомола в 1928 г. Была проведена перепись неграмотных в стране и запись добровольцев в культармии. Численность культармий достигла около 1 млн человек, из них 85% имели также начальное образование. В результате культпохода, согласно переписи 1939 г., массовая неграмотность в РСФСР была преодолена — доля грамотных составила 90% населения России в возрасте 9–50 лет.

⁸ Фурманов Дмитрий Андреевич (1891–1926) — автор романа «Чапаев» (1923), был комиссаром чапаевской дивизии во время Гражданской войны. В 1934 г. роман был экранизирован. Фильм «Чапаев» пользовался колоссальной популярностью.

⁹ Чапаев Василий Иванович (1887–1919) — начальник 25-й стрелковой дивизии Красной армии, герой Гражданской войны.

¹⁰ Колчак Александр Васильевич (1874–1920) — адмирал, лидер Белого движения на востоке России.

¹¹ Решением Совета народных комиссаров от 26 октября 1940 г. была введена плата за обучение для всех учащихся 8–10 классов средних школ, специальных средних учебных заведений и вузов. Плата за среднее образование составляла 200 руб. в год в Москве и Ленинграде, 150 руб. в год — в других городах и селах; плата за высшее образование в столицах и провинции составляла соответственно 400 и 300 руб. в год. В результате количество выпускников средних школ и вузов сократилось вдвое. Во время войны плату за обучение отменили в некоторых союзных республиках; окончательно она была отменена только в 1954 г.

¹² Всеобщее начальное обучение было предписано соответствующим постановлением Совнаркома в 1930 г.; к 1934 г. оно было осуществлено повсеместно, и тогда было введено обязательное семилетнее всеобщее обучение.

¹³ Безнадзорные — в отличие от беспризорников — дети, имеющие дом и семью, но остающиеся без присмотра в свободное от школы время.

¹⁴ Роман Александра Александровича Фадеева (1901–1956) «Молодая гвардия» (1945), вопреки мнению Самарина, не был документальным. По словам самого Фадеева, он писал «не подлинную историю молодогвардейцев, а роман, который не только допускает, а даже предполагает художественный вымысел». Отсутствие в романе отражения «руководящей роли партии» заметил не только Самарин, но и партийные инстанции, по-видимому, лично Сталин, ибо кто-либо другой вряд ли мог санкционировать критику книги генерального секретаря Союза писателей, к тому же удостоенного за свой роман Сталинской премии 1-й степени (1946). Неясно, почему они «спохватились» так поздно. 3 декабря 1947 г. в «Правде» появилась статья «"Моло-

дая гвардия” в романе и на сцене», в которой книга была подвергнута резкой критике. Фадеев переработал роман в духе полученных указаний, включив во 2-е издание (1951) главы, посвященные коммунистам — организаторам и руководителям подполья.

¹⁵ Кригер Евгений Генрихович (1906–1983) — советский писатель и журналист, работал спецкором «Известий».

¹⁶ Неточная цитата из рецензии В.Г. Белинского на «Месяцеслов на (ви-сокосный) 1840 год» и «Памятную книжку на 1840 год», опубликованную впервые в «Отечественных записках» в 1840 г. (Т. 8. № 1. Отд. 6). На самом деле это знаменитое высказывание Белинского звучит так: «Завидуем внукам и правнукам нашим, которым суждено видеть Россию в 1940-м году — стоящую во главе образованного мира, дающую законы и науке, и искусству, принимающую благоговейную дань уважения от всего просветленного человечества...» (*Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. // Академия наук СССР (Пушкинский Дом): в 12 т. Т. 3. М., 1953. С. 488).

¹⁷ Путинцев Алексей Михайлович (1880–1937), будучи профессором литературно-лингвистического отделения педфака Воронежского университета, организовал первые фольклорные экспедиции студентов в деревни Воронежской губернии, уделял много внимания изучению этнографии, фольклора и народных говоров. В 1931 г. Путинцев был репрессирован по «делу краеведов» — его обвинили в создании областной контрреволюционной монархической организации «Краеведы» и в проведении широкой контрреволюционной работы по свержению советской власти и восстановлению монархии. Концлагерь был заменен высылкой из Воронежа, Путинцев переехал в Орел, где продолжал преподавать литературу (1933–1935) и подготовил научное описание обширной родовой библиотеки Тургеневых – Лутовиновых. В 1936 г. Путинцев переехал в Пермь, а затем в Тамбов.

¹⁸ Облоно — областной отдел народного образования.

¹⁹ Объединенное государственное политическое управление при Совете народных комиссаров СССР, орган, задачей которого была борьба с контрреволюцией, шпионажем, обеспечение государственной безопасности и борьба с чуждыми советской власти элементами (функционировал под таким названием с 23 ноября 1923 г. по 10 июля 1934 г.). 10 июля 1934 г. ОГПУ вошло в состав вновь образованного Народного комиссариата внутренних дел СССР под названием Главного управления государственной безопасности.

²⁰ Этот случай Самарин описывает в своем сборнике короткой прозы: *Самарин В.Д.* Песчаная отмель. Вашингтон, 1964. С. 31–32.

²¹ Драйзер Теодор (1871–1945), Синклер Эптон (1878–1968), Хемингуэй Эрнест (1899–1961) — американские писатели, Фейхтвангер Лион (1884–1958) — немецкий писатель.

²² Горono — городской отдел народного образования.

²³ Местком — местный комитет профсоюзной организации.

²⁴ Имеется в виду «История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс / под ред. Комиссии ЦК ВКП(б)», М., 1938.

²⁵ Советско-финская война (ноябрь 1939 – март 1940 г.).

Вл. Самарин

**ГРАЖДАНСКАЯ ЖИЗНЬ ПОД НЕМЕЦКОЙ
ОККУПАЦИЕЙ, 1942–1944**

Вместо введения

В своей работе я использовал как личные наблюдения, так и собранные мною свидетельства современников, участников событий — работников местных самоуправлений, печати, офицеров и солдат добровольческих антибольшевистских отрядов.

На основании различных свидетельств будет легче сделать наиболее объективные выводы.

Мои личные впечатления и наблюдения относятся не к одному какому-нибудь пункту, не к одному городу или местности, а к обширным территориям средней полосы России и ее западных областей.

Мне пришлось жить и бывать в Воронеже, Курске, Орле, Смоленске, Могилеве, Брянске, Орше, Бобруйске, Бежице, Карачеве, Осиповичах, Брест-Литовске и других городах. Во многих селах Орловской, Брянской, Смоленской, Бобруйской и других областей. В глухих партизанских районах.

Изучение опыта последней войны нужно и для будущих историков, и Западу, и нам самим.

Накануне войны

Воронеж. Весна 1941 года. В квартире инженера одного из воронежских заводов, моего знакомого, оживление: только что приехал младший брат, лейтенант Красной армии. Его дивизия, расквартированная в Львове, принимала участие в «освобождении» Западной Украины. Лейтенант бывал в командировках и в Прибалтике.

Естественно, разговор сразу же коснулся международного положения, возможности войны. Кроме меня в комнате не было посторонних. Лейтенант знал о моих дружеских отношениях со старшим братом и поэтому говорил откровенно. Он рассказывал о лихорадочных военных приготовлениях, которые проводились большевиками на западных границах весной 1941 года, о постройке сети укрепленных районов, о сосредоточении войск, снаряжения. Рассказывал о перестройке многих дивизий, о новых танках последних марок, прибывающих в армию. По его словам, Красная армия должна была быть готова к удару по Германии к 1942 году.

— А тогда, — закончил он свое повествование, — в две недели до Берлина докатимся.

Старший брат, все время внимательно слушавший, покачал головой:

— Смотри, Петя, как бы в обратную сторону не покатались. Воевать-то бойцы твои очень хотят?

Спор затянулся до глубокой ночи.

Лейтенант Петя в какой-то мере отражал те настроения, которые были присущи известной части командного состава армии, расквартированной в захваченных частях Польши и в Прибалтике¹. С одной стороны, в армии появились антисоветские настроения, явившиеся следствием знакомства армии с жизнью за рубежом. Армия увидела, как жили народы Латвии, Эстонии, Литвы, даже небогатой Польши. Сравнение жизни за рубежом с жизнью в нашей стране не могло не вызвать вражды к большевистскому режиму.

С другой стороны, продуманной пропагандой, подогревающей патриотические чувства командиров и бойцов, рисуя перед ними перспективы «освобождения» всей Европы, большевики отчасти локализовали антисоветские настроения, постоянно подогревая вот те настроения, которые привез с собой в Воронеж лейтенант Петя.

Настроения его старшего брата были типичными для настроений внутри страны, где не разделяли восторгов армейской молодежи, мечтавшей о взятии Берлина. Да и в среде самой этой молодежи такие настроения отнюдь не доминировали. Старший командный состав еще хорошо помнил ежовщину, и его настроения никак не свидетельствовали о том, что Сталин может полностью положиться на офицерство Красной армии. Красноармейская масса в своем подавляющем большинстве отражала настроения всей страны, в общем враждебные режиму.

Настроения в стране не были совершенно однородными, как они неоднородны и сейчас: они колебались от безоговорочного признания большевизма до безусловного отрицания его. Можно назвать несколько категорий тогдашнего отношения к режиму.

1. Люди, связанные с режимом общими преступлениями и общей ответственностью за них, одновременно разделяющие идеологию большевистского режима, а также люди, потерявшие идейную почву, но продолжавшие поддерживать его в силу тех же связей общей ответственности за совершаемые режимом злодеяния.

2. Люди, поддерживающие режим в силу чисто личных, шкурных соображений, боящиеся потерять со сменой режима свое привилегированное положение, материальное благополучие.

3. Люди, считавшие, что большевизм — явление русское, что Сталин защищает интересы России, а также люди, считавшие, что боль-

шевизм имеет некоторые недостатки, которые нужно исправить, но уничтожать большевизм не следует, ибо всякая попытка борьбы нанесет ущерб интересам России.

4. Люди, считавшие большевизм злом, которое должно быть уничтожено по возможности без ущерба для России.

5. Люди, считавшие большевизм злом, которое должно быть уничтожено любой ценой.

6. Инертная масса антисоветская, ничего не предпринимавшая, а также инертная масса аполитическая, тоже ничего не предпринимавшая.

Численный состав каждой категории определить представляется возможным лишь очень приблизительно. Люди первой категории составляли явное меньшинство. Самая многочисленная категория, пожалуй, антисоветская масса, ничего не предпринимавшая. На втором месте после нее четвертая и пятая категории. Эти категории дали наиболее антибольшевистские кадры, действовавшие во время войны. Зато инертная антисоветская масса бросала в 1941 году оружие на фронте: защищать большевизм она никак не хотела.

В конце апреля 1941 года начался массовый вызов в военкоматы всех зачисленных в нестроевые части, всех, кто не был взят ранее в армию в связи с «чуждым» происхождением, судимостью и т.д., всех получивших ранее отсрочки по болезням, а также вообще освобожденных от военной службы по болезни.

Весь май военкоматы работали по 12 часов в сутки. Медицинские комиссии знали только одно слово: «Годеи». По сути дела происходила скрытая всеобщая мобилизация².

В середине апреля в газетах появилось опровержение ТАСС, в котором говорилось, что сообщения «некоторых зарубежных» газет о переброске германских войск с Балкан к границам СССР «не соответствуют действительности»³. А в то же самое время к западным границам СССР непрерывным потоком шли немецкие моторизованные дивизии.

Советский человек, привыкший читать газеты между строк, с огромным вниманием, как обычно, прочитавший опровержение ТАСС, не мог не заинтересоваться этим опровержением, тем более, что оно касалось самого главного: возможности войны. Опровержение свидетельствовало о том, что германские армии, действительно, сосредотачиваются у границ СССР.

О войне стали уже говорить как о чем-то уже неизбежном. Несмотря на официальные заявления большевиков о непобедимости Красной армии, несмотря на многолетнюю пропаганду, которая не уставала твердить о мощи и несокрушимости армии, несмотря на боевой задор новоиспеченных лейтенантов, антибольшевистская часть

нашего народа, большинство его не верило в непобедимость Красной армии. Не верили потому, что знали настроения армии. Не верили и в военные способности большевиков. Война против маленькой Финляндии, наверно, самая позорная война в истории России, укрепила эти настроения.

Страна ждала войну. Не все, однако, ждали ее с одинаковым чувством. Большинство — с надеждой на освобождение, но и со страхом перед неизвестностью: война несла жертвы, страдания. Разгром большевизма, о котором говорили, как о само собой разумеющемся, и победа иноземных сил могла привести к ущемлению интересов России. Каковы планы немцев относительно будущего России? Против кого они хотят воевать? Против Сталина или против России? Эти вопросы горячо обсуждались и в узком кругу друзей, и среди убежденных антибольшевиков, и среди приверженцев антибольшевистского режима.

Советская пропаганда рисовала звериный облик фашизма, твердила о немецких планах расчленения России, уничтожения народа. К ней прислушивались, внимательно читали все сообщения, еще внимательней смотрели между строк, ибо советской пропаганде не доверяли.

Война началась

Страна ждала войну, и в то же время война явилась неожиданно — и для народа, и для самих большевиков. Советская разведка, конечно, была осведомлена о передвижениях немецких войск, об их сосредоточении у наших западных границ, но немецкие дипломаты сумели убедить Сталина в своих мирных намерениях по отношению к Советскому Союзу. Сосредоточение советских войск на границах с Германией, поспешная мобилизация ряда возрастов, призыв нестроевиков и освобожденных по болезни проходили в общем плане давно задуманной подготовки вторжения в Европу, но не в связи только с ожиданием нападения Германии. Уйдя с головой в подготовку наступательных операций Красной армии, советское командование не провело почти никаких оборонительных мероприятий.

Как свидетельствуют участники событий, командиры Красной армии усиленно готовились именно к наступательным операциям.

Майор Красной армии В.Г., штабной работник, находившийся в штабе одной из дивизий, расквартированных в Польше, рассказывает, что весной 1941 года штабы получили новые карты — только от границ и до Берлина. Когда началось общее отступление армий, штабы оказались без карт.

Неожиданным для большевиков, очевидно, было и решение Гитлера напасть на СССР летом 1941 года, неожиданным был и сам день нападения. Если о решении Гитлера начать войну в 1941 году большевики и могли знать, то день нападения немцы сумели сохранить в тайне⁴.

Я узнал о войне в Ялте, в туристском Доме учителя. Как часто бывает в жизни, долго ожидаемое приходит внезапно. Я приехал в Крым 17 июня. Побывал в Гурзуфе, Алуште, Алушке, поднимался на Ай-Петри. Одним словом, проводил день, как проводят их в Крыму рядовые советские граждане, приехавшие по туристской путевке. В Доме туриста останавливались сотни человек из разных концов страны. В столовой, в клубе, в читальне, в совместных поездках по Крыму люди знакомились ближе. Говорили и о политике, и о войне, но не чаще, чем всегда — о войне.

22 июня день начался, как обычно: какие-то группы поехали в Никитский сад⁵, какие-то — в Ливадию, большая компания отправилась пешком в горы. Пляжи пестрели женскими нарядами. Как всегда, плескалось о берег море, как всегда, светило яркое крымское солнце... После года тяжелой, нервной работы отдыхали, пользуясь летним отпуском. Кажется, люди забывали порой и о большевизме. Во всяком случае, газет никто не читал, последние политические известия по радио не слушал.

Около часа дня я зашел в клуб Дома туриста. У радиоприемника сидело несколько человек. Выражение их лиц мне показалось странным. «Идите сюда, сейчас Молотов будет говорить. Что-то важное...»

«Ну что там может быть важное», — подумал я, — и вышел из клуба. А потом словно что-то вспомнил. Опровержение ТАСС... Мой недавний вызов в военкомат и малоприятная резолюция военного комиссара: «До особого распоряжения»... Я вернулся. Открывая дверь, услышал заикающийся голос Молотова:

— Бомбили наши города: Киев, Житомир, Севастополь...

Вот оно! Началось! Сидевшие у радиоприемника слушали с напряженными бледными лицами. Немного в стороне, на диване, лежала в обмороке женщина. Ее обмахивали носовыми платками двое, по внешнему виду иностранцы: за полчаса до речи Молотова из Польши⁶ приехала не то какая-то делегация, не то группа экскурсантов. Приведя в чувство свою спутницу и не дослушав Молотова, они бросились на автобусную станцию. Вряд ли им удалось попасть в родные места: уже к вечеру распространился слух о наступлении немцев, о прорыве фронта и первых танковых клиньях.

Я тоже отправился на автобусную станцию. Нужно было спешить домой. Во-первых, могли здесь же мобилизовать в армию,

во-вторых, не было никакой уверенности в том, что не прекратится пассажирское сообщение.

Автобусную станцию осаждали сотни людей. На все расспросы служащие станции отвечали одно и то же: «Транспорт реквизирован армией. Подождите. Может быть, завтра пустят».

А тем временем мимо проносились один за другим автобусы, набитые командирами. Пристань, где останавливались пароходы, ходившие между Батумом и Одессой, тоже запрудила тысячная толпа: теплоход «Абхазия», шедший в Одессу, бросил якорь в Ялте. Пассажирам объявили, что дальнейшие рейсы теплоходов отменяются.

Я решил попытать счастье в военкомате. Здесь царила атмосфера полной растерянности. Несколько человек командиров запаса явились по повесткам: их уже вызвали. Вызвали и несколько человек, имевших отсрочку. Один из них спорил с военным с двумя «кубиками» в петлице, сидящим за большим столом, спиной к открытому окну, откуда доносился взволнованный шум толпы на пристани и совсем мирный рокот моря. Сбоку от стола стоял человек, по виду профсоюзный работник, и намеренно громко говорил о «подлом враге, нарушившем наши рубежи».

Профработник пришел, оказывается, записаться добровольцем. На него посмотрели с нескрываемым любопытством.

— А семья есть? — спросил кто-то.

— Нет, холостяк. Да все равно ведь возьмут, — добавил он неожиданно и негромко.

Все заулыбались. Герой оказался ненастоящим...

Спор у стола окончился. Я подошел к военному, делая вид, что очень спешу, что мне абсолютно некогда.

— Товарищ военком, — заговорил я как можно убедительней и быстрее, чтобы не дать ему опомниться, — я из Воронежа. Час назад получил телеграмму. Спешно вызывает военкомат. Выехать, как вы знаете, гражданскому лицу нет никакой возможности. Я говорил уже на автобусной станции. Можно сесть в военный автобус, но для этого нужно ваше распоряжение. Вот мой военный билет. Вот паспорт.

Военком смотрит на меня несколько мгновений, потом, не глядя в мой военный билет и не спрашивая телеграммы, которой я, конечно, не получал, пишет что-то на клочке бумаги.

— Фамилия, имя, год рождения...

Я говорю.

— Поезжайте!

— Спасибо, товарищ военком.

На автобусной станции жду недолго. Когда подходит очередной автобус, патруль, пропускающий военных к автобусам, мельком

взглянув в протянутую мною бумажку, пропускает меня к открытой двери автобуса.

— Мест нет, все занято, — раздаются оттуда голоса командиров.

— У меня спешное, — говорю я негромко патрулю.

— Из военкомата, спешное! — кричит он в автобус.

Шофер пропускает меня. Мест, действительно, нет, и я усаживаюсь в проходе на свой чемодан.

В Алуште автобус останавливает военный патруль. Лицо лейтенанта, начальника патруля, необычайно сосредоточено. Он заглядывает в автобус, оглядывает командиров внимательным взглядом и останавливается на мне:

— А это кто?

Я молчу, выжидаю.

— Это из военкомата, — говорит ему командир с двумя «шпалами», сидящий у двери. — Из Ялты.

— Ага! — понимающе говорит воинственный лейтенантик. — Можете ехать.

Автобус трогается.

— Как на фронте! — раздается сзади меня полунасмешливый голос.

Действительно, как на фронте. Во время отступления...

Симферополь выглядел оживленнее, чем неделю назад. У магазинов очереди, на улицах группы военных. Вот прошел взвод в новом, видимо, только что одетом, наглаженном обмундировании.

Нестройными голосами, с печальными лицами красноармейцы пели:

В бой за Родину,
В бой за Сталина⁷.

В Харькове я делал пересадку. Пробыл у своих друзей два дня. Уже пришли с фронта первые грозные вести: немцы сокрушили линию обороны советских армий и наступают по всему фронту. Советские части частично отступают, частично сдаются в плен. Сведения с фронта быстро проникали глубоко в тыл. Я совершенно ясно помню, как мы с моим другом сидели над картой и обсуждали вопрос о том, когда немцы будут в Харькове. Помнится, что конец августа месяца считали наиболее вероятной датой... Такие тогда были настроения, такая уверенность в скором крушении большевизма.

3-го июля 1941 года Сталин произнес по радио речь, которую с напряженным вниманием слушала вся страна. Прерывающийся голос, бульканье воды, стук зубов о стакан, неожиданное обращение «Братья и сестры»... После этой речи Сталина стало ясно: большевизм на краю пропасти, большевики и сам Сталин растерялись. Позже им

удалось справиться с положением. Отступление немцев под Москвой в ноябре – декабре⁸ явилось поворотным пунктом в войне. Но тогда, в июле и в августе, большевизм был на краю пропасти. В сознании народа рухнул миф о непобедимости большевизма, заколебались и сами большевики, даже самые идейные.

С фронта шли все новые и новые слухи о разгроме целых армий, о сдаче в плен сотен тысяч человек. Сводки Совинформбюро сообщали каждый день о падении крупных городов. Чтобы скрыть размеры поражения, обширность оставленных территорий, Совинформбюро ввело особый термин – «направление».

Я не был на фронте. Всю вторую половину 1941 и первую половину 1942 года я провел в Воронеже. О том, что происходило на фронте, знаю по рассказам очевидцев, офицеров и солдат Красной армии.

Фронт в 1941 году – это особая тема, и в своей работе я на ней не буду останавливаться подробно. Я коснусь фронтовых событий только потому, что они отразились на положении в занятых немцами областях. «Окруженцы», например, т.е. те командиры и красноармейцы, которые попадали в окружение, с одной стороны, пополняли ряды партизан, с другой стороны – шли в села и города, растворялись в среде мирных жителей, доставали документы, начинали работать, многие шли в формирующиеся добровольческие антикоммунистические отделы, в местное самоуправление, становились убежденными антибольшевиками.

Вот рассказ одного из окруженцев, принимавшего активное участие в организации местных самоуправлений и добровольческих частей в Брянском округе.

«Моя часть попала в окружение недалеко от Трубчевска. Немцы подходили уже к Брянску, далеко в нашем тылу, с юга они тоже провалились далеко на восток. Где сомкнулись их наступающие части, мы точно не знали. Связь была потеряна не только со штабом армии, но и со штабом дивизии. Полк наш (я командовал батальоном) таял на глазах. Все уроженцы Орловской, Черниговской и других областей, занятых немцами, разошлись по домам. Вместе с ними уходили их друзья в расчете на то, что смогут где-нибудь устроиться. Часть красноармейцев хотела просто попасть в плен, но немцев поблизости не было. Их колонны прошли севернее и южнее. Только небольшая часть командиров во главе с командиром полка и несколько десятков красноармейцев решили пробираться на восток. У меня лично не было никакого желания защищать большевиков. Да, я знал, что идет иноземный враг, но я, как и многие тогда, надеялся, что немцы будут бороться против Сталина, а не против русского народа, что немцы помогут нам освободиться. Втроем мы задержались в небольшом селе на Десне, переоделись, потом пробрались в Брянск, где у меня

были друзья. Я получил документы, принял участие в организации добровольческого батальона. Два года воевал против партизан. Конечно, были минуты тяжелых колебаний. Ведь мы скоро убедились, что немцы пришли не освобождать наш народ от большевизма, а завоевать себе так называемое жизненное пространство⁹. Но я решил идти по раз уже выбранному пути. Все-таки где-то в глубине души теплилась надежда: разобьем с немцами Сталина, а потом посчитаемся с немцами. Не дадим им России, не смогут они ее поработить так, как Сталин поработил».

Если бы красноармейцам, сдавшимся в плен, немцы дали оружие — дни большевистского режима были бы сочтены. Немцы не только не дали оружия, они посадили 4 миллиона пленных за колючую проволоку и в течение зимы 1941–42 года истребили голодом большую часть их.

Немцы идут!

Глубоко неправы те, кто говорят, что население СССР ждало немцев. Не немцев ждало, а ухода большевиков. Крушения большевизма ждали люди, а не установления гитлеровского «нового порядка». Понимали, чувствовали, что идет враг России, иноземный враг, — и все-таки ждали ухода большевиков, врагов внутренних, горячо ненавидимых.

Прихода немцев же ждали с двояким чувством: надежды и страха. Но, кажется, первое чувство заглушало все остальное. Это чувство выражалось словами: «Хуже не будет». Не могли люди представить себе, что может быть хуже, чем при большевиках.

Ожидание войны вообще не было связано с какой-то определенной страной, с каким-то определенным народом. До 1930 года надеялись на Францию. О войне с Германией заговорили после прихода к власти Гитлера, после первых антикоммунистических выступлений гитлеровских вожаков. При этом никакой симпатии к этим вожакам никто не питал, идеологии их не разделял. О нацистской идеологии знали только по советской печати, и никаких положительных откликов она ни у кого не могла вызвать. Близкое знакомство с «идеологией» нацизма вызвало еще более отрицательное к ней отношение. Во время коллективизации, когда Германия не представляла собой мощной антибольшевистской силы, когда немецкие инструктора обучали на советских аэродромах советских летчиков, говорили о высадке английских десантов в Новороссийске, которые должны прийти на помощь восставшим кубанским станицам.

И все-таки войну ждали, на немцев рассчитывали как на силу освободительную. Не верили, что немцы придут завоевывать, пора-

бощать Россию. Сомнения старались гасить в себе: тяжело было расставаться с надеждой, которой жили много лет.

Вполне понятно, что не все население, без всякого исключения, ждало войны с надеждой на освобождение. Война, как всякая война, несла большие страдания и жертвы. Наконец, само правящее меньшинство, в бытовом и партийном плане связанное с большевизмом, никак не могло ждать войну с чувством надежды на лучшее будущее; этой группе война несла смертельную угрозу.

В вопросе отношения к войне население делилось на несколько категорий, которые условно можно было бы охарактеризовать так:

— Правящее меньшинство, на которое непосредственно опирается правящая клика — высшее партийное руководство, почти все высшее советское руководство, руководство НКВД и часть работников НКВД — республиканского и областного масштаба — страшилось тоже неудачного исхода войны.

— Партийный и советский актив вообще, часть беспартийных, занимавших ответственные посты в промышленности, городских органах управления и т.д. войны не хотели и боялись ее.

— Лояльно настроенные по отношению к большевизму, считавшие, что большевистский режим защищает интересы России — войны тоже не хотели.

— Враждебно настроенные по отношению к большевизму, убежденные антибольшевики, убежденные антибольшевики активные, искавшие путей борьбы против большевизма, находившие эти пути, боровшиеся, пассивные, аполитичные обыватели — все ждали войны, ждали крушения большевизма.

На занятых немцами территориях оставались не только потому, что хотели принять активное участие в борьбе против большевизма. Активно боролось и ждало возможностей борьбы отнюдь не подавляющее большинство. Пассивная аполитичная масса, антибольшевистски в общем настроенная, оставалась и по причинам бытового характера: одни не хотели бросать собственные дома, обжитые места, другие не могли оставить больных или стариков, третьи вообще стремились переждать, пережить страшное время, уцелеть. Однако вся эта масса была настроена все-таки антибольшевистски, пассивно антибольшевистски.

В деревне ждали «германца», не скрывая даже своих надежд. За редким исключением, деревня не эвакуировалась. Только в тех местах, где останавливался фронт и стоял некоторое время, иногда военное командование успевало эвакуировать жителей. Если эвакуированных успевали посадить в железнодорожные составы — их увозили. Если эвакуировали на пароходах и пешком — крестьяне рас-

ходились по ближайшим тыловым деревням, а после того, как фронт перекатывался через них, возвращались в родные села.

О приходе немцев говорили открыто, готовились к разделу колхозов.

Там, где сельские коммунисты пользовались среди населения особенно дурной славой, можно было услышать открытые угрозы: «Вот германец придет, тогда мы с ними по-другому будем говорить».

По распоряжению властей колхозы угоняли колхозный скот на восток. Колхозники всячески саботировали отправку скота. Нередко отправку гуртов скота задерживали под всякими предложениями до последнего момента, когда колхозное начальство садилось на лошадей и бежало на восток. Оставленный скот делили. Если скот все-таки угоняли, его старались задержать по дороге, прятали в лесу. Большинство скотогонов бежало с дороги назад домой.

Раздел колхозов начинался сразу после ухода Красной армии, а в некоторых местах делили еще, так сказать, при советской власти. Делили организованно, поровну. Обычно при разделе поднимался вопрос об имуществе раскулаченных. В тех селах, куда возвращались раскулаченные, им отдавались, если были целы, их дома, из колхозного имущества выделялся сельскохозяйственный инвентарь, скот.

Как и во времена крестьянских волнений в период коллективизации, раздел колхозного имущества начинали женщины, затем к ним присоединялись мужчины. Землю делили сами мужчины.

В начале августа 1942 года мне пришлось провести несколько дней в большом селе Хохол Воронежской области. Прошел всего месяц, как село заняла немецкая армия, а жизнь в нем, несмотря на близость фронта, текла мирным путем. Работало волостное управление, в полиции за большим письменным столом сидел грозный начальник, бывший командир Красной армии, готовилась к учебному году школа. Как раз в то время, когда я был в селе, шла уборка урожая. В этом районе немцы наступали так стремительно, что власти не успели эвакуировать ни рогатый скот, ни лошадей. Угнали только часть тракторов.

Крестьяне рассказывали, что так дружно, как в этом году, они никогда в колхозе не работали. Урожай собрали действительно в рекордно короткий срок, и, несмотря на то что большую половину его взяли в качестве военного налога немцы, крестьяне получили хлеба больше, чем в самые урожайные годы при большевиках.

Не везде, однако, раздел колхозного имущества проходил гладко. В некоторых местах он носил характер бессистемного, неорганизованного растаскивания имущества. В ряде мест разделу колхозов препятствовали немцы. Так, на Украине, например, в тех областях, которые сразу же после их занятия немцами отошли в ведение

восточного министерства Розенберга¹⁰, восстановили и уже разделенные колхозы. Немцы рассчитывали, и не без основания, большевистский опыт им imponировал, что через колхозы им будет легче грабить крестьянство.

Немцы сохранили на Украине, в так называемом Рейхскомиссарате, все большевистские заготовительные организации — заготскот, заготсено, заготмолоко и т.д., — через которые по большевистской грабительской системе выкачивали из села продукты. Несмотря на это, крестьяне говорили на Украине, что при немцах они живут лучше — и действительно, в материальном отношении они лучше жили, потому что... немцев легче обманывать. «Гитлер, — говорили тогда, — тоже разбойник, как и Сталин, но глупый разбойник».

Город, как и деревня, ждал немцев, в городе, как и в деревне, тоже происходил раздел. Только здесь делили не плуги и коров, а сливочное масло и мануфактуру. Продукты и товары разбирали из магазинов и со складов с сознанием, что берут свое, народное добро, присвоенное чужой, антинародной властью.

«Инициативные группы» устанавливали очереди, следили за тем, чтобы брали всего поровну. Так было, например, в Воронеже при дележе подсолнечного масла. Два или три человека, рабочие складов, аккуратно вскрыли все баки, следили за тем, чтобы масло не разливали на землю. Из очереди раздавались одобрительные голоса:

— Правильно, правильно! Аккуратнее надо. Наше ведь добро, народное.

Так же организованно разбирались продукты из Воронежского холодильника. Там тоже в раздаче продуктов принимали участие рабочие самого холодильника.

Уничтожение большевиками заводов, фабрик, шахт, проводимое по приказу Сталина, вызывало повсеместное возмущение рабочих.

Так, в октябре 1941 года, когда немцы подходили к Москве, на заводе № 8 им. Калинина¹¹ началась спешная эвакуация оборудования, затем были заминированы все цеха завода. Минировали завод саперные части Красной армии. Когда рабочие узнали, что завод будет взорван, на заводском дворе состоялся многоядный митинг, на котором ораторы из среды самих рабочих в числе других требований, предъявленных властям, предъявили и требование о том, чтобы завод был немедленно разминирован. Митинг носил остро политический характер. Отдельные ораторы призывали рабочих не останавливаться на полпути, не ограничиваться экономическими требованиями, а обратиться к рабочим других заводов, чтобы покончить с советской властью. Требование о разминировании завода было в речах всех ораторов: рабочие смотрели на завод, как на свою собственность.

Интересные сведения сообщает С.Н. Марченко, выступивший в свое время на процессе Кравченко¹², о событиях в Донбассе, тоже в октябре 1941 года, когда немцы подходили к Ворошиловграду¹³. Было это в поселке Бис-Криворожье.

«Мне, как заведующему продуктовой базой, было дано распоряжение от имени секретаря райкома Загорайко о том, чтобы я ни одного грамма продуктов не выдавал населению. Начался поход. В то же время сами коммунисты брали с базы продукты в неограниченном количестве и грузили в стоявшие на станции составы, в которых должны были быть эвакуированы их семьи. Эшелоны с коммунистами были остановлены населением на станции Брянка.

В полутора верстах от станции железнодорожное полотно завалили шпалами. Первый эшелон врезался в них и стал. Толпы шахтеров и шахтерок отбирали у бегущих коммунистов награбленные ими продукты и тут же делили. Самих коммунистов тоже выбрасывали из вагонов.

18 октября стало известно о подготовке к взрыву шахты Бис-Криворожье. Часов в 12 дня группа солдаток, жен мобилизованных шахтеров, прорвалась на двор шахты, где коммунисты и саперы готовили взрыв шахты. Коммунисты заявили шахтеркам, что шахта взрывается по распоряжению правительства. В ответ из толпы раздались негодующие крики. Толпа все росла. В ней было уже много мужчин.

При шахте Бис-Криворожье существовала горноспасательная станция, персонал которой имел «броню» и не был послан на фронт. Толпа потребовала, чтобы специалисты из горноспасательной станции немедленно разминировали шахту.

Василий Коржевой со своим напарником Олейниковым выполнил просьбу народа. Они спустились в шахту, разминировали ее, затем разминировали хозяйственный двор, когда туда из шахты было выброшено около тонны динамита.

В 4 часа дня того же 18 октября толпа пришла к моему складу и потребовала ключи от склада. Ключи я уже сдал властям, поэтому двери склада выломали. Для распределения продуктов тут же выбрали комиссию. К вечеру склад был пуст. Комиссия решила, что продукты надо не просто распределять, а продавать по твердым ценам. В результате комиссия передала мне под расписку 11 086 рублей, которые я принял, не зная, что с ними делать.

Когда я задал вопрос комиссии, что делать с деньгами, один из рабочих ответил:

— Новая власть будет — ей и сдашь.

К сожалению, большевики ушли от нас только через год. Василий Коржевой был расстрелян, но народ ответил на это жестоко: 18 чело-

век коммунистов были схвачены и сброшены 19 октября в горящую шахту, которую вечером 18-го все-таки взорвали».

В рассказе С.Н. Марченко обращает на себя внимание свидетельство о проявлении организованности, сознания народом своей правоты, сознание, что построенное руками народа принадлежит народу.

Не менее интересное свидетельство имею о проявлении такой же организованности в Днепропетровске. Перед тем как оставить город, большевики взорвали и подожгли многие предприятия, в том числе подожгли хлебозавод.

Сторож завода, человек ничем при большевиках не проявлявший себя, собрал живущих поблизости рабочих завода и вместе с ними погасил пожар и спас завод.

Все это происходило, когда в городе не было ни большевиков, ни немцев, не было никакой власти. Город покидали последние, арьергардные части Красной армии. Бывший сторож завода, спасший завод, стал при немцах директором. Он оказался незаурядным администратором.

Такие случаи не представляли собой исключения. Стремление спасти народное достояние наблюдалось повсюду. Только в одних местах оно принимало активные формы: рабочие действительно спасали свои заводы и фабрики; в других местах возмущались, негодовали, но ничего не предпринимали. Никто и нигде не сочувствовал производимому уничтожению народного достояния.

В ряде мест, однако, после ухода Красной армии и перед вступлением немцев, и в первые дни после занятия города немцами, происходило массовое расхищение продуктов из уцелевших магазинов и складов. В этом расхищении брошенных большевиками продуктов и товаров принимал участие почти весь город: и рабочие, и служащие, и интеллигенция.

Из складов и магазинов разбирали все, что там осталось: продукты питания, одежду, мебель, готовые изделия и полуфабрикаты, обувь и белье, кожу и пряжу.

Вот у Харьковского пассажа собирается толпа. Кто-то уже проник внутрь, взломав двери. Один за другим выходят оттуда люди с полными мешками. Скоро полки пассажа опустели. Опоздавшие собирают остатки. Вот из окна первого этажа прыгает человек с детским зонтиком в руках. На шее у него связка баранок. За ним показывается другой: в руках у него несколько бутылок «Советского шампанского».

— Есть чем советскую власть помянуть, покойницу! — кричит он. Стоящие на тротуаре смеются.

Вот в Воронеже разбирают рыбный склад. На складе — одни сидки, в довольно больших бочках. Часть бочек открыта. Люди скла-

дывают селедки в мешки, взваливают на спины. У кого нет мешков, берут по целой бочке, катят бочки по улице.

Старая женщина, по виду служащая, пытается перевалить тяжелый бочонок через порог. Она одна и не в силах справиться с ним.

— Граждане, кто хочет вместе со мной взять его? Не справлюсь одна...

К ней подходит другая женщина, в поношенной старомодной кофте и в стоптанных башмаках — и они вместе, общими усилиями, вытаскивают бочку на улицу и присоединяются к длинной процессии людей, катящих по мостовой драгоценный груз. Сколько им придется так катить? Иные за десятки кварталов пришли сюда...

Можно ли бросить обвинение вот этим двум старым женщинам, можно ли им бросить обвинение в том, что они «участвовали в грабежах?»

Грабежи ли это были? Не брал ли народ действительно то, что ему причитается, чего у него не было, что у него отняли: кусок хлеба!

Брали, действительно, все: и баранки, и шампанское, и детские зонтики. Но в первую очередь брали все-таки продукты, которых у населения не было, и товары; прежде всего, искали на складах одежду и обувь, которых тоже не было.

Все было: и бессистемное, неорганизованное растаскивание, и организованный, в сознании своей правоты, раздел того, что по праву причитается народу. Да, в конце концов, и немцам никто не хотел ничего оставлять!

В советском тылу

Воронеж, где я жил в то время, был взят немцами 7 июля 1942 года. Таким образом, целый год я прожил во время войны в советском тылу.

Все лето 1941 года через город проходили эшелоны с эвакуированными. Правда, основная масса эшелонов шла также через станцию Лиски и дальше на восток, но и воронежская станция постоянно была забита эшелонами, приходящими из Курска. В Воронеже эшелоны стояли по несколько дней, потом направлялись на север, на Грязи, или на юг, на Лиски. Воронеж не связан железной дорогой с городами, лежащими на восток. Чтобы попасть, скажем, в Борисоглебск, нужно ехать через Грязи, делая большой крюк. И эвакуированные вынуждены были, попав в Воронеж, ехать на юг, в Лиски, или на север, в Грязи, а иногда и дальше, в Рязск, откуда уже шли поезда на Урал и в Сибирь. Многие эвакуированные задерживались в Воронеже. От них население узнавало о том, что происходит там, на западе, откуда катился грозный вал немецкой военной машины.

Эвакуированные рассказывали о том, чего не было в печати: о поспешном отступлении Красной армии, которая, бросая вооружение, склады амуниции и продовольствия, оставляя на дорогах автомашины, танки и артиллерию, частично бежала на восток, частично сдавалась в плен. Эвакуированные рассказывали о панике, которая охватывала власти при приближении немцев, о поспешном уничтожении заводов, фабрик, жилых домов.

Рассказывали о необыкновенной мощи немецкой армии, о сиренах «штукасов»¹⁴, о мотоциклистах в зеленых шлемах, которые рыскают по тылам, сея панику, о том, что у немцев вообще нет винтовок, а одни автоматы...

Во всех рассказах беженцев заметно преувеличивалась сила немцев. Войну считали проигранной. Слова Молотова: «Победа будет за нами», из речи 22 июня, произносились с особой интонацией, иронически, в них вкладывался и другой смысл: «победа будет за нами... за нашей спиной. Редко-редко раздавались голоса, в которых звучала вера в победу большевиков. О зверствах немцев, о расправах с населением, о лагерях военнопленных, которые немцы уже создали и в которых начался уже голод, рассказывали редко. Чаще о случаях проявления благожелательного отношения к населению. Сообщениям советской прессы о расстрелах и зверствах немцев большинство населения не верило. Несколько раз в начале осени 1941 года распространялись слухи о создании немцами русского правительства, сначала в Киеве, потом в Смоленске. Ко всем сведениям, проникающим из-за линии фронта, прислушивались с вниманием, ловили каждый слух, неблагоприятный для большевиков. Слухи, распространяемые агентами НКВД в подкрепление официальной пропаганды, быстро замирали.

Так прошло лето. Наступила осень 1941 года.

15 сентября я поехал из Воронежа в мой родной город Орел, где давно не был. Я поехал, чтобы взять оставшиеся там еще после моего побега из-под ареста в 1937 году вещи и узнать у друзей о положении на фронте: фронт остановился недалеко от Орла. На железной дороге наблюдалось странное затишье, затишье перед грозой. Вот уже около месяца фронт не двигался. Немцы накапливали, очевидно, силы для генерального наступления на Москву. Поток эвакуированных схлынул, и пассажиров почти не было: ехали только командировочные или военные. Я пробыл в Орле несколько дней и вернулся обратно в Воронеж. По тем сведениям, которые я получил в Орле от знакомых военных, немцы остановились в брянских лесах и вряд ли начнут в ближайшее время наступление. Прогнозы моих друзей оказались неверными: немецкое наступление началось через неделю.

Я приехал в Орел поздно вечером. Ни трамвая, ни автобуса не было, и я пошел через весь город пешком. На улицах — ни одного прохожего, огни везде погашены, окна плотно занавешены. Мои шаги гулко отдавались по мертвым улицам, казалось, мертвого города. Несколько раз меня останавливали военные патрули, проверяли документы. У штаба фронта, помещавшегося в здании Индустриального техникума, из темноты вдруг закричали с двух сторон испуганными голосами:

- На середину улицы выходи!
- На середину улицы!

Оказывается, часовые получили приказ всех похожих пропускать только посередине улицы, по мостовой, чтобы... не взорвали штаб.

Испуганные ночные голоса часовых остались в памяти, как некий символ страха, который обьял власть.

В Орле уже заканчивалась эвакуация промышленных предприятий, учебных заведений. Как и в других городах, эвакуация носила не только добровольный характер. Инженеры и рабочие получали распоряжение об обязательном выезде.

В Орле я впервые увидел немецкие листовки. В одной из листовок, снабженной довольно туманной фотографией, которая, судя по надписи, изображала сына Сталина Якова, сообщалось о том, что он взят в плен¹⁵.

Одни не верили в это, считая, что Сталин не мог послать сына на фронт, другие скептически пожимали плечами:

- Ну, взят, ну, а дальше что?..

Фронт стоял совсем близко, и я с жадностью впитывал все сведения, которые шли оттуда, где рухнула советская власть, где люди жили какой-то новой жизнью. Какой? Что принесли немцы? Что думают они о будущем России? Создадут ли они правительство? Эти вопросы волновали не меня одного. Город полнился часто противоречивыми слухами.

Пробыв в Орле несколько дней, я вернулся в Воронеж.

И на обратном пути меня удивило странное затишье на железной дороге. Затишье перед грозой...

Оборванный и грязный бухгалтер из Ельца, отпущенный по болезни с оборонных работ (он копал злополучные противотанковые рвы), рассказывал, громко сморкаясь в носовой платок, похожий на грязную половую тряпку, и поминутно вытирая им лысину:

— Первые дни страшно боялись. Представьте себе такую картину: его самолеты над головой летают, а наших — ни одного, просто обидно. И понять невозможно, куда они девались. Сколько перед войной писали о нашей авиации!

Он говорил громко, на весь вагон. Пассажиры, почти все командиры Красной армии, слушали сочувственно, поддакивали.

— И представьте себе, — говорил бухгалтер, — летают и не стреляют, и бомб не бросают. Первый раз, когда появился немецкий самолет, мы к лесу бросились. А он дал два круга и улетел. Второй раз самолет почти над головами пролетел. И представьте себе, летчика мы видели. Это так странно! Очень близко. Улыбается и рукой нам машет. Прямо не война для них, а маневры. Ну да наши тоже воюют неплохо, — спохватился бухгалтер, почувствовав, что сказал лишнее, — вы знаете, как «катюши» крошат немцев! Изумительные машины!..

В Ельце бухгалтер сошел, не успев рассказать об изумительных машинах «катюшах».

3 октября немцы взяли Орел. Совинформбюро сообщило о сдаче города через два дня. В эти дни решалась судьба войны, решалась судьба большевизма. Весь центральный советский фронт от Смоленска до Орла рухнул, и немецкие танковые колонны рванулись к Москве. Советские сводки глухо сообщали о жестоких боях на Вязьменском и Смоленском направлениях и длинно и подробно повествовали о подвигах неизвестных партизанских отрядов в районах А. и Б., В. и Г.

Каждый день у радиорупоров собирались толпы людей. Как никогда раньше, с большим вниманием выслушивали первые две-три фразы сводки о продолжающихся тяжелых боях — и расходились. Напряжение в стране росло с каждым днем. Это были решающие дни, и народ это чувствовал. Заметно все больше нервничали власти, все громче и смелее звучали голоса, осуждающие власть за неспособность воевать, за неподготовленность страны к войне.

В этих все громче и громче звучащих голосах слышалась и скрытая радость: вот, конец их наступает, конец! Никогда еще большевизм не показывал себя в таком обнаженно-беспомощном виде. Это было, действительно, начало конца.

16 октября, в самый памятный день войны¹⁶, радио сообщило о значительном ухудшении положения на фронте, о прорыве немцев к Москве.

В тот же день в городе распространился слух о предстоящем перемирии и капитуляции. Вечером, к передаче последних известий, у радиорупоров снова собрались толпы. Радио повторило только утреннюю сводку. Люди не расходились. На Проспекте Революции толпились, как в праздничные дни, прогуливались группами, разговаривали. Распространились новые слухи: немцы уже в Москве. С нетерпением ждали утренней сводки 17 октября. Она не принесла ничего нового. На следующий день все то же. Напряжение начало за-

метно спадать. Наступила какая-то реакция разочарования — ну вот и не конец — наступили серые будни войны.

В конце октября я получил письмо из Москвы от моего большого друга. Письмо сугубо, так сказать, личного характера, в котором он сообщал о семейных своих делах, о здоровье жены и приезде в гости тещи и, между прочим, писал:

«Мы здесь все с нетерпением ждали приезда Григория Ивановича, нашего старого друга, которого и ты хорошо знаешь, но он, к сожалению, задержался и не сможет приехать. Может быть, весной приедет».

Григорием Ивановичем мы называли в переписке Гитлера.

7 ноября Сталин принимал парад на Красной площади. Говорил о Минине и Пожарском, о Суворове и Кутузове... В Воронеже парад принимал маршал Тимошенко¹⁷. Он проехал перед выстроившимися полками на рослом гнедом коне, в серой каракулевой папахе, в новой шинели с красными отворотами. Потом полки прошли церемониальным маршем через город, по широкому проспекту. В новых шинелях, в сапогах, с автоматами на груди — полки проходили один за другим, чеканя шаг. Я стоял на тротуаре и чувствовал, как у меня сжимается сердце. Передо мною проходили стройными рядами русские солдаты с хорошими русскими лицами. И почему-то многие с усами, с такими хорошими русскими усами, которые до войны и носить не разрешали. А теперь они шли мимо меня, уже овеванные пороховым дымом, русские усачи, словно сошедшие со страниц «Нивы»¹⁸ и пели:

В бой за Родину,
В бой за Сталина...

Опять эта песня! Где я ее слышал? Да в начале же войны, в Симферополе. И от слов этой песни — щемящая боль в сердце, боль минутного колебания, сменилась спокойной уверенностью и старым знакомым чувством ненависти ко всему, что олицетворялось для меня — да и только ли для меня? — в этом слове: Сталин.

Нет, в бой за Сталина я не пойду. За Родину? Но почему я должен защищать с нею и Сталина? Почему ее нельзя защищать после того, как Сталин будет сброшен. Нет, сначала сбросить Сталина.

В декабре радио принесло победное сообщение о разгроме немцев под Москвой. Голос Левитана¹⁹ звучал уверенно и торжественно. Я вспомнил испуганные голоса часовых у штаба фронта в Орле в решающие октябрьские дни. В войне произошел уже перелом...

Мне кажется, что он произошел раньше, в октябре 1941 года, может быть, даже вот в те утренние часы 17 октября. В эти дни произошел психологический перелом в сознании народа. Немцы Москву не

взяли, остановились, потом отошли. Значит, надо воевать. Чего же ждать теперь? Если теперь они отходят, когда вся кадровая армия разбита, то что же будет, когда резервы подойдут, когда переорганизуется армия. Сталин тоже не дурак. Наверно, оставил в Сибири резервы... Были все признаки разочарования в немцах — и правительство русское не создают, и зверствуют, и пленных голодом мортят, и победить сразу не смогли — и признаки исчезновения той уверенности в неизбежном крахе большевизма, которая была в первые три-четыре месяца войны.

Страна втянулась в будни войны, начала воевать. Большевики постепенно брали вновь в руки власть над народом, выскользнувшую было после первых ударов немцев.

В занятых немцами областях психологический перелом, происшедший в советском тылу, не отразился непосредственно.

Здесь протекали другие процессы, связанные, однако, глубинно и с теми, которые происходили внутри страны. О тех процессах, которые происходили в немецком тылу, речь еще впереди.

Зима 1941–42 года, однако, показала, что большого желанья воевать народ не испытывал. Поползли слухи о весеннем наступлении немцев, о десятках дивизий, которые они перебрасывают из Германии, о тысячах самолетов, которые стоят на аэродромах и ждут только приказа, чтобы обрушиться на Москву.

Стали говорить, что в оккупированных областях совсем не так уж плохо, как рассказывают газеты и радио. Что в деревне достаточно продуктов, что колхозы поделены, и весной крестьяне будут сеять на своей земле. Слухи не появлялись произвольно, они принимали определенную окраску под влиянием заглушенных, но все еще живых надежд на крушение большевизма.

Всю зиму 1941–42 года в Воронеже регулярно устраивались облавы на дезертиров, бежавших из армии и скрывающихся у родственников и знакомых и уклоняющихся от явки в военкоматы. В обысках и облавах принимали участие комендантские части Красной армии, НКВД и милиция.

Какие размеры приняло дезертирство, можно судить по следующим данным. В школе № 17, в рабочем поселке завода им. Коминтерна, находился сборный пункт, куда каждую ночь свозили захваченных в поселке дезертиров. Поселок насчитывал не больше 5000 населения. Почти каждую ночь задерживали 30–40 дезертиров. Их судил военно-полевой суд. Наказание всем одно и то же: 10 лет заключения с отбытием наказания после войны и немедленной отправкой на фронт.

Все время, изо дня в день, ухудшалось продовольственное положение в городе. Летом и ранней осенью, когда шло немецкое на-

ступление и город готовился к эвакуации, в магазинах появилось масло, сахар, крупа, мука. В это время можно было купить, например, целый килограмм сливочного масла, можно было купить не один килограмм, а несколько, стоило только постоять в очередях нескольких магазинов. Население спешило закупить как можно больше продуктов, сделать запасы. Все хорошо понимали, что продукты «выбрасываются» в магазины только потому, что приближаются немцы. Остановят немцев — и исчезнут продукты. Так и произошло. Когда немецкое наступление замедлилось, а затем стабилизировался фронт — прекратилась и продажа сливочного масла. Прекратилось вообще снабжение населения.

По карточкам давался только хлеб. К весне исчезли продукты и на базарах.

Вот типичная картина воронежского базара в апреле–мае 1942 года. На базарной площади несколько сот человек, преимущественно женщины, и не больше двух десятков торговков, разложивших маленькие кучки картофеля и лука. Больше ничего нет. Но покупательницы не расходятся. Они терпеливо ждут. Проходит час, другой. Вот, наконец, показывается крестьянская подвода. Площадь не узнать. Только что мирно беседовавшие, сидевшие пригорюнившись на скамейках женщины вскакивают и бегут — молодые и старые — что есть сил к подводе. Раздаются крики. Женщины спешат пробиться как можно ближе к телеге. Наконец, устанавливается очередь. Начинается священнодействие продажи. У крестьянина всего один-два мешка картофеля. Ясно, что всем не хватит. Он дает сначала по килограмму, но из задних рядов несутся негодующие крики. Там требуют, чтобы норму выдачи он сократил до фунта на человека. Он подчиняется, дает по фунту. Но картофеля все-таки не хватает на всех. Пустая подвода уезжает с базара, а женщины не расходятся. Они будут стоять здесь часами и ждать. Будут стоять и те, кто получил свой фунт: что фунт картофеля для рабочей семьи в несколько человек...

Зимой и особенно весной 1942 года немцы совершали регулярные, но незначительные налеты на город. Бомбили заводы и центр города. И каждый раз, когда начиналась тревога и ночное темное небо прорезывали длинные полосы света, шарили по нему, скреживались и снова уходили друг от друга, тысячи людей смотрели в небо, ждали характерного прерывистого звука немецкого бомбардировщика, гадали, куда сегодня бросит «он» свой смертоносный груз. И каждый раз вы могли услышать примерно одно и то же:

— Опять к НКВД повернул. Конечно, к НКВД. Вот сейчас рванет...

Самолет медленно шел в свете прожекторов, визжала, пригибая все к земле, бомба, рвалась, словно лопалась где-то земная кора, вы-

брасывая яркое пламя... Утром люди бежали смотреть развалины городского театра и, сокрушенно качая головами, говорили:

— Опять промахнулся. Определенно в НКВД целил. Ведь два квартала всего от театра...

Так и не увидели воронежцы развалин НКВД.

В конце июня радио снова принесло вести, напоминающие прошлогодние, октябрьские. Радио сообщало, что немцы перешли на Курском направлении в наступление, что им удалось прорвать на фронте советские позиции. Началось грандиозное немецкое наступление 1942 года.

В моих дневниках сохранились записи, относящиеся к тем дням:

«1 июля в 12 ч. 30 м. дня 60 немецких самолетов совершили неожиданный налет на Воронеж и подвергли бомбардировке военные заводы, станцию, склады, жилые кварталы. Пострадало много жилых домов. Во многих районах возникли пожары. Весь город был окутан клубами дыма. Зенитная артиллерия бездействовала. Жителей охватила паника. Так как прекратилось трамвайное движение, тысячи людей пешком стали уходить из города.

2 июля было семь тревог. Деловая жизнь города стала. Учреждения, предприятия, магазины прекратили работу. Жители продолжали уходить в окрестные деревни. Вечером 2 июля я шел через совершенно пустынный город.

...Вечером 2 июля и утром 3 июля пронесся слух, что германские войска прорвали фронт у г. Землянска и идут к Воронежу. Среди коммунистов началась паника. Толпы их бросились на вокзал, но не было уже поездов. Спешно начали снимать станки на заводах, но ничего не вышло: рабочие разошлись по домам. В учреждениях жгли бумаги, и пепел летал по всему городу. Началось отступление Красной армии.

Вечером 3 июля объявили:

«Жителям оставить город в 24 часа, уходить в сторону Борисоглебска». Путь для отступления армии и беженцев был один: через Чернавский мост.

...2, 3, 4 и днем, и ночью через город шли остатки разбитых дивизий. Проносились автомобили, катили повозки, спешили измученные, голодные красноармейцы. Многие из них были без оружия. Они просили у жителей хлеба. К вечеру 4 июля город покинули милиция и НКВД. Вечером же 4 июля в город ввели свежие резервы. Видимо, советское командование делало попытку удержать его. Войска расположились в крупных зданиях. Жители ушли в подвалы, щели, на берег реки Воронеж.

...5 июля утром город обезлюдел. Жители не выходили из домов. Власти бежали. Войск нигде не было видно. Часов в 7 утра, 5 июля, немецкий самолет сбросил бомбу на здание ДКА²⁰. Через час нача-

лась бомбежка, которая продолжалась с короткими перерывами до вечера 6 июля.

Один за другим заходили эшелоны «юнкерсов» по 12, 18, 30 штук и с ревом пикировали на город. Войска отошли к реке.

...Я наблюдал бомбежку с окраины города, от реки, куда ушел с семьей из центра, где жил.

Днем 5 июля решил сходить домой. Немецкие самолеты появлялись над городом через каждые 10–15 минут. Я задержался в центре, который был уже почти разрушен, и на обратном пути попал прямо под «юнкерсы». Они шли правильным строем, по три штуки вместе, сравнительно на небольшой высоте, как раз наперерез мне. Возвращаться было поздно, и я решил опередить их. Побежал по улице, поминутно поглядывая на небо. «Юнкерсы» приближались удивительно быстро, ревя моторами, четко выделяясь на безоблачном июльском небе. Сердце бешено колотилось в груди. Проскочу или не проскочу? Чувствуя за собой тяжелое дыхание тоже бегущего человека, как-то странно всхлипывающего, я из последних сил побежал еще быстрее, но самолеты были уже над головой. Совершенно инстинктивно я бросился на землю и в ту же секунду, после короткого страшного воя, загрохотали один за другим взрывы. Я лежал у дерева, в каком-то дворике, чувствуя удивительно мирный запах земли. Полуоглохший, я поднял голову. Рядом со мной сидел человек и плакал, совсем по-детски, всхлипывая. По серо-бледному лицу его катились слезы и останавливались в усах. Я перекрестился. Он тоже. Потом вытер рукой слезы и вздохнул:

— Ну, кажется, пронесло. Бежим!

Вокруг все было засыпано обломками дерева, камнями, туча пыли стояла над развалинами домов и из нее вырывались языки пламени. Слышались отчаянные крики. Какой-то молодой парень в белой, разорванной на спине рубашке, метался по улице, словно не находя выхода из развалин. По улице уже бежали люди, вниз, к реке. Справа слышался все нарастающий рев моторов.

... 6 июля в городе, кроме незначительных групп войск, укрепившихся на берегу, не было никаких представителей власти. Несмотря на бомбежку, население бросилось в продовольственные склады и магазины. 7 июля по всем улицам тянулись, прижимаясь к стенам домов, цепочки людей, нагруженных добычей. Вечером у Задонского шоссе и со стороны Землянска появились немецкие мотоциклисты. 8 июля на Проспекте Революции стояли танки. 9 еще продолжались бои в нижней части города. Утром 10 все затихло.

Воронеж постигла та же участь, что и Сталинград: он был почти полностью разрушен. Фронт остановился на реке Воронеж, и немцы

дальше не пошли. Они взяли сам город, а один из его рабочих районов, Придача, на левом берегу реки, остался в руках Красной армии. Советская артиллерия непрерывно обстреливала город. Немцы отвечали. Никакой жизни в городе наладить было нельзя, и немцы решили эвакуировать его весь. В январе 1943 года Красная армия после ожесточенных боев заняла развалины мертвого города. В нем остались только одичавшие кошки.

Таким образом, 10 июля я очутился на территории, оккупированной немцами.

Немцы пришли

На стене полуразрушенного дома приклеен лист бумаги. На нем по-русски на машинке напечатано:

«Приказ

Германского командования жителям г. Воронежа».

Следует ряд пунктов, в которых указывается, чего жители Воронежа не должны делать.

Они не должны показываться на улицах после 6 ч[асов] вечера, не должны входить в дома, занятые немцами, не должны помогать скрывающимся в городе красноармейцам, не должны помогать партизанам, евреям и коммунистам не должны заниматься никаким трудом, кроме физического...

После каждого пункта стоит короткое и угрожающее: «За нарушение — расстрел».

Приказ написан довольно грамотно, но с иностранными оборотами речи, которые так странно видеть здесь, на стене русского дома.

Кроме еще одного приказа, об эвакуации города, который тоже кончался словом «расстрел» — никакого печатного слова.

А где же обращение к русскому народу? Где же русские, которые вместе с немцами борются против большевизма?

Первого русского, неворонежца, я встретил дня через три. С жадностью набросился на него: ну, что там? Он ограничился короткими, ничего не говорящими фразами. Явно не хотел рассказывать подробно, и я понял, что и рассказывать было нечего...

Еще дня через два я встретил своего знакомого, крупного инженера.

— Предлагают город принимать. Как вы считаете? — спросил он меня.

— Конечно, принимайте. Нужно же жизнь налаживать.

Но налаживать жизнь в Воронеже не пришлось: пришел приказ об эвакуации всего населения.

Единственно, что удалось сделать — это помочь тем, кого немцы захватили и отправили на рытье окопов, а часть — в лагеря военнопленных.

Немецкое военное командование, видимо, включало в цифры взятых пленных и тех местных жителей, которых хватали просто на улицах или в домах. В Воронеже таким образом собрали несколько сот человек. Им объявили, что взяты они на военные работы. Часть, действительно, послали на рытье окопов, на ремонт дорог, а остальных отправили в тыл. Несколько десятков человек все-таки удалось вырвать. Их отпустили перед самой эвакуацией города.

Уже несколько месяцев спустя, в Орле, в одном из февральских номеров «Правды» я видел фотографию инженера, освобожденного Красной армией из лагеря военнопленных в Курске. Инженера схватили на станции Кисторной, в 60 километрах от Воронежа.

Облавы на мирных жителей произвели в Воронеже тягостное впечатление.

Можно только себе представить состояние человека, антибольшевика, который ждал немцев как освободителей и которого хватают на улице, ведут, как преступника, под конвоем и бросают за проволоку. За что? Почему? Негодующие протесты его остаются без ответа. Мне пришлось беседовать с несколькими воронежцами, отпущенными недели через две. Один из них рабочий-токарь. Его взяли из дома на Плехановской улице. Он рассказывал:

«Я остался сознательно. Когда наш завод имени Ленина эвакуировали, мне предложили в обязательном порядке ехать с заводом. Такой же приказ получили все квалифицированные рабочие нашего завода. Несмотря на приказ, я и многие другие рабочие решили остаться, хотя это грозило большими неприятностями. Нас предупредили, что за отказ эвакуироваться будут судить как пособников немцев. Своей угрозы руководство завода не успело выполнить, потому что само бежало. Ну, вот, наконец, в городе нет советской власти. Первое, что мы сделали, продуктами запаслись. Дня через два и немцы пришли. По соседству со мною еще двое рабочих нашего завода жило. Собрались мы, потолковали и решили в комендатуру немецкую сходить, узнать, как с заводом будет. Часть цехов хоть и сгорела, но восстановить кое-что и начать работу можно было. Сидим так, разговариваем — вдруг дверь настезь и на пороге немцы: два солдата с винтовками и третий с пистолетом. Как я потом узнал — это унтер-офицер был. А тогда мы еще не знали их знаков различия. Входят. Не здороваются. Тот, что с пистолетом, по-русски немного говорил:

- Комм, комм. Пойдем, пойдем. Иди, стрелять буду.
- Что такое, спрашиваем, почему идти, куда идти?
- Иди, иди. Работа.

Работа? А зачем с винтовкой? Зачем стрелять? Не понимает, дурак. Твердит свое: «Иди, иди. Работа». Ну, думаем, надо идти. Будем работать. Выходим на улицу — а тут уже целая группа людей собрана. Построили нас по одному, гуськом (человек 15 набрали). Впереди конвоир, позади — конвоир. Погнали. Спрашиваю у других, куда, мол, гонят. Никто не знает. «Работа». А что за работа, почему под ружьем нужно работать? Пригнали нас на мясной базар. В угловом двухэтажном доме штаб какой-то. Потом узнали — штаб полка. Народу здесь уже больше сотни. Продержали нас с час. Вышел на крыльцо офицер. С ним переводчик. «Старики, говорит, могут по домам идти». Отпустили десятка два-три стариков, а нас погнали дальше. Около завода им. Ворошилова продержали еще часа три-четыре. С группой в семь человек я попал на работу на железной дороге Воронеж — Курск. Немцы перешивали нашу широкую колею на свою узкую. Работа была тяжелая, а кормили никуда не годно. Ночевали в сараях полуразрушенных. Вот тут и взяло меня раздумье. Пожалел я, что не уехал со своим заводом. Ждал, думаю, освобождения от большевиков, а что получил? Почти две недели проработал. Потом неожиданно отпустили меня и еще одного воронежца. Выдали пропуска, и пошли мы домой. Пешком, конечно. А остальных пять человек оставили.

Появление немцев в городе сопровождалось, как и везде, виселицами. В Воронеже не было еще массовых репрессий, какие немцы проводили в глубоком тылу, на Украине и в Белоруссии, но уже в первые дни в городе появились повешенные. Двух человек повесили в нижней части города, у реки, одного на Плехановской улице и еще одного на площади перед обкомом партии, на вытянутой руке памятника Ленину. Повешенных не снимали несколько дней. Были ли это коммунисты, наказанные за их преступления, энкаведисты, оставленные в городе для выполнения «особых заданий», или рядовые русские люди, случайно погибшие, — неизвестно.

Кто мог установить, кто они были, когда каждый немецкий офицер, каждый мелкий комендант мог безответственно творить суд и расправу. Чаще всего в первые дни после прихода немцев гибли совершенно невинные люди.

Само повешение рассматривалось немцами не как мера наказания преступников за совершенные ими преступления, а как мера устрашения населения. В 1943 году по стопам немцев пошли и большевики: они ввели смертную казнь через повешение, они тоже стогнали население русских городов на площади, где проходила расправа над «изменниками и предателями».

Задуманная как мера устрашения, публичная казнь только содействовала росту антинемецких настроений так же, как она содействовала росту антисоветских настроений в тех городах, куда приходила

Красная армия и где большевики, следуя примеру немцев, вешали на площадях русских людей. Ничего другого, кроме возмущения, протеста и ненависти к тем, кто ее совершает, публичная казнь не может вызывать. В каждом русском городе немцы считали обязательным убить несколько русских людей, чтобы устроить других, чтобы заставить их покориться. Кроме чувства глубокого разочарования и следующей за ним ненависти к себе, немцы ничего не получили.

Репрессии вызывались еще и страхом, внушенным немцам партизанами. Первое слово, которое говорил останавливающийся на постройке в русском доме немецкий солдат, было слово — партизан. «А есть здесь у вас партизаны?»...

В то время партизанское движение начинало еще только расти. Во многих районах и городах ни партизан, ни сколько-нибудь организованного подполья не было вообще — и немцам ничто не угрожало, но они в каждом темном переулке видели партизан.

Еще больший страх испытывали их союзники: итальянцы, венгры, румыны. В Бобруйске, например, где до 1944 года стояли венгерские части, часовые после наступления темноты открывали огонь по прохожим без предупреждения. По городу просто нельзя было ходить. После того как злополучные стражи убили и ранили несколько немецких солдат и офицеров, охрану города стали нести сами немцы.

Никакой серьезной угрозы не представляли собой для немцев и те незначительные группы подпольщиков, которые остались в Воронеже.

В 1942 году немецкая армия еще сохраняла свой прежний боевой вид, это еще были хорошо вымуштрованные, прекрасно обмундированные и вооруженные дивизии, не хуже тех, которые видели все столицы Европы. И дрались немцы по-прежнему умело и настойчиво.

Воронеж взяли. Танковые клинья Клейста²¹ безостановочно шли на восток и на юго-восток. Но не было уже у немцев прежней уверенности. Все реже звучали хвастливые голоса о падении Москвы и Ленинграда, о скором конце войны.

Толстенький, низкий фельдфебель, немного говоривший по-русски (в России когда-то жил), чиновник какой-то тыловой хозяйственной части, говорил мне, сокрушенно качая головой и тряся розовыми щечками:

— О нет, майн херрн, Красная армия еще не капут. О, нам много будет тяжелая война. О, Россия — это злой снег, это много земли. Много ехать, много стрелять.

Мы стояли у окна двухэтажного углового дома. В этом доме осталась только одна русская семья. Весь верх дома занял фельдфебель с двумя унтер-офицерами. Каждую ночь он обходил дом, проверял запоры и пугал русских жильцов.

— Партизанен, партизанен? — говорил он, освещая электрическим фонарем темные углы.

Я смотрел в открытое окно на пустынную улицу, заваленную кирпичом, обломками досок. Над этой мертвой улицей, над разрушенным, искалеченным городом сияло ослепительно яркое июльское солнце. Из-за реки, оттуда, с советских позиций, слышалась артиллерийская канонада. Били по немецким позициям на северных окраинах города.

Иногда по пустынным улицам проходили люди с ведрами в руках. Электростанцию взорвали большевики, и всему Воронежу приходилось ходить за водой на реку. А там, с левого берега, с Придачи, где укрепились Красная армия, бил пулемет по каждому, кто спускался к реке, хотя даже невооруженный глаз мог отличить русскую женщину от немецкого солдата.

Здесь же, в этот жаркий июльский день, ничто не нарушало почти мирную тишину. Если бы не развороченная улица, не заклеенные бумагой окна, не вон тот немецкий солдат, который идет по противоположной стороне. Дойдя до угла, солдат оглядывается по сторонам и, пригнувшись, перебегает улицу.

— Чего он испугался? — спрашиваю я у розовощекого фельдфебеля.

— Партизанен, партизанен.

И, желая подробней растолковать мне, чего так боится солдат, он, согнув указательный палец правой руки и делая вид, что нажимает «собачку», производит губами звук, напоминающий, по его мнению, выстрел:

— Пук, пук!

Мне же больше кажется, что солдат, перебежавший улицу, не столько боится партизан, сколько собственного начальства. Очень похоже на то, что отправился он в поисках яиц или кур.

Слово «яйки», принесенное немцами из Польши, было, по-видимому, первым словом, которое слышали везде от немцев. Удивительно любил немецкий солдат «яйки». Вообще любил поест, чужое преимущественно. Любил именно чужое, отнятое. Брали немцы не только продукты, но и вещи: белье, одежду и обязательно часы. Грабежи и воровство не носили массового характера, и всегда вор-солдат словно стыдился своего поступка.

На Батуринской улице в Воронеже солдат вошел в квартиру инженера. Не здороваясь, не глядя присутствующим в глаза, молча прошел через комнату, где лежал в постели больной хозяин дома, открыл верхний ящик комода, взял мужские ручные часы, 3000 рублей и также молча, не поднимая глаз, ушел.

Тоже в Воронеже. В квартиру одной старой учительницы вошли два солдата. Тоже молча, не здороваясь, открыли буфет, пошарили в нем, вытащили банку вишневого варенья и тут же, у буфета, стали ложками пожирать его.

В Орле, в квартире глазного врача, известного всему городу, остановился офицер, обер-лейтенант. Прожил две недели. Хотя хозяева неплохо говорили по-немецки, он никогда не вступал в беседы. Молча, не здороваясь, приходил, молча уходил. Когда непрошенный гость уехал, обнаружили пропажу нескольких новых простынь и наволочек. Тевтонский рыцарь взломал перед отъездом бельевой шкаф и украл все, что ему понравилось. Перед отъездом он тоже не смотрел в глаза обворованным.

Справедливости ради отмечу, что такие случаи представляли собою все-таки исключение. Я говорю о воре-офицере. Солдаты, особенно в первые дни, воровали и грабили почти открыто. Даже на улицах.

Я записал когда-то рассказ одного харьковчанина. Вот он:

«Вы знаете, почему я возненавидел немцев? Из-за сапог. Т.е. не из-за сапог, которые представляли для меня тоже немалую ценность, а из-за... как бы вам объяснить? Расскажу по порядку. Дело было на третий или четвертый день после занятия города. Решил я приодеться и пойти посмотреть, что в городе происходит. Интересно все-таки. Ждал ведь “освободителей”. Надел я новые сапоги. Хорошие, хромо-вые. Иду по Сумской — навстречу три солдата немецких. Поравнялись со мной, — и вижу: на сапоги смотрят. “Понравились, думаю”. А сапоги, действительно, им понравились. Да так, что я больше их не видел. Прошли немцы несколько шагов, остановились. Я иду, не оборачиваюсь. Почувствовал, в чем дело. Окликнули они меня — пришлось остановиться.

Показывают на сапоги: снимай, мол. Что будете делать? Пришлось снять. Так и пришел домой босиком. И ведь не столько сапог было жаль, как чего-то другого, разбитой, так сказать, надежды: ожидал ведь их. А они сапоги на улице снимают»...

Но вернемся снова в Воронеж. Больше двух недель не выходило население города из погребов: то один, то другой район города подвергался обстрелу из-за реки. По-видимому, фронт стал прочно. Не было заметно подготовки немцев к дальнейшему наступлению. Все их силы устремились южнее Воронежа, к Волге и Северному Кавказу.

Приказ об эвакуации поразил население. Куда повезут? Что будет? Как устраиваться на новых местах? Здесь все-таки свои дома и кое-какие запасы продуктов... Со смутной тревогой покидало население Воронеж. Вереницами тянулись по улицам, нагруженные веща-

ми. Взять могли очень немного, потому что немцы не дали никакого транспорта. Шли семьями, с рюкзаками за плечами, вели под руки стариков и больных. Кто сумел достать какую-нибудь тележку, тот уже чувствовал себя почти счастливым. Брели с собой главным образом продукты и самые необходимые носильные вещи. Сколько предстояло пройти пешком, никто не знал. Эвакуация продолжалась не менее двух недель. В городе не оставили ни одного человека.

Эвакуировался город постепенно, район за районом. Эвакуированные уже улицы обходили патрули с собаками. Из дома в дом, гремя коваными сапогам по булыжной мостовой, проходили немцы по мертвому городу. Гулко раскатится чужая речь в пустых комнатах, сохранивших еще жилой запах. Жалобно скрипнет крыльцо, хлопнет дверь, отброшенная сапогом — и опять мертвая тишина. Даже канонады не слышно из-за реки.

Неподчинение приказу об эвакуации грозило расстрелом. И все-таки находились люди, пытавшиеся остаться, скрыться: так велика сила обжитого места, родного угла, родины.

Пешком пришлось пройти верст 50, до большого села Хохол, где эвакуированных опрашивала специальная комиссия и отправляла дальше, на запад, уже по немецкой дороге. В первую очередь отправляли в Харьков и Киев интеллигенцию: профессуру воронежских высших учебных заведений, артистов, инженеров, учителей. Потом всех остальных. Многие разошлись по окрестным деревням.

От Воронежа до Хохла шли проселочными дорогами. Длинная-длинная вереница людей, тележек. Иногда телега, запряженная лошастью или коровой. На телеге гора мешков и чемоданов, большой или старик.

А вот корова, навьюченная мешками. Сбоку подвешен закопченный котел для варки пищи. На самом верш — привязанный к мешкам ребенок. Все, что могло передвигаться, шло пешком. Некоторые семьи с больными и стариками шли эти 50 верст по четыре-пять дней.

Пищу варили прямо в поле, на сучьях, на сухом бурьяне, на каких-то досках, бог весть как попавших сюда, в открытую степь. Спали тоже в поле, в лесу, на одеялах, которые почти все несли с собой, и прямо на голой земле: у доброй половины населения вещи погибли в огне.

Когда заходило солнце и начинало темнеть, располагались на ночлег. Зажигались костры. И насколько хватало глаз, до горизонта в одну сторону тянулись огни костров — кочевье 20-го века...

Ни песен, ни смеха не слышалось здесь. Глухо звучали в наступающей ночной тишине людские голоса да где-то в стороне, на дороге, женский голос. Полный тревоги и отчаяния, звал и звал: «Ва-а-а-ля! Ва-а-ля!»

Голос то приближался, то удалялся. Наверно, мать искала оставшего ребенка и не могла найти. Ночь все стучалась, и голос матери звучал все отчаяннее и безнадежнее. Да кто знает, когда эта несчастная мать потеряла своего ребенка? Может быть, лежит он под грудой кирпича там... А она все еще ищет его?

Я обернулся. У нашего костра стояла сгорбленная фигура.

— Разрешите огонька взять?

— Пожалуйста, конечно.

Голос мне показался знакомым. Я силился вспомнить, где я видел это лицо, эту чеховскую бородку. Наконец, вспомнил. Познакомились в прошлом году на педагогической конференции. Он — тоже учитель, словесник.

Ну, вот, — как бы продолжая прерванный разговор, — заговорил он. — Вот и дождались. Вот и пришли. Что же теперь делать будем? Кажется, из огня да в полымя?..

Завязался один из тех разговоров, которые потом можно было услышать очень часто.

Дон перешли поздно вечером по понтонному временному мосту, построенному немцами. Поднялись на гору. В стороне от дороги — здания, двор, обнесенный забором. Оказывается, это Орловка, сумасшедший дом²². Сумасшедших немцы уже успели уничтожить²³. В пустынных корпусах располагались на ночь эвакуированные. В сумасшедшем доме пришлось впервые столкнуться лицом к лицу, так сказать, с новой властью.

Командантом поселка и усадьбы немцы назначили бывшего... сумасшедшего, воронежского инженера, сидевшего здесь с 1937 года. Инженер, арестованный в конце 1937 года, сумел симулировать на допросах сумасшедшего и после длительных экспертиз попал в Орловку, где и встретил немцев. Инженера я увидел несколько позже. Встречал и распределял эвакуированных его помощник.

— Что? Прошу не разговаривать. Здесь новая власть, подчиняющаяся непосредственно немецкому командованию. Что? Прошу не разговаривать! За неподчинение — расстрел на месте! Понятно? — раздалось совсем неподалеку, и спустя минуту из темноты выпорхнула фигура в расстегнутом пиджаке и кепке, одетой набекрень.

— Что за разговоры? Почему не занимаете помещений? В одиннадцать бомбежка. Немедленно по местам!

— Мы дороги не знаем, — раздался робкие голоса.

— Что, дороги? Я вам покажу дорогу! — заорала неожиданно «новая власть».

— А чего вы кричите? — спросил я.

— А кто ты такой — что учить будешь?

Я показал свой пропуск.

Вид немецкой печати произвел на «новую власть» магическое действие. Парень сорвался с места и исчез в темноте. Через несколько минут он явился снова.

— Господин комендант Орловки приглашает вас к себе. У него будете ночевать.

Слово «господин» парень выговорил с особым старанием.

Комендант, которому парень представил меня, не забыв снова упомянуть о столь поразившей его печати с длиннокрылым орлом, оказался человеком на редкость симпатичным и интеллигентным.

Наш разговор прервал все тот же парень: коменданта вызывали в штаб немецкой части, расположившейся в одном из корпусов.

Больше я его не видел.

Прождав минут пятнадцать, мы решили войти в здание: в стороне, над лесом советские самолеты уже повесили «фонари». Только мы успели найти место на полу, только легли — загрохотали разрывы. Ночь провели почти без сна. Утром парень рассказал, что бомбы не причинили большого вреда, кроме одной, которая попала прямо в домик коменданта. Рассказал парень, ставший за ночь комендантом, и историю погибшего, пять лет ждавшего освобождения из сумасшедшего дома и убитого шальной советской бомбой через месяц после освобождения...

Сам парень оказался бывшим комсомольцем из соседнего села.

В поезда грузились на маленьком полустанке, в нескольких верстах от Хохла. Здесь я впервые увидел печатное слово освобожденных областей — курскую газету «Новый путь». Потом в Курске стала издаваться другая газета — «Курские известия».

«Новый путь»? Что в нем нового?²⁴ Прочитал газету от слова до слова, но когда вспоминаю сейчас, не могу ясно вспомнить ни содержания газеты, ни отдельных статей. Зато сохранилось отчетливое впечатление разочарования. Вот ждал, надеялся. Вот увидел — печатное слово, новое слово правды, и что же в нем, в этом слове?

Это впечатление разочарования и неясной тревоги еще усилилось, когда в родном моем городе Орле, куда я приехал на следующий день, я купил у продавца-мальчишки орловскую газету «Речь».

На первой странице шапка:

«Германские доблестные войска взяли Краснодар, Армавир, Ейск»...

А над шапкой, правее заголовка, четко и ясно выделялось:

«Газета для населения освобожденных местностей».

Не освобожденной России, даже не освобожденных областей, а местностей...

Я снова вспомнил фразу, которая преследовала меня всю дорогу из Воронежа.

Услышал я ее от переводчицы немецкого офицера, пропускавшего эвакуированных у выхода из города. Из-за этой фразы я даже запомнил ее, эту переводчицу...

— Вы теперь находитесь на территории Германской империи.

— Что?!

На моем лице, видимо, изобразилось неподдельное изумление...

Пути для отступления не было. Да, если бы он и был, нам, антибольшевикам, других путей не было... Мы не могли защищать большевизм.

«Освобожденная земля»

В номере газеты «Речь», купленной мной на орловском вокзале, заметка: «Освобожденная земля». Освобожденная ли, действительно?

Слева от вокзала, на стене здания, в котором помещается какое-то немецкое, по-видимому, железнодорожное учреждение, приклеен плакат. На нем изображен человек со скрещенными на груди руками и вытаращенными полубезумными глазами. Внизу на плакате большими буквами на коричневом фоне надпись:

«Гитлер — освободитель».

Никаких других признаков освобождения не видно...

Пассажирского движения на железных дорогах нет. Те немногие русские, которым удастся достать «аусвайз» (пропуск), могут ехать только в товарных вагонах. Без «аусвайза» вообще никуда ехать нельзя. Широкая колея перешита на узкую, европейскую, и ходят по русской земле только немецкие поезда.

На площади перед вокзалом стоят немцы. Много солдат, видимо, только что прибывших из Германии. Новое обмундирование, новые винтовки со светлыми, необгтертыми прикладами. Замечаю, что есть и сосновые приклады. Неужели в Германии деревья нужного нет? Один за другим подходят военные темно-зеленые автобусы. Площадь постепенно пустеет. Только на углу несколько солдат укладывают туго набитые рюкзаки, зеленые сумки, картонные коробки на ручные самодельные тележки. Здесь, на углу, биржа пешеходных извозчиков.

Трамваи, видимо, не ходят: на рельсах толстый слой пыли, и ручные тележечники — единственный вид здешнего транспорта.

Нанимаем и мы тележку, грузим свои рюкзаки — и идем через весь город пешком. Наш возница узнает, что мы из Воронежа.

— Ну, как там жили?

— Плохо. А вы тут как?

— Да тоже неважно.

Я расспрашиваю его. Он рассказывает без большого желания. И меня он особенно и не расспрашивает:

— Да что от них можно ждать, от большевиков. Конечно, хорошего не ждали. Так вы говорите, что голодно было. И у нас не лучше. Ведь перед уходом из города большевики сожгли все продукты. Ни себе ни людям, а псу под хвост. Все сожгли. Вы говорите орловец? Значит, знаете город. Знаете магазины на Кооперативной, бочки, склады — и продуктовые, и товарные? Там все сожгли в одну ночь, все кварталы: от Черкасской и до Воскресенской. Вот сейчас проходить будем — увидите. А что сжечь не успели — испортили. Керосином муку обливали. В тех городах, которые немец сразу брал, хоть осталось все, люди запасы сделали. А у нас почти что ничего не получили. Так, ерунду всякую: у меня один приятель пуговиц принес несколько коробок. До сих пор продает их на базаре. Да что это — безделица. Да вот еще горелой рожью и пшеницей немного запаслись. С элеватора носили. На этом кой-как и перебивались.

— Ну, а как тут немцы... с населением? — спросил я.

— Да так — ничего. Жить с ними еще можно. Не зверствуют. Повесили, правда, в первый день двух человек. Говорят, «истребители», что здания поджигали. А может и так, кого попало схватили под горячую руку. А так ничего. Вот на Украине, говорят, хуже. Там эти самые комиссары их наехали. Те свирепствуют. Не дай бог, и к нам нагрянут. А с этими, с военными, жить можно. Вот только бы войне конец. Как там у вас слышно? Скоро Сталин сдастся? Надоело уже. Кончится, может, эти домой уйдут? Правительство наше будет? Как вы думаете?

Что я мог ему ответить? Я сам хотел бы услышать ответы на эти вопросы.

На прощанье он, видимо, чтобы ободрить меня, вступившего на «освобожденную землю», сказал:

— Знаете, здесь все-таки легче. Здесь хоть ругать можно — и ничего, не сажают. Легче дышится, хоть и голодно.

Все-таки, значит, легче.

Как и когда-то, после своего бегства из-под ареста в 1937 году, я постучал в ту же дверь, к моему большому другу. Здесь ли он? Жив ли? Ведь прошел почти год после того, как мы виделись с ним во время моего последнего приезда в Орел.

Дверь открылась. Жив! Цел! Мы крепко обнялись.

— Ну, как здесь? Как ты? Что делаешь?

В моем голосе, очевидно, была и тревога. Он не сразу ответил. И из его рассказа я понял, что все это не то, чего мы ждали. Не помогать нам пришли немцы большевизм сбросить... И все-таки, если бы мы

даже заранее знали, зачем они к нам идут — мы бы пошли по тому же самому пути: сначала сбросить большевиков...

Недели через две я делал доклад в городском театре о жизни в Воронеже. На афишах доклад назывался так:

«В Воронеже при большевистском владычестве».

После доклада ко мне подошла пожилая женщина, по виду бывшая учительница.

— Спасибо вам. Теперь спокойнее. А мы думали, что там изменилось к лучшему. А там все то же, только хуже. Несчастливая наша страна...

«А почему же все-таки спокойнее? — подумал я. Очевидно, потому, что и ее не оставляют сомнения: а правильно ли сделала, что осталась, что ждала конца большевизма. А вдруг он там изменился, не тот уже». «Все то же, только хуже»... Значит, правильно поступила.

Я с жадностью впитывал впечатления, присматривался, изучал жизнь, людей.

Побывал и в городской управе, где встретил нескольких знакомых. Управа — в одном из лучших зданий города. Кабинет городского головы. Кабинет заместителя. Кожаные кресла. У дверей дежурные полицейские. Большой штат служащих. В комнате машинисток стучат машинки. И ни одного немца.

Как это хорошо — без немцев!

Когда узнают, что я из Воронежа, меня окружают любопытные лица.

— Ну что, что там?

Заместитель городского головы, мой старый знакомый, закрывает дверь на ключ.

— Рассказывайте, как там жизнь?

Он слушает с интересом, поддакивая.

— Конечно, конечно, я так и знал. Банда проклятая! До чего довела народ!

Его не нужно успокаивать, он не испытывал никаких колебаний. Знает большевизм достаточно: прошел через конвейер НКВД, сидел несколько лет и только перед самой войной вышел на свободу. Он не сомневается в правильности избранного пути, хотя немцев ругает так, что я с тревогой посматриваю на закрытую дверь: а вдруг там слышно.

Он замечает мои взгляды.

— Не беспокойтесь: там не слышно. Двери, видите, дубовые, еще до большевиков деланные. Да хоть и слышно. Мы и в глаза им говорим. Вот поживете здесь, сами то же будете говорить.

Узнаю, что хотя немцев в самой управе нет, и ряд дел и вопросов управа решает самостоятельно, подчиняется она непосредственно

коменданту города генералу Гаманну²⁵. Почти ежедневно городской голова должен бывать в комендатуре. Знакомлюсь и с самим головой. Александр Сергеевич Старов, бывший офицер старой русской армии, до войны служил не то счетоводом, не то бухгалтером²⁶.

У двери его кабинета высоченный полицейский щелкает каблучками. Массивная дверь (а действительно, отличные двери делали когда-то, на славу строили русские инженеры) бесшумно открывается. Из-за огромного стола выходит небольшой старичок с густыми усами и военной выправкой.

— Очень рад. Садитесь.

Он и в своем кожаном кресле сидит, выпрямившись, по-военному. Справа, в полуоткрытом ящике стола, вижу револьвер.

— Что, или «гости» заглядывают?

— Да, были...

Старик не столько интересуется Воронежем, сколько хочет как можно подробней рассказать о своем Орле. Видно, что он просто боится им. Во мне он находит отклик: я тоже, как и он, уроженец Орла, тоже люблю наш город.

Старик жалуется на немцев:

— Трудно, очень трудно. Связывают по рукам и ногам. Лезут во все мелочи. Удивительно мелочные люди. Не дают, например, торговлю развить. Дайте сейчас свободу в торговле — из-под земли бы все достали. Так нет, не дают... И почему — не пойму.

Голова значительно снисходительней к немцам, чем его заместитель. Он не ругает их, а только жалуется, как на вздорных, не понимающих его родственников. Старик верит, что немцы разобьют большевиков, а потом предоставят России полную самостоятельность.

— Войдите и в их положение. Война. У самих немного. Где они возьмут? Могли бы, конечно, больше сделать, но — мелочны.

— Вот вы в газете будете работать, — говорит он на прощанье, — помогайте нам, помогайте население защищать. И людям нашим дайте понять, что мы делаем все, что можем.

Редакция орловской газеты «Речь» подчинялась не комендатуре, а командиру роты пропаганды 2-й немецкой армии²⁷. В редакции тоже сидели одни русские, газета выходила без предварительной цензуры, но на ней все же лежала печать немецкого политического надзора.

Для защиты и помощи населению искали и находили другие пути.

Эти пути шли через личные знакомства с немецкими чиновниками. В борьбе за русского человека, которую вели все без исключения честные антибольшевики, использовался постоянный антагонизм между различными немецкими ведомствами.

Начинает, например, «Викадо» (хозяйственная военная организация)²⁸ проводить хищнические поборы в районе. Начальник района едет к фельд-коменданту и заявляет, что в результате самочинных действий среди населения усиливаются антинемецкие настроения, уже есть случаи ухода в лес, к партизанам... Слово «партизан» немцы не могут слушать спокойно. Фельд-комендант перепуган, возмущен. Он мчится в свой «Корюк» (штаб тыла армии)²⁹. Оттуда летят секретные доклады в штаб армии. В «Викадо» отправляется соответствующее распоряжение.

Для немца главное — приказ: «Бефель ист бефель»³⁰. Приказано считать русских «унтерменшами»³¹, обирать их, унижать их человеческое достоинство — он и выполняет, часто не соглашаясь внутренне с приказом, но выполняет его добросовестно и старательно. Столь же старательно он выполнял бы диаметрально противоположные распоряжения.

В подвале дома, где я жил в Орле, в Школьном переулке, одна немецкая часть, расквартированная по соседству, устроила бомбоубежище. Для русских, жителей нашего дома, отвели небольшой угол. Однажды, во время особенно продолжительного и сильного налета, часовые, стоявшие у входа в подвал, не пустили вообще нескольких русских.

Я рассказал об этом в «штандорткомендатуре»³². На другой день приехал к нам личный адъютант коменданта города и офицер из штаба армии. Осмотрел подвал, опросил жителей.

Вечером, когда на окраине загрохотали зенитки, часовых у подвала не было: они ходили по квартирам и вели жильцов в бомбоубежище. Одну старуху, ни при каких бомбежках не выходившую из своей комнаты, пытались увести насильно. Старуха наотрез отказалась. Немцы уговаривали: «Бефель ист бефель». Разорвавшаяся неподалеку бомба прекратила спор: немцы бросились к подвалу.

Впрочем, не все немцы слепо выполняли «бефели» нацизма. В той же части я знал ефрейтора Иоахима Г., юриста по образованию, уроженца Дрездена. Он старательно учил русский язык и уже сносно говорил. Вполне интеллигентный, культурный, он не скрывал своих политических убеждений, не скрывал, что ему глубоко враждебен нацизм с его бредовой расовой теорией, с его атеизмом, аморальностью, с его гестапо и концлагерями.

— Наш строй, — говорил он, — такой, как ваш, как большевизм. Гитлер не лучше Сталина. Гитлер фанатик, он все погубит. Он будет разбит.

— Да что вы, — возмущался я. — Большевизм должен быть разбит. Мы должны его разбить. Иначе все погибнет...

Мы часто так спорили. Он доказывал, что нацизм погибнет, я доказывал, что большевизм...

Ему трудно было говорить по-русски. Спор утомлял его иногда. Он подходил к окну, из которого открывался вид на поля и говорил:

— Я полюбил вашу страну и ваш народ. Если бы не было ни этой проклятой войны, ни Гитлера, ни Сталина, вы могли бы приехать ко мне в Дрезден, в гости. Там такая чудесная картинная галерея. А я бы приезжал к вам как турист. Я бы посмотрел ваш Эрмитаж. Вы были в Петербурге? Он красив?

Однажды, когда мы стояли у окна, он, обращаясь к жене и глядя на раскачивающиеся под осенним ветром ветви старых лип, над которыми кружилась стая галок, воскликнул:

— Посмотрите, какое качество ворон!

Это было трогательно: «качество ворон»...

Вообще ефрейтор Иоахим Г. оставил в моей семье хорошее воспоминание. Каждый раз, например, когда он приходил — приносил печенье или конфеты и, отдавая пакетик жене, говорил:

— Это про вас.

Его поправляли:

— Для вас, надо говорить.

— О, вы совершенно правы: для вас, для вас. Это для вас.

Русский язык ему явно нравился, и он все реже делал в разговоре ошибки.

Нашего Иоахима (так мы его называли в семье) я встретил совсем недавно, незадолго до моего отъезда из Германии, в одном из северных немецких городов.

Он был в армии почти до конца войны. Перед занятием Дрездена советской армией вернулся туда, избежал плена. Начал служить.

— Потом меня арестовали. Меня держали в тюрьме — и я не знаю, за что. Потом выпустили. И вот я бежал. Я только теперь понимаю, почему вы здесь. Сталин — это даже хуже Гитлера...

Почти у каждого русского был такой «наш Иоахим».

Справедливость требует отметить, что и среди высшего военного немецкого командования находились люди, противодействующие проведению антирусской политики, защищавшие в какой-то мере даже интересы населения.

Редакция «Речи» в Орле не имела своего здания. В двух небольших комнатах сидело 6 или 7 человек. Долго искали подходящее помещение. Наконец, нашли. Почти нежилой дом на Болховской улице, в котором жила только одна семья, не возражавшая против переселения в том случае, если редакция подыщет ей подходящую квартиру. Квартиру нашли, договорились с городской управой.

Случайно узнали об этом в штабе армии и категорически заявили:

— Переселять никого нельзя. Есть приказ командующего: не беспокоить население, не занимать жилых домов даже военными частями.

Командовал в то время 2-й танковой армией, штаб которой находился в Орле, генерал-полковник Шмидт, участвовавший потом в заговоре против Гитлера и погибший в застенках гестапо³³.

Для него тоже «бефель» не был «ист бефель».

Перед эвакуацией Орла в июне 1943 года комендант города генерал Гамман сам приехал в больницу, где оставались больные со своим персоналом, привез продукты, привез даже цветы, сказав при этом соответствующую моменту речь.

После эвакуации Орла генерал получил назначение в Брянск, а затем в Бобруйск, где он попал в плен летом 1944 года, а в 1945 году был повешен большевиками в Брянске.

Гражданскими делами на территории армии ведал 6-й отдел штаба армии. В Орле один из офицеров, ведавших гражданскими делами, капитан Пак, сделал немало хорошего и для русских самоуправлений, и для населения и оставил у всех, кто знал его, светлую память.

Военное командование выполняло, конечно, основные принципиальные директивы Берлина, например, директивы о наборе рабочей силы для Германии, могло в частных вопросах вести и свою самостоятельную политику. Военное командование давало больше самостоятельности местным самоуправлениям, организовывало добровольческие антикоммунистические отряды, открывало школы, театры, кино. От военного командования (штабов армии) зависел и характер проведения репрессий против населения, которые вызывали действия партизан и большевистского подполья. В одних местах репрессии носили массовый, бессмысленный и жестокий характер, в других массовые репрессии вообще не проводились, и даже арест и расстрелы представляли нечастое явление.

В Орле, например, весной 1943 года в немецком концлагере в деревне Некрасовке³⁴ было не более 150 заключенных, в то время как до войны, при большевиках, число заключенных в Орловском каторжном центре колебалось в разное время от 5000 до 10 000 человек.

А совсем недалеко, в Смоленске, тюрьма была набита. Гестапо арестовывало десятки часто невинных людей. Арестованные подвергались избиениям и пыткам.

В Бобруйске в 1944 году производились большие оборонные работы вокруг города: рылись окопы и противотанковые рвы, строились укрепления. В работах принимало участие и население Бобруйска. На работу ходили учреждениями и предприятиями. Больные, старики,

женщины с детьми получали освобождение. Работающих кормили. Немецкие солдаты и офицеры, руководившие работами, не позволяли себе ни одной грубой выходки, не повышали даже голоса. Работали тысячи людей. И никто не роптал, никто не бежал в лес.

Совершенно иную картину наблюдал я в октябре 1943 года в Могилеве, который находился на территории, подчиненной штабу 4-й армии.

Здесь мобилизация на работы по рытью окопов вокруг города проводилась наиболее излюбленным немцами способом: жителей ловили просто на улицах, забирали из домов. «Акция» проводилась два дня. В первый день собрали около 200 человек, загнали в какой-то двор, обнесенный колочей проволокой, поставили часовых. Когда стемнело, люди начали разбегаться. Остатки перевели в другое здание, дали соломы для сна. Усилили охрану. На другой день город обезлюдел, мужчины попрятались. К концу второго дня половину захваченных пришлось отпустить, потому что они работали или служили. В результате на работу отправились не больше 20 человек.

В Бобруйске, Могилеве и других городах на дверях зданий, занятых немцами, висели напечатанные по-немецки и по-русски объявления:

«Русским вход воспрещен.

Будут стрелять».

После приезда в Бобруйск штаба 9-й армии объявления эти сняли.

Далеко не везде военное командование вело себя так, как в Орле. И на территории 2-й и 9-й армий, командование которых проводило более гуманную политику по отношению к населению, чем в других местах, совершались и массовые репрессии, и бессудная расправа над мирными жителями, уничтожение целых деревень.

Ранней весной 1943 года в деревне Соврисовке, прежде Брянского округа, а теперь Брянской области, немцы расстреляли несколько семей партизан: женщин, стариков, детей. Трупы бросили в лесу. Мальчик и девочка 5 и 8 лет раненые вернулись в деревню. Крестьяне доставили их в лазарет русского добровольческого полка. Врач Горячев сделал детям перевязку, спрятал их. Через несколько дней немцы узнали об этом. Детей отняли.

На окраине Брянска ночью партизаны открыли огонь по немецкому патрулю и, ранив одного солдата, ушли в лес, начинающийся в сотне метров от последних домов улицы. Утром улицу оцепили войска, выгнали всех мужчин — и каждого десятого тут же расстреляли. Ни один из них не имел никакого отношения к партизанам.

Летом 1943 года в 12 верстах от Могилева, в деревне партизаны убили двух немецких солдат. Карательный отряд, прибывший из

Могилева, окружил деревню. Жителей согнали в одно место. Избы подожгли. Людей стали бросать в огонь. Живых. Сопrotивлявшихся убивали. Сожгли всех. Уцелело несколько человек, только те, которые ездили в Могилев на базар. Женщина, вернувшаяся с базара, увидела: вместо избы ее головы и зола, а в золе обуглившиеся трупы троих детей...

После этого все окрестные села ушли в лес, к партизанам.

Нужно отметить, что такие репрессии проводились преимущественно в тыловых районах. Чем глубже в тыл, тем немецкая политика носила более жестокие формы. Проводили такие дикие репрессии не регулярные части армии, а гестапо и специальные команды войск СС.

Еще хуже было положение в областях, подчиненных Восточному министерству Розенберга. «Золотые фазаны»³⁵, в большинстве своем члены национал-социалистической партии, олицетворяли собой гитлеризм с его звериной моралью, с его попранием всяких прав человека — не немца, с его бредовой идеей «херрренфолька»³⁶.

«Золотые фазаны» смотрели на занятые земли как на немецкие колонии, и немецкая политика здесь носила открыто колониальный характер.

Заложничество, расстрелы, массовые репрессии против целых населенных пунктов — все это было повседневным явлением на Украине и в Белоруссии, все это порождало глухую ненависть к иноземным пришельцам.

На Украине, например, крестьяне жили материально совсем хорошо, значительно лучше, чем до войны, в колхозах; жили лучше, чем в центральных оккупированных областях, но немцев ненавидели не меньше, потому что «золотые фазаны» не могли вызвать ничего, кроме ненависти.

Страшные преступления совершали гитлеровцы на захваченной земле. На Холмщине, например, немцы разжигали национальную рознь между украинским и польским населением, поощряли массовые убийства, которые совершали с той и с другой стороны ослепленные ненавистью крайние националисты.

Там же, в Холмщине, немцы и сами производили массовое истребление населения. Причем здесь истреблялись не партизаны или их семьи, не люди, заподозренные в сочувствии к коммунизму: истреблялось все население.

Вот рассказ священника с Холмщины:

«Мы жили, как на фронте. Каждую ночь то поляки резали украинцев, то украинцы поляков. Украинские националисты истребляли и русское население. Немецкие власти никаких мер не принимали. Наоборот, мы знали, что немцы поощряют и тех, и других.

А что сами немцы творили. Они производили систематическое истребление населения, всего подряд. Увозили целые деревни в лагерь смерти — и поголовно уничтожали.

Я никогда не забуду одного страшного дня. Рано утром, когда еще было темно, меня разбудил громкий стук в дверь. Подошел я к двери, слушаю.

— Отворяй! — кричит и по-польски, и по-немецки.

Открываю дверь. Два эсесовца и польский полицейский.

— Немедленно все на площадь!

Кое-как оделся, разбудил жену, детей. На площади уже собрались крестьяне. Вся площадь была оцеплена эсесовцами с автоматами и собаками. Когда согнали всю деревню, на площадь вынесли стол и стул. К столу сел эсесовский офицер, по бокам его стояли два здоровых эсесовца с звериными мордами и польские полицейские. Нам было приказано по одному подходить к столу. Эсесовец смотрел на каждого тусклым свинцовым взглядом и махал рукой:

— Направо. Налево.

Направо — значило: смерть.

Тех, кого звероподобный эсесовец отсылал направо, сажали в машины и увозили. Мы знали, что никогда не увидим увезенных...

Происходили душераздирающие сцены. Зверь в образе человека, сидящий за столом, разлучал семьи: жену — налево, мужа — направо, детей — налево, родителей — направо. На мольбы, на крики о помощи отвечали стоящие у стола: они били людей прикладами, ногами, палками.

Когда я подошел с семьей к столу, польский полицейский наклонился к сидящему за столом и что-то сказал ему на ухо.

Я только расслышал:

“Руссише поп”...

Зверь посмотрел на меня и махнул рукой: “Налево?” Это значило: “пока — жизнь”».

На оккупированных немцами территориях действовал только один закон: закон произвольного приказа военачальника от командующего армией до коменданта глухой лесной деревни.

Каждый комендант являл собою ничем не ограниченную власть, ибо никаких законов, никаких положений, которыми он мог бы руководствоваться, кроме пресловутого «бефеля» вышестоящего начальника, у него не было.

Поэтому в Харькове, например, где осталось около 400 тысяч населения, почти не было школ: местное командование запретило открывать школы. В Орле, наоборот, военное командование не только дало разрешение на открытие школ, но и рекомендовало собирать учителей на совещания в специальные политшколы.

В тех областях, где хозяйничали комиссары Розенберга, — они действовали на основании общих распоряжений Розенберга и на основании известного «принципа»: чего моя левая нога хочет.

В украинских местных самоуправлениях немцы иногда даже били служащих. Этого не происходило в армейских районах.

Немцы били и рабочих на предприятиях. А на законные возмущения русских отвечали:

— Но без этого невозможно работать. У нас тоже бьют учеников...

Может быть, и бьют — в Европе... Русского же человека возмущает сам факт битья, безотносительно к тому, какую цель оно преследует, «педагогическую» или какую-нибудь иную. В НКВД и били, и пытали; избивали арестованных в милиции, за закрытыми дверями, но никогда ни один представитель власти не рискнул ударить человека на улице, публично. В факте избиения (это не относится к обычным дракам) русский человек видит унижение человеческого достоинства.

Мне рассказывали: в городскую управу небольшого южнорусского города ворвался немец и начал орать на секретаря управы, требуя каких-то подвод, каких-то квартир. Секретарь ответил, что он не может немедленно удовлетворить эти требования, что нужно подождать. Взбешенный немец ударил секретаря. В зале, где сидело несколько служащих, наступила гробовая тишина. Секретарь побледнел и инстинктивно отвел руку назад. Еще минута — и он бросился бы на немца. Немец, по-видимому, почувствовал это. Он повернулся и хлопнул дверью, выскочил на улицу. Все старались не смотреть друг на друга. В нашем присутствии ударили человека, взрослого человека! Этого русский не может простить!

Антинемецкие настроения разлились широкой волной по всей оккупированной России. Немцев стали ненавидеть. Все. И в том числе, убежденные антибольшевики, принимавшие самое активное участие в борьбе с большевизмом, стоявшие рядом с немцами.

Трудно сказать, когда именно произошел перелом в настроении населения. Перелом происходил постепенно, под влиянием ряда причин: под влиянием страшных вестей из лагерей военнопленных, под влиянием вывоза в Германию рабочей силы, преимущественно молодежи, под влиянием всей политики немцев, не скрывающих даже своих целей расчленения, уничтожения России, порабощения народа.

Лагерь военнопленных — одно из самых тяжких преступлений гитлеризма. Миллионы людей сдались в плен. Миллионы людей готовы были воевать против большевизма, рядом с немцами. Их, эти миллионы, заперли за проволоку, их уничтожали голодом, их убивали!

О лагерях военнопленных уже много написано.

Я приведу только два рассказа:

«...За проволокой 20 тысяч человек. Под открытым небом. Не люди, а тени. Иногда немцы привозят гнилую картошку, конину. На всех не хватает. Вот ведут лошадь, худую, кости да кожа. Толпа ждет. Заранее пытаются протиснуться ближе к тому месту, куда пустят лошадь. Только эту лошадь пускают за проволоку, толпа бросается на нее. Огромная куча барахтающихся тел. Через несколько минут на том месте, где стояла лошадь, ничего нет. Последние капли крови кто-то по-собачьи слизывает с земли. Полураздавленные, по-женски скуля и причитая, отползают в сторону».

«В лагерь привезли баланду. Ее раздают, как всегда, на дворе. Берут в то, что имеют: в старый измятый котелок, в заржавленную консервную банку, в кружку, в шапку, просто в горсти... Одни лакают тут же, не в силах ждать. Другие, шатаясь, несут туда, где спят, в большое каменное здание — в тюрьму. Длинная-длинная лестница. Ее трудно одолеть обессиленным от голода людям. На первой площадке лежит человек. Он упал и не мог встать: теперь мертв. Когда ходил, наверно, вспомнил о баланде, хотел перед смертью глотнуть хоть немного. Не смог: вылил все на грудь. Там и лежит, покрытый коркой замерзшей баланды. Выше, на лестнице, еще два трупа. По утрам трупы выносят на двор и складывают длинными штабелями, как дрова»...

Страшные картины!

Позже, в 1942 и 1943 годах, положение в лагерях военнопленных резко изменилось. Немцы утверждали, что в 1941 году они не ждали такого количества пленных, что не подготовили помещений, продуктов...

Спорить не приходится: пленных захватили слишком много, продуктов не запасли, но как объяснить бобруйскую трагедию, где сожгли живыми несколько тысяч человек, где пытавшихся вырваться из огня расстреливали из пулеметов...³⁷

Происходило сознательное истребление пленных и гражданского населения. По заранее продуманному, разработанному плану.

Стиснув зубы, стояли на своем посту антибольшевики. Перед их глазами же стояло два призрака: немецкий гитлеризм и большевизм. Что же страшнее?

Одни не выдерживали, уходили в лес, к партизанам, начинали беспощадно бить немцев. Другие по-прежнему непоколебимо стояли на своем — сначала разбить большевизм! И верили, что поработить Россию немец не сможет, как никто и никогда не сможет ее поработить!

Если бы не большевизм, если бы немцы пришли в свободную Россию — завоевать ее, Россия вся бы ушла в лес. И тогда, действительно, земля горела бы под ногою завоевателя!

Так что же страшнее? Большевизм или нацизм? Оставим в стороне субъективные впечатления. Обратимся к фактам. При отступлении Красной армии в занятых немцами областях осталось 70 миллионов человек, которые не хотели уйти с большевиками. При отступлении немцев на Запад, бегущие от большевиков забивали все дороги. В занятых немцами областях стояло под ружьем, в добровольческих антибольшевистских соединениях более 500 000 человек. Несмотря на гитлеризм!

На первый взгляд, в оккупированных областях как-то наладилась жизнь. В прифронтовых районах с крестьян не брали налогов — и здесь вас обязательно угощали крепким самогомом с яичницей и хорошим куском свиного сала. Давно такого не видели!

Вообще голодно жили, но базар торговал бойко, заставленный десятками крестьянских подвод. И откуда что взялось? Откуда эти новые телеги, шустрые лошаденки?

Открылись комиссионные магазины и различные ремесленные мастерские, закусовые и полукустарные заведения по выделке мыла и папки...

В городских управах собирались на художественные вечера, люди ходили друг к другу в гости, устраивали крестины и именины.

Учительница музыки давала частные уроки, а на главных улицах мальчишки-разносчики выкрикивали названия местных газет.

Но все это было какое-то ненастоящее. Сознание, что не сегодня-завтра покатится фронт, еще усиливало это странное впечатление от окружающего. А если даже немцы и победят, то что же будет? Освобожденные местности? Не Россия, даже не области, а местности... Все сильнее разгоралось в сердцах людей горячее чувство любви к России — поруганной и заплеванной: и немцами, и большевиками.

Проснулось, всплыло на поверхность души спрятанное глубоко при большевиках религиозное чувство.

Молящиеся переполнили церкви, по деревням носили чудотворные образы. Молились так, как давно не молились. Не было семьи, в которой не было бы своего горя, не было бы жертв: арестованных НКВД и погибших в Сибири, насильно эвакуированных на восток, взятых в армию и пропавших без вести, погибших в лагерях военнопленных, убитых советскими бомбами, которые каждую ночь сыпались на мирные русские города, увезенных в Германию на работы, пропавших в застенках гестапо, оставшихся там, за линией фронта...

Если бы русское горе дымилось как огонь, то дымом окутался бы весь мир!

Молились истово! Мне не забыть первого посещения церкви в Орле. Мы пришли всей семьей, с женой и дочерью, которая входила в церковь в первый раз в жизни.

Когда мы вошли, я вдруг увидел, как у дочери, у этого маленького человека, впервые вошедшего в храм, побежали по щекам слезы.

Такой же, как в 1941–1942 годах, взрыв религиозного чувства я наблюдал еще раз в дни насильственной репатриации в Германии, в те самые дни, когда солдаты страны, считающей себя оплотом свободы, вытаскивали из церкви за бороду русского священника, а молящихся гнали прикладами в машины — на смерть!

20–21 июля началась эвакуация Орла. Потом мне пришлось оставить несколько русских городов: Брянск, Смоленск, Могилев, Бобруйск. Но в Орле, где я родился и вырос, я оставлял Родину.

В моих дневниках записано очень скупо:

«До 5-го июля на фронтах царило относительное спокойствие. Однако это спокойствие тревожило. 6-го июля сводки принесли известие, что в районе Белгорода и Орла началось большое сражение. Позже выяснилось, что грандиозное советское наступление было предупреждено немецким контрударом у Белгорода. “Курский кулак”, состоящий из 200 крупных соединений, не мог сокрушить советского фронта: скоро он потерял свою удельную силу. Сражение же распространилось на север. Начались крупные бои в районе Новосиля, Мценска, Болхова, на северо-восток и север от Орла. Большевики все время подбрасывали свежие силы. 19 июля стало известно о прорыве немецких линий в районе к юго-западу от Болхова. Советские танки подошли к железнодорожной линии Орел – Брянск. Над Орлом нависла угроза окружения. В городе началась паника. 21 июля я с семьей выехал в Брянск.

Перед самым отъездом ко мне зашел проститься мой большой друг, который оставался в Орле.

— Сведения очень тревожные. Железнодорожная линия перерезана. Вряд ли вам удастся проскочить. Боюсь я за вас... Мы проскочили, потому что под Хотинцем прорвавшуюся группу советских танков уничтожил гранатами русский добровольческий батальон. Немцы побросали оружие и в панике убежали. Добровольцы остались на месте и спасли положение. Танковый отряд действовал по немецкому типу, сеял панику. Но он не имел связи со своими. Дорога на Брянск была свободна.

Орел держался до 4 августа. 31 июля я ездил туда еще раз из Брянска.

Город пустынен. Те, кто решил уезжать, уехали. Те, кто остался, не выходят без большой нужды на улицу: ползут слухи, что немцы в последнюю минуту угонят с собой всех мужчин. Двери в домах плотно закрыты, на окнах спущены занавески. Редко-редко скрипнет калитка, покажется женская голова — и снова спрячется. Улицы пустынные. Только на Кромской и Карачевской, все в одну сторону, к Брянскому

шоссе, проносятся одна за другой военные машины. В центре, на Московской и Болховской, саперы рвут большие здания.

Вот и окраина, последние деревянные домики. Наша машина выезжает на Брянское шоссе. Шофер дает газ. Я последний раз оборачиваюсь назад, на город. Слышна далекая канонада. Слева, над нагорной частью города, в районе Педагогического института и бывшего Кадетского корпуса, поднимаются клубы серого дыма, вслед за ним вырываются снизу языки пламени. Город горит...»

Местные самоуправления

Большевики жестоко расправлялись с работникам русских самоуправлений и особенно с работниками полиции и офицерами и солдатами добровольческих антибольшевистских отрядов, которых им удалось захватить при наступлении.

В 1943 году Верховный Совет издал специальный указ о введении смертной казни через повешение — «за измену родине и сотрудничество с врагом».

В Краснодаре, Чернигове и других городах захваченных «изменников» после жестоких пыток и мучений и инсценировки суда вешали на центральных площадях, согнав на место казни все население.

К лету 1944 года публичные казни приняли массовый характер. Вешали в каждом занятом городе, в каждой деревне.

Почему большевики относились к людям, выступившим против них, с такой ненавистью? Потому что именно в них, в российских антибольшевиках большевизм видел и видит смертельную угрозу собственному существованию. Потому что в оккупированных немцами областях именно российские антибольшевики — в печати, в лекциях и докладах — разоблачали большевизм, вели широкую пропаганду среди населения, потому что российские антибольшевики наносили наиболее чувствительные удары большевистскому подполью и партизанскому движению, потому что российские антибольшевики боролись против немецкой антирусской политики, защищали население, препятствуя тем самым росту пробольшевистских настроений. Вот почему большевики с такой нескрываемой яростью преследовали тех, кого они называли «изменниками» и «предателями».

Всегда во всех войнах находились и перебежчики, и предатели. Движущим мотивом их действий чаще всего являлись корыстные цели: либо денежное вознаграждение, либо карьеристические побуждения.

Какие же корыстные цели могли привлекать миллионы людей, поднявшихся против большевизма в годы войны? На какое вознаграждение могли рассчитывать они? Где и какую карьеру делать?

Старик-профессор, отказавшийся уехать со своим университетом в глубокий спокойный тыл на свою старую любимую работу и оставшийся перед неизвестностью, перед бомбежками, перед голодом, или инженер, променявший перспективу спокойной жизни в тылу, обеспеченный работой, тоже на полную неизвестность, — какие корыстные цели они преследовали?

Они оставались только потому, что не хотели уходить с большевизмом. И кроме того, они верили, что пришли решающие дни, что большевизм на краю пропасти, что нужно помочь сбросить его в эту пропасть.

Четыре миллиона солдат и офицеров сдались в плен. Семьдесят миллионов осталось на месте, на оккупированной земле. Десятки тысяч человек стали под ружье, в добровольческие отряды. Их было бы во много раз больше, если бы немцы не препятствовали созданию русских вооруженных антибольшевистских сил. Многие тысячи пошли в местные самоуправления, в полицию, в печать. Каждый наносил удар большевикам там, где он мог, где он нашел применение своим силам. Каждый стремился нанести наиболее чувствительный удар.

За исключением единиц, действительных карьеристов и предателей интересов России, верой и правдой служивших немцам, — служили не немцам, а делу борьбы против большевизма, в конечном счете — России.

Организовывались самоуправления разными путями: в одних городах бургомистров немцы просто назначали, в других соблюдался некоторый демократический принцип выборности.

Так создавалось самоуправление, например, в г. Карачеве Орловской области. Немецкая комендатура пригласила на собрание интеллигенцию города — врачей, учителей, инженеров — и предложила выбрать городского голову. Избрали очень популярного в городе врача.

Избранный таким образом городской голова создал управу, пригласил на основные руководящие посты известных ему людей, которые, в свою очередь, создавали аппарат своих отделов из людей, известных им.

В Орле городской голова не избирался, а был назначен немецкой комендатурой. В комендатуре, очевидно, уже были характеристики видных горожан, так как чиновник комендатуры приехал на квартиру наиболее популярного в городе, пользовавшегося большим авторитетом и любовью доктора П., известного к тому же независимостью своих взглядов, — и предложил ему принять пост городского головы. Доктор П. отказался, сославшись на то, что вся его семья, в том числе взрослые сыновья, находятся по ту сторону фронта и что большеви-

ки, несомненно, расправятся с семьей, если он примет такое предложение. Немцы не настаивали, понимая всю разумность доводов доктора.

Затем пост бургомистра был предложен тоже известному и популярному врачу Г., который тоже отказался, указав на некоего Ш., фельдшера по образованию, способного якобы администратора. Фельдшер Ш. стал бургомистром Орла. Его образ правления не отличался большой мудростью. Бургомистра отстранили, и он куда-то исчез, уехал из Орла. После Ш. в кабинете городского головы появился человек, совершенно неизвестный в Орле, некий Р., который рассказывал, что он неоднократно подвергался репрессиям, сидел в тюрьмах и концлагерях. Показывал несколько бумаг с соответствующими подписями и печатями, подтверждавших его рассказы. Вскоре Р. был арестован как крупный большевистский агент. Никаких официальных сообщений не последовало.

Наконец, на посту бургомистра оказался А.С. Старов. Он оставался до конца, до эвакуации города, которую провел, несмотря на свои годы, спокойно и мужественно и одним из последних покинул город. В августе 1943 года он погиб в железнодорожной катастрофе между Осиповичами и Минском на партизанских минах.

В Харькове будущий городской голова профессор Крамаренко³⁸, хорошо владевший немецким языком, сам зашел после прихода немцев в городскую комендатуру, чтобы узнать, что думают немцы предпринимать дальше, как организовывать в городе нормальную жизнь. После непродолжительного разговора профессору предложили организовать самоуправление. Городское управление профессор организовал, подобрал штаты, но вскоре был арестован гестапо и пропал без вести. В городском управлении и в городе говорили, что профессора немцы расстреляли за помощь евреям.

После Крамаренко обербургомистром Харькова немцы назначили адвоката Семененко³⁹, человека, по отзывам всех, кто его знал, глубоко порядочного, который возглавлял городское управление до конца, до эвакуации.

Делопроизводство в городском управлении велось на украинском языке, издавалась украинская газета, но Харьков не знал тех отвратительных проявлений крайнего шовинизма, который принесли на Украину галичане⁴⁰: до Харькова им не удалось добраться.

Не было случаев проявления этого шовинизма и в других украинских городах до тех пор, пока там не появились галицийские «профессора» и «магистры». У них не было на Украине последователей; их пропаганда ненависти к русским и другим народам не находила отклика в народе.

В Днепропетровске городское самоуправление создавали и русские, и украинцы вместе, и до появления галичан там не наблюдалось никаких случаев национальной вражды.

В Днепропетровске в первые же дни после прихода немцев собралась большая группа интеллигенции, человек около двадцати, и по собственной инициативе решила приступить к организации городского управления. Уполномоченные группы отправились к немцам, в комендатуру — и дело закипело. Создали управление, организовали редакцию газеты, полицию.

Городские самоуправления носили в разных городах разные названия: в Орле была городская управа с городским головой во главе, в Смоленске — городское управление, а городского голову здесь называли начальником города; в Харькове был бургомистрат, а начальник города именовался официально обербургомистром.

Строились самоуправления в плане организационном на базе городских и районных советов. Сохранились те же отделы и даже названия отделов: просвещения, здравоохранения, социального обеспечения, городского устройства и т.д. Занятая территория делилась на тыловые области, подчиненные штабам армий. Тыловые области — на округа, уезды, районы. Тыловая область, например, Второй танковой армии включала в себя Орловский и Брянский округа и ряд районов. Районы делились на волости, во главе которых стояли волостные старшины и при них — небольшой штат служащих. В селах и деревнях назначались старосты.

Какой же круг задач имели самоуправления? Каковы были их обязанности и права?

Степень самостоятельности самоуправлений зависела во многом от того, как сложились взаимоотношения самоуправлений с местными немецкими властями. Одни руководители самоуправлений сумели добиться если не полной самостоятельности, то, во всяком случае, самостоятельности в решении многих вопросов. Другие руководители самоуправлений в большей степени зависели от немцев, не решали никаких более или менее существенных вопросов без согласования с немецкими инстанциями, которым подчинялись.

Конечно, самоуправления должны были выполнять распоряжения немецкого командования, но могли выполнять эти распоряжения по-разному, могли защищать интересы населения, могли добиваться отмены тех или иных распоряжений.

Например, во многих районах, особенно в лесной полосе, в Белоруссии и на Украине, в местах сосредоточения партизан, немцы запрещали крестьянам ездить на базары в города, так как, по их мнению, под

видом мирных крестьян, везущих продукты, в города направлялись и связные партизанских отрядов. Таким образом, городское население лишалось единственного источника снабжения продовольствием.

Местным самоуправлениям стоило большого труда добиться отмены запрещения устройства городских базаров, добиться уничтожения ограничений для свободной торговли. В одних местах, благодаря способностям и энергии руководителей самоуправлений, удавалось сделать это, в других — нет.

Бороться же за свободу торговли, за возможность крестьянам приезжать на базары значительно легче мог тот начальник района, у которого хорошо работала полиция, который мог, благодаря своей полиции, парализовать деятельность партизан.

Немцы препятствовали развитию свободной торговли, так как считали, что крестьянин, продавший хлеб в город, не сможет выплатить военные поставки.

Немцы отнюдь не содействовали и развитию промышленности и ремесел, к чему стремились многие местные самоуправления.

Так, например, в Брянском округе, возглавляемом опытным администратором П., в 1941 и 1942 годах начала быстро расти местная легкая промышленность. Открылись мыловаренные производства, кирпичные и гончарные заводы, крупные деревообделочные и механические мастерские.

Самоуправление всячески способствовало росту местной промышленности и торговли.

Промышленность делала все большие и большие успехи — и немцы решили воспользоваться ими. Все предприятия изъяли из ведения самоуправления и передали «Викадо». В самый короткий срок начавшая так быстро развиваться и расти местная промышленность пришла в состояние полного упадка.

Самоуправления в той или иной мере самостоятельно ведали различными областями хозяйственной и культурной жизни. Отделы народного образования открывали школы, библиотеки, театры. Жилищные отделы ведали распределением квартир, занимались ремонтом зданий, поскольку позволяли скудные материальные ресурсы разрушенного городского хозяйства. Отделы снабжения открывали столовые, изыскивали продукты для снабжения населения хотя бы минимальным пайком. Отделы социального обеспечения открывали детские дома, приюты для престарелых, находили где-то скудные средства для содержания их.

— Какую, по-вашему, основную цель ставили перед собой местные самоуправления? — спросил я как-то одного из видных работников

самоуправления, принадлежавшего к категории людей честных, служивших не немцам, убежденного антибольшевика.

Он, не задумываясь, ответил:

— Облегчить жизнь населению.

Многие самоуправления неуклонно стремились к этой цели, достигали ее.

Как же относилось население к самоуправлениям и их работникам? По-разному. В зависимости от того, кто стоял во главе самоуправления, в какой степени самоуправление помогало населению, защищало его от произвола немцев или, наоборот, способствовало немцам, само чинило несправедливости.

Там, где во главе стояли идейные, честные антибольшевики, самоуправления защищали интересы населения, противодействовали — и часто не без успеха — проведению бессмысленных репрессий, которые приносили пользу только большевикам, боролись с немецким произволом.

В лице работников таких самоуправлений население видело своих защитников и относилось к ним с уважением и любовью. К таким антибольшевистским деятелям, по многим свидетельствам, принадлежал, например, городской голова Винницы профессор Севастьянов, пользовавшийся исключительным уважением населения⁴¹.

Там, где возглавители самоуправлений безоговорочно выполняли предписания немцев, стараясь только получить их одобрение, население относилось к самоуправлениям и их работникам с нескрываемой враждой. Характер деятельности самоуправлений, их отношение к населению во многом определяли общие настроения населения. Произвол местных самоуправлений способствовал росту и антинемецких, и пробольшевистских настроений.

Деятельность советской агентуры, проникшей в органы самоуправлений и в полицию, направлялась главным образом по пути обострения отношений между местной властью и населением. Именно большевистские агенты участвовали в проведении наиболее жестоких и бессмысленных репрессий. Именно большевистские агенты старались еще больше усилить притеснения, которым подвергалось население со стороны немцев. Именно большевистские агенты провоцировали и проводили массовые аресты в большинстве своем невинных людей. Именно большевистские агенты, проникшие в полицию и гестапо, подвергали арестованных наиболее жестоким пыткам.

Все определялось основной задачей, которую выполняла большевистская агентура: всемерное углубление немецкой антирусской политики, натравливание немцев на население, а население на немцев, способствование росту пробольшевистских настроений.

Надо признать, что в полицию, которая вела борьбу с большевистской агентурой, как раз и проникало немалое число большевистских агентов, во всяком случае, в полиции было их больше, чем в любом другом органе самоуправления.

Причины, побудившие большевиков посылать своих людей в местную полицию и, особенно, в немецкое гестапо и в немецкую контрразведку, вполне понятны: большевистский агент, завоевавший доверие немцев, мог немало сделать для большевиков. Прежде всего, он имел возможность предотвращать аресты среди большевистского подполья. Провокационными методами он, наоборот, толкал немцев на репрессии против населения и антибольшевиков.

Надо также признать, что полиция была засорена в большей степени, чем другие отделы самоуправлений, и другими темными элементами, которые, кроме своих личных шкурных, ничьих интересов не защищали, которые к тому же с глубоким безразличием относились к делу борьбы против большевизма и к судьбам России.

Тем более необходимо отметить усилия честных антибольшевиков, направленные на защиту интересов населения, на действительную борьбу против большевистского подполья.

В том, что в полицию проникло немало темных элементов и большевистских агентов, виновны и сами наши антибольшевистские политические круги. Вообще в среде русской интеллигенции утвердился традиционный взгляд на службу в полиции, как на дело чрезвычайно неприятное. Стоит только вспомнить предреволюционные годы. Тем более отталкивала русскую интеллигенцию служба в полиции, подчиненной немцам. Русские интеллигенты — учителя, инженеры, врачи — шли в любые отделы самоуправления, только не в полицию. В результате полиция превратилась в объект для постоянных и часто справедливых нареканий. Редко где население не смотрело на полицейских как на своих врагов.

Людей, принимавших более или менее активное участие в событиях тех бурных лет, можно было бы разделить на несколько категорий.

1. Убежденные, идейные антибольшевики, служившие не немцам, а России, своему народу, цель жизни своей видевшие в борьбе против большевизма. Эта категория людей, принявшая самое активное участие в разыгравшихся событиях, пошла на союз с немцами во имя основной цели — уничтожения большевизма. Эти люди отдавали себе отчет в том, что немцы пришли не как освободители, что немцы после разгрома большевизма сделают попытку раздела России и порабощения ее. Но с немцами все-таки шли, ибо считали, что сначала нужно покончить с большевизмом, что кроме немцев нет никаких сил, способных и, главное, стремящихся уничтожить большевизм. Коллабо-

рация Америки и Англии со Сталиным лишала возможности искать какие-то иные, кроме немцев, силы.

2. Убежденные и последовательные враги большевизма, сделавшие ставку исключительно на немцев, не верившие в силы нашего народа.

3. Убежденные и последовательные враги большевизма, пострадавшие от него, видевшие цель своей жизни в мести большевикам; ослепленные чувством мести, они приносили и вред освободительно-му делу, мстя всем, вплоть до бывших комсомольцев.

4. Люди, работавшие в самоуправлениях и полиции не по убеждениям, а по необходимости, чтобы не умереть с голоду.

5. Карьеристы, лишённые политических убеждений, а часто и переоценившие свои убеждения, бывшие коммунисты, увидевшие, что большевизм не сегодня-завтра рухнет — и перешедшие на эту сторону баррикад, чтобы не полететь вместе с большевизмом в пропасть. Деятели, принадлежавшие к этой категории, были католиками больше, чем сам Папа, были нацистами больше, чем сами нацисты, чаще, чем сами немцы, поднимали правую руку и щелкали каблуками, громче, чем сами немцы, восхваляли фюрера. Потолок мечтаний и надежд людей такого сорта не поднимался выше места бургомистра или начальника полиции в будущих немецких колониях «восточных областей». Впрочем, среди них встречались субъекты и с большими аппетитами, метившие, ни больше ни меньше, как в гауляйтеры⁴² «дес Русляндс».

6. В полицию проникло большое количество людей с уголовным прошлым. Вполне понятно, что такие «полицейские» не могли вызвать у населения ничего, кроме враждебности.

И в самоуправлении, и в полиции действовали большевистские агенты, прикрывавшиеся масками непримиримых антибольшевиков и германофилов. Вот они-то громче всех кричали: «Хайль Гитлер» и убеждали немцев в своей преданности фюреру.

На собрании районного управления по поводу празднования 1 мая бургомистр одного из районов Орловской области У. поднял тост: «за нашу новую родину Великогерманию, за нашу столицу Берлин». Бургомистра вскоре убили. По одной версии, убили его сами немцы, установив, что он является большевистским агентом, по другой — его убили русские антибольшевики как немецкого лакея, принесшего немало зла русскому населению.

Действительно, трудно было разобраться, где кончался беспринципный карьерист, служивший немцам не за страх, а за совесть, и где начинался большевистский агент, надевший маску верного слуги «фюрера Адольфа Гитлера».

Пропаганда. Печать

Антибольшевистскую пропаганду среди населения в занятых областях вести было и легко, и трудно. Легко, потому что антибольшевистски настроенное население прислушивалось к антибольшевистской пропаганде. Трудно, потому что наша пропаганда не содержала ничего положительного и строилась только на голом отрицании большевизма. Пропаганда не могла ничего сказать о будущем России, зато немцы ее обязывали говорить о них как об освободителях.

Истинные антибольшевики стремились параллельно с официальной линией пропаганды проводить свою линию, национально-русскую.

Пропаганда велась под наблюдением немецких цензоров. Первые же шаги в ней сделали сами немцы. Первые попытки немцев вести пропаганду собственными силами носили убогий характер. На стенах и заборах в занятых городах возвышались тогда рядом с приказами, каждый пункт которых кончался словами: «Карается смертью», воззвания к «местному населению», производившие на население самое тягостное впечатление, ибо эти «воззвания» очень напоминали висевшие рядом приказы.

Немецкая пропаганда, тесно связанная с немецкой политикой, имела две основные, весьма примитивные линии:

1. Германская армия освободила русский народ.
2. Во всех страданиях русского народа виноваты евреи.

В немецкой пропаганде не было ничего позитивного. О будущем России пропаганда вообще ничего не говорила. Не употреблялся и сам термин — Россия. Не имела немецкая пропаганда и серьезных основ для успешной критики большевизма, для успешной идеологической борьбы с ним. Примитивность немцев в проблеме антибольшевистской пропаганды особенно ярко выразилась в листовках, которые в первые месяцы войны писались самими немцами.

Перед русскими антибольшевиками, работавшими в пропаганде, стояли с трудом преодолеваемые преграды.

Пропаганду негативную, основанную только на — «против большевизма», проводили успешно, в пропаганде положительной ничего ясного, отвечающего интересам народа, сказать не могли.

Характер самой пропаганды и методы ведения ее определялись тем, что работники пропаганды (редакторы газет, журналисты, докладчики и лекторы) прошли 25-летнюю школу жизни под гнетом большевистского режима, знали его, умели находить слабые места, по которым ожесточенно били.

Несомненно, работники пропаганды, хотя и убежденные антибольшевики, находились под влиянием системы большевистской

пропаганды. Использовали уже знакомые методы. Однако все время искали новые методы, новые пути. В худшем случае, антибольшевистская пропаганда по методам своим являлась большевистской наоборот, в лучшем случае, находили новые методы, новые приемы, отличные от стандартных приемов, усвоенных большевистскими пропагандистами.

Всю антибольшевистскую пропаганду в годы войны можно разделить на три периода:

1. До открытого письма А.А. Власова, опубликованного в первых числах марта 1943 года⁴³.

2. От момента опубликования письма до образования КОНРа⁴⁴.

3. После образования КОНРа до капитуляции Германии.

В первом периоде вся пропаганда строилась на негативных основах, на голом отрицании большевизма. Сотрудничая с немцами, русские антибольшевики стремились, однако, к максимальной «русификации» пропаганды и проведению в пропаганде своей, национально-русской линии. Немцы и те беспринципные карьеристы, которые стремились быть немцами больше самих немцев, всячески препятствовали проведению этой линии в пропаганде.

Основные направления пропаганды первого периода определялись следующими положениями:

1. Большевизм — враг русского народа и других народов России. Идеологический гнет большевизма. Террор и насилие. Ежовщина. Насильственная коллективизация и раскулачивание. Рабский труд в концлагерях. Стахановщина и эксплуатация рабочих.

2. Евреи — главная движущая сила большевистской революции. Евреям принадлежала и принадлежит власть в СССР. (Немцы требовали, чтобы антисемитизм пронизывал всю пропаганду. Русские антибольшевики противились этому.)

3. Большевизм — явление интернациональное. Большевизм не может эволюционировать, не может измениться к лучшему. Пропаганда указывала на интернациональное значение большевизма, вопреки официальным заявлениям Розенберга и других идеологов нацизма, связывающих большевизм только с русским народом.

4. Большевистский строй, расшатанный войной, находится на краю пропасти. Победы большевиков носят временный характер. Материальное положение в СССР исключительно тяжелое. Страна не может выдержать долгой, затяжной войны.

5. Большевики творят невиданные зверства в занятых ими областях. На улицах и площадях русских городов — виселицы. Тысячи арестованных, расстрелянных, сосланных в концлагеря. Поддерживать эту линию в пропаганде давали возможность сами большевики:

перебежчики, действительно, приносили сведения о терроре НКВД, о зверствах, о расстрелах и виселицах.

6. Идеологическая основа большевизма — марксизм, учение ненависти и крови, учение интернациональное, перенесенное в Россию извне. Вопросам критики марксизма того времени уделялось недостаточно внимания, главным образом, потому, что пропагандный аппарат испытывал недостаток квалифицированных публицистических сил.

7. Народ всегда вел борьбу против большевизма. Однако условия большевистской диктатуры препятствовали свержению большевизма без войны.

Таковы были основные направления антибольшевистской пропаганды в занятых немцами областях в первый период, до опубликования открытого письма А.А. Власова.

Второй период, после опубликования письма, характеризуется появлением в пропаганде некоторых позитивных положений: вот теперь мы своими силами будем бороться, своими силами строить после войны новую Россию.

«Россия наша. Прошлое России наше. Будущее России тоже наше», — эти заключительные слова открытого письма не раз цитировались в газетах, вызывая широкий отклик среди населения.

После открытого письма Власова в занятых немцами областях прокатилась волна патриотического подъема, лишней раз указывавшая на наличие глубинных антибольшевистских настроений в народе.

Патриотический подъем начался еще раньше, когда появились слухи о смоленской декларации Власова — Малышкина⁴⁵. Письмо вновь всколыхнуло его. Но после того как за письмом не последовало никаких действий, никаких реальных событий — подъем сменился разочарованием.

Те, кто занимался пропагандой — редакторы и сотрудники газет, лекторы и докладчики — оказались в тяжелом положении. Власов есть, но о Власове нечего сказать. Время от времени газеты напоминали населению: «Не все погибло. Есть Власов». И только. Известий о Власове ждали с тревогой и нетерпением.

Во втором периоде сохранились почти все негативные направления первого периода. Я говорю почти все, потому что нотки антисемитизма стали звучать значительно слабее. Ряд газет и журналистов вообще не касались этой темы.

Третий период в пропаганде развивался с конца 1944 года вне пределов России. Он был связан с образованием Комитета освобождения народов России. К этому времени твердые антибольшевистские настроения сохранили только добровольно ушедшие от большевиков. В лагерях военнопленных и лагерях «остарбайтеров» многие ждали

Красную армию. Проявление антибольшевистских настроений, которые, однако, не исчезли совсем, вызывало резкие протесты пробольшевистски настроенных.

И тем не менее известие об образовании КОНР`а вызвало новый патриотический, антибольшевистский подъем. В течение одного дня КОНР получил 60 тысяч заявлений из лагерей военнопленных о вступлении в РОА⁴⁶.

Пропаганда сразу взяла высокие тона. Заговорили о России, о ее величии. О будущей независимой, свободной России. Последовавшие за образованием КОНРа события, лучше сказать, снова отсутствие всяких событий, реальных действий — снова вызвали глубокое разочарование. Снова пропаганда повисла в воздухе.

Вот список (неполный) газет и журналов, издававшихся в занятых немцами областях СССР на русском языке:

1. «Северное слово», Ревель.
2. «Русский вестник», Рига.
3. «Двинский вестник», Двинск.
4. «За Родину», Псков — Рига.
5. «Новый путь», Рига. Журнал.
6. «За Родину», Дно.
7. «Новый путь», Калуга.
8. «Новое время», Вязьма.
9. «Новый путь», Витебск.
10. «Новый путь», Орша.
11. «Новый путь», Борисов.
12. «Новый путь», Могилев.
13. «Новый путь», Гомель.
14. «Новый путь», Клинцы.
15. «Новый путь», Бобруйск.
16. «Новый путь», Смоленск.
17. «Колокол», Смоленск.
18. «За свободу», Смоленск.
19. «На переломе», Смоленск.
20. «Бич», Смоленск. Сатирический журнал.
21. «Речь», Орел, Бобруйск.
22. «На страже Родины», Бобруйск.
23. «Жало», Орел, Бобруйск.
24. «Дмитровская газета», Дмитровск.
25. «Слово».
26. «Новая жизнь».
27. «Голос народа», Локоть, Лепель.
28. «Новый путь», Курск.
29. «Курские известия», Курск.

30. «Голос Ростова», Ростов.
31. «Руть», Минск.
32. «Плуг и меч», Минск.
33. «Эхо Приазовья», Мариуполь.
34. «Наш путь», Херсон.
35. «Голос Крыма», Симферополь.
36. «Последние известия», Киев.
37. «Одесса», Одесса.
38. «Одесская газета», Одесса.
39. «Молва», Одесса.

Вся печать была создана людьми новыми, в газетном деле неопытными. Ведь 90% редакторов впервые сели за редакционные столы, 75% журналистов впервые начали писать.

Общий уровень газет, конечно, не отвечал тем требованиям, которые предъявляли к печати, к газете читатели. Из общей серой массы газет выделялись такие газеты, как «Голос Крыма», проводивший последовательнее и ярче других национально-русскую линию, смоленский «Новый путь», помещавший нередко яркие материалы опытных журналистов, киевские «Последние известия», псковская «За Родину» и др.

Ежедневные газеты представляли собой редкое исключение. Согласно немецким предписаниям, газеты выходили не чаще трех раз в неделю, небольшого формата, небольшими тиражами. Один из самых крупных тиражей (100–120 тысяч) имела орловская «Речь». Газет не хватало. В некоторые районы газеты совсем не попадали. Отдельные, случайно появившиеся номера, продавали за большие деньги. Зачитывали не до дыр, а до лоскутков.

На Украине лучшей газетой, пожалуй, была «Днепропетровская газета», стоявшая на непримиримых антибольшевистских позициях, меньше, чем другие газеты, зависевшая от немцев, свободная от влияния шовинистических галицийских элементов.

Каково же было содержание газет? Передо мной лежит номер газеты «Речь» от 18 июля 1943 года, последний номер, вышедший в Орле: через два дня началась общая эвакуация города.

Вот содержание этого номера. На первой странице: передовая «Русское освободительное движение», заканчивающаяся словами: «Большевизм будет уничтожен. Русский народ будет жить, новая Россия будет построена»; сводка верховного командования немецкой армии, над нею шапка: «Огромные потери большевиков. За два дня уничтожено 866 танков и 119 самолетов». Начинается сводка стандартной для того времени фразой: «На Восточном фронте продолжаются сильные бои». Корреспонденция из Винницы под общим

заголовком: «Украинская Катынь»; заметки: «Германские поставки Финляндии», «Делегация турецких офицеров на Восточном фронте», «Самолет Сикорского доставлен на берег».

На второй странице: статья «Сталин, его клика и народ», в которой автор рассматривает проблему борьбы нашего народа против большевизма и, в частности, сообщает о ряде покушений на Сталина и других вождей большевизма; ряд заметок под общим заголовком: «Япония становится сильнее»; краткие сообщения и письмо из Германии от девушки, уехавшей туда на работу, своим родителям, живущим в Орле.

На третьей странице: очерк «Из мрачного прошлого», рисующий трагические дни насильственной коллективизации; статья директора Орловского драматического театра о годовщине работы театра; корреспонденции из Брянска — «Первая выставка картин художников Брянского уезда», «Открытие брянской библиотеки», из Бежицы — «На родной земле», «Выпускной вечер», «Новая церковь» и др.; «Обзор прессы освобожденных областей».

На четвертой странице: «Оповещение» немецкого командования о порядке прохождения регистрации молодежи для набора рабочей силы в Германию; заметка «Борьба с сыпным тифом»; объявление о сборе книг для РОА, стихотворения, объявления театров, расписание радиопередач орловского радиоузла.

В редакции «Речи», помещавшейся в трех небольших комнатах, работало 6–7 человек: редактор, его заместитель, три сотрудника, в том числе корректор, машинистка и переводчик.

С таким скромным штатом делалась газета для целой области, газета со стотысячным тиражом.

Книги в занятых областях почти не издавались. Исключение составляет смоленское издательство, выпустившее повесть С. Широкова⁴⁷ «В сумерках» и сборник его стихов «Млечный путь», рассказ Р. Березова «Клоун»⁴⁸. В Риге вышла книга стихов С. Есенина. В больших количествах распространялись различные политические брошюры, которые выпускались и местными издательствами, и берлинскими.

Первые брошюры, такие как «Что дала советская власть народу?», «Что должен знать каждый?», — были примитивны по содержанию, написаны плохим русским языком. Затем появился еще ряд анонимных брошюр: «Каторжный социализм», «К новой жизни», «Я враг советской власти», «По новому пути», «Как сталинская шайка угнетала народ», «Что будет после».

Если в «Каторжном социализме» читатель находил интересные данные о рабовладельческой концлагерной системе, то брошюра «Что будет после», в которой автор пытался от критики больше-

визма перейти к обрисовке каких-то контуров будущего, не могла вызвать ничего, кроме недоумения и горького разочарования: собственно говоря, из брошюры трудно было узнать, что «будет после». Пресловутый «новый порядок» рисовался в довольно неясных, мрачных контурах.

Затем появились брошюры, на обложках которых указывались и авторы, например, «Ад на земле» В. Шмарова.

Брошюры бывшего немецкого коммуниста, долго жившего в СССР, К. Альбрехта⁴⁹ «Власть Сталина», «В подвалах ГПУ», Н. Москвича⁵⁰ «Неминуемый крах советской экономики», читались уже с большим интересом.

Наибольший же интерес вызвали две книги: воспоминания полковника В. Мальцева⁵¹ «В подвалах ГПУ» и сборник очерков Ивана Иванова «Это и есть большевизм»⁵².

Из Берлина присылалось много плакатов, рисованных и немецкими, и русскими художниками. Кисти немецких художников принадлежали такие пропагандные шедевры, как «Новая Европа под сенью немецкого орла, или Что будет после». Немецкий орел «на после» — перспектива, которая могла только усилить антинемецкие настроения. И усиливала!

Уничтожение большевиками при отступлении продовольственных запасов, взрывы и поджоги жилых зданий и заводов вызвали повсеместно возмущение населения. Печать наша немало об этом писала. На эту же тему появилось несколько плакатов.

Вот один из них. Внизу, на плакате — горящие города и села. Над ними — фигура Сталина. Глаза вытаращены от ужаса, горящий факел выпал из рук: рука со свастикой держит Сталина за ворот.

На плакате надпись:

«Программа Сталина — убийцы и поджигателя! Уничтожить ваши запасы, чтобы обречь вас на голодную смерть.

Поджечь ваши города и села, чтобы лишить вас крова.

Уничтожить ваши фабрики и заводы, чтобы лишить вас заработка и хлеба.

Разрушить дороги и мосты, чтобы лишить ваши города подвоза продуктов.

Такова программа преступника Сталина».

В 1943 году, когда немцы сами перед отступлением начали взрывать не взорванные большевиками заводы и фабрики, жечь несожженные города, такие плакаты больше не появлялись.

Вот еще один плакат: «Берегись!» По человеческим телам мчится колесница смерти. Оскалившиеся зубы взбесившихся черных коней, мелькают в воздухе окровавленные копыта. Нечеловеческой злобой и нечеловеческим страхом перед грядущим перекошено лицо воз-

ницы — Сталина. А сзади, над ним, несутся в клубах дыма и пламени оскаленные морды: Ленин, Каганович, Дзержинский, Троцкий, Свердлов...⁵³

Пропаганда, предназначенная для советского тыла, находилась почти исключительно в руках немцев. Особенно в 1941 и 1942 гг. русские антибольшевики редко принимали участие в составлении листовок. Даже в 1944 году «зондерфюреры»⁵⁴ обращались к красноармейцам с такими воззваниями:

«Красноармеец, наступает весна, тебя ждет земля. Втыкай штык в землю и иди к себе домой, в Тамбовскую губернию».

Что, кроме искреннего смеха, могла вызвать у красноармейцев такая листовка?

Там, где в работе над пропагандными материалами принимали участие русские антибольшевики, такая листовка вряд ли могла появиться.

На среднем участке фронта, в Бобруйске, издавалась газета, по внешнему виду (заголовок, шрифты, формат газеты и т.д.) являвшаяся полной копией советской фронтовой газеты «За Родину». Газету делал бывший батальонный комиссар Красной армии, журналист по профессии. Газета сбрасывалась на советские позиции и тылы с самолетов. По рассказам перебежчиков, газета производила исключительное действие. Если ее обнаруживали у красноармейца, то расстреливали на месте. Был приказ — сдавать «фашистскую фальшивку» в Особые отделы, не читая ее.

Добровольцы и РОА

Пара добрых коней вынесла нас на высокий открытый бугор, и в ту самую минуту снизу, из-за реки, донеслась автоматная очередь.

Я инстинктивно пригнул голову. Один из моих спутников, унтер-офицер Н-ского добровольческого батальона, улыбнулся:

— Не бойтесь. Зря бьет: далеко уж очень.

— Откуда же он стреляет? — спросил я, всматриваясь в туманную даль разлившейся Десны.

— А вот смотрите вправо, где несколько деревьев отдельно стоят, — сказал унтер-офицер, подавая мне бинокль и указывая рукой на далекий лес по ту сторону реки.

Мы ехали по высокому левому берегу Десны. Правый, луговой, до самого леса на горизонте, и лес залила высокая полая вода.

Между соснами, стоящими на опушке залитого водой леса, я рассмотрел замаскированную ветвями лодку. Там находился партизанский наблюдательный пост. Оттуда и дали по нас автоматную очередь.

По правому берегу проходила граница партизанских районов. На левом берегу, до самого Трубчевска, стояли гарнизоны добровольческие батальоны.

Но и здесь часто появлялись партизаны. Недаром унтер-офицер, которого я после нашего короткого знакомства называю просто Сергеем Митрофановичем, перед отъездом так внимательно проверил свой автомат, недаром всю дорогу мне упиралась в бок сумка с гранатами. У другого моего спутника, солдата, который правит лошадьми, — на коленях тоже автомат. Вооружен и я, штатский человек: неудобный и тяжелый наган оттягивает правый карман пальто. Я его оставил на поясе, под пальто, а Сергей Митрофанович сказал наставительно:

— Там он вам без пользы будет. В карман положите.

— А что, разве здесь тоже бывают? — поинтересовался я.

— Береженого Бог бережет, — уклончиво ответил Сергей Митрофанович и посоветовал:

— От вашего нагана пользы мало. Возьмите вот еще винтовку. Если что — винтовка не подведет.

Взял я винтовку.

Если не считать бесцельной стрельбы из-за реки, миновали опасный район благополучно. Как потом мне рассказывали в батальоне, мы проезжали через лес, по которому пролегал «большая партизанская дорога»: проходили часто разведывательные группы партизан.

Сергей Митрофанович сразу расположил меня к себе. Хорошее русское лицо, глаза добрые, крестьянские. Не идет Сергею Митрофановичу военная форма, да еще немецкая. Да он и не был никогда военным. За винтовку взялся, только когда немцы пришли.

— Большевиков бить, — поясняет он. — всю жизнь думал о том, когда можно будет за них взяться по-настоящему.

Сергей Митрофанович — крестьянин. В 1930 году отца его посадили как «подкулачника» за выступление на собрании против колхоза. Отец погиб в ссылке. Мать умерла от голода. Сам он, тогда еще молодой двадцатидвухлетний парень, уехал в Сибирь. Работал в Орске на строительстве. Получил квалификацию каменщика. Изъездил всю страну. Когда началась война, пустился на Запад, «немца встречать». Тут его в армию взяли. Но воевать долго не стал.

— Не за что воевать было, нечего защищать, — говорит Сергей Митрофанович.

Солдат кивает головой:

— Правильно, не Иоську же защищать?

Он — бывший тракторист. Тоже был в армии.

— Ну а как немцы? — спрашиваю я.

— Сволочи! — говорит коротко солдат.

Сергей Митрофанович рассказывает:

— Я не могу их понять. Почему они хотят все сами сделать? Славой своей, что ли, поделиться не желают. Да ведь и славы особой уже нет. Вон где были в прошлом году, на Волге, а сейчас что? Под Севском фронт. Так нет, и теперь все сами. Не дают нам развернуться. Вот здесь даже, в батальонах: шагу не дают ступить. Вмешиваются в распоряжения командиров, путаются под ногами. Только в бою и чувствуешь себя самостоятельно: в бой немцы не любят ходить, да еще против партизан. Ну и боится немец партизан! Послушайте, когда они разговаривают между собою. Только и слышишь: «Партизанен, партизанен». Ну, а партизаны зато боятся наших добровольцев. Редко выдерживают бой. Понимают, что быются с нами не за правое дело, Сталина от гибели спасают.

А что у вас там нового, в газетах что пишут? Скоро Власова признают? У нас тут поговаривают, что скоро в подчинение к нему пойдём. Верно это? Скорее бы. А то ведь разобьют большевики немцев. Самим им не справиться. Если сейчас русскую армию не создадут — все погибло. У нас паренек один с фронта приезжал. В «зондеркоманде» он в какой-то, на ту сторону ходит. Так говорит, что очень там сейчас плохо. Голод страшный. Ничего нет. Население оборванное, мужчин всех под метлу гребут. «Все для фронта!» Ну и дают немца массой. А немец уже воевать хуже стал. Как только отступление, так немец кричит: «Аллес капут». Ему уже кажется, что все кончено, проиграли. Но я вам с ручательством говорю: десяток наших дивизий сейчас на фронт... Как рванули бы — так до Москвы! А немец уже выдохся. Теперь ему вперед не идти. Да он и сам это понимает. А вот нам все-таки не дает развернуться. Я иногда думаю, что у немцев тоже измена может быть. Кто-то сознательно тормозит, кто-то уговаривает Гитлера не создавать русской армии, потому что русская армия — для Сталина смерть.

Уже стало темнеть, когда показалась деревня — цель нашей поездки. Солдат ударил по лошадям и запел высоким чистым тенором:

Бьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза...⁵⁵

— Стой, кто такие? — раздался внезапно резкий окрик из-за бункера, который я принял сначала за кучу хвороста, вышли двое вооруженных винтовками и гранатами солдат. У нас проверили документы и пропустили.

Такие же замаскированные бункеры стояли вокруг всей деревни, превращенной в военный лагерь. Деревня напоминала осажденную крепость. Вокруг нее — бункеры. Часть крайних изб тоже превращена в бункеры. С высокой деревянной вышки, крытой соломой (прямо, как во времена татарщины!), часовые осматривают окрестности.

Только вместо луков и мечей вооружены они автоматами и пулеметами. После наступления темноты хождение по единственной деревенской улице прекращалось.

Но жизнь все-таки текла своим чередом. Молодежь собиралась вместе с солдатами на вечеринки, женщины вязали, мужчины обсуждали на сходках у старосты, как им придется в этом году сеять. Сеять собирались с оружием в руках: иначе партизаны не дадут. Офицеры читали «Речь» и «Зарю», спорили, пили немецкий шнапс и русский самогон, который, по мнению знатоков, не уступал лучшему шнапсу. Пили все — и помногу: такое уж время было проклятое.

В тот же вечер я прочитал роте доклад «Большевизм — враг русского народа». После доклада, как обычно, задавали вопросы. Спрашивали только об одном: о Власове, о судьбах Освободительного движения. Что я мог сказать, кроме общих фраз? О том же продолжался разговор в избе, где жили офицеры и где я остановился на ночлег. Говорили до утра. Двое офицеров, только что вернувшиеся из Берлина, рассказывали о школе РОА в Дабендорфе⁵⁶. Здесь я впервые увидел немецкий журнал «Унтерменш», привезенный лейтенантом Машковым.

— Вот, — говорит он дрожащим от негодования голосом, — вот посмотрите, что они делают, как изображают русского человека, какую ненависть в своем народе стремятся поднять против нас. Все погубят: и себя, и нас. Что у них вообще происходит? Правая рука не знает, что делает левая. Зимой приезжал к нам сюда генерал Бернгард, командующий тыловой областью⁵⁷. С речью к нам обратился: вы, говорит, наши союзники, мы вместе должны идти против большевизма — и вашего, и нашего врага. А приезжаю в Берлин — мне «Унтерменш» в Дабендорфе показывают.

А хорошо там, в школе пропагандистов, — говорит лейтенант. — Вот где немцев кроют! Не стесняются. Там есть преподаватель Зайцев⁵⁸. Вот кроет! Да так только и можно, иначе ничего не добьемся. По морде прямо надо! А то ведь погубят, если уже не погубили.

Лейтенант рассказал, что в Дабендорф съезжаются офицеры со всего фронта, что некоторые приезжают туда с пробольшевистскими настроениями, другие, наоборот, с пронемецкими, а уезжают все горячими русскими патриотами, убежденными антибольшевиками.

— Такая там атмосфера. Захватывает человека. Я теперь больше надеюсь на нашу победу, именно на нашу, русскую, а не немецкую. Вот когда Андрей Андреевич добьется возможности армию свою формировать — тогда пойдет дело! — заканчивает лейтенант.

Проговорили всю ночь. Только под самое утро я прилег на приготовленную мне постель из сена, покрытого серым солдатским одеялом. В 9 часов мы двинулись с Сергеем Митрофановичем в даль-

нейший путь, до следующего села-крепости, через лес, где, как пел наш третий спутник: «До смерти четыре шага»...

Добровольческие воинские формирования существовали на тыловых территориях всех немецких армий, хотя верховное немецкое командование противилось участию в войне самостоятельных русских воинских формирований. Не раз Гитлер издавал приказы, подтверждающие его принципиальную установку: русских только во вспомогательные команды.

Однако командующие армиями частично с ведома верховного командования, частично на собственный страх и риск создали многочисленные формирования, которые действовали в тылах по борьбе с партизанами, стояли на охране коммуникаций, складов, мостов и т.д.

Только в тыловых районах одной армии, 2-й танковой, по Десне и Днепру, где мне пришлось побывать в апреле 1943 года, стояло 16 стрелковых добровольческих батальонов.

Я побывал во многих селах и деревнях укрепленного района на правом берегу Десны: в Красном Роге, Саврасовке, Утах, Колодном, Уруче, Ивановском, Монастырище, Фомине, Мансуровке, Плюскове.

Встречи и длительные беседы с офицерами и солдатами убедили меня в том, что большинство из них — русские патриоты, что сражаются они здесь, в дремучих Брянских лесах, не за немцев, к которым все без исключения относились с нескрываемой неприязнью и даже с ненавистью, а только против большевизма.

Добровольческие соединения не крупнее батальона, иногда полки, стали создаваться еще в середине 1942 года.

Немцы относились к попыткам русских создать свою военную силу с большой осторожностью, далеко не все немецкие военачальники пошли навстречу русским антибольшевикам.

Постепенно число таких соединений все росло. После опубликования Открытого письма А.А. Власова в марте 1943 года вместе с патриотическим подъемом в оккупированных областях усилился приток добровольцев в воинские части.

Вообще развитие Русского освободительного движения характеризуется периодами спада и подъема патриотизма и надежд на победоносный для русского народа исход войны, с которым связывалось, во-первых, крушение большевизма и, во-вторых, построение свободной независимой России. И то, и другое связывали именно с Освободительным движением. В победу одного немецкого оружия уже не верили, да и не ждали ничего хорошего от этой победы. В Освободительное же движение верили твердо, верили, что русский народ, получивший в руки оружие, освободит Россию сам.

Первые сведения о Власове, ставшем потом символом Движения, появились в конце 1942 года. В декабре 1942 или в январе 1943 года из Болховского района Орловской области к нам в Орел привезли Декларацию Русского комитета, подписанную генерал-лейтенантом А.А. Власовым, председателем Комитета, и генерал-майором В.Ф. Малышкиным, секретарем Комитета. Рядом с подписями стояла дата:

«12 декабря 1942 г., Смоленск».

Декларация, получившая потом наименование Смоленской, призывала народ к свержению сталинской тирании и освобождению России.

В 13 пунктах Декларации указывались основные положения построения новой России. А именно: установление полного равенства всех народов России и создание новой государственности, социальные и экономические мероприятия, направленные на поднятие благосостояния народа, ликвидация колхозов и передача земли крестьянам, ликвидация принудительного труда на фабриках и заводах, свобода творчества интеллигенции, гарантия неприкосновенности личности, освобождение политических заключенных.

Никаких официальных сообщений ни о Декларации, ни о самом Комитете не последовало. Только в некоторых газетах занятых областей промелькнули статьи и заметки с сообщениями о создании Комитета.

Слухи тем не менее росли и ширились: «Создается русское правительство», «Формируется армия»...

Никаких подтверждений слухи не получили. За подъемом наступило разочарование, упадок духа.

В марте 1943 года появилось Открытое письмо Власова.

Снова, как и Смоленская декларация, письмо вызвало волну патриотического подъема. Письмо обсуждали в редакциях газет, в учреждениях, в воинских частях. Разбирали его по строчкам, повторяли последние его слова: «Россия — наша. Прошлое России — наше. Будущее России — тоже наше».

Однако раздавались и другие голоса, указывающие на то, что Власов — бывший коммунист, что он верой и правдой служил большевизму много лет. «Почему мы должны ему подчиняться?» Часть таких голосов принадлежала людям, искренне не желающим подчиняться бывшему коммунисту, не желающим признавать его вождем.

Вторая часть голосов принадлежала различным местным «вождям» и «руководителям», которые считали только себя пригодными для роли возглавителей освободительной борьбы.

Наконец, против Власова и Движения начала упорную работу большевистская агентура, не только распространявшая различные провокационные слухи — то о переходе Власова к большевикам, то об его аресте и расстреле немцами, — но и не без успеха доказывавшая немцам в различных рапортах и докладных записках в различные немецкие инстанции военного ведомства, гестапо, пропаганду, что бывший коммунист и генерал не может возглавить Движение, что формирование Русской освободительной армии — чрезвычайно рискованный шаг, что русские пропитаны большевизмом, что эта армия откроет большевикам фронт и т.д. и т.п. Большевистская агентура по прямой, конечно, директиве из Кремля, делала все, чтобы затормозить развитие Движения, предотвратить положительное решение немцами русского вопроса, предотвратить формирование армии.

Весной 1943 года Власов совершил поездку по северо-западным областям России, побывал в Смоленске, Пскове, Гатчине, Дне, выступал на собраниях в городах и селах, в воинских частях, говорил о том, что волновало всех, — о России и ее освобождении.

Солдаты добровольческих отрядов, интеллигенты, крестьяне и рабочие тепло встречали человека, ранее неизвестного, но ставшего сейчас для них своим, близким. Имя Власова стало символом. Но не потому, что это был именно Власов. Мог быть и любой другой генерал. А потому, что Власов олицетворял Движение.

Население Дновского района обратилось к Власову с письмом, прочитанном на большом собрании, в котором говорилось: «Мы, представители населения Дновского района, приветствуем Вас как основателя Русской освободительной армии и верим, что час избавления России от большевистского ига наступит, и заверяем Вас, генерал Власов, что мы всеми силами поддержим Вас в общем нашем деле и все возьмемся за оружие для спасения России».

На первой конференции военнопленных генерал Малышкин сделал доклад об основах Освободительного движения. Вскоре он же выступает в Париже на собрании русской эмиграции со словами, прозвучавшими пророчески и предупреждающе: «Россия может быть побеждена только Россией. Большевизм, по нашему мнению, разбить вооруженными силами извне чрезвычайно трудно, можно произвести еще несколько ударов, очень чувствительных ударов, можно одержать еще несколько побед, но окончательно уничтожить большевизм без идеологического участия самого русского народа — это представляется нам невозможным».

В том же своем докладе генерал Малышкин сказал: «Мы верим в то, что Россия, целостная национальная Россия восторжествует, будет жить — и за это мы готовы отдать свою жизнь»⁵⁹.

О выступлении Малышкина в Париже в занятых областях стало известно из газеты «Парижский вестник»⁶⁰, отдельные номера которого завозились в Россию от офицеров и солдат, возвращавшихся из Дабендорфа. В местных газетах о докладах Малышкина не появилось никаких сообщений. О докладе на первой конференции военнопленных подробный отчет дали «Доброволец» и «Заря»⁶¹, о докладе в Париже только «Парижский вестник».

Несмотря на все препятствия, чинимые немцами, Движение продолжает развиваться, вовлекая в свою орбиту новые кадры военных, все большее число людей — работники самоуправлений, различных хозяйственных организаций, печати, полиции, отрядов самообороны и т.д. начинают считать себя участниками Освободительного движения.

«Освободительное движение, — писала одна из русских газет, — должно объединить всех, кто своим трудом участвует в общей борьбе.

... Движение за освобождение нашей родины от ига большевиков принимает все более и более общенародный характер».

Действительно, миллионы людей чувствовали себя участниками Движения.

Весной 1944 года в нескольких городах открылись вербовочные пункты в РОА. Поражение немцев становилось все очевиднее, но на пункты пришло немало добровольцев.

Б.В. Каминский

Мнение о том, что под большевистским гнетом не может родиться никаких новых политических ростков, никаких идеалов, несомненно, преувеличивает тлетворное влияние большевизма на человеческое сознание. Политические идеалы не всегда, может быть, принимают реальные формы, но они есть. Стремление человека к свободе, к праву и к справедливости неистребимо. И чем сильнее большевистский гнет, тем сильнее и ярче это стремление.

Поиски реальных идеалов, воплощенных в пункты политических программ, затруднены, во-первых, условиями тоталитарного режима, во-вторых, отсутствием положительного примера.

Что знает россиянин сегодняшнего дня? Старшее поколение помнит и знает прошлое, добольшевистскую Россию. Знает о нем хорошее, но и плохое.

Запад закрыт наглухо от взоров нашего народа. О Западе народ слышит только одно плохое. Знакомство с Европой сыграло немалую роль. Народ убедился в том, что большевики лгут, что на Западе трудящийся живет не хуже, а значительно лучше трудящегося СССР.

Но и только. Социально-политический строй Запада тоже не представляется современному россиянину идеальным.

Обстановка в занятых немцами областях никак не способствовала становлению политических организаций, разработке программ. Немецкие власти препятствовали всяким попыткам политического общения и объединения антибольшевиков, хотя и не преследовали открыто такие попытки.

В Орле, например, весной 1943 года появился некий Н. — бывший политический заключенный советских концлагерей, который пытался создать какую-то антибольшевистскую партию, написал проект программы этой партии, довольно путаный, но не лишенный интереса, как документ того времени, как документ, написанный рукой советского человека, только что вырвавшегося из-под идеологического большевистского гнета.

Интересны тезисы к программе партии, которая возглавлялась потом Б.В. Каминским⁶², написанные его предшественником, основателем этой партии и первым начальником Локотского округа⁶³ инженером Воскобойником⁶⁴, бывшим политзаключенным.

Те, кто знал Воскобойника, вспоминают о нем, как о человеке большого ума и чистой души. Рассказывают, что он зажигал людей своей верой в светлое будущее послебольшевистской России. Погиб Воскобойник в одной из операций против партизан.

Тезисы Воскобойника, как и другие проекты «программ», появились в занятых немцами областях — и на них не мог не сказаться дух того времени, однако с фашистскими программно-идеологическими «установками» они имели общее только в одном: в отрицании капитализма.

Мне рассказывали в Брянске, что Воскобойник свои тезисы написал на основании подпольной брошюры, которую он видел в концлагере, брошюры, изданной эмигрантской антибольшевистской организацией. Подтверждения этому рассказу я больше не находил.

Место погибшего Воскобойника занял Бронислав Владиславович Каминский, поляк по происхождению, но, по всем свидетельствам, убежденный русский патриот, антибольшевик. Каминский тоже политзаключенный, просидевший много лет в советских концлагерях. Война застала его в Орловской области, на одном из сахарных заводов, где он работал инженером.

Каминский принял от Воскобойника только что организовавшуюся военную часть и Локотский округ, на территории которого власть принадлежала только русскому самоуправлению. По договоренности с немецким командованием, немцы не вмешивались в управление округом, получая лишь с него причитающиеся военные поставки.

Материально население жило в Локотском округе лучше, чем во всех остальных, занятых немцами областях. Местное самоуправление всячески поощряло частную инициативу в развитии различных кустарных промыслов. В округе открылось несколько школ. Был даже свой драматический театр.

В середине 1943 года бригада Каминского, действовавшая против партизан, насчитывала до 10 000 человек. Во время летнего наступления Красной армии, когда фронт приблизился к границам Локотского округа, часть бригады принимала участие в боях против регулярных частей Красной армии. Каминцы показали себя умелыми солдатами.

Бригада Каминского была хорошо вооружена, хорошо обмундирована, что нельзя сказать про некоторые полицейские формирования. Например, в Могилеве мне пришлось наблюдать любопытную картину. Начальник областной полиции полковник Савостеев делал смотр школе полиции. В задних рядах выстроившихся перед ним курсантов несколько человек стояли... босиком.

Начальник тут же учинил разгром начальнику школы.

Начальник оправдывался:

— На складе ни одной пары сапог. Писал немцам несколько раз. Все обещают прислать...

Присутствующие немцы были смущены не меньше самого начальника школы. Взбешенный Савостеев сел на лошадь и уехал.

У Каминского такого случая вообще не могло быть.

Личность самого Каминского представляет несомненный интерес. В нем наблюдалась некоторая двойственность. С одной стороны, это был человек большого личного мужества и храбрости, с другой стороны, истерик. Человек, несомненно, одаренный, хороший организатор и талантливый военачальник, он не знал, однако, чувства меры. Ему, например, говорили, что он, Бронислав Владиславович Каминский — вождь новой России, и это льстило его самолюбию. В местном театре не начинался спектакль, пока он не приезжал. Каминский входил — весь зал вставал. Только после этого поднимался занавес. Местная газета «Голос народа», выходящая под девизом «Все для народа. Все через народ», посвятила целый номер Б.В. Каминскому в день его сорокалетия, весной 1943 года.

Несмотря на наличие в отрядах Каминского элементов вольницы, в них была твердая военная дисциплина. Каминцы не допускали грабежей населения, защищали население не только от партизан, но и от немцев. Дисциплина в бригаде основывалась еще и на духе братства — и между солдатами, и между солдатами и офицерами.

Солдаты любили своих командиров, как старших товарищей по борьбе. Достаточно назвать таких командиров, как ставшего почти

легендарным за свою храбрость и умелое командование полковника Белая или майора Хомутова.

Их знали не только солдаты, их знало население далеко за пределами Локотского округа.

В 1944 году бригада Каминского была переброшена в Белоруссию, в Лепель. С бригадой ушли все местные самоуправления, часть населения. Затем бригада перешла в район Лиды.

Чтобы дополнить далеко недостаточную характеристику Каминского (пусть это сделают те из его соратников, которые его знали лично), я должен рассказать о беседе Каминского с эсесовским генералом, требовавшим, чтобы Каминский бросил свою бригаду на подавление Варшавского восстания.

Каминский, скрестив руки на груди, ответил эсесовцу: «Господин генерал, во-первых, я по происхождению поляк, во-вторых, я русский патриот. Я и мои солдаты борются только против большевизма, за свободу России. Польские повстанцы борются за свободу своей Родины. Я не могу участвовать в борьбе против них».

Вскоре после этого Каминского убили⁶⁵.

Переводчик Каминского, офицер его бригады, рассказавший мне об этой беседе, говорил, что он смотрел на Каминского с восхищением. В нем не было и тени рисовки. Он знал, чем рискует. Он рисковал своей головой. Не всякий в то время способен был на такой ответ эсесовцу.

НТС

Сергея Г. я видел несколько раз на сцене Орловского городского театра. Он лихо танцевал «русскую» в ансамбле песни и пляски, пел, конферировал. Как он появился в Орле, никто толком не знал. Он говорил, что родом из Москвы, был в плену (каблуками он, действительно, щелкал, как заправский лейтенант), показывал и какие-то бумаги. Его любили в ансамбле за веселый нрав, за хорошие песни о России.

Я познакомился с Сергеем весной 1943 года. В небольшой хорошей компании. Говорили... о чем могли говорить тогда? — о войне, о немцах, о большевиках... Сергей рассказывал о борьбе нашего народа против большевизма, о покушениях на Сталина. Об одном из названных им случаев покушения я знал. Рассказы Сергея настолько заинтересовали меня, что я попросил его разрешения записать все рассказанное, спросил, не был ли он связан с антисоветскими организациями в России. Что-то в его рассказах, однако, показалось мне странным. Он чего-то недоговаривал.

Уже через полгода в Бобруйске, когда Сергей не был уже танцором ансамбля песни и пляски, когда я его узнал ближе, а вместе с ним и его друзей, мы посмеялись, вспомнив наше первое знакомство. Мне тогда действительно показалось странным, что еще совсем молодой человек знает так хорошо о таких интересных событиях, о которых я, например, почти ничего не знал, ему же показались подозрительными мои чересчур настойчивые вопросы и чересчур, как он говорил, внимательный взгляд: меня он тогда считал «немецким наймитом».

Так состоялось мое первое знакомство с членом Национально-трудового союза⁶⁶.

Я знаю людей, которые до сих пор не верят, что Сергей — «старый эмигрант», всю жизнь проживший в Праге, никогда до войны, кроме как в раннем детстве, не видевший Россию.

Это первая замечательная черта многих членов НТС, пришедших в Россию: они почти ничем не отличались от нас, вся жизнь которых прошла на Родине. Сумели они, пришедшие к нам, не порвать за границей связи с Родиной, сумели жить ее жизнью.

Вполне понятно, что мы, русские, антибольшевики, сознававшие, что немцы несут России не освобождение, а новые цепи, не могли удовлетвориться ни «декларацией» Центральной Белорусской Рады⁶⁷, ни программой Каминского.

Мы искали путей и возможностей создания своей, русской силы. Пришедшие к нам из эмиграции члены НТС называли потом такую русскую силу «третьей силой». Дело не в названии, а в том, что идея такой самостоятельной русской силы роилась во многих местах. Образовывались группы интеллигенции, обсуждавшие возможности создания русской организации, совершенно независимой от немцев. Такие группы людей, может быть, даже не отдававшие себе отчета в том, что они составляют уже какой-то эмбрион организации, появились в ряде городов. На Севере организовался подпольный Союз национальной русской молодежи, который целиком вошел в НТС.

Во время войны большевики забросили в немецкий тыл немало партизан и подпольщиков, главным образом, молодежь. В Ленинграде для подпольной работы в немецком тылу вербовалась студенческая молодежь. За осень 1941 года и в 1942 году было переброшено несколько парашютных отрядов, состоящих преимущественно из студентов.

Среди ленинградского студенчества наблюдались наиболее сильные, ярко выраженные антисоветские настроения. И как раз студенты-антибольшевики пошли в парашютные отряды, чтобы таким путем перейти к немцам. Один из таких отрядов, перебив нескольких коммунистов, которые являлись негласным оком НКВД, перешел в районе

Пскова к немцам. В том же составе отряд, превратившись в добровольческую антибольшевистскую часть, бил потом партизан.

В Юрьеве (Дерпте) в отряд попала брошюра И.А. Ильина «Основы национального мировоззрения»⁶⁸, изданная Национально-трудовым союзом (тогда — Национально-трудовой союз нового поколения). На основании этой брошюры составили конспект-программу нового строя. Послали гонца для связи с подпольным центром НТС. Связь установили — и весь отряд вошел в НТС. Позже, когда немцы производили массовые аресты членов НТС, возглавление отряда тоже попало в концлагерь.

Рождению в отряде идеи формирования самостоятельной российской антибольшевистской силы способствовали две встречи. Первая встреча — с бывшим командиром Красной армии, сдавшимся в 1941 году в плен, попавшим в немецкий лагерь военнопленных и бежавшим из лагеря. Командир этот потом вступил в отряд. Его рассказы показали подлинное лицо немцев, врагов России. Вторая встреча, собственно даже не с человеком, а с человеческим документом, убедила молодых антибольшевиков, что и на той стороне сражаются не только приверженцы большевизма, что и на той стороне, даже в рядах партизан, немало таких, как они сами, врагов Сталина.

В одной из операций против партизан отряд окружил и разгромил большую партизанскую часть и захватил пленных. Партизаны не успели унести, что они всегда делали, своих убитых. Среди убитых нашли тело командира разгромленной партизанской части Василия Косых, тоже бывшего студента. В его военно-полевой сумке вместе с картами и военными документами обнаружили дневники, из которых узнали, что Косых был убежденным антибольшевиком. Не за Сталина сражался командир партизанского отряда Косых, а за Россию, против немцев. За Россию сражались и те, кто разбил его отряд, за Россию, но не за немцев.

К 1943 году члены НТС, пришедшие в Россию, как говорили тогда, по «зеленой дорожке», т.е. нелегально, часто рискуя немецким концлагерем и жизнью, создали многочисленные группы Союза в десятках городов, от Гатчины до Одессы.

Организация находилась в глубоком подполье и не могла вести широкой работы среди населения. Условия конспирации требовали большой осторожности в подходе к людям, часто тратились месяцы, прежде чем нового человека вводили в организацию. Но тем не менее организация росла непрерывно. Особенно интенсивно союзные группы начали действовать ко второй половине 1943 года, во время немецкого отступления.

Фронт откатывался все дальше на Запад. Шансы на победу немцев все падали, летом же 1944 года, когда рухнул весь Белорусский

фронт и Красная армия в течение нескольких дней очистила всю Белоруссию, даже самые уверенные оптимисты потеряли веру в силу немецкого оружия. Оставалась одна надежда — Освободительное движение. Но о нем ничего не было слышно.

В это время, с начала 1943 до второй половины 1944 г., перед союзными группами (я пишу на основании своих личных воспоминаний) стояла основная задача: создание подполья НТС в занятых Красной армией областях. Оставляли в подполье людей, склады литературы, шапирографы⁶⁹, пишущие машинки. Оставались, главным образом, новые члены НТС, знавшие местные условия.

Летом 1943 года немцы произвели одновременно в нескольких городах аресты членов НТС. Только в Брянске, Клинцах и еще в двух-трех мелких городах им удалось захватить более 30 человек. В районе Брянска аресты производил один из многочисленных немецких «зондерштабов», расквартированных в Гомеле. Арестовывали бывшие советские парашютисты, перешедшие на работу в немецкую контрразведку.

В Гомеле арестованные подвергались многочасовым допросам, избиению. Судя по характеру допросов, вопрос о ликвидации всех уже был решен, причем решался он, по всей вероятности, не только в гестапо, но и в НКВД. Один из следователей намекнул, что с «изменниками Родины» может быть только один разговор: к стенке! Потом, когда большинству, благодаря исключительно счастливым обстоятельствам, удалось вырваться, подтвердились предположения о том, что самое активное участие в арестах принимали большевистские агенты, работавшие в органах немецкой разведки и контрразведки, и гестапо. В ликвидации самостоятельной антибольшевистской и анти-немецкой силы были заинтересованы как немцы, так и большевики.

Эта сила устояла. Вышла из борьбы выросшей, окрепшей.

На Запад

«Когда же на запад умчался туман,
Урочный свой путь совершал караван»⁷⁰... —

декламирует, сидя на маленьком чемоданчике, бывший батальонный комиссар Красной армии, а теперь талантливый журналист-антибольшевик, прекрасный оратор, выступавший не раз на больших собраниях с горячими обличительными речами против большевиков, мой хороший приятель.

Поезд идет на запад. Вагон мерно покачивается. В раскрытую настежь дверь (едем мы в товарном поезде) ветер заносит запах сосно-

вого леса — последнюю прощальную весть с Родины. Скоро Минск, а за ним старая граница. Прощай, Россия!

В нашем вагоне человек двадцать, все русские. У всех одно желание: чтобы поезд шел как можно скорее, чтобы не останавливался, чтобы не случилось чего-нибудь в дороге... Позади катится вал фронта. По пятам, за передовыми частями, сражающимися с немцами, идут те, кто воюет только против своего народа.

Поезд, замедляя ход, идет мимо какой-то маленькой станции.

— Что такое, базар, что ли? — изумляется комиссар, перестав декламировать, высовывается из вагона.

Мы все подходим к двери. Вся привокзальная площадь забита подводами, нагруженными домашним скарбом. На подводах женщины, дети, добровольцы из отрядов, простые крестьяне. Многие мужчины вооружены. На одной подводе видим пулемет. Прямо времена Гражданской войны! Налево по шоссе, насколько хватает глаз, — подводы, подводы, подводы. Направо, за станицей, — деревянный мост через неширокую реку. Там и образовался затор.

Железнодорожный мост, по которому медленно проходит наш поезд, только что восстановлен, после того как его взорвали партизаны. Но вот мост позади. Наш поезд снова набирает скорость.

— Прямо вся Россия уходит, — говорит комиссар. — Такого я не видел в 1941 году. Отступала армия. Бежали коммунисты. Но сейчас крестьянин уходит...

— Многие и остаются, — замечает кто-то из нас.

— Остаются, конечно, — подхватывает комиссар. — Трудно ведь Родину покидать...

Поезд идет все дальше, на запад.

«О, русская земля, ты уже за холмом»⁷¹...

Примечания

¹ Согласно секретному протоколу, прилагавшемуся к пакту Молотова – Риббентропа (23 августа 1939 г.), Латвия, Эстония и восточные области Польши включались в сферу интересов СССР. В результате вторжения советских войск в Польшу в сентябре 1939 г. территории к востоку от рек Западный Буг и Сан общей площадью 196 тыс. кв. км с населением 13 млн человек были присоединены к Украинской ССР и Белорусской ССР. Согласно секретным протоколам к договору о дружбе и границе между СССР и Германией от 28 сентября 1939 г., захват Германией Люблинского и Варшавского воеводств, входивших в сферу интересов СССР, компенсировался переходом в сферу интересов СССР Литвы. В июне 1940 г. в прибалтийские страны были введены советские войска и были сформированы дружественные СССР правительства, в июле новые парламенты трех стран проголосовали за вхождение в состав СССР.

² В апреле–мае 1941 г. были призваны 793 тыс. резервистов для пополнения войск западных военных округов почти до штатов военного времени.

³ Видимо, ошибка памяти мемуариста, и речь идет о знаменитом сообщении ТАСС от 13 июня 1941 г., опубликованном в «Правде» и «Известиях» 14 июня: «Еще до приезда английского посла в СССР г-на Криппса в Лондон, особенно же после его приезда, в английской и вообще в иностранной печати стали муссироваться слухи о “близости войны между СССР и Германией”. По этим слухам: 1) Германия будто бы предъявила СССР претензии территориального и экономического характера, и теперь идут переговоры между Германией и СССР о заключении нового, более тесного соглашения между ними; 2) СССР будто бы отклонил эти претензии, в связи с чем Германия стала сосредоточивать свои войска у границ СССР с целью нападения на СССР; 3) Советский Союз, в свою очередь, стал будто бы усиленно готовиться к войне с Германией и сосредоточивает войска у границ последней. Несмотря на очевидную бессмысленность этих слухов, ответственные круги в Москве все же сочли необходимым, ввиду упорного муссирования этих слухов, уполномочить ТАСС заявить, что эти слухи являются неуклюже состряпанной пропагандой враждебных СССР и Германии сил, заинтересованных в дальнейшем расширении и развязывании войны.

ТАСС заявляет, что: 1) Германия не предъявляла СССР никаких претензий и не предлагает какого-либо нового, более тесного соглашения, ввиду чего и переговоры на этот предмет не могли иметь места; 2) по данным СССР, Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся от операций на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям; 3) СССР, как это вытекает из его мирной политики, соблюдал и намерен соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении, ввиду чего слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией, являются лживыми и провокационными; 4) проводимые сейчас летние сборы запасных Красной армии и предстоящие маневры имеют своей целью не что иное, как обучение запасных и проверку работы железнодорожного аппарата, осуществляемые, как известно, каждый год, ввиду чего изображать эти мероприятия Красной армии как враждебные Германии по меньшей мере нелепо.

⁴ На самом деле слухи о дате начала войны активно циркулировали в дипломатических кругах. См., напр., телеграмму германского военно-морского атташе в Москве своему командованию от 24 апреля 1941 г.: «Циркулирующие здесь слухи говорят о якобы существующей опасности германо-советской войны, чему способствуют сообщения проезжающих через Германию. По сведениям советника итальянского посольства, британский посол называет 22 июня как дату начала войны» (Оглашению подлежит: СССР – Германия, 1939–1941: Документы и материалы / сост. Ю. Фельштинский. М., 1991. С. 322).

⁵ Никитский ботанический сад находится в 16 км от Ялты, неподалеку от поселка Никита. Основан в 1812 г.

⁶ Так в тексте. В это время польского государства уже не существовало. Возможно, имеются в виду присоединенные к СССР в 1939 г. бывшие польские территории. Внешне, по сравнению с другими гражданами СССР, они могли выглядеть как иностранцы.

⁷ Цитируется припев песни «В бой за Родину» (музыка З.Л. Компанейца, слова Л.И. Ошанина, 1939), наиболее популярной строевой песни Красной армии того времени.

⁸ Битва за Москву: 30 сентября 1941 — 20 апреля 1942 г. В начале декабря наступление немцев было остановлено и началось контрнаступление советских войск.

⁹ Жизненное пространство на Востоке (*Lebensraum im Osten*) — термин, сформулированный еще в конце XIX в., но широкое распространение получивший в национал-социалистической идеологии, фигурирует и в программной книге А. Гитлера «Моя борьба», и в плане «Ост» — проекте немецкой колонизации Восточной Европы и этнических чисток на этих территориях.

¹⁰ Имперское министерство оккупированных восточных территорий под руководством Альфреда Розенберга было учреждено указом Гитлера 17 июля 1941 г. Ему подчинялись рейхскомиссариаты «Остланд» и «Украина», планировались рейхскомиссариаты «Кавказ», «Московия» и «Туркестан». После освобождения Красной армией оккупированных советских территорий чиновники рейхскомиссариатов были эвакуированы, и министерство фактически перестало существовать.

¹¹ Машиностроительный завод им. М.И. Калинина (МЗиК) был основан как казенный оружейный завод в 1866 г. в Санкт-Петербурге, в 1918 г. был переведен в Подмоскowie и стал градообразующим предприятием г. Калининград (Королев), в 1941 г. был эвакуирован в Свердловск (Екатеринбург).

¹² Кравченко Виктор Андреевич (1905–1966) — инженер-металлург, работал на Никопольском металлургическом заводе, с мая 1942 г. — в аппарате Совнаркома РСФСР. В 1943 г. выехал в США в составе советской закупочной комиссии, в апреле 1944 г. попросил там политическое убежище. В 1946 г. выпустил книгу «I Chose Freedom» («Я выбрал свободу»), где среди прочего обличал коллективизацию и голод 1930-х гг. в СССР. Книга была переведена на 22 языка. Французская коммунистическая газета «Леттр франсэз» (*Les Lettres Françaises*) обвинила Кравченко во лжи, он подал на нее иск о клевете, результатом этого стал продолжительный судебный процесс, проходивший в Париже в 1949 г. и ставший де-факто процессом против коммунистического режима. Процесс получил широкую огласку и освещался ведущими мировыми газетами. Кравченко процесс выиграл. Хронику процесса на русском языке вела Нина Берберова, ее репортажи печатались в парижской «Русской мысли» и впоследствии вышли отдельным изданием. См.: *Берберова Н.Н. Последние и первые; Дело Кравченко*. М., 2000. Цитируемый Самариным Семен Марченко — один из свидетелей со стороны обвинения, приехал специально для дачи показаний из Германии, в которой находился на положении «перемещенного лица».

¹³ Луганск (Ворошиловград в 1935–1958, 1970–1990 гг.).

¹⁴ «Юнкерс Ю-87» или «Штука(с)» / *Stuka* (от нем. *Sturzkampfflugzeug* – «пикирующий бомбардировщик») – немецкий одномоторный двухместный пикирующий бомбардировщик и штурмовик, сконструированный в середине 1930-х гг. и широко используемый во время Второй мировой войны. Советские военные прозвали его «лаптежник» (за обтекатели шасси) и «певун» (за вой установленных на обтекателях шасси сирен).

¹⁵ Старший сын И.В. Сталина капитан Яков Иосифович Джугашвили (1907–1943) был взят в плен в июле 1941 г. Этот факт активно использовался в немецкой пропаганде.

¹⁶ 15 октября 1941 г. было принято решение об эвакуации Москвы. 16 октября немецкие войска возобновили наступление в районе Твери, Волоколамска, Боровска и Малоярославца.

¹⁷ Тимошенко Семен Константинович (1895–1970) – советский военачальник, маршал Советского Союза, в описываемое время – командующий Юго-Западным фронтом.

¹⁸ «Нива» – популярный (самый высокотиражный из всех российских журналов) иллюстрированный журнал с рядом бесплатных приложений, издававшийся в Санкт-Петербурге в сер. XIX – нач. XX в.

¹⁹ Левитан Юрий Борисович (1914–1983) – диктор Всесоюзного радио.

²⁰ Дом Красной армии.

²¹ Клейст Пауль Людвиг Эвальд фон (1881–1954) – немецкий генерал (с 1943 г. – фельдмаршал), командующий танковой группой «Клейст» (с 1941 г. – 1-я танковая армия). В конце войны был арестован американцами, передан Югославии, а затем – СССР. Умер во Владимирской тюрьме.

²² В селе Орловка Хохольского района Воронежской области находилась и по сей день находится областная психиатрическая больница.

²³ В рамках программы Т-4 (по адресу ее координирующего бюро: Берлин, Тиргартенштрассе, 4) нацисты умерщвляли людей, которых считали «биологически угрожающими здоровью страны»: душевнобольных, умственно отсталых, инвалидов, больных наследственными заболеваниями. В 1940–1941 гг. было уничтожено свыше 70 тыс. человек; после официального закрытия программы вследствие протестов родственников убитых и католической церкви уничтожение негласно продолжалось как в Германии, так и на территории Польши, СССР и других оккупированных стран посредством отравления ядами, газом и расстрелов.

²⁴ «Новый путь» и другие словосочетания со словом «новый» часто становились названиями нацистских газет на оккупированных территориях: «Новый путь» (Смоленск, Клинцы, Калуга, Витебск и др., в общей сложности 19 газет и журналов с таким наименованием), «Новая жизнь» (Рославль, Смоленск), «Новое время» (Вязьма) и др. См. перечень газет, журналов и бюллетеней, издававшихся на оккупированных территориях в кн.: *Окорков А. Особый фронт: Немецкая пропаганда на Восточном фронте в годы Второй мировой войны*. М., 2007. С. 198–219.

²⁵ Гаманн Адольф (1885–1945) – генерал-майор германской армии, был последовательно комендантом Орла, Брянска и Бобруйска. В июне 1944 г. в

ходе операции «Багратион» был взят в плен вместе с остатками бобруйского немецкого гарнизона. В декабре 1945 г. был осужден за преступления против гражданского населения Брянска и Бобруйска и казнен через повешение.

²⁶ Бургомистр Орла А.С. Старов (наст. фам. Старых) до войны работал завхозом в Орловской областной конторе сельхозснабжения. Будучи бургомистром, возглавлял также «Главный отдел просвещения, культуры и культа»; на другие должности в управе бургомистр и его заместитель нередко назначали своих родственников; например, жена Старова ведала распределением продовольствия среди малоимущих (см.: *Ковалев Б.Н.* Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород, 2009. С. 137, 140).

²⁷ 693-я рота пропаганды. К моменту нападения Германии на СССР в войсках Восточного фронта насчитывалось 17 таких рот. В их состав входили военные журналисты, фото-, кино- и радиорепортеры, техники, обслуживающие радиоавтомобили и киноустановки, специалисты в издательском деле и полиграфии (плакаты, листовки). В 1943 г. роты пропаганды были выделены в отдельный род войск. Общая численность их составляла ок. 15 тыс. человек, одна рота, как правило, насчитывала 115 человек.

²⁸ *Wi Kdo* (*Wirtschaftskommando*) — экономическое управление.

²⁹ *Korück* — сокр. от *Kommandant des rückwärtigen Armeergebietes*, командующий (комендант) тыла армии.

³⁰ *Befehl ist befehl* — «приказ есть приказ». Этот тезис стал основой нюрнбергской защиты, утверждавшей, что подзащитные не несут ответственности за те или иные преступления, поскольку лишь выполняли приказы вышестоящих лиц.

³¹ *Untermensch* — «недочеловек», ключевой термин нацистской расовой теории и политики. Недочеловек биологически сходен с человеком (арийцем), но духовно и психологически стоит ниже животного. К недочеловекам были отнесены евреи, цыгане и славяне (особенно коммунисты — «красные недочеловеки»). Термин, по признанию А. Розенберга, был заимствован у американского ученого и журналиста, видного представителя научного расизма начала XX в. Теодора Лотропа Стодарда, написавшего книгу «Мятеж против цивилизации: Угроза недочеловека» (1922).

³² *Standortkommandantur* — гарнизонная комендатура.

³³ Генерал-полковник Рудольф Шмидт (1886–1957), с декабря 1941 г. — командующий 2-й танковой армией, в июле 1943 г. был отстранен от командования и предстал перед военным судом. Он обвинялся не в заговоре против Гитлера, а в неадекватности — критическом отношении к политике Гитлера и национал-социалистической партии (были перлюстрированы его письма), и он не погиб в застенках гестапо, а был оправдан и отправлен в резерв. В 1947 г. его арестовала советская администрация, он сидел в нескольких советских тюрьмах, пока в 1956 г. не был выдан ФРГ.

³⁴ В деревне Некрасовка находился концлагерь для гражданского населения; в здании Орловской тюрьмы размещался лагерь военнопленных, где одновременно содержалось ок. 10 тыс. человек.

³⁵ В данном случае имеются в виду крупные чиновники Министерства восточных территорий, вообще же «золотые фазаны» (goldfasanen) — пейоративное прозвище высокопоставленных членов национал-социалистической партии, обусловленное обилием золотого шитья на мундирах.

³⁶ Herrenvolk (или Herrenrasse) — «раса господ», в нацистской расовой теории — нордическая раса, призванная господствовать над низшими расами и недочеловеками.

³⁷ В начале ноября 1942 г. немцы подожгли казармы концлагеря для военнопленных № 131, располагавшегося в Бобруйской крепости, причем сделали вид, будто заключенные сами подожгли лагерь с целью побега. В лагере тогда находилось ок. 18 тыс. человек. Пытавшихся спастись от пожара охрана расстреливала. Согласно показаниям замкоменданта лагеря, причиной пожара была необходимость сократить количество заключенных, вызванная голодом в лагере и отказом командования предоставить транспорт для отправки военнопленных в Германию.

³⁸ Крамаренко Алексей Иванович (1884–1943) — в 1910–1930-х гг. главный инженер различных промышленных предприятий, с 1931 г. преподавал в вузах Каменец-Подольска и Харькова, последняя должность перед войной — профессор Харьковского технологического института. На посту бургомистра и обер-бургомистра Харькова проводил украинскую национальную политику, запрещал чиновникам говорить и писать на русском языке, покровительствовал националистически настроенным публицистам, содействовал учреждению в Харькове Украинской автокефальной церкви. Проводил выселение евреев. В августе 1942 г. был освобожден от должности, в начале 1943 г. — арестован и казнен нацистами.

³⁹ Семенов Александр Платонович (1898–1978) — харьковский адвокат, во время оккупации — заместитель обер-бургомистра Крамаренко, затем сам обер-бургомистр. Был эвакуирован в Германию, где в 1945 г. был заместителем председателя Украинского национального комитета, участвовал в формировании коллаборационистской Украинской национальной армии. После войны эмигрировал в Бразилию, в 1960 г. — в США, где работал юристом; в 1977 г. издал свои воспоминания на английском языке (Kharkiv, Kharkiv).

⁴⁰ На Западной Украине (в Галиции) во время войны оказалось особенно много националистов, ставших коллаборационистами. В Галиции действовал ряд украинских националистических организаций (Украинский центральный комитет, Украинский национальный совет и т.д.), издавалась пресса на украинском языке, транслировавшая не только антисоветские и антисемитские (против «жидобольшевизма»), но и антирусские настроения. Добровольцы из числа местных жителей сформировали девять батальонов германской полиции и стрелковую дивизию СС «Галичина».

⁴¹ Александр Севастьянов, городской голова Винницы, известен, в частности, тем, что в сентябре 1941 г. опубликовал в местной газете объявление о том, что через город будут проведены военнопленные, и призвал местных жителей принести для них продукты. И городские, и сельские жители выстроились вдоль дороги на протяжении нескольких километров с приготовленной едой. Охрана, однако, не позволила им отдать пищу; тогда военнопленные

прорвали оцепление. Охрана открыла огонь, убив не только несколько военнопленных, но и некоторых разбегавшихся в панике местных жителей. В результате местное население истолковало благие намерения городского головы как провокацию. См.: *Berkhoff Karel C. Harvest of Despair: Life and Death in Ukraine under Nazi Rule.* Cambridge, Mass.; London, 2004. P. 97–98.

⁴² Гауляйтер (*Gauleiter*) — изначально глава областной организации национал-социалистической партии, в Третьем рейхе большинство гауляйтеров были назначены одновременно имперскими наместниками и располагали почти неограниченной властью в своем округе.

⁴³ Приведем полный текст письма «Почему я стал на путь борьбы с большевизмом», опубликованного в «Заре» 3 марта 1943 г.:

«Призывая всех русских людей подниматься на борьбу против Сталина и его клики, за построение Новой России без большевиков и капиталистов, я считаю своим долгом объяснить свои действия.

Меня ничем не обидела советская власть.

Я — сын крестьянина, родился в Нижегородской губернии, учился на гроши, добился высшего образования. Я принял народную революцию, вступил в ряды Красной армии для борьбы за землю для крестьян, за лучшую жизнь для рабочего, за светлое будущее Русского народа. С тех пор моя жизнь была неразрывно связана с жизнью Красной армии. 24 года непрерывно я прослужил в ее рядах. Я прошел путь от рядового бойца до командующего армией и заместителя командующего фронтом. Я командовал ротой, батальоном, полком, дивизией, корпусом. Я был награжден орденами *Ленина*, *Красного Знамени* и медалью *XX лет РККА*. С 1930 года я был членом ВКП(б).

И вот теперь я выступаю на борьбу против большевизма и зову за собой весь народ, сыном которого я являюсь.

Почему? Этот вопрос возникает у каждого, кто прочитает мое обращение, и на него я должен дать честный ответ. В годы гражданской войны я сражался в рядах Красной армии потому, что я верил, что революция даст Русскому народу землю, свободу и счастье.

Будучи командиром Красной армии, я жил среди бойцов и командиров — русских рабочих, крестьян, интеллигенции, одетых в серые шинели. Я знал их мысли, их думы, их заботы и тяготы. Я не порывал связи с семьей, с моей деревней и знал, чем и как живет крестьянин.

И вот я увидел, что ничего из того, за что боролся русский народ в годы гражданской войны, он в результате победы большевиков не получил.

Я видел, как тяжело жилось русскому рабочему, как крестьянин был загнан насильно в колхозы, как миллионы русских людей исчезали, арестованные без суда и следствия. Я видел, что растаптывалось все русское, что на руководящие посты в стране, как и на командные посты в Красной армии, выдвигались подхалимы, люди, которым не были дороги интересы Русского народа.

Система комиссаров разлагала Красную армию. Безответственность, слежка, шпионаж делали командира игрушкой в руках партийных чиновников в гражданском костюме или военной форме.

С 1938 по 1939 г. я находился в Китае в качестве военного советника Чан Кайши. Когда я вернулся в СССР, оказалось, что за это время высший командный состав Красной армии был без всякого повода уничтожен по приказу Сталина. Многие и многие тысячи лучших командиров, включая маршалов, были арестованы и расстреляны либо заключены в концентрационные лагеря и навеки исчезли. Террор распространился не только на армию, но и на весь народ. Не было семьи, которая так или иначе избежала этой участи. Армия была ослаблена, запуганный народ с ужасом смотрел в будущее, ожидая подготавливаемой Сталиным войны.

Предвидя огромные жертвы, которые в этой войне неизбежно придется нести русскому народу, я стремился сделать все от меня зависящее для усиления Красной армии. 99-я дивизия, которой я командовал, была признана лучшей в Красной армии. Работой и постоянной заботой о порученной мне воинской части я старался заглушить чувство возмущения поступками Сталина и его клики.

И вот разразилась война. Она застала меня на посту командира 4 мех. корпуса.

Как солдат и как сын своей родины, я считал себя обязанным честно выполнить свой долг.

Мой корпус в Перемышле и Львове принял на себя удар, выдержал его и был готов перейти в наступление, но мои предложения были отвергнуты. Нерешительное, развращенное комиссарским контролем и растерянное управление фронтом привело Красную армию к ряду тяжелых поражений.

Я отводил войска к Киеву. Там я принял командование 37-й армией и трудный пост начальника гарнизона города Киева.

Я видел, что война проигрывается по двум причинам: из-за нежелания русского народа защищать большевистскую власть и созданную систему насилия и из-за безответственного руководства армией, вмешательства в ее действия больших и малых комиссаров.

В трудных условиях моя армия справилась с обороной Киева и два месяца успешно защищала столицу Украины. Однако неизлечимые болезни Красной армии сделали свое дело. Фронт был прорван на участке соседних армий. Киев был окружен. По приказу верховного командования я был должен оставить укрепленный район.

После выхода из окружения я был назначен заместителем командующего Юго-Западным направлением и затем командующим 20-й армией. Формировать 20-ю армию приходилось в труднейших условиях, когда решалась судьба Москвы. Я делал все от меня зависящее для обороны столицы страны. 20-я армия остановила наступление на Москву и затем сама перешла в наступление. Она прорвала фронт Германской армии, взяла Солнечногорск, Волоколамск, Шаховскую, Середу и др., обеспечила переход в наступление по всему Московскому участку фронта, подошла к Гжатску.

Во время решающих боев за Москву я видел, что тыл помогал фронту, но, как и боец на фронте, каждый рабочий, каждый житель в тылу делал это лишь потому, что считал, что он защищает Родину.

Ради Родины он терпел неисчислимые страдания, жертвовал всем. И не раз я отгонял от себя постоянно встававший вопрос:

да полно, Родину ли я защищаю, за Родину ли я посылаю на смерть людей? Не за большевизм ли, маскирующийся святым именем Родины, проливает кровь русский народ?

Я был назначен заместителем командующего Волховским фронтом и командующим 2-ой ударной армией. Пожалуй, нигде так не сказалось пренебрежение Сталина к жизни русских людей, как на практике 2-ой ударной армии. Управление этой армией было централизовано и сосредоточено в руках Главного Штаба. О ее действительном положении никто не знал и им не интересовался. Один приказ командования противоречил другому. Армия была обречена на верную гибель.

Бойцы и командиры неделями получали 100 и даже 50 граммов сухарей в день. Они опухали от голода, и многие уже не могли двигаться по болотам, куда завело армию непосредственное руководство Главного Командования. Но все продолжали самоотверженно биться.

Русские люди умирали героями. Но за что? За что они жертвовали жизнью? За что они должны были умирать?

Я до последней минуты оставался с бойцами и командирами армии. Нас оставалась горстка, и мы до конца выполнили свой долг солдат. Я пробился сквозь окружение в лес и около месяца скрывался в лесу и болотах. Но теперь во всем объеме встал вопрос: **следует ли дальше проливать кровь Русского народа? В интересах ли Русского народа продолжать войну? За что воюет Русский народ?**

Я ясно сознавал, что

Русский народ втянут большевизмом в войну за чуждые ему интересы англо-американских капиталистов.

Англия всегда была врагом Русского народа. Она всегда стремилась ослабить нашу Родину, нанести ей вред. Но Сталин в служении англо-американским интересам видел возможность реализовать свои планы мирового господства, и ради осуществления этих планов

он связал судьбу Русского народа с судьбой Англии, он вверг Русский народ в войну, навлек на его голову неисчислимые бедствия, и эти бедствия войны являются венцом всех тех несчастий, которые народы нашей страны терпели под властью большевиков 25 лет.

Так не будет ли преступлением и дальше проливать кровь?

Не является ли большевизм и, в частности, Сталин главным врагом Русского народа?

Не есть ли первая и святая обязанность каждого честного русского человека стать на борьбу против Сталина и его клики?

Я там, в болотах, окончательно пришел к выводу, что

мой долг заключается в том, чтобы призвать Русский народ к борьбе за свержение власти большевиков, к борьбе за мир для Русского народа, за прекращение кровопролитной, ненужной Русскому народу войны, за чужие интересы, к борьбе за создание новой России, в которой мог бы быть счастливым каждый Русский человек.

Я пришел к твердому убеждению, что задачи, стоящие перед Русским народом,

могут быть разрешены в союзе и сотрудничестве с германским народом. Интересы русского народа всегда сочетались с интересами германского народа с интересами всех народов Европы.

Высшие достижения Русского народа неразрывно связаны с теми периодами его истории, когда он связывал свою судьбу с судьбой Европы, когда он строил свою культуру, свое хозяйство, свой быт в тесном единении с народами Европы. Большевизм отгородил Русский народ непроницаемой стеной от Европы. Он стремился изолировать нашу Родину от передовых европейских стран. Во имя утопических и чуждых Русскому народу идей он готовился к войне, противопоставляя себя народам Европы.

В союзе с Германским народом Русский народ должен уничтожить эту стену ненависти и недоверия.

В союзе и сотрудничестве с Германией он должен построить новую счастливую Родину в рамках семьи равноправных и свободных народов Европы.

С этими мыслями, с этим решением в последнем бою вместе с горстью верных мне друзей я был взят в плен.

Свыше полугода я пробыл в плену. В условиях лагеря военнопленных, за его решеткой я не только не изменил своего решения, но укрепился в своих убеждениях.

На честных началах, на началах искреннего убеждения, с полным сознанием ответственности перед Родиной, народом и историей за совершаемые действия я призываю народ на борьбу, ставя перед собой задачу построения Новой России.

Как я себе представляю Новую Россию? Об этом я скажу в свое время.

История не поворачивает вспять. Не к возврату к прошлому зову я народ. Нет! Я зову его к светлому будущему, к борьбе за завершение Национальной Революции, к борьбе за создание Новой России — Родины нашего великого народа. Я зову его на путь братства и единения с народами Европы и в первую очередь на путь сотрудничества и вечной дружбы с Великим Германским народом.

Мой призыв встретил глубокое сочувствие не только в широчайших слоях военнопленных, но и в широких массах Русского народа в областях, где еще господствует большевизм. Этот сочувственный отклик русских людей, выразивших готовность грудью встать под знамена Русской Освободительной Армии, дает мне право сказать, что

я нахожусь на правильном пути, что дело, за которое я борюсь, — правое дело, дело Русского народа. В этой борьбе за наше будущее я открыто и честно становлюсь на путь союза с Германией.

Этот союз, одинаково выгодный для обоих великих народов, приведет нас к победе над темными силами большевизма, избавит нас от кабалы англо-американского капитала.

В последние месяцы Сталин, видя, что Русский народ не желает бороться за чуждые ему интернациональные задачи большевизма, внешне изменил поли-

тику в отношении русских. Он уничтожил институт комиссаров, он попытался заключить союз с продажными руководителями преследовавшейся прежде церкви, он пытается восстановить традиции старой армии. Чтобы заставить Русский народ проливать кровь за чужие интересы, Сталин вспоминает великие имена Александра Невского, Кутузова, Суворова, Минина и Пожарского. Он хочет уверить, что борется за Родину, за отечество, за Россию.

Этот жалкий и гнусный обман нужен ему лишь для того, чтобы удержаться у власти. Только слепцы могут поверить, будто Сталин отказался от принципов большевизма.

Жалкая надежда! Большевизм ничего не забыл, ни на шаг не отступил и не отступит от своей программы. Сегодня он говорит о Руси и русском только для того, чтобы с помощью русских людей добиться победы, а завтра с еще большей силой закабалить Русский народ и заставить его и дальше служить чуждым ему интересам.

Ни Сталин, ни большевики не борются за Россию.

Только в рядах антибольшевистского движения создается действительно наша Родина. Дело русских, их долг — борьба против Сталина, за мир, за Новую Россию. Россия — наша! Прошлое русского народа — наше! Будущее русского народа — наше!

Многочисленный Русский народ всегда на протяжении своей истории находил в себе силы для борьбы за свое будущее, за свою национальную независимость. Так и сейчас не погибнет Русский народ, так и сейчас он найдет в себе силы, чтобы в годину тяжелых бедствий объединиться и свергнуть ненавистное иго, объединиться и построить новое государство, в котором он найдет свое счастье.

Генерал-лейтенант А.А. ВЛАСОВ».

⁴⁴ Комитет освобождения народов России (КОНР) — комитет, созданный с целью объединения различных организаций, ставивших своей целью борьбу с большевизмом и сотрудничавших с нацистской Германией. Был образован 14 ноября 1944 г. в Праге (при поддержке Германии, но принципиально не в Германии, а в славянском городе), возглавил его генерал А.А. Власов, в состав комитета вошли видные коллаборационисты — военные и гражданские. Тогда же была принята политическая платформа комитета — Манифест Освободительного движения народов России, в котором формулировались основные цели деятельности комитета: «а) свержение сталинской тирании, освобождение народов России от большевистской системы и возвращение народам России прав, завоеванных ими в народной революции 1917 года; б) прекращение войны и заключение почетного мира с Германией; в) создание новой свободной народной государственности без большевиков и эксплуататоров». Большинство членов КОНР по окончании войны были репатриированы в СССР и казнены.

⁴⁵ Малышкин Василий Федорович (1896–1946) — генерал-майор Красной армии, в октябре 1941 г. был взят в плен, где стал сотрудничать с немцами, преподавал на курсах пропагандистов, работал в отделе пропаганды Вермахта, после образования КОНР стал членом его президиума и начальником главного организационного управления. В апреле 1945 г. вел переговоры с

американцами, был интернирован ими, впоследствии передан советским властям и казнен в Москве вместе с Власовым.

Смоленская декларация за подписью Власова и Малышкина (27 декабря 1942 г.) обращена к «бойцам и командирам Красной армии» и «призывает русских людей встать на борьбу против ненавистного большевизма, создавать партизанские освободительные отряды и повернуть оружие против угнетателей народа — Сталина и его приспешников»: «...Русские люди! Друзья и братья! Довольно проливать народную кровь! Довольно вдов и сирот! Довольно голода, подневольного труда и мучений в большевистских застенках! Вставайте на борьбу за свободу! На бой за святое дело нашей Родины! На смертный бой за счастье Русского народа! Да здравствует почетный мир с Германией, кладущий начало вечному содружеству Немецкого и Русского народов! Да здравствует Русский народ, равноправный член семьи народов Новой Европы!»

⁴⁶ РОА — Русская освободительная армия. См. примеч. 64 к «Дневнику коллаборантки» Л.Т. Осиповой.

⁴⁷ Сергей Широков — псевдоним Сергея Сергеевича Пашина, более известного под литературным псевдонимом Максимов (1916–1967). С детства писал и публиковался (в «Мурзилке», «Еже», «Смене» и др.). В 1936 г. был осужден за «антисоветскую агитацию» и 5 лет провел в лагере. Во время немецкой оккупации жил в Смоленске, где печатался в местной газете и опубликовал упоминаемые Самариным повесть и сборник стихов. В 1943 г. был отправлен в Германию, где сотрудничал с Восточным отделом министерства пропаганды и русской эмигрантской газетой «Новое слово». После войны публиковался в «Гранях», где напечатал полемизирующий с «Поднятой целиной» М. Шолохова роман «Денис Бушуев» (1949), переведенный на немецкий, английский и испанский языки и принесший ему определенную известность.

⁴⁸ Родион Березов — псевдоним писателя Родиона Михайловича Акульшина (1896–1988). Писал на темы русской деревни и природы, до войны опубликовал около 30 книг, входил в литературную группу «Перевал» (1923–1932), дружил с М. Горьким и С.А. Есениным. Воевал, попал в плен; был освобожден из лагеря военнопленных и отправлен работать в оккупационную газету «Новый путь» в Смоленске. В конце войны эвакуировался в Германию, впоследствии эмигрировал в США, поселился в Лос-Анджелесе, со временем принял баптизм и стал активным прихожанином церкви «Славянский очаг благовестия», что отразилось на его литературном творчестве.

⁴⁹ Альбрехт Карл Иванович (наст. фам. и имя Карл Маттхойз Лев) (1897–1969) — немецкий коммунист, советский и партийный деятель; по образованию лесной инженер; в 1924 г. приехал в СССР, где сделал головокружительную карьеру: стал членом Центральной контрольной комиссии ВКП(б) и Рабоче-крестьянской инспекции СССР и руководителем секции лесного хозяйства и деревообрабатывающей промышленности при Рабоче-крестьянской инспекции. Пик карьеры — должность заместителя руководителя Главного управления лесной, деревообрабатывающей, бумажной и целлюлозной промышленности СССР, позднее преобразованного в Наркомат лесной и деревообрабатывающей промышленности. Де-факто в ведении

Альбрехта находилась вся лесная промышленность СССР. В 1933 г. арестован по обвинению в шпионаже в пользу Германии и приговорен к расстрелу (суд проходил под председательством наркома внутренних дел Г.Г. Ягоды в присутствии «представителей мирового пролетариата» Х. Нойманна и Бель Куна). Однако по не вполне ясным причинам (возможно, повлияло сохраненное Альбрехтом германское гражданство), он был помилован и в апреле 1934 г. выслан в Германию. Ему позволили взять с собой двухлетнюю дочь, но не выпустили русскую жену. В Германии Альбрехт попал в гестапо, затем в концлагерь. Через несколько месяцев он был освобожден; не найдя работу в Германии, Альбрехт уехал в Турцию, затем в Швейцарию. Здесь он написал книгу «Преданный социализм» (*Der verratene Sozialismus*), вышедшую в Германии в 1938 г. и пользовавшуюся огромным успехом. Упомянутые Самаринным брошюры являются переработанными фрагментами «Преданного социализма».

⁵⁰ Возможно, псевдоним М.А. Зыкова. Зыков Мелетий (Милетий, Мелентий) Александрович (1901 или 1902[?]-1944[?]) — журналист, возможно, Мелетий Александрович Зыков — автор брошюр «С М.И. Калининым по колхозам ЦЧО» (Воронеж, 1930), «Возглавить новый подъем колхозного движения» (Свердловск, 1931), «Хохол — село колхозное» (Воронеж, 1931). В период Великой Отечественной войны призван в Красную армию, по разным данным старший политрук или батальонный комиссар, в 1942 г. попал в плен, где стал работать на отдел пропаганды вермахта. Главный интеллектуал и ведущий идеолог власовского движения, автор большинства его программных документов. Возглавлял объединенную редакцию газет «Заря», «Доброволец» и «Боевой путь», а также лично редактировал «Зарю». По некоторым данным, был похищен и расстрелян гестаповцами.

⁵¹ Мальцев Виктор Иванович (1895–1946) — полковник Красной армии, начальник Управления ВВС Сибирского военного округа, затем начальник Туркменского управления Гражданского воздушного флота. В 1938 г. был арестован НКВД по обвинению в «антисоветском военном заговоре», год находился в тюрьме, подвергался пыткам, в 1939 г. был освобожден и реабилитирован, но в авиацию не вернулся, работал в Ялте директором санатория. После оккупации Крыма сотрудничал с немцами, был бургомистром, затем мировым судьей в Ялте, издал большим тиражом (50 тыс. экз.) автобиографическую книгу «Конвейер ГПУ», в 1943 г. формировал Русскую восточную авиационную группу, в 1944 г. стал генерал-майором РОА, командующим ВВС КОНР. В апреле 1945 г. сдался американцам, был передан советским властям, казнен в Москве в 1946 г. вместе с генералом Власовым и др.

⁵² Книга вышла в 1943 г. в Берлине, в издательстве «Новое слово».

⁵³ Характерный образчик немецкой пропаганды: наряду с соратником Сталина Лазарем Моисеевичем Кагановичем (1893–1991), членом Политбюро ВКП(б) и Государственного комитета обороны, в сталинскую «упряжку» включены давно покойные Ленин, председатель ВЦИК в 1917–1919 гг. Яков Михайлович Свердлов (1885–1919), председатель ВЧК–ГПУ–ОГПУ Феликс Эдмундович Дзержинский (1877–1926) и один из лидеров большевиков, противник Сталина Лев Давидович Троцкий (1879–1940), убитый агентом НКВД по приказанию последнего.

⁵⁴ Зондерфюреры (Sonderführer) — военные чиновники без военного образования, специалисты в разных вспомогательных областях: строители, топографы, снабженцы, врачи, ветеринары, переводчики, пропагандисты.

⁵⁵ «Бьетса в тесной печурке огонь...», известная также под названием «Землянка» («В землянке») — одна из самых популярных советских песен времен войны (слова А.А. Суркова, музыка К.Я. Листова).

⁵⁶ Дабендорфская школа РОА. См. примечание 82 на с. 188.

⁵⁷ Вероятно, генерал-лейтенант Фридрих Бернгард (1888–?), командующий войсками охраны тыла 2-й танковой армии, впоследствии 9-й армии вермахта.

⁵⁸ Зайцев (Артемов) Александр Николаевич (1909–2002) — выпускник биологического факультета МГУ, аспирант АН СССР, старший лейтенант Красной армии. В августе 1941 г. попал в плен. В 1942 г. вступил в НТС (тогдашнее название — Национальный союз нового поколения, с 1943 г. — Национально-трудовой союз); примкнул к власовскому движению. Впоследствии — один из авторов Пражского манифеста, в 1946–1998 гг. член Совета НТС, в 1972–1998 гг. — его председатель.

⁵⁹ В.Ф. Малышкин выступил с докладом в Париже в зале Ваграм 24 июля 1943 г. Его выступление произвело сенсацию в «русском Париже», создав у некоторых эмигрантов иллюзию независимости «освободительного движения».

⁶⁰ «Парижский вестник» — еженедельная газета, издававшаяся нацистским Управлением делами русской эмиграции во Франции с июня 1942 по август 1944 г.

⁶¹ «Доброволец» и «Заря» — газеты Русской освободительной армии, их редакции находились в Дабендорфе.

⁶² Каминский Бронислав Владиславович (1899–1944) — русский националист и коллаборационист. Химик-технолог, член ВКП(б), в 1935 г. был исключен из партии за критику коллективизации, в 1937 г. — осужден за принадлежность к воображаемой Трудовой крестьянской партии, отбывал срок в закрытом КБ, затем был отправлен на поселение в Локоть. Во время оккупации, после образования Локотского самоуправления, был заместителем бургомистра К.П. Воскобойника, после его смерти стал обер-бургомистром Локотского самоуправления. Продолжил деятельность Воскобойника по созданию собственной партии («Национал-социалистическая трудовая партия России»), разработал устав, программу и структуру партийных органов; в партию в обязательном порядке вступили все руководящие работники Локотского самоуправления. Осенью 1942 г. стал формировать подразделения РОНА — Российской освободительной народной армии, призванной защищать Локотское самоуправление от нападений партизан. Летом 1943 г. в связи с наступлением Красной армии Каминский со своим отрядом ушел вместе с немцами в Витебскую область (Лепель), где активно боролся с партизанами. Летом 1944 г. его отряд вошел в ряды СС под названием штурмовой бригады СС РОНА, Каминский получил звание бригадефюрера, а позже — генерал-майора. В августе 1944 г. бригаду РОНА направили на подавление Варшавского восстания, после чего Каминского отдали под трибунал СС и расстреляли за неподчинение приказам и мародерство. Его бригада участво-

вала в подавлении Словацкого восстания, а потом была расформирована, частично войдя в состав РОА.

⁶³ Локотский округ — административное образование на оккупированных территориях Орловской и Курской областей, просуществовавшее с ноября 1941 г. по август 1943 г. Отличие Локотского округа от других оккупированных областей состояло в том, что власть в нем принадлежала не немецким комендатурам, а русской администрации. По распоряжению штаба 2-й танковой армии вермахта, немецким властям запрещалось вмешиваться во внутренние дела «Локотской волости». Сначала власть самоуправления распространялась только на Локотский район Орловской области, к лету 1942 г. Локотский округ включал в себя 8 районов, население округа составляло ок. 600 тыс. человек. Самоуправление отменило колхозы, возвратило частную собственность, восстановило церкви, создало собственные вооруженные силы (РОНА) и собственную партию (Национал-социалистическую партию России), уничтожило еврейское население. В августе 1943 г. самоуправление перестало существовать, так как немцы отступили и 30 тыс. человек, включая РОНА, ушли вместе с ними; в сентябре 1943 г. Локоть был взят советскими войсками.

⁶⁴ Воскобойник Константин Павлович (1895–1942) — коллаборационист, первый бургомистр Локотского округа. В 1920-х гг. участвовал в крестьянских восстаниях против большевистской власти, потом был в бегах, в 1931 г. явился с повинной, был выслан на три года в Новосибирскую область, впоследствии жил в других городах и к концу 1930-х гг. оказался в поселке Локоть. Во время войны не эвакуировался, еще до прихода немцев начал создавать местное самоуправление, немцы назначили его старостой и командиром отрядов самообороны, позднее стал бургомистром Локотского самоуправления. В январе 1942 г. убит партизанами.

⁶⁵ На самом деле бригада Каминского участвовала в подавлении Варшавского восстания, отличившись при этом особой жестокостью и мародерством. За это, а также, по-видимому, за чрезмерную самостоятельность и своеволие, Каминский был расстрелян, а бойцам его бригады было сообщено, что их командир был убит партизанами.

⁶⁶ Национально-трудовой союз (до 1943 г. — Национальный союз нового поколения). См. примечание 81 на с. 188.

⁶⁷ Белорусская центральная рада (1943–1944 гг.) — коллаборационистский орган в оккупированной немцами Белоруссии, выполнявший в основном пропагандистские и полицейские функции. После войны руководство Рады (Р.К. Островский и др.) оказалось в эмиграции, где отстаивало статус Рады как легитимного белорусского правительства в изгнании.

⁶⁸ Ильин Иван Александрович (1883–1954) — русский философ и публицист. В 1922 г. выслан из Советской России; прибыл в Германию на «философском пароходе». Странник Белого движения. Поначалу приветствовал приход Гитлера к власти, однако статьи Ильина в защиту нацизма не были оценены по достоинству, он арестовывался гестапо (видимо, по доносу кого-то из эмигрантов), в 1934 г. потерял работу. В 1938 г. эмигрировал в Швейцарию.

⁶⁹ Шапирограф — усовершенствованный гектограф, копировальный аппарат. Состоит из листа толстой пропускной бумаги, пропитанной жидким раствором из клея, воды, аммиака, сахара и глицерина, на которой отпечатывается изображение и переносится на новые носители.

⁷⁰ Строки из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Три пальмы» (1838).

⁷¹ Строки из «Слова о полку Игореве» в переводе Н.А. Заболоцкого.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Адамович Г. В. — 43, 54
Алданов М. А. — 43
Александр Невский — 313
Альбрехт К. И. (наст. имя и фам.
Карл Маттхойз Лев) — 289, 315
Амундсен Р. — 107
Андреева Т. В. — 182
Аронсон Г. Я. — 34
Арцыбашев М. П. — 21
Аскольдов С. А. (наст. фам. Алек-
сеев) — 173, 188
- Бай А. — 60
Байдалаков В. М. — 34, 37
Бакли-младший У. — 57–59
Бальмонт К. Д. — 21
Бахметев Б. А. — 45
Беднова, медицинская сестра — 98,
103, 104, 115–117, 127, 128, 130
Белай, полковник — 300
Белинский В. Г. — 204, 214, 226
Белковский (Белявский), пред-
приниматель, инженер — 135,
138, 154
Белый А. (наст. фам. и имя Бугаев
Борис Николаевич) — 122, 183
Белявский — см. Белковский
Беляев А. Р. — 29, 108, 182
Берберова Н. Н. — 306
Бердяев Н. А. — 25
Березов Р. (наст. фам. и имя
Акульшин Родион Михайло-
вич) — 288, 315
Беркхофф К. (*Berkhoff K.*) — 5, 6,
309
Бернгард Ф. — 293, 317
Бернев С. К. — 187
Блок А. А. — 122, 180, 183
Богатырчук Ф. П. — 15
Болотников Б. — 61
Ботвинник М. М. — 15
Боярский В. И. — 185
- Брауэр П. П. — 186
Бриль М. — 178
Бунин И. А. — 43
Бушман И. Н. (урожд. Сидорова-
Евсеева) — 182, 183
- В. Д. — см. Самарин В. Д.
В. С. — см. Самарин В. Д.
В. Ф. — см. Панова В. Ф.
Вайнер А. (*Weiner A.*) — 5
Варламов А. Е. — 182
Вахтин Б. В. — 179
Вернер И. — 186
Виола Л. — 8
Власов А. А. — 5, 6, 15, 19, 22, 48,
61, 153, 155, 164, 168, 171, 174,
176, 185, 284, 285, 292–296, 314,
316, 318
Ворошилов К. Е. — 72, 179
Воскобойник К. П. — 298, 317, 318
- Гаманн А. — 264, 307
Геббельс Й. — 21, 37, 40, 48, 56, 185
Гете И. В. фон — 113, 122
Гитлер А. — 11, 21, 26, 29, 35, 41, 56,
61, 69, 233, 237, 240, 247, 261,
265–267, 282, 292, 294, 306, 308,
319
Гладков Ф. В. — 25
Глазунов, коллаборационист —
183
Глинка М. И. — 105
Гоголь Н. В. — 21, 186
Горький М. — 181, 315
Горячев, врач — 286
Готшалк И. — 186
Громан, военнослужащий
вермахта — 30, 123, 124, 127
Громан, русский генерал — 30, 123
Гувер Д. Э. — 55
Гудериан Х. В. — 37
Гудзенко С. П. — 44

Давыдов, переводчик — 91–93,
108–110, 124, 125
Далин Д. Ю. — 43, 45
Даллин А. (*Dallin A.*) — 45, 55
Двинов Б. Л. — 34, 35
Джексон Р. — 56
Джугашвили Я. И. — 307
Джугашвили-Сталин — см.
Сталин И. В.
Держинский Ф. Э. — 29, 316
Диккенс Ч. — 70, 123, 178
Достоевский Ф. М. — 21, 89
Доцкий, переводчик — 139, 146,
148, 149, 151, 156–158
Драйзер Т. — 211, 226

Евтушенко Е. А. — 45
Ежов Н. И. — 179
Екатерина I — 176
Екатерина II — 178
Екимова, учительница — 212, 213
Елизавета Петровна,
императрица — 176
Ермолов И. — 16
Ершов, житель Пушкина — 90
Есенин С. А. — 288, 315

Жирумская В. Б. — 7

Заболоцкий Н. А. — 319
Загорайко, секретарь райкома —
241
Задубровский О. В. — 55
Зайцев (Артемов) А. Н. — 293, 317
Зайцев Б. К. — 43, 48, 54
Зыков М. А. — 289, 360

Иван Грозный — 111
Иванов В. И. — 122, 183
Иванов Г. В. — 43
Иванов И. — 289
Иванов Н. М. — 187
Иванова В. Н. (урожд.
Оттенберг) — 184
Иванова, студентка — 210

Иванов-Разумник (наст. имя и
фам. Разумник Васильевич
Иванов) — 80, 82, 114, 115, 119,
122, 123, 125, 179, 180, 182–184
Ивановы-Разумники — 78, 104,
114, 124, 184
Ильин И. А. — 302, 319

Каганович Л. М. — 290, 316
Камерон Ч. — 186
Каминский Б. В. — 297–301, 317,
318
Каракатенко А. Г. — см. Свободин
И.
Карцев А. Н. — 107
Катаев В. П. — 25
Керенский А. Ф. — 43, 186
Килпатрик У. Х. — 224
Кирилловская Н. М. — 56
Киров С. М. — 179
Клевер О. Ю. — 90, 182
Клевер Ю. Ю. — 90, 182
Клейст П. Л. Э. фон — 255, 307
Климашевский, парторг — 65
Клопфен, немецкий офицер — 128
Ковалев Б. Н. — 38, 187, 308
Колчак А. В. — 198, 225
Колька — см. Поляков Н. Н.
Кольцов М. Е. — 25
Коля см. — Поляков Н. Н.
Компанеец З. Л. — 306
Коржевой В. — 241
Корнст, следователь СД — 167
Коровин, доктор — 99, 104, 109,
115
Косых В. — 302
Кравич О. — см. Осипова Л. Т.
Кравич О., автор поэтического
сборника — 17
Кравченко В. А. — 241, 306
Крамаренко А. И. — 277, 309
Краснов П. Н. — 155, 186
Кригер Е. Г. — 204, 226
Кринько Е. Ф. — 5
Криппс С. — 305
Крылов В. И. — 216, 217

Кукушкина Т. — 8
Кун Б. — 315
Куромия Х. (*Куромия Н.*) — 5
Куртуа С. — 7
Кутузов М. И. — 247, 313

Лавров А. В. — 180
Лавров М. А. — 107
Лафонтен Ж. де — 184
Левитан Ю. Б. — 247, 307
Ленин В. И. — 12, 203, 290, 316
Лермонтов М. Ю. — 319
Лида — см. Осипова Л. Т.
Лидочка — см. Осипова Л. Т.
Линд Д. — 186
Липа — см. Осипова Л. Т.
Листов К. Я. — 316
Ломагин Н. А. — 35, 36
Лоти П. (наст. имя и фам.
Жюльен Вио) — 146, 185
Люттов Т. — см. Поляков Н. Н.

Маклаков Б. — 21
Максимов С. С. — см. Широков С.
Мальшкин В. Ф. — 285, 295–297,
314, 317
Мальцев В. И. — 289
Мансуров П. М. — 183
Мануйлов, начальник полиции в
Пушкине — 96, 97, 99
Маньков [Георгий] (отец
А. Г. Манькова) — 12
Маньков А. Г. — 11–14, 16
Маркс К. — 71
Марченко С. Н. — 306
Машков, лейтенант — 293
Менелас А. А. — 178
Микулинский И. С. — 37
Минаев В. — 177
Минин К. — 247, 313
Михалков С. В. — 25
Мозли Ф. — 45
Молотов В. М. — 11, 233, 244, 304
Москвич Н. — см. Зыков М. А.
Н. Ф. — см. Панова В. Ф.

Надточий, дворничиха
в Пушкине — 111, 112
Нароков (Марченко)
(*Нароков Н. В.*) Н. В. — 43–45,
48, 54
Некрасов Н. А. — 197
Никифоров Б. — 21
Николаевский Б. — см. Николаев-
ский Б. И.
Николаевский Б. И. — 34, 43
Николай — см. Поляков Н. Н.
Николай Иванович — см.
Поляков Н. Н.
Николай Николаевич — см.
Поляков Н. Н.
Нина Федоровна — см.
Панова В. Ф.
Нойманн Х. — 315

о. Василий, знакомый Осиповых
по Пушкину — 125
о. Федор, гатчинский священ-
ник — 171
Огородников, профессор — 207
Огороков А. В. — 19, 307
Октан (Ильинич) М. — 38, 56
Олейников, горноспасатель — 241
Оленхович Д. — 186
Осипов Н. (*Осипов Н.*) — см. По-
ляков Н. Н.
Осипов Н. И. — см. Поляков Н. Н.
Осипова Л. — см. Осипова Л. Т.
Осипова Л. Т. — 16–36, 42, 47, 61,
63, 101, 113, 178–183, 188, 300,
315
Осипова-Полякова Лидия — см.
Осипова Л. Т.
Осиповы — см. Осипова Л. Т., По-
ляков Н. Н.
Островский Р. К. — 318
Ошанин Л. И. — 306

Павел I — 186
Падеревская, врач — 98, 103, 104
Пак, капитан

- Панова В. Ф. — 28, 30, 31, 67, 76,
77, 83, 84, 86, 87, 90, 177–182
- Петен Ф. — 4, 6
- Петров А. (наст. фам. и имя Лебедев Федор Тарасович) — 186
- Петров И. — 35
- Петрова, учительница — 216
- Пирожкова В. А. — 14–16, 19,
22–24, 31, 178, 187, 188
- Пирожковы — 23
- Плавт Тит Макций — 183
- Подлевский, коллаборационист — 183
- Пожарский Д. М., кн. — 247, 313
- Полевой Б. Н. — 25
- Полчанинов Р.* — 187
- Поляков Н. Н. — 8–10, 16–19, 21–
25, 28–30, 33, 42, 51, 67, 70, 72,
76–80, 83, 86–89, 91–95, 97–99,
101–107, 110, 111, 113, 114, 117–
121, 122, 123, 125, 127–132, 134,
135, 137–140, 145, 146, 150–153,
155, 157, 158, 160–163, 165–175,
178, 180, 181, 188
- Полякова О. Г. — см.
Осипова Л. Т.
- Полякова-Осипова-Кравич — см.
Осипова Л. Т.
- Поляков-Осипов — см.
Поляков Н. Н.
- Поляковы — см. Поляков Н. Н.,
Осипова Л. Т.
- Поляковы-Осиповы — см.
Поляков Н. Н., Осипова Л. Т.
- Пономарев В. С. — 21
- Поплюйко А.* — 18
- Попов, доктор — 157
- Пришвин М. М. — 10
- Пряднишников Б. В. — 24, 34, 37,
41–43
- Путинцев А. М. — 207, 226
- Раевская-Хьюз Ольга* — 183
- Разумник Васильевич — см.
Иванов-Разумник
- Разумники — см. Ивановы-
Разумники
- Райхель (Рейхель), сотрудник
СД — 124, 167, 183
- Раннит Т. О. — 60
- Растрелли Б. Ф. — 176
- Редлих Р. Н. — 25
- Резник С. — 56
- Рейган Р. — 58, 59
- Розенберг А. — 176, 188, 240, 269,
271, 284, 306, 308
- Романов Е. Р. — 35
- Романов П. С. — 21
- Савостеев, начальник областной
полиции — 299
- Салтыков-Щедрин М. Е. — 180
- Самарин В. Д. — 14, 16, 36–61, 116,
220, 225, 226, 306, 315, 316
- Самарин Вл. — см. Самарин В. Д.
- Самарин Ю. Ф. — 38
- Сахаров А. Н.* — 7
- Сахнин А. Я. — 55, 56
- Свердлов Я. М. — 290, 316
- Свободин И. (наст. имя и фам.
предположительно Аркадий
Георгиевич Каракатенко) —
169, 187
- Севастьянов Александр — 280, 309
- Семененко А. П. — 277, 309
- Семиряга М. И.* — 5, 7
- Сергунин И. И. — 187
- Синклер Э. — 211, 226
- Слуцкая В. К. — 184
- Сметт Мария, де — 188
- Соколов В. Д. — см. Самарин В. Д.
- Соколов П. П. — 184
- Соколов-Самарин В. Д. — см.
Самарин В. Д.
- Соловьев С. М. — 14
- Соломонов В. А.* — 182
- Солоневич И. Л. — 150, 185
- Сперанские, знакомые
Осиповых — 76, 177

- Сперанская-младшая Н. В. — 67, 69–71, 77, 83, 90, 177, 178
- Сперанская-старшая Н. В. — 86, 90, 177
- Сталин И. В. — 10, 26, 27, 29, 35, 39, 50, 61, 203, 218, 225, 230, 232, 235–237, 240, 245, 247, 248, 262, 265, 266, 282, 288, 289, 290, 292, 300, 302, 307, 310–314, 316
- Старов А. С. (наст. фам. Старых) — 264, 277, 308
- Старосельский А. В. — 179
- Стенрос (Стенросс) (наст. фам. Макриди) А. Г. — 170, 186, 187
- Стодард Т. Л. — 308
- Суворов А. В. — 247, 313
- Сурков А. А. — 316
- Тимошенко С. К. — 247, 307
- Тихомиров, коллаборационист — 138
- Толстой А. Н. — 8, 29, 30, 76, 83, 84, 101, 179
- Толстой И. Н. — 62
- Трайтин И.* — 177
- Трикдан А. А. — 138, 139, 157
- Троцкий Л. Д. — 52, 290, 316
- Трумэн Г. — 55
- Трушнович А. Р. — 18, 139, 174, 184
- Трушнович Я. А.* — 18
- Тургенев И. С. — 56
- Тэлбот С. — 58
- Тэффи (наст. имя и фам. Надежда Александровна Лохвицкая) — 21
- Уильямс Р. — 62
- Утевский С. — 207
- Фадеев А. А. — 203, 225
- Фейхтвангер Л. — 211, 226
- Фельштинский Ю. Г.* — 305
- Филиппов Б. — см. Филиппов Б. А.
- Филиппов Б. А. (наст. фам. Филистинский) — 21, 22, 48
- Филистинский Б. А. — см. Филиппов Б. А.
- Фицпатрик Ш.* — 8
- Франко Ф. — 139, 184, 185
- Фурманов Д. А. — 198, 225
- Фюрст, ефрейтор — 136, 149, 152
- Хартикайнен (Хордикайнен) — 108
- Хемингуэй Э. — 211, 226
- Хомутов, майор — 300
- Хоффман Й. (*Hoffmann J.*) — 5
- Цыганов Н. Г. — 182
- Цытин В. М.* — 31, 183
- Чайковский П. И. — 145
- Чан Кайши — 310
- Чапаев В. И. — 198, 225
- Чеботарева Т. Г. — 61
- Чернов С. Н. — 108, 110, 111, 182
- Чернышевский Н. Г. — 182
- Черчилль У. — 39
- Чехов А. П. — 9, 21, 197
- Чуковский К. И. — 8
- Шапиро П. — 62, 319
- Шапорина Л. В. (*Шапорина Л. В.*) — 10, 11, 16
- Шерон Ж.* — 184
- Шиллер Ф. — 113, 122
- Широков С. (наст. имя и фам. Сергей Сергеевич Пашин; лит. псевдоним Максимов) — 43, 288, 315
- Шкуро А. П. — 155, 186
- Шмаров В. — 289
- Шмелев А. В. — 61
- Шмелев И. С. — 89, 181
- Шмидт Р. — 267, 308
- Шолохов М. А. — 25, 315
- Штрик-Штрикфельдт В. — 61
- Ягода Г. Г. — 315

Allen Ch. — 57
Andreyev C. — 5

Bennett R. — 4
Berkhoff K. — см. Беркхофф К.
Breitman R. — 55

Conway M. — 4

Dallin A. — см. Даллин А.
Deák I. — 5
Dean M. — 5

Goda N.J. W. — 55
Gross J. T. — 4, 5

Harris J. — 56
Herzstein R. E. — 37, 38, 40
Himka J.-P. — 5
Hirschfeld G. — 4
Hoffmann J. — см. Хоффман Й.

Jones J. W. — 5, 6
Judt T. — 5

Kline G. L. — 46
Kuromiya H. — см. Куромия Х.

Lippman M. — 54
Lloyd C. — 4

Marsh P. — 4

Penter T. — 5

Samarin V. — см. Самарин В. Д.
Samarin V. D. — см. Самарин В. Д.
Sokolov V. — см. Самарин В. Д.
Sokolov V. D. — см. Самарин В. Д.
Sokolov-Samarin V. — см.
Самарин В. Д.

Weiner A. — см. Вайнер А.
Werth A. — 38

Научное издание

История коллаборационизма

«СВЕРШИЛОСЬ. ПРИШЛИ НЕМЦЫ!»

**Идейный коллаборационизм в СССР
в период Великой Отечественной войны**

Ведущий редактор *Е. Ю. Кандрашина*

Редактор *Л. Г. Анохова*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Художественное оформление *А. Ю. Никулин*

Технический редактор *М. М. Ветрова*

Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*

Компьютерная верстка *Е. Н. Мартемьянова*

Корректор *Л. Я. Сехина*

Л Р № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 21.09.2012.

Формат 60х90 / 16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 20,5. Тираж 1000 экз. Заказ №

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)

117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82

Тел. 8(495)334-81-67 (дирекция)

Тел./Факс 8(495)334-82-42 (отдел реализации)

